

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА

**«ВЫЗОВ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ТОМ 2

**Материалы международной научной конференции,
1–3 апреля 2021 г.**

Санкт-Петербург
2021

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

**“CHALLENGE” IN THE EVERYDAY LIFE
OF RUSSIAN POPULATION:
HISTORY AND MODERNITY**

VOLUME 2

**Proceedings of the International scientific conference,
April 1–3, 2021**

St. Petersburg
2021

УДК 94(470):316(060.50)
ББК 63.3(2)+60.5я431

Редакционная коллегия: д-р ист. наук, проф. В. А. Веретенко (отв. ред.),
д-р ист. наук, доц. В. Н. Шайдуров,
канд. ист. наук, доц. В. О. Левашко,
А. Е. Жукова,
О. А. Семёнова

«Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность:
материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веретенко. Т. 2. – СПб.: ЛГУ
им. А. С. Пушкина, 2021. – 348 с.

ISBN 978-5-8290-1926-6 (т. 2)

ISBN 978-5-8290-1924-2

В сборнике представлены доклады международной научной конференции (1–3 апреля 2021 г.), в работе которой приняли участие ученые из Российской Федерации и зарубежья. Среди авторов – ведущие ученые, специалисты и начинающие исследователи в области истории и социальных наук.

Материалы сборника могут представлять интерес для преподавателей вузов, учителей, организаторов образования, а также для научных работников, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами истории повседневной жизни в России.

ISBN 978-5-8290-1926-6 (т. 2)
ISBN 978-5-8290-1924-2

© Авторы, 2021
© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2021

UDK 94(470):316(060.50)
BBK 63.3(2)+60.5я431

Editorial Board: V. A. Veremenko, Full Professor,
Doctor of Historical Sciences (editor-in-chief),
V. N. Shaidurov, Associate Professor,
Doctor of Historical Sciences,
V. O. Levashko, Associate Professor,
Candidate of Historical Sciences,
A. E. Zhukova
O. A. Semyonova

“Challenge” in the everyday life of Russian population: history and modernity:
proceedings of the International scientific conference / executive editor V. A. Veremenko.
Vol. 2. – St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2021. – 348 p.

ISBN 978-5-8290-1926-6 (Vol. 2)

ISBN 978-5-8290-1924-2

The collection presents the reports of the international scientific conference (April 1–3, 2021), in which scientists from the Russian Federation and abroad took part. Among the authors there are leading scientists, specialists and beginning researchers in the field of history and social sciences.

The materials of the collection can be of interest to university professors, teachers, educational providers, as well as for researchers, postgraduates, students and all those who are interested in the problems of history of everyday life in Russia.

ISBN 978-5-8290-1926-6 (Vol. 2)
ISBN 978-5-8290-1924-2

© Authors, 2021
© Pushkin Leningrad State University,
2021

Содержание

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>В.В. Карпова</i> Городские огороды как попытка решения проблем военного времени в Петрограде в 1915–1917 гг.	14
<i>А.Г. Фот</i> Деятельность православного приходского духовенства на территории Оренбургской епархии в годы Первой мировой войны	19
<i>В.О. Левашко</i> Вызов на фронт. Советские писатели на советско-финляндской войне 1939–1940 гг.	23
<i>Е.В. Дьякова</i> Развитие православия на Харьковщине в годы гитлеровской оккупации	29
<i>Д.Р. Хисамутдинов</i> Материально-бытовые условия повседневной жизни учащихся школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны	35
<i>В.С. Ешпанов</i> Воспоминания о трудовых буднях (из дневника тылового железнодорожника СССР периода Великой Отечественной войны)	40
<i>Е.А. Поправко</i> Опыт преодоления эпидемии, вызванной применением бактериологического оружия против действующей армии в период наступательных операций (на примере 65-й армии в 1944 г.)	43
<i>Д.А. Буюкли</i> Повседневность жизни православных заключенных тыловых областей Верхнего Поволжья в 1941–1945 гг.	48
<i>М.С. Зинич</i> «Социальный вызов» военного времени: инвалиды Великой Отечественной войны	54
<i>Е.И. Тарханова</i> Как отмечали праздники советские женщины во время прохождения службы на территории Демократической Республики Афганистан	59

СТОЛИЧНАЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>С.Ю. Лавренчук</i> Практика благотворительности купеческой семьи конца XIX – начала XX в. (по материалам фондов благотворительных заведений государственных архивов и отчетов благотворительных обществ Санкт-Петербурга)	64
<i>М.Ф. Ершов</i> Роль архаики в формировании психологического климата города Березова середины XIX в.	69

<i>Е.Н. Абдрахманова</i>	
Браки купцов с крестьянами в Оренбургской губернии пореформенного периода как вызов традиционному обществу	73
<i>Е.В. Бурлуцкая (Банникова)</i>	
«Лето Палермо и зима Архангельска». Климат как «вызов»	77
<i>Л.А. Дашкевич</i>	
Будни миссионера (по материалам Екатеринбургского епархиального Комитета Православного миссионерского общества)	83
<i>А.Е. Жукова</i>	
Каждый день как «вызов»: повседневность муниципальной общественной прислуги в пореформенной России	88
<i>Е.В. Годовова, А.С. Годовова</i>	
Кризис традиционных семейных ценностей в казачьих семьях в конце XIX – начале XX в.	93
<i>М.С. Суворова</i>	
Семейные ценности на страницах журнала «Друг» (1909 г.).....	98
<i>Ю.А. Кривошеева</i>	
Вызовы позднеимперского времени и общественно-политическая жизнь ярославских текстильщиц на рубеже XIX–XX вв.	101
<i>О.Н. Яхно</i>	
Способы распространения новаций в гастрономической культуре на рубеже XIX–XX вв.	106
<i>Е.И. Белова</i>	
Повседневная жизнь русского офицерства во время революции 1917 г.	110
<i>С.А. Приходько</i>	
Социально-экономическая обстановка в Новозыбкове в 1920 г. (к 100-летию победы Красной армии в европейской части Советской России)	115
<i>О.В. Козлов</i>	
Организация клубной работы на территории Западного региона РСФСР в первые годы советской власти.....	121
<i>К.А. Сидоренкова</i>	
Влияние экологического кризиса на повседневную жизнь горожан в 1970–1980-е гг. (на примере города Новодвинска)	126

«ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ» И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ

<i>Т.Ю. Шестова</i>	
Эпидемии чумы в России в XVIII – первой половине XIX в.	132
<i>А.М. Сафронова</i>	
Эпидемиологические ситуации при казенных заводах Урала в 1720–1750-е гг. и меры по недопущению их развития	135
<i>Е.П. Пирогова</i>	
Жизнь в условиях холеры 1830 г. (по письмам нижегородских дворян).....	140
<i>С.Н. Брежнева</i>	
«Холерный бунт» в Ташкенте в 1892 г.: стихийный взрыв или намеренное противодействие власти.....	145

<i>В.А. Веретенко, Л.А. Самарина</i> «Домашняя санитария» как вызов: гигиенические практики в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.....	151
<i>И.В. Синова</i> Общественная гигиена населения в городах Российской империи в конце XIX – начале XX в.....	157
<i>Ю.В. Митлина</i> «Продукты для здоровья»: реклама и реализация мясных суррогатов в Российской империи в конце XIX – начале XX в.....	161
<i>Ю.О. Куренкова</i> Медицинское обеспечение Оренбурга в первой половине 1920-х гг.....	168
<i>А.И. Ажигулова</i> Санитарное просвещение населения Южного Урала в 1920–1930-е гг.	173
<i>Р.С. Байрамов, В.В. Коровин</i> Борьба с эпидемией сыпного тифа в ходе подготовки к Курской битве	180
<i>Р.С. Колокольчикова</i> Санитарно-эпидемиологические последствия индустриального освоения Европейского Севера России в позднесоветский период	183
<i>Е.С. Богомякова</i> Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье в условиях COVID-19: постановка вопроса	189
<i>Е.Л. Яковлева</i> Жизнь в условиях пандемии: попытка экзистенциального описания	194

ДЕТИ, ОБРАЗОВАНИЕ И «ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ»

<i>В.Н. Бенда, Н.Д. Козлов</i> К вопросу о проблемах воспитания в учебных заведениях в первой половине XVIII в.	199
<i>Е.А. Калинина</i> Организация женских духовных училищ в XIX в. (на примере училища для девочек духовного звания в Олонецкой епархии)	203
<i>Е.В. Пономарев</i> Вызов революции 1905 г. и передовые учебные заведения России	208
<i>Н.К. Гуркина</i> Проблема кадрового обеспечения школ России в годы Великой Отечественной войны	214
<i>Р.Р. Хисамутдинова</i> Школьная и досуговая повседневность сельских детей в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны (на материалах воспоминаний)	220
<i>О.В. Сидорова</i> Повседневная жизнь студентов Санкт-петербургских вузов в условиях кризисных явлений 1991–1999 гг. (по материалам периодических изданий: «Санкт-Петербургский университет», «Политехник», «Лесгафтовец»)	225
<i>Л.И. Щербич</i> Коронавирусная пандемии как «вызов» системе очного образования	231

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

<i>М.С. Трегубова</i> Мужчины-дворяне в бессловном мире: эмоциональный опыт	236
<i>О.С. Мутиева</i> Обретение женщинами навыков защиты своих прав в контексте реорганизации правовой системы Дагестана (вторая половина XIX в.)	240
<i>Т.И. Сидненко, О.Р. Сиренко</i> Управленческие вызовы в формировании высшего медицинского образования женщин в России. Повседневность и модернизация.....	242
<i>В.В. Коровин</i> Миссия женщины-партизанки в условиях сопротивления оккупантам (по материалам Курской области).....	248
<i>И.В. Богдашина</i> «Доставание» продуктов питания и приготовление пищи как женская забота в нестоличном советском городе в 1950–1960-е гг.	252
<i>Н.А. Мицюк</i> Интересы государства и права женщин: модели контроля рождаемости в истории России	258
<i>Н.Л. Пушкарева</i> Два вызова российскому женскому движению в социальной памяти его активисток (конец 1980-х – 2000-е гг.).....	264
<i>С.В. Сиражудинова</i> Гендерные особенности адаптации к «вызовам»: женская активность и женская девиация (радикализация) на Северном Кавказе.....	268

«ВЫЗОВЫ» ЭТНИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>А.В. Тихонова</i> Конфликтные ситуации с участием иностранцев: картинки провинциальной жизни николаевской эпохи	272
<i>О.В. Ерохина</i> Проблема немецкого землевладения в «думских баталиях» Российской империи	278
<i>В.А. Ломанов</i> Общая характеристика положения российских немцев Новгородской губернии в период Гражданской войны 1918–1922 гг. (на основе опубликованных источников).....	283
<i>В.Н. Шайдуров</i> Цыгане СССР и землеустройство во второй половине 1920-х гг.	289
<i>Е.П. Мартынова</i> Вызов 1990-х: выбор экономических стратегий коренными народами Севера	293
<i>Е.А. Пивнева</i> Город как вызов и возможность: вариативность адаптационных стратегий народов Севера России в условиях урбанизации	298
<i>П.Д. Миничкин</i> Глобализация как вызов этническим компонентам культуры	304

<i>Е.А. Сорокина</i> Шведский опыт преодоления эпидемии коронавируса	309
---	-----

ЛИЧНОСТЬ И «ВЫЗОВЫ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Л.П. Заболотная</i> Частная жизнь чужестранки: семейная жизнь Марии (Лупу) Радзивилл	315
<i>С.В. Зайцева</i> Взлет и падение в карьере детского врача В.О. Губерта в дореволюционном Петербурге	319
<i>А.Н. Егоров</i> Ученый в условиях общественно-политического кризиса: А.В. Карташев в Гражданской войне	324
<i>С.В. Любичанковский</i> «Вулкан остается дышащим»: отражение конфликта в Нагорном Карабахе в мироощущении советского интеллигента (1988–1990)	330
Сведения об авторах	338

Contents

MILITARY EVERYDAY LIFE

<i>V.V. Karpova</i> Urban vegetable gardens as an attempt to solve wartime problems in Petrograd in 1915–1917	14
<i>A.G. Fot</i> Activities of the Orthodox parish clergy in the Orenburg eparchy during the World War I	19
<i>V.O. Levashko</i> Call to the front. Soviet writers in the Soviet-Finnish War of 1939–1940	23
<i>E.V. Dyakova</i> Orthodoxy development in the Kharkiv region during the Hitlerian occupation	29
<i>D.R. Hisamutdinov</i> Material and living conditions of daily life of students of factory training schools, craft and railway schools of the Chkalov region during the great Patriotic war	35
<i>V.S. Eshpanov</i> Memories of everyday work (from the diary of a rear railway worker of the USSR during the Great Patriotic War)	40
<i>E.A. Popravko</i> The experience of overcoming the epidemic caused by the use of bacteriological weapons against the field army during offensive operations (on the example of the 65th Army in 1944)	43
<i>D.A. Buyukli</i> Everyday life of orthodox prisoners in the rear areas of the upper Volga region in 1941–1945	48
<i>M.S. Zinich</i> Wartime “social challenge”: invalids of the Great Patriotic War	54
<i>E.I. Tarkhanova</i> How the Soviet women celebrated the holidays during their work on the territory of the Democratic Republic of Afghanistan	59

CAPITAL AND PROVINCIAL EVERYDAY LIFE

<i>S.Yu. Lavrenchuk</i> Charity practices of the merchant family of the late XIX – early XX century (based on state archives documents and reports of charity societies of Saint-Petersburg)	64
<i>M.F. Ershov</i> The role of archaism in the psychological climate formation of the city of Berezov in the middle of the XIX century	69
<i>E.N. Abdrakhmanova</i> Marriages of merchants and peasants in the Orenburg province of the post-reform period as a challenge to traditional society	73
<i>E.V. Burlutskaya (Bannikova)</i> «Summer of Palermo and winter of Arkhangelsk». Climate as a «challenge»	77
<i>L.A. Dashkevich</i> Everyday life of a missionary (based on materials of the Yekaterinburg Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society)	83

<i>A.E. Zhukova</i>	
Every day as a "challenge": municipal public servants' everyday life in the post-reform Russia	88
<i>E.V. Godovova, A.S. Godovova</i>	
The crisis of traditional family values in Cossack families at the end of the XIX – beginning of the XX century.....	93
<i>M.S. Suvorova</i>	
Family values on the pages of the "Friend" magazine (1909)	98
<i>Yu.A. Krivosheeva</i>	
Challenges of the late Imperial period and socio-political life of Yaroslavl textile workers at the turn of the XIX–XX centuries	101
<i>O.N. Yakhno</i>	
Ways of spreading innovations in gastronomic culture at the turn of the XIX–XX centuries	106
<i>E.I. Belova</i>	
Everyday life of the Russian officers during the Revolution of 1917	110
<i>S.A. Prikhodko</i>	
Socio-economic situation in Novozybkov in 1920 (to the 100th anniversary of the victory of the Red Army in the European part of Soviet Russia).....	115
<i>O.V. Kozlov</i>	
Organization of club work on the territory of the RSFSR Western region in the first years of Soviet power	121
<i>K.A. Sidorenkova</i>	
The impact of the environmental crisis on the daily life of citizens in the 1970–1980s (on the example of the city of Novodvinsk)	126

“EPIDEMIC CHALLENGE” AND HEALTH SAVING

<i>T.Yu. Shestova</i>	
Plague epidemics in Russia in the XVIII – first half of the XIX centuries	132
<i>A.M. Safronova</i>	
Epidemiological situations at the state-owned factories of the Urals in the 1720–1750s and measures to prevent their development.....	135
<i>E.P. Pirogova</i>	
Life with cholera in 1830 (according to the letters of Nizhny Novgorod nobles).....	140
<i>S.N. Brezhneva</i>	
"Cholera riot" in Tashkent in 1892: spontaneous explosion or deliberate opposition to the authorities	145
<i>V.A. Veremenko, L.A. Samarina</i>	
"Home Sanitation" as a challenge: hygienic practices in the noble-intelligent families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.....	151
<i>I.V. Sinova</i>	
Public hygiene of the population in the cities of the Russian Empire at the end of the XIX – early XX centuries	157
<i>Yu.V. Mitlina</i>	
"Products for health": meat surrogates' advertising and sale in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries.....	161
<i>Yu.O. Kurenkova</i>	
Medical support of Orenburg in the first half of the 1920s	168

<i>A.I. Azhigulova</i>	
Sanitary education of the population of the Southern Urals in the 1920s – 1930s	173
<i>R.S. Bayramov, V.V. Korovin</i>	
Fighting the typhus epidemic during the preparation for the battle of Kursk.....	180
<i>R.S. Kolokol'chikova</i>	
Sanitary and epidemiological consequences of the industrial reclamation of the European North of Russia in the late Soviet period	183
<i>E.S. Bogomyagkova</i>	
Digital technologies in COVID-19 healthcare practices: raising the question	189
<i>E.L. Yakovleva</i>	
Living in a pandemic: an attempt of existential description	194

CHILDREN, EDUCATION AND “PEDAGOGICAL CHALLENGES”

<i>V.N. Benda, N.D. Kozlov</i>	
On the problems of upbringing in educational institutions in the first half of the XVIII century	199
<i>E.A. Kalinina</i>	
Organization of women's theological schools in the XIX century (on the example of the school for girls of clerical status in the Olonets diocese)	203
<i>E.V. Ponomarev</i>	
The challenge of the 1905 Revolution and the advanced educational institutions of Russia.....	208
<i>N.K. Gurkina</i>	
The problem of staffing schools in Russia in the years of The Great Patriotic War	214
<i>R.R. Hisamutdinova</i>	
School and leisure everyday life of rural children in the Chkalovsk region during the Great Patriotic War (on the base of memoirs)	220
<i>O.V. Sidorova</i>	
Daily life of students of Saint Petersburg universities in the crisis years of 1991–1999 according to the materials of periodicals «Saint Petersburg University», «Polytechnic», «Lesgaftovets»	225
<i>L.I. Shcherbich</i>	
Coronavirus pandemic as a "challenge" to the full-time education system.....	231

GENDER FEATURES OF SOCIAL ADAPTATION

<i>M.S. Tregubova</i>	
Noble men in a classless world: emotional features	236
<i>O.S. Mutieva</i>	
Women's acquisition of skills to protect their rights in the context of reorganization of the Dagestan legal system (second half of the XIX century)	240
<i>T.I. Sidnenko, O.R. Sirenko</i>	
Managerial challenges in the formation of higher medical education for women in Russia. Everyday life and modernization.....	242
<i>V.V. Korovin</i>	
Mission of a female partisan in the conditions of resistance to the invaders (based on the materials of the Kursk region)	248
<i>I.V. Bogdashina</i>	
"Getting" food and cooking as a women's concern in a non-capital Soviet city in the 1950s – 1960s.....	252

<i>N.A. Mitsyuk</i>	
State interests and women's rights: birth control models in the history of Russia	258
<i>N.L. Pushkareva</i>	
Two challenges to the Russian women's movement in the social memory of its activists (late 1980s – 2000s)	264
<i>S.V. Sirazhudinova</i>	
Gender features of adaptation to "challenges": women's activism and female deviation (radicalization) in the North Caucasus	268

“CHALLENGES” OF ETHNIC EVERYDAY LIFE

<i>A.V. Tikhonova</i>	
Conflict situations involving foreigners: pictures of the provincial life of the Nikolay era	272
<i>O.V. Erokhina</i>	
The problem of German land ownership in the "Duma battles" of the Russian Empire	278
<i>V.A. Lomanov</i>	
General characteristics of the situation of Russian Germans in the Novgorod province during the Civil war of 1918–1922 (based on published sources)	283
<i>V.N. Shaidurov</i>	
Gypsies of the USSR and land management in the second half of the 1920s	289
<i>E.P. Martynova</i>	
The challenge of the 1990s: the choice of economic strategies by indigenous peoples of the North	293
<i>E.A. Pivneva</i>	
The city as a challenge and opportunity: variability of adaptation strategies of the peoples of the North of Russia in the conditions of urbanization	298
<i>P.D. Minichkin</i>	
Globalization as a challenge to ethnic components of culture	304
<i>E.A. Sorokina</i>	
Swedish experience of overcoming the coronavirus epidemic	309

PERSONALITY AND “CHALLENGES” OF EVERYDAY LIFE

<i>L.P. Zabolotnaya</i>	
The private life of an outlander: Maria (Lupu) Radziwiłł in her family	315
<i>S.V. Zaitseva</i>	
Rise and fall in the career of children's doctor V.O. Hubert in pre-revolutionary St. Petersburg	319
<i>A.N. Egorov</i>	
Scientist in the conditions of socio-political crisis: A.V. Kartashev in the Civil war	324
<i>S.V. Lyubichankovsky</i>	
"The Volcano remains breathing": reflection of the conflict in Nagorno-Karabakh in the worldview of the Soviet intellectual (1988–1990)	330
About Authors	343

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В.В. Карпова

Городские огороды как попытка решения проблем военного времени в Петрограде в 1915–1917 гг.

В статье рассказывается об организации городских огородов в Петрограде в годы Первой мировой войны. Анализируются причины развития городского огородничества. Освещается роль П.Н. Елагина в расширении масштабов этого явления в жизни Петрограда.

The article describes the organization of urban vegetable gardens in Petrograd during the First World War. The reasons for the development of urban gardening are analyzed. The role of P. N. Elagin in expanding the scale of this phenomenon in the life of Petrograd is highlighted.

Ключевые слова: Первая мировая война, городские огороды, огородные дружины учащихся, П.Н. Елагин, продовольственная проблема.

Key words: World War I, urban vegetable gardens, garden squads of pupils, P.N. Elagin, food problem.

Тяготы военного времени сказались на жизни тыловых территорий Российской империи уже в 1915 г. Одной из наиболее важных проблем стало снабжение городов продовольствием. В социальном плане не менее значимой оказалась проблема моральной реабилитации раненых и инвалидов войны, численность которых постоянно возрастала. Петроград как крупнейший по численности населения город империи и как ключевой пункт приема раненых столкнулся с этими проблемами в полной мере. Уже к 1 февраля 1915 г. в Петрограде и ближайших пригородах на средства частных организаций и лиц было открыто 417 лечебных заведений (почти 14 тыс. мест), еще 24 лазарета на 1 367 мест содержались частными лицами и организациями совместно с РОКК, городскими органами и духовными учреждениями, Всероссийским Земским Союзом и Союзом Городов [10, л. 37].

Одним из способов решения обеих проблем стала организация общественных огородов.

Душой этого дела в Петрограде стал Павел Николаевич Елагин, ученый агроном, чиновник особых поручений V класса при Главном управлении землеустройства и земледелия. Еще в 1907 г. он выступил с предложением распространять сельскохозяйственные знания через армию, результатом чего стало проведение в войсках регулярных сельскохозяйственных чтений. Только в 1913–14 гг. чтения производились 73 лекторами в 65 войсковых частях Петербургского военного округа. В военное время Елагин предложил продолжить дело «с больной и раненой армией». Эта идея была с энтузиазмом встречена самими ранеными, поэтому уже с октября 1914 г. в 8–10 лазаретах были организованы сельскохозяйственные чтения с 300–400 ранеными. В мае

1915 г. чтениями были охвачены уже свыше 138 лечебных мест с количеством раненых в несколько десятков тысяч человек [7, л. 94].

Теоретические знания необходимо было подкреплять практикой, поэтому в 1915 г. в Петрограде при 16 госпиталях и лазаретах военного ведомства (12% от общего количества лазаретов, охваченных чтениями) под наблюдением П.Н. Елагина и при помощи трех инструкторов были устроены огороды, в основном на целинных или залежных землях [7, л. 94–94 об.]. Как отмечал сам Елагин: «...в 6 случаях места для огородов были даны совсем неудобные: дворовые места с большою примесью обломков кирпичей и разного строительного мусора, вообще почва для огородов крайне неподходящая, и даже сорные травы там не росли» [7, л. 93 об.]. Несмотря на то, что цели данных огородов были исключительно учебными, производились посадки не только овощей, но и кустарников и цветов, и большинство огородов были небольших размеров (в среднем на лазарет приходилось около 100 кв. саж. земли, но были и огороды 15 кв. саж.), в двух случаях, в лазаретах при 150 и 200 раненых, своими огородными овощами пользовались до января месяца [7, л. 93, 94 об.]. Все работы производились исключительно самими ранеными. На 1916 г. Елагин запланировал заложить более 30 огородов, в т.ч. 6 в Царском Селе, и при 12–15 из них устроить пасеки [7, л. 91].

В феврале 1916 г. П.Н. Елагин выступил с докладом «Общественные огороды» на общем собрании Всероссийской сельскохозяйственной палаты, в котором отметил, что овощи являются продуктами первой необходимости, однако существенно дорожают при транспортировке, в связи с чем наиболее выгодно производить их в местах потребления. При этом товарное производство овощей в деревне развито слабо. Поэтому в связи с недостатком продовольствия и проблемами с его поставками по железной дороге возделывание овощей непосредственно в городе становится актуальным. Он предложил использовать под огороды заброшенные земли, а также обочины дорог. К заведению огородами предполагалось привлечь земскую и городскую общественность, местные чины Министерства земледелия, при госпиталях – офицеров и чиновников военного ведомства, а к работам – учебный персонал по ведомствам Министерства народного просвещения, Министерства торговли и промышленности, Св. Синода. В целом, по мнению Елагина, к работам могли быть привлечены лица любого пола и возраста (даже 10-летние), всех классов общества [7, л. 93–93 об.].

Учитывая высокие цены на продовольствие в Петрограде (цена четверти картофеля доходила до 16 руб.), начинавшиеся перебои в снабжении, резкое сокращение потребления мяса, городское огородничество действительно могло несколько облегчить проблему питания в городе.

В обращении в Департамент земледелия 9 марта 1916 г. Елагин писал: «... полагаю, что к работам на общественных огородах с отличными результатами могут быть допущены учащиеся всех без изъятия учебных заведений. ... В минувшее лето замечено было стремление детей-воспитанников и воспитанниц различных учебных заведений прийти на помощь семьям раненых

воинов в дни производства различных сельскохозяйственных работ. Во многих случаях, как известно, это вполне и удалось, но с еще большими удобствами и пользой дети могли бы быть привлечены к работе на общественных огородах» [7, л. 90–91].

Обратим внимание еще на одну проблему, которую позволяли решить общественные огороды. Подростки, охваченные патриотическим порывом и желанием принести пользу Родине, стремились на фронт, беглецов систематически возвращали родителям. Поэтому важно было показать, как в тылу юноши и девушки смогут оказать посильную помощь без угрозы жизни и здоровью. В 1915 г. учащимся было предложено вступать в трудовые дружины для работы на полях призванных. Однако дружины формировались преимущественно из юношей (смешанные дружины были редкостью, а женские дружины для работы в яслях были немногочисленны) в возрасте 15–16 лет и старше (более молодым трудно было выполнять необходимый объем работ). Подавляющее большинство дружин постоянно проживали в месте работы (т.е. были оторваны от семьи и лишены присмотра родителей) от недели до месяца, а иногда и более. Непривычные для городского жителя среда, образ жизни, работа, для выполнения которой подростки не имели необходимых трудовых навыков, отсутствие постоянного родительского контроля – все это вызывало обоснованные опасения и являлось препятствиями к тому, чтобы родители дали согласие (которое являлось обязательным условием) на участие своего ребенка в работе дружины. Кроме этого, тяжелые работы в деревне могли неблагоприятно отразиться на здоровье школьника (на деле это не было отмечено), одежда и обувь изнашивались быстрее (т.е. семье это приносило дополнительные расходы), а оплата за работу не полагалась (в большинстве случаев, вплоть до 1917 г.). Для организации работы полевой дружины требовалось солидное финансирование [2; 4].

Работа на общественных огородах организовывалась в городе проживания ученика, что не требовало больших расходов, посменно (по 3–5 часов), что позволяло снизить нагрузку и не допустить переутомления, к тому же сам характер работ (посадка, прополка, полив, подвязка) существенно отличался от косябы трав или хлебов, вспашки полей и т.п. Такую работу могли выполнять как мальчики, так и девочки, причем более младшего возраста. Подростки ежедневно возвращались домой, а за свою работу могли получить какое-то количество овощей бесплатно или по сниженной цене [3].

В марте 1916 г. Министерство народного просвещения, Министерство земледелия и Св. Синод одобрили идею устройства общественных огородов и работы на них учебного персонала и учащихся [7, л. 97–98; 9, с. 20–21, 23–25]. В Петрограде весной 1916 г. были проведены 6 часовых чтений по огородничеству, раздавалась литература. Общее руководство ученическими дружинами и наблюдение за работами взяли на себя П.Н. Елагин и специалист по огородничеству, агроном Н.П. Спиченко (прежде всего, оказывали помощь в планировании огорода и распределении работ), при этом у каждой дружины был свой руководитель от учебного заведения [1, с. VII, 2, 22; 6, л. 2 об.].

Из книги П.Н. Елагина и материалов периодической печати известно, что только под его началом при содействии Комиссии по организации трудовых дружин при обществе «Народная Помощь» были организованы 13 учебных огородных дружин из учащихся средних и низших учебных заведений, как мужских, так и женских [1, с. 2; 8, с. 93], работавших на огородах в Петрограде, Кронштадте, Колпино и Царском Селе [5, с. 3]. 8 дружин имели собственные пришкольные огороды, обрабатывавшиеся исключительно силами учеников, 5 дружин работали на огородах при лазаретах, причем 4 из них были «летучими», обрабатывая поочередно 10 огородов. Один из огородов, при содействии инспектора народных училищ Петроградского учебного округа П.К. Мягкова, был устроен прямо в центре города (Бассейная ул., д. 58) на плохой замусоренной почве и попеременно обрабатывался силами трех «летучих» дружин [1, с. 2, 4].

Выращенный на огородах урожай передавался в лазареты, на нужды армии, нередко просто продавался населению. Например, дружина Кронштадтского реального училища выращенные на собственном огороде овощи продала с аукциона, выручив 400 р. Деньги были внесены в сиротский училищный фонд для помощи детям жертв войны [1, с. 2]. Впрочем, не все результаты деятельности учащихся были столь впечатляющими. Так, директор Царкосельского реального училища Николая II, дружина которого обрабатывала собственный школьный огород, отмечал, что «...ввиду невозможности организовать охрану огорода надлежащим образом приходилось наблюдать случаи расхищения овощей, что вело к взаимным недоразумениям среди участников огородных работ и огорчениям, т.к. результаты не отвечали затраченным усилиям» [13, л. 14 об.].

В 1917 г., готовясь к очередному сезону огородных работ, П.Н. Елагин на заседании Комиссии по огородам при Петроградском областном комитете Союза городов отмечал возникшие трудности: необходимость подготовки земли к посевам еще с осени (для обработки слежавшейся земли требовались дополнительные рабочие руки и юноши в возрасте не моложе 14 лет); трудности в получении качественного семенного материала (раньше поставлялся в большом количестве из Германии, ввоз из Дании также оказался под запретом); дефицит орудий труда (в продаже имелось недостаточно и по высоким ценам – лопаты, грабли и т.п. по 10 руб. и более за штуку); нехватка удобрений, недостаточное количество рабочих рук. Он подчеркнул, что «организация дружин из учащихся может служить только подспорьем делу» [11, л. 2 об. – 3].

На регулярных заседаниях Комиссии отмечалось наличие в Петрограде многочисленных организаций, занимавшихся, в том числе, и городскими огородами, однако их действия не были скоординированы. Для решения главной проблемы – нехватки рабочих рук было предложено привлекать празднующих горожан, «убивающих» свое свободное время на занятия спортом, студентов и даже промышленных рабочих, поскольку их рабочий день сократился до 8 часов [11, л. 3, 4, 9 об. – 12 об.]. Одной из неразрешимых проблем являлась также нехватка средств для реализации

всех намеченных планов (например, Комиссия планировала обработку собственных огородов на площади 173 дес. земли, однако необходимые для этого средства не были своевременно выделены [12, л. 206]).

Комиссия по огородам при Петроградском областном комитете Союза городов, используя парники при Елагинском, Таврическом, Царскосельском, Гатчинском, Петергофском дворцах, заготовила в 1917 г. 1,5 млн штук рассады капусты и брюквы [11, л. 40 об.; 12, л. 122 об.]. Производилась регистрация пригодных для огородничества участков в черте города и его окрестностях. Среди населения осуществлялась пропаганда огородничества: было выпущено 20 тыс. экземпляров воззваний к гражданам об использовании свободной земли под овощные культуры [11, л. 14 об.]. Были организованы огородные предприятия при некоторых крупных заводах (Обуховский, Лесснера, «Айваз» и др.) [12, л. 122 об. – 123]. Работали инструкторские курсы.

Назвать точные размеры обрабатываемых площадей в Петрограде и окрестностях не представляется возможным, однако архивные документы свидетельствуют о широком масштабе огородных работ, чему немало способствовала поддержка не только со стороны общественных организаций, но и правительственных институтов и органов местного самоуправления. Огородная история в Петрограде начиналась скорее как просветительская акция, направленная на обучение раненых солдат более эффективным способам землепользования и на трудовую реабилитацию инвалидов войны. Однако стремительное расширение масштабов городского огородничества было вызвано уже необходимостью решения продовольственной проблемы. Попутно решались и задачи социализации и трудового воспитания подрастающей молодежи. Отметим, что подобный опыт городского огородничества получил широкое распространение на территории всей страны [3].

Список литературы

1. Елагин П.Н. Трудовые огородные детские дружины. Основы огородничества. Пг.: Тип. училища глухонемых, 1917. VIII+182+VI стр.
2. Карпова В.В. Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–16 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. Т. 4. История. С. 48–55.
3. Карпова В.В. Работа трудовых огородных ученических дружин в 1916 г. // История повседневности. 2016. № 1. С. 105–115.
4. Карпова В.В., Семенова Л.Н. Молодежные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 5. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 148–157.
5. Краткий отчет о трудовых дружинах учащейся молодежи устроенных Комиссией в 1916 году. Пг.: Тип. Петроградского градоначальства, 1917. 16 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 398. Оп. 75. Д. 639.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949.
8. Трудовые дружины общества «Народная Помощь» // Сельскохозяйственное образование. 1917. № 2. С. 93–94.
9. Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленных Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте Земледелия. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1916. 36 с.

10. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 287. Оп. 1. Д. 291.
11. ЦГИА СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1.
12. ЦГИА СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 10.
13. ЦГИА СПб. Ф. 844. Оп. 1. Д. 23.

А.Г. Фот

Деятельность православного приходского духовенства на территории Оренбургской епархии в годы Первой мировой войны

В статье на основе анализа документов Государственного архива Оренбургской области и материалов «Оренбургских епархиальных ведомостей» рассматриваются основные направления деятельности приходского православного духовенства на территории Оренбургской епархии в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что приходские клирики быстро мобилизовали свои силы и с готовностью пришли на помощь защитникам Отечества в сложный для страны период.

Based on the analysis of the documents of the state archive of the Orenburg region and the materials of the Orenburg eparchial bulletin the article examines the main directions of activity of the parish Orthodox clergy in the territory of the Orenburg eparchy during the World War I. The author concludes that parish clerics quickly mobilized their forces and readily came to help to the defenders of their country in the difficult period.

Ключевые слова: Первая мировая война; Оренбургская епархия; приходское православное духовенство; благотворительность; социальная работа.

Key words: World War I; Orenburg eparchy; parish Orthodox clergy; charity; social work.

Первая мировая война стала глобальным вызовом, с которым столкнулось человечество в начале XX столетия. Она изменила ход мировой истории, отразившись на судьбах жителей стран, принимавших в ней участие. Не стали исключением и жители Оренбургской губернии. Манифест об объявлении войны Германии 30 июля 1914 г. вызвал живой отклик во всех слоях Оренбургского общества. Представители приходского духовенства не имели права принимать непосредственное участие в боевых действиях. Им это воспрещало 83 апостольское правило. Оно гласило: «Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся, и хотящий удержати обою, то есть, римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священного чина. Ибо кесарева кесареви, и Божия Богови» [7, с. 115]. Таким образом, клирик, взявший в руки оружие, подвергался процедуре снятия сана. По этой причине, многие юноши, прежде готовившиеся стать иереями, предпочли покинуть стены Оренбургской духовной семинарии, чтобы поступить в военное училище или школу прапорщиков и после короткого обучения отправиться на фронт [3, л. 14–16; 18–19; 43, 90; 113–114; 141 об., 145, 163, 179; 184–186]. Так, священник Спасской церкви села Чумлякского Челя-

бинского уезда Николай Боливанский сообщал в правление семинарии 24 мая 1915 г., что его сын Анатолий воспитанник 6 класса семинарии «...избавиться от воинской повинности счел неудобным и недостойным для русского человека, когда Родина нуждается в каждом защитнике, надавил нравственно на меня и поступил в Коломенское военное училище» [2, л. 14 об.].

В фонде Оренбургской духовной семинарии отложилось дело, целиком состоящее из прошений воспитанников об увольнении из семинарии в связи с уходом на фронт. Согласно им к театру боевых действий отправилось 102 бывших семинариста [4]. Их отцы, не имея такой возможности, и желая помочь Отечеству в этот сложный период многократно усилили свою благотворительную деятельность. Опубликованные данные и архивные материалы позволяют сделать вывод, что в Оренбургской епархии помощь церкви охватывала все стороны военной жизни: религиозную работу с населением, материально-техническое снабжение армии, организацию медицинского обслуживания раненых и больных воинов в тылу, реабилитацию инвалидов боевых действий, поддержку семей военнослужащих, вдов, сирот, беженцев и других нуждающихся.

2 августа 1914 г. на территории Оренбургской епархии был организован Оренбургский епархиальный комитет Красного Креста для помощи фронту и тылу. Деятельность Комитета была поистине всеохватывающей. В его работе, так или иначе, принимало участие всё приходское духовенство епархии. Приходские попечительства, принимая во внимание незначительность размера казенного довольствия, определенного родственникам лиц, призванных на войну, взяли на себя обязательства материальной поддержки этих семей, а в случае гибели главы семейства – обеспечение семейства до тех пор, пока это представляется необходимым [9]. Но больше всего усилий духовенство приложило к оказанию помощи воинам, проводя среди прихожан сборы пожертвований деньгами, вещами и продуктами, а также установив 2-процентный сбор со всех приходов и духовно-учебных заведений епархии. В результате этой деятельности за 1915 г. всего комитетом было собрано до 20 000 р., не считая пожертвований вещами и хлебом [13, л. 35]. Озаботился комитет и вопросом пошива одежды для армии. Для решения этой задачи была организована комиссия из жён преподавателей семинарии, духовных и светских училищ, классных дам епархиального женского училища и жён местных священнослужителей. Всего за 1915 г. комиссия переправила на фронт 13 вагонов с обмундированием [13, л. 32–32 об.].

Ещё одним видом поддержки действующей армии была отправка на фронт дважды в год – на Рождество и Пасху – партий подарков для солдат и офицеров. В марте 1915 г. в качестве представителя Епархиального комитета Красного Креста на фронт был командирован священник Серафимовской церкви в Форштадте Фёдор Елин для раздачи Оренбургским полкам 900 пудов пасхальных подарков [8, с. 92]. Этот поток помощи армии не прекратился даже после революционных событий февраля 1917 г. В данный период духовенство собрало в качестве пожертвований 24 271 р. 47 к. [5, л. 1–4, 6]. В

журнале общего собрания оренбургского духовенства от 30 апреля 1917 г. было зафиксировано, что протоирей М.Я. Филологов, занимавшийся закупкой подарков на эти деньги и раздачей их армии, благополучно исполнил данную миссию. 30 апреля члены комиссии заслушали внеочередной доклад протоиерея о его поездке на фронт от Епархиального комитета Красного креста и выразили ему свою благодарность [6, л. 5].

Оказывал Комитет и практическую помощь в изготовлении предметов вооружения. 7 августа 1915 г. при оренбургском Епархиальном комитете Красного Креста была создана особая Военно-промышленная секция, на финансирование деятельности которой были определены дополнительные процентные отчисления с духовенства и церковью Оренбургской епархии. В течение 1915 г. она передала Тургайскому военно-промышленному комитету 25 000 р. на производство ручных гранат, бомб и снарядов, первая партия которых была отгружена фронту в октябре. Для обеспечения оборонных заводов сырьём под эти заказы Военно-промышленная секция провела сбор чёрных и цветных металлов, давший до 10 000 пудов чугуна и до 100 пудов меди [1, л. 27–28].

Другим направлением деятельности Оренбургского епархиального комитета Красного Креста стало финансовое обеспечение медицинских учреждений. «Оренбургский епархиальный комитет Красного Креста принял на свои средства содержание 10 коек в одном из подвижных лазаретов Красного Креста на передовых позициях, с присвоением им имени духовенства Оренбургской Епархии, для каковой цели Комитет препроводил в кассу Главного управления 500 рублей на один месяц. <...> Вышеупомянутые кровати учреждены в подвижном лазарете, действующем на Северо-Западном фронте», – сообщали своим читателям 4 апреля 1915 г. «Оренбургские епархиальные ведомости» [11, с. 111].

Организовывал комитет госпитали и на территории епархии. Так, в продолжение 1914 г. было открыто 5 монастырских лазаретов, но о них заботились не приходские священники, а братья и сестры монастырей. Помещение под ещё один госпиталь в верхнем этаже своей образцовой школы, которая находилась прямо при Духовной семинарии, предоставило правление этого учебного заведения. Средствами комитета здесь был организован лазарет на 20 кроватей. Со дня открытия до 1 января 1916 г. лазарет принял свыше 100 чел. Руководил им духовник Семинарии, протоирей Григорий Дмитриевич Добромыслов, а хозяйственными делами ведала его супруга М.И. Добромыслова. Штатному персоналу лазарета приходили помогать воспитанницы Оренбургского епархиального женского училища, священники города Оренбурга и их жёны [13, л. 31 об.].

Разумеется, церковь осуществляла не только финансовое и практическое, но и духовное попечение над ранеными воинами. Для удовлетворения их нужд все лазареты Оренбурга были распределены между причтами городских церквей, которым было вменено в обязанность отправлять для больных всенощные бдения, а на следующие затем воскресные и праздничные дни

предлагать воинам религиозно-нравственные чтения и беседы. На эти же цели в феврале 1915 г. епархиальный Красный Крест выписал в Издательской комиссии Святейшего Синода за 865 р. 45 к. и разослал по 33 лазаретам епархии укомплектованные библиотеки духовной литературы для чтения, а также 10 тыс. крестиков, 5 тыс. Новых Заветов и 5 тыс. молитвенников для раздачи больным и раненым воинам. В июне 1916 г. Комитет ассигновал ещё 1 500 р. На покупку Евангелий, молитвословов и книжек противосектантского содержания для уездных лазаретов [10, с. 335–336].

Не все воины после лечения оказывались годны для продолжения воинской службы. Заботой епархиального комитета было определить этих людей к какому-либо делу. Одним из примеров такой работы является сообщение в «Оренбургских епархиальных ведомостях» от 15 июля 1916 г. об устройстве в городе Оренбурге курсов пчеловодства для увечных воинов [12, с. 253].

Еще одним направлением, по которому работало приходское духовенство, было обустройство беженцев. Они хлынули в Оренбургскую губернию после тяжелых поражений русской армии в весенне-летней кампании 1915 г. Духовенство приспособляло под нужды беженцев монастырские помещения и здания церковно-приходских школ, где им предоставлялось горячее питание, медицинское обслуживание и ночлег. Беженцев регулярно навещали священнослужители, оказывая им моральную поддержку и помогая реализовывать религиозные потребности [1, л. 25].

Итак, в годы Первой мировой войны представители приходского духовенства Оренбургской епархии в кратчайшие сроки пришли на помощь Отечеству. Сыновья клириков покинули стены духовной семинарии и отправились к театру боевых действий. Их отцы оказывали всестороннюю поддержку фронту и тылу по линии организованного с первых дней войны Оренбургского епархиального комитета Красного креста. Клирики организовывали госпитали, брали на себя содержание коек в лазаретах, удовлетворяли религиозные потребности раненых. Их жёны и дочери выступали сестрами милосердия и шили одежду для солдат. Священнослужители также заботились о членах семей военнослужащих, мобилизованных войнах и беженцах. Благотворительная деятельность Оренбургских клириков и членов их семей в период Первой мировой войны отражалась на всех сторонах жизни в тылу и на фронте.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581.
2. ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 344.
3. ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 348 а.
4. ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 365.
5. ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 20.
6. ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 37.
7. Епископ Никодим (Милош) Правила Святой Православной церкви с толкованиями. М.: Отчий дом, 1996. 215 с.
8. Командировка // Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. № 9. Часть официальная. С. 92.

9. Косцова Е.Н. Деятельность Оренбургской епархии в годы Первой Мировой войны (по материалам Оренбургской прессы) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/FE2wbIJTQ4I>

10. Около войны. Епархиальный Комитет Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. 1916. № 27–28. Часть неофициальная. С. 335–336.

11. Отношение Главного Управления Российского общества Красного Креста на имя Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. № 10–11. Часть официальная. С. 111.

12. Пчеловодческие курсы // Оренбургские епархиальные ведомости. 1916. № 27–28. Часть официальная. С. 253.

13. Российский государственный архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2469.

В.О. Левашко

Вызов на фронт. Советские писатели на советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

Статья посвящена анализу деятельности ленинградских писателей в период советско-финляндской войны. В публикации рассматриваются цели и задачи, которые литературное сообщество Ленинграда было призвано решать в военные дни, особенности творчества писателей и поэтов в период «зимней» войны.

The article is devoted to the analysis of the activity of Leningrad writers during the Soviet-Finnish (the Winter) war. The publication discusses the goals and objectives that the literary community of Leningrad was called upon to solve during the war days, the peculiarities of the work of writers and poets during the "Winter" war.

Ключевые слова: советско-финляндская война, пропаганда, писатели, поэты, радиопередачи, радио рубрика, статьи, фельетоны, газеты, цели, эмоции.

Key words: the Winter War (the Soviet-Finnish war), propaganda, writers, poets, radio programs, radio category, articles, feuilletons, newspapers, goals, emotions.

Сегодня в условиях чрезвычайного обострения международной обстановки как никогда проявляется опасность возникновения новых и новых локальных конфликтов и противостояний. Формирование морально-психологического состояния войск и населения в ходе локального конфликта имеет свои особенности. Важнейшим фактором, является пропаганда. Об этом ещё 60-х гг. прошлого века писал подполковник Алексей Онуфриевич Баранов, подчёркивая значение пропаганды, важность идеологической подготовки армии и населения к началу военного конфликта [1, с. 52]. В дальнейшем на эту тему неоднократно высказывались такие специалисты как Е.С. Синявская [11], Н.Д. Козлов [4; 5] В.А. Невежин [8].

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. как раз и является для нас примером локальной войны высокой интенсивности. Теме пропаганды и идеологической работе в данной войне так же посвящено большое количе-

ство научной литературы [6; 9]. Однако, в силу вышеназванных причин эта тема до сих пор остаётся востребованной и актуальной.

Для успешной реализации поставленных целей и задач пропагандистская компания должна быть грамотно выстроена, основываться на актуальном материале и быть максимально доступной как для армии, так и гражданского населения воюющей страны. Именно этот факт и обуславливает необходимость привлечения к идеологической работе как в повседневной жизни, так и в экстремальной ситуации деятелей культуры и искусства. Ярким примером локального военного конфликта в первой половине XX в. стала советско-финляндская «зимняя» война.

Необходимо отметить, что участие деятелей советской культуры в пропагандистской работе в период войны было осознанным и в значительной мере добровольным. Как они сами говорили: «Не закончены пьесы, отложены сценария, не дописаны строки стихов для сборника – писатели объявили себя мобилизованными и отдали себя в распоряжение Политуправления Ленинградского Военного Округа». Представленный ими материал должен был отвечать единственному требованию: чтобы «он разил врага, поднимал мужество бойцов» [16, л. 1].

Конечно, на практике всё было не в пример сложнее. Деятели советской культуры на фронте предстояло решать весьма конкретные задачи.

На первом этапе конфликта в ноябре – декабре 1939 г. важнейшей задачей стало объяснение причины начала войны. Было необходимо показать освободительную сущность похода Красной Армии и Краснознамённого Балтийского флота против белофиннов, их победы и успехи, преданность красноармейцев и краснофлотцев делу Ленина-Сталина, отразить уверенность в скорой победе над врагом.

В сознании советских людей должен был запечатлеться яркий образ победоносного шествия Красной Армии по заснеженным лесам Финляндии. Но при этом основные идеологические постулаты и клише должны были остаться в неприкосновенности. Важнейшим постулатом была «преемственность» «зимней» войны, которая представлялась как продолжение войны гражданской 1918–1921 гг. Отсюда и стремление придать событиям «зимней» войны некий романтический оттенок, напоминающий о подвигах Павки Корчагина и Василия Ивановича Чапаева.

Основными формами работы стали газетные публикации – статьи, фельетоны, стихи. Они публиковались как в центральной и региональной прессе, так и в специализированных военных изданиях, таких как газета Краснознамённого Балтийского флота «Страж Балтики» и газета Ленинградского военного округа «На страже Родины». Говоря о вкладе деятелей культуры в конечную победу, «Страж Балтики» отмечала: «С самого начала боевых действий против финской белогвардейщины на корабли, в части прибыли писатели и поэты. Своим испытанным оружием – художественным словом – писатели и поэты, работающие на Балтике, помогают нам наносить сокрушительные удары по врагу. Формы их работы многогранны. Мы видим в газетах стихи, песни, кроткие зарисовки, боевой очерк, фельетон и т.д.» [13].

Помимо прессы, к работе активно подключилось ленинградское радио. Весьма популярной в те дни была радио рубрика «Писатели на фронте». Это была 25-ти минутная передача, в которой содержались стихи Александра Твардовского, Вадима Шефнера, сатира Александра Флита, рассказы Леонида Соболева, Юрия Германа, Бориса Реста, очерки Константина Паустовского. В рубрике можно было услышать Николая Тихонова, Виссариона Саянова, Всеволода Вишневского, Лебедева-Кумача, а также флотских и армейских писателей и поэтов [16, л. 1]. Приведём несколько примеров.

30 ноября 1939 г. 4 батальона особой стрелковой бригады, два артдивизиона, танковая рота и понтонный батальон были высажены на остров Гогланд [10, с. 140]. Характеризуя действия кораблей в этой операции, ее участник, писатель и журналист Л. Соболев писал: «В утренней дымке блеснули в море зеленым огнем первые залпы – и очистительный огонь начал выжигать с благородных древних скал ползучую паршу агентов и шпионов. На катерах и шлюпках, на мелкосидящих судах ринулся на берег первый бросок десанта, и сразу стали подходить с войсками. Они стояли у берега, деловито и спокойно выгружали войска ...» [12, с. 287].

Эта же операция нашла отражение в творчестве балтийского поэта Юрия Инге «Утро. Десант»

« ...Здесь наша земля, и сигналом протяжным
Отбой прозвучал у корявой ольхи....
Здесь нынче спокойно, как будто в Лебяжьем,
И утром лениво кричат петухи!»

О действиях советских пограничников писал Л. Канторович, о лётчиках Н. Григорьев и Н. Чуковский и т.д. [3; 15]. Проникновенные слова о боевых действиях 7 декабря 1939 г. на Воксе оставил нам Александр Твардовский. Понимая пропагандистские задачи, идеологические рамки, в которых работали поэты и писатели, нельзя не отметить, что они нашли нужные эмоции и слова, созданные ими романтические примеры повседневного героизма советских воинов остаются актуальными и востребованными и в наши дни. Среди материалов нередко помещались сатирические произведения, подписанные псевдонимом «Василий Теркин» – собирательный персонаж, герой из народа, являвший собой бравого и находчивого красноармейца. Создал известный образ большой отряд авторов: А. Твардовский, С. Маршак, С. Михалков, Н. Тихонов и др.; имя Теркина снова появится на страницах газет во время Великой Отечественной войны.

Следующей темой статей и фельетонов писателей в первый период войны стало положение финского населения и его реакция на события войны. В центральной прессе с 24 ноября по 31 декабря 1939 г. каждый день публиковалось по 11 материалов о бедственном положении финнов, о массовых арестах, поджогах домов и т.д. Публиковались так же «письма финских беженцев», в большинстве которых отражены надежды на Народное правительство Финляндии. Все публикации подводили читателя к мысли, что солдаты противника – такие же рабочие, вынужденные идти на войну из-за безработицы, нужды и бесправия.

К решению этой задачи активно подключилось и радио. Необходимость следования чётко определённым постулатам на первых порах снижала эффективность работы, что видно на примере стихотворения Александра Твардовского «Кто друг, кто враг», которое было озвучено на радио 14 декабря 1939 г. и представляет собой призыв карельского народа к братскому финскому народу. Этот призыв являет нам стандартный советский идеологический штамп, однако, понятный советскому человеку.

Можно привести так же очерк Юрия Германа «Забудьте мою фамилию», в котором рассказывается о старом финне, помогающем Красной Армии. Он мечтает о том, чтобы его сын, искалеченный местным землевладельцем, быстрее поехал лечиться в Крым, или Грузию и из мести барону показывает сапёрам, где находятся финские мины. В этом произведении так же предлагается уже известный нам набор идеологических штампов, весьма далёких от действительности. Вот как описывается дом финского рыбака: «Мы поднялись на невысокое крыльцо и вошли в хижину. Здесь было очень чисто и очень бедно. На полу лежал кроткий половик, на деревянных некрашенных полках стоял медный кофейник и мельница для кофе...» [16, л. 11].

Эмоциональное решение произведения, полностью отвечает его задачам, но несоответствие описания действительности сводило эффект на нет, прежде всего среди бойцов Красной Армии, о реакции которых на финляндскую повседневность говорилось уже не мало. Так же невооружённым глазом видно сходство этого материала с тем, что печаталось в газетах и транслировалось по радио в дни Освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию.

В это время в газетах появлялось много песен и стихотворений героического содержания, о подвигах воинов-героев – в некоторых выпусках встречаются и ноты к напечатанным текстам песен. В военных газетах песни появляются периодически, через 1–2 выпуска – всего 12 за указанный период. Проникновенные, вызывающие гордость и веру в свои силы стихотворения встречаются 22 раза, причем не только за авторством известных авторов, но и написанные рядовыми красноармейцами, политруками и другими участниками боевых действий.

В 1940 г. цели работы писателей несколько изменились, хотя базовые направления остались прежними. Прежде всего, в январе – феврале требовалось нивелировать ту неприятную информацию, те слухи, которые, как поступали с фронта. Для этого было использовано несколько приёмов. В частности, Ленинградское радио продолжало активно убеждать советских граждан в необходимости самой войны. При этом в радиопередачах продолжали использоваться два основных тезиса – постулат о военной опасности, которая исходит с территории Финляндии для города Ленина. Это видно, например в очерке Владимира Дружинина «Москва». Угрозу Ленинграду со стороны Финляндии развивает Константин Паустовский: «Каждый клочок нашей земли мы будем беречь, и защищать, как бы не был он мал и скромн. С тем большим мужеством и твердостью мы будем оберегать, и защищать от

военных посягательств такой великолепный город, как Ленинград, – город революционных традиций, город Ленина, Кирова, Пушкина и декабристов, город, созданный гениальными зодчими, один из прекраснейших городов мира...» [16, л. 20].

Второй тезис вновь проводил мысль о необходимости освобождения финляндского народа от гнёта помещиков и капиталистов. В январе-феврале 1940 г. радиопередачи продолжали формировать у советских людей впечатление, что Красная Армия воюет исключительно с буржуазией и финскими кулаками, но никак не с трудовым народом Финляндии. В одной из радиопередач утверждалось, в частности: «советский человек никогда не использует полученные им военные знания, против трудящихся какой бы то ни было страны... Свои военные знания, когда это потребуется, использует только против врагов трудового народа, против эксплуататоров и угнетателей трудящихся, против белогвардейских палачей наподобие маннергеймовских палачей, терзающих многострадальный финский народ» [16, л. 4]. В радиовыступлении редактора Ленинградского радио Л. Пази «Национальная политика Советского Союза», военное вмешательство на территорию другого государства обосновывалась как «братская взаимопомощь», которая «стала законом жизни всех народов, населяющих Советский Союз. С радостью приходит Советский Союз на помощь народу, попавшему в беду. Так Советский Союз пришел на помощь к финскому народу» [16, л. 5].

В контексте выступлений о помощи братскому народу Финляндии радиопередачи в феврале 1940 г. активно проводили мысль, что в Стране Советов даже самому малочисленному народу обеспечено свободное развитие. «Например, на севере Советского Союза созданы административно самостоятельные национальные районы саамов, ненцев, чукчей, зырян. Все эти народы, которые при царском строе медленно вымирали, сейчас живут культурной жизнью, как и все граждане Советского Союза. На языках ненцев, зырян, эвенков, чукчей издаются учебники, художественная и научная литература. Примером возрождения народа в Советском Союзе могут служить карелы [16, л. 4]. Надо ли говорить, что основным адресатом этих передач была финляндская сторона.

Ещё одной серьёзной проблемой для радио стало в этот момент положение в самом Ленинграде. Было жизненно важно опровергнуть слухи об ухудшении положения жителей города с началом военных действий. Поэтому в радиопередачах звучали слова о том, что «никакая провокация войны не помешает нашему мирному росту. «Где он, этот «военный лагерь» в Ленинграде, о котором соревнуясь в полёте неумной фантазии, пишут продажные белогвардейские писаки... Сытно кушают ленинградцы – говорил в радиочерке «День Ленинграда» обозреватель Розинов – За один день население Ленинграда съедает 94 выгона хлеба, 28 вагонов мяса, 4 вагона масла, 11 вагонов сахара, 887 тысяч яиц. На рынках бойко торгуют колхозники.

Вечер. В трамваях, троллейбусах – нарядная публика. К театральным подъездам бесшумно подкатываются машины, автобусы...» [16, л. 3, 7–8].

Также было необходимо всемерно поднять моральный дух войск и населения, не допустить его падения в связи с военными неудачами на фронте. Прежде всего, было необходимо заполнить информационный вакуум, образовавшийся в феврале в печатных средствах массовой информации. В январе в советских СМИ самое широкое распространение получили рассказы о героях войны. Они выходили в рамках компании по награждению советских воинов. Где-то, без сомнения, имелись преувеличения в изображении событий, штампы в изображении «подлого и коварного врага – белофинна», но это не дает основание вычеркивать и преуменьшать реальные факты героизма, проявленные советскими воинами в Зимней войне, и ни в коем случае не даёт нам право отрицать положительное влияние этих рассказов на моральное состояние общества, прежде всего, на молодёжь. В качестве примера можно привести произведения «На земле и на льду» Леонида Соболева, «Корабли громят врага» Вс. Вишневского, «Экипаж героев» Александра Твардовского [15, с. 123–129; с. 215–226]. Однако, надо отметить, что наряду с произведениями писателей профессионалов в этот период активно издаются и публикуются рассказы за авторством самих участников военных действий. Так в сборнике «Бои на Карельском перешейке» опубликовано 101 подобное произведение [2]. На основе рассказов героев войны писатели создавали и свои произведения. Подобный рассказ («Бой в воздухе») принадлежит Ольге Бергольц. Она составила его со слов Героя Советского Союза В.П. Бахвалова: «И вот, едва отошли, как вижу я – из-за угла, из-за облака, выскочило три вражеских истребителя и – на наш бомбардировщик. Ведь белофинны всегда так и действовали: равного боя трусили, избегали, а старались ударить в спину, напасть из-за угла, на одного – несколько. Так вышло и тут: трое выскочило на одного, на отставшего. Но мы, как бы то ни было, бой всегда принимаем» [16, л. 3].

Помимо ставших уже традиционными жанров появляются и новые. Одним из них стали баллады. В качестве примера приведём «Балладу о Красном знамени» Александра Твардовского [14, с. 82–84].

По мере развернувшегося в феврале 1940 г. советского наступления на фронте появляются фельетоны публикаций о пленных финских воинах. 11 подробных, литературно оформленных очерков схожей структуры в газете «На страже Родины» описывали нелегкую, полную лишений жизнь отдельных бесправных солдат, идущих на войну из-за нужды.

Типичным портретом можно назвать добровольно сдавшегося в плен Вейко Суханена: нищего крестьянина, который от безысходности ушел на фронт [7].

14 марта 1940 г. «зимняя война» завершилась. Советские деятели культуры, писатели и поэты внесли свой вклад в с трудом, большой кровью добытую победу. Поставленную перед ними задачу – создать романтический образ тяжелой войны они выполнили. Теперь мы можем сказать, что созданные ими картины фактически на полвека определили в массовом сознании советского народа память о незначительной войне. И самое главное – был

накоплен опыт фронтовой работы, который так пригодился советским деятелем культуры в тяжелейших испытаниях Великой Отечественной войны. Правда, тогда Василий Тёркин стал немного другим....

Список литературы

1. Баранов А.О. Военная техника и морально-боевые качества воина. М.: Воениздат, 1961. 80 с.
2. Бои на Карельском перешейке. М.: ОГИЗ. Гомполитиздат, 1941. 420 с.
3. Григорьев Н., Чуковский Н. Крылатая Балтика. М., 1940.
4. Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Кингиссеп – фил. ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. 336 с.
5. Козлов Н.Д. С волей к победе. СПб., 2002. 314 с.
6. Лазарев А.В. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. и средства массовой информации Ленинграда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2003. 181 с.
7. На страже Родины. 1940. № 45 (5408).
8. Невежин В.А. Синдром наступательной войны Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М.: АИРО-XX, 1997. 288 с.
9. Петров П.В., Степаков В.Н. Советско-финляндская война 1939–1940 годов. СПб.: Полигон. 2003. 638 с.
10. Петров П. В. Эскадра балтийского флота в советско-финляндской войне // Новый часовой. 1997. № 5.
11. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 288 с.
12. Соболев Л. Морская душа. Зелёный луч. Л.: Лениздат, 1972. 976 с.
13. Страж Балтики. 1940. № 48 (6908).
14. Так встретились запад и восток. Сборник стихотворений. Выборг: военный музей Карельского перешейка, 2020. 92 с.
15. Флот в боях с белофиннами 1939–1940. М-Л.: Военмориздат, 1942. 231 с.
16. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. 293.

Е.В. Дьякова

Развитие православия на Харьковщине в годы гитлеровской оккупации

В период оккупации Харьковской области, как немцы, так и украинские националисты пытались использовать религиозные настроения местного населения для усиления своего влияния на духовную жизнь общества. Для этого были восстановлены храмы, велись богослужения. Были созданы органы правления: отдел религии в городской управе, Епархиальное управление. Активно в этом направлении работала церковно-богословская комиссия организации «Просвіта». Однако стремление украинизировать богослужения и оторвать от привычной Русской православной церкви привело в многонациональном, русскоязычном Харькове к невосприятию их мероприятий. Наоборот, такое агрессивное насаждение новых правил привело к негативному отношению харьковчан к религиозной политике украинских националистов, и по оценке митрополита Феофила (Булдовского), воспринималось как «антинародное».

During the occupation of the Kharkov region, both Germans and Ukrainian nationalists tried to use the religious sentiments of the local population to strengthen their influence on the

spiritual life of society. For this purpose, churches were restored, and divine services were conducted. Government bodies were created: the Department of religion in the city council, the Diocesan Administration. The church-theological commission of the organization "Prosvita" (Education) worked actively in this direction. However, the desire to Ukrainize the services and to break away from the usual Russian Orthodox Church has led to a lack of acceptance of their activities in the multi-ethnic, Russian-speaking Kharkov. On the contrary, such aggressive imposition of new rules led to a negative attitude of Kharkov residents to the religious policy of Ukrainian nationalists, and according to Metropolitan Theophilus (Buldovsky), it was perceived as "anti-national".

Ключевые слова: Харьков, православье, нацистская Германия, украинские националисты, «Провіта».

Key words: Kharkov, orthodox christian, Nazi Germany, Ukrainian nationalists, "Prosvita".

Важное место в жизни человека занимает вера во Всевышнего, религия. И хотя XX век отмечается развитием атеизма, особенно в Советском Союзе, религии имели сильные позиции среди людей. Об этом ярко свидетельствует отношение к религии в годы Великой Отечественной войны, как со стороны советской власти, так и со стороны гитлеровских захватчиков.

Целью данной публикации является освещение развития православья на Харьковщине во время ее оккупации гитлеровцами в 1941–1943 гг.

Сегодня тема нацистской политики в области религии и, прежде всего, православья, довольно популярна среди исследователей в Украине. Об этом говорит большое количество защищенных на эту тему кандидатских и докторских диссертаций, монографий, научных статей [1–8, 10, 15–16]. Много интересных фактов по освещаемой теме дают материалы уголовных дел коллаборационистов, арестованных НКВД в военный и послевоенный период [11–14].

Еще задолго до нападения немецкое правительство разрабатывало план уничтожения Советского Союза. И среди важных направлений этого плана был выделен религиозный аспект. По мнению современных ученых нацистское руководство хотело расколоть и в дальнейшем уничтожить традиционные религии, заменив их неоязычеством [1; 3, с. 107; 16, с. 228]. Православье, которое имело (и по сей день имеет большое влияние на жителей Украины), оккупанты также хотели использовать в своих интересах.

Не меньшее значение религии придавали и украинские националисты. В 1939 г. автор их военной доктрины М. Колодзинский писал: «Когда [мы] говорим о пропаганде, нужно вспомнить и о роли священников во время восстания, как о моральных двигателях и несравненных пропагандистах. Не подлежит сомнению, что многие из [представителей] украинского духовенства окажутся в повстанческих рядах уже в первые дни восстания. Они могут дать восстанию определенную силу, освятить его, сделать из него религию. Духовенство должно играть такую роль в нашем восстании, как старые пророки, то есть их роль должна быть библейская. Сила каждого восстания зависит от настроения масс. Чтобы крестьянин пошел *«с вилами на броненосец»*»

[выделено М. Колодзинским] [он] должен иметь соответствующее к этому желание. Наша военная традиция знает много примеров, когда монахи и священники вели войско или повстанцев в бой. Особенно в нашем отношении, когда большевики повели безоглядную войну всякой религии. Восстание нуждается в освящении, а украинский народ религиозен. С другой стороны, нельзя допустить к пропагандистской деятельности во время восстания оппортунистическое духовенство» [7, с. 156; перевод Е.Д.].

За несколько недель до нападения на Советский Союз в оккупированной немцами Польше началась массовая мобилизация украинских националистов во вспомогательные войска вермахта, так называемые зондеркоманды. Среди призывников были и священники. Командование вермахта создавала эти отряды для помощи в установлении своей власти на захваченных территориях. Священники и кандидаты на духовный сан должны были возрождать православие, создавая церковные общины и восстанавливая соборы. Перед отбытием на фронт они проходили специальную военную и идеологическую подготовку.

Основопологающим документом, определявшим отношение местной оккупационной администрации к церкви, стал приказ «Отношение к церковному вопросу в занятых областях Советского Союза» от 16 августа 1941 г. [15, с. 133; 17, с. 170–172]. В приказе отмечалось, что немцы и их союзники не должны поддерживать или запрещать религиозную деятельность на захваченной территории. И в то же время не должны участвовать в молебнах местного населения; военным священникам не рекомендовалось проводить религиозную пропаганду, а также привлекать священнослужителей из Германии или других союзнических стран в оккупированные районы, проводить богослужения для немецких военнослужащих в местных соборах; позволить местному населению открыть церкви, закрытые «советским режимом» [15, с. 133]. Также в документе говорилось, что «особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого организационно оформленного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, наоборот, желательно. Равным образом не нужно препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве» [17, с. 170].

Оккупация Харьковской области началась 20 сентября 1941 г., а 23 октября был захвачен Харьков.

Многие жители области активно участвовали в возрождении православия: создавали парафии (общества), собирали деньги на ремонт храмов и другие церковные нужды, приносили в церкви сохраненные иконы, церковные книги, утварь и т.п. Если не было храма, то под него адаптировали какое-нибудь помещение. Так, например, в с. Ольшаны под церковь приспособили конюшню [3, с. 112]. Уже в 1941 г. в Харьковской области было открыто 155 храмов [2, с. 12].

Также в возрождении православия активно участвовали прибывшие в область вместе с гитлеровцами западноукраинские националисты – мельни-

ковцы и бандеровцы. Отношение к ним со стороны немецких властей было разным. К бандеровцам гитлеровцы относились жестко и стремились их репрессировать, тогда как мельниковцев поддерживали и даже протезировали их в местные органы власти. По инициативе немецкого правительства в захваченных городах устанавливались две администрации: военная немецкая и гражданская из местных жителей и украинских националистов (прежде всего, местных и мельниковцев).

Уже в первые дни создания гражданская администрация – городская управа (далее – ХГУ) – начинала возрождать православие в области. По мнению украинского историка В. Гордиенко этим занималась светская власть, а именно ХГУ [3, с. 113]. Однако это не совсем так – религиозными делами с самого начала занимались священники, вошедшие в состав отдела религии ХГУ. И хотя считается, что его официально возглавил Гавриил Лебединский, фактически на первых порах все вопросы решал мельниковец отец Яков (Кравчук) [13, т. 1, л. 104].

Отдел религии провел регистрацию всех служителей культов, поставил на учет и провел обследование не только харьковских, но и пригородных храмов.

Параллельно с отделом религии возрождением православья в Харькове занималась церковно-богословская комиссия организации «Просвіта» (Просвещение), воссозданная местными украинскими националистами вначале гитлеровской оккупации. В нее входили Владимир Доленко (авторитетнейший украинский националист Харькова), Михаил Ветухов (заведующий земельным отделом городской управы, в 1942–1943 гг. – ректор Харьковского университета), Василий Потиеенко, Николай Васьковский, Георгий Гармаш, И. Геращенко и др. [6, с. 116]. Комиссия на своих заседаниях обсуждала религиозную ситуацию в городе, «квалификацию» священников, содержание молитв и т.п. Прибывшие вместе с гитлеровцами националисты не входили в состав Церковно-богословской комиссии, однако мельниковцы имели сильное влияние на ее идеологию.

В это время в Харькове жил пользующийся большим авторитетом среди духовенства Левобережной Украины епископ неканонической Украинской Автокефальной православной церкви Феофил (Булдовский), зарегистрированный в отделе религии ХМУ как «митрополит всей Украины» [6, с. 118]. По его предложению в декабре 1941 г. было создано Епархиальное управление. В него входили митрополит Ф. Булдовский – председатель; протоиерей А. Кривомаз – заместитель председателя; мирянин Г. Лебединский – заместитель по хозяйству; протоиерей Певный – член управления по снабжению; мирянин В. Потиеенко – ответственный секретарь [12, л. 32]. Интересно, что трое из пяти членов Епархиального управления Ф. Булдовский, А. Кривомаз и В. Потиеенко были многолетними агентами НКВД [9, т. 1, л. 168, т. 7, л. 17; 14, л. 18].

Вскоре между сотрудниками отдела религии ХМУ и членами Епархиального управления начались конфликты. В результате, в январе 1942 г. от-

дел религии был ликвидирован, а всё руководство православной жизнью области сосредоточилось в руках Епархиального управления [10, с. 145].

Основополагающими вопросами, продвигавшимися отделом религии ХМУ, Епархиальным управлением, организацией «Просвіта», были восстановлением украинской автокефальной православной церкви и украинизация богослужения.

Еще в ноябре 1941 г. отец Яков (Кравчук) говорил, что «мы все должны быть единой веры. Никаких делений у нас не должно быть. Кто не покорится этому, тот попадет под замо́к» [цит. по: 10, с. 201]. Вскоре после создания религиозных органов правления их руководители установили контакты с Всеукраинским православным церковным советом в Киеве [3, с. 113].

Тем не менее на Харьковщине бо́льшей популярностью пользовалась Русская Православная Церковь. Украинские националисты стремились уменьшить ее влияние на местных жителей. И тут следует отметить, что немцы не вмешивались в эту конкуренцию, вероятнее всего выполняя вышеупомянутый приказ об «Отношении к церковному вопросу в занятых областях Советского Союза». Кроме того, они не хотели усиления позиций украинских националистов на местах и памятуя о ликвидации всех религий в будущем.

Вскоре после открытия отделом религии ХГУ был издан циркуляр «О переводе служб в церквах на украинский язык». Однако украинизация молебнов вызвало негативную реакцию харьковчан. Это было вызвано тем, что в городе жили представители разных национальностей и языком общения у них был русский. В то же время область являлась украиноязычной. Тем не менее многим местным священникам и верующим это не нравилось, т. к. они в основном были приверженцами Русской православной церкви и привыкли к богослужениям на старославянском языке. Поэтому они выступали против украинизации богослужений. И даже просили митрополита Феофила разрешить вести богослужения по-старому, т.е. на старославянском языке [12, л. 159]. Кстати сам митрополит, несмотря на активную поддержку немедленной украинизации церкви в период революции 1917–1921 гг., в 1941-ом уже был не столь категоричен в языковой политике и не заставлял священников подчиняться циркуляру отдела религии.

Таким образом, в период оккупации, как немцы, так и украинские националисты пытались использовать веру местного населения в Бога для усиления своего влияния на духовную жизнь общества. Однако стремление украинизировать богослужения и «оторвать» верующих от привычной Русской православной церкви привело в многонациональном, русскоязычном Харькове к невосприятию их действий. Наоборот, такое агрессивное насаждение нового образа жизни привело к негативному отношению харьковчан к религиозной политике украинских националистов и, по оценке митрополита Феофила (Булдовского), воспринималось как «антинародное действо».

Список литературы

1. Веденеев Д. Гитлеровский рейх и религиозная сфера оккупированной Украины. Ч. 1. [Электронный ресурс] // Православная жизнь. URL: <https://pravlife.org/ru/content/gitlerovski-reyh-i-religioznaya-sfera-okkupirovannoy-ukrainy-chast-1>. (дата доступа: 10.12.2020).
2. Волошин Ю. Українська православна церква в роки нацистської окупації (1941–1944 рр.). Полтава, Б.в., 1997.
3. Гордієнко В.В. Німецько-фашистський окупаційний режим і православні конфесії в Україні // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 107–119.
4. Гордієнко В.В. Православні конфесії в Україні періоду Другої світової війни (вересень 1939 – вересень 1945): автореф. дис. ... канд. іст. наук / Гордієнко В.В. Київський національний ун-т ім. Т.Шевченка. Київ, 1999.
5. Грідіна І.М. Православні віруючі України у роки Другої світової війни. Донецьк: Норд-Прес, 2006.
6. Дьякова Е.В., Топчий Д.С. Деятельность харьковской «Просвіти» в православной сфере // Победа – одна на всех: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апреля 2020 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.В. Николаева и А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. С. 113–117.
7. Колодзінський М. Воєнна доктрина українських націоналістів. Київ: ТОВ «Основа», 2019. 287 с.
8. Лисенко О.Є. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр. Київ: Ін-т історії України, 1998.
9. Литерное дело бывшего Управления НКГБ УССР по Харьковской области на людей, оставшихся в тылу врага в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Отраслевой государственный архив Службы Безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). Д. 99615: в 32 т.
10. Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943). Харків: «Прапор», 2004.
11. Следственное дело по обвинению Байды Павла Степановича // Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 5346.
12. Следственное дело по обвинению Булдовского Феофила Ивановича // Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). Д. 0-21966.
13. Следственное дело по обвинению Кравчука Якова Афанасьевича // ОГА СБУ. Ф. 5. Спр. 67452. У 4-х т.
14. Следственное дело по обвинению Кривомаза Александра Никитовича // ГДА СБУ. Ф. 6. Спр. 75705.
15. Титаренко Д.М. Політика нацистської окупаційної влади щодо церкви у зоні військової адміністрації // Історичні і політологічні дослідження. 2009. № 1 (41). С. 131–137.
16. Шкаровский М. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007.
17. Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов: сб. документов. М.: Изд-во Крутиц. Патриаршего Подворья: Об-во любителей церков. истории, 2003. 366 с.

Материально-бытовые условия повседневной жизни учащихся школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны

В статье на основе архивных источников и материалов периодической печати анализируются тяжелые материально-бытовые условия повседневной жизни учащихся государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны на территории Чкаловской области. Доказано, что постепенное улучшение материально-бытовых условий жизни учащихся происходит лишь к концу войны.

The article analyzes the difficult material and living conditions of everyday life of students of the state labor reserves during the great Patriotic war on the territory of the Chkalov region on the basis of archival sources and periodical press materials. It is proved that the gradual improvement of material and living conditions of students occurs only by the end of the war.

Ключевые слова: материально-бытовые условия, повседневная жизнь, Государственные трудовые резервы, учащиеся, школы фабрично-заводского обучения, ремесленные училища, железнодорожные училища, Великая Отечественная война.

Key word: material and living conditions, daily life, the state labor reserves, students, factory training school, vocational school, railway school, Great Patriotic war.

Индустриализация страны в конце 1920-х – 1930-е гг. требовала высокого уровня общего и производственно-технического образования рабочих на предприятиях. Существовавшие на тот момент школы фабрично-заводского ученичества (школы ФЗУ) не могли в полной мере подготовить необходимые и что немаловажно, квалифицированные кадры.

Согласно плану третьей пятилетки (1938–1942 гг.), по всему СССР школы ФЗУ должны были подготовить 1 700 000 квалифицированных рабочих массовых профессий. Однако в реальности к 1940 г. было подготовлено 18,8% от плана, т.е. 320 000 чел.

В связи с недостатком необходимой квалифицированной и подготовленной рабочей силы проседали темпы развития и расширения производства, а также создания новых предприятий.

Необходимость передачи подготовки квалифицированных кадров в единый централизованный орган диктовалась и тем, что ведомственная система и направление окончивших на то предприятие, при котором состояла школа, не позволяла обеспечивать кадрами квалифицированных рабочих наиболее важные районы развития тяжелой промышленности [1, с. 342].

В этой связи Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР», на основании которого в советской системе образования на смену школам ФЗУ должны были прийти ремесленных училищ (РУ), железнодорожных училищ (ЖУ) и школы фабрично-заводского обучения (школы ФЗО) [12].

Более того Указ регламентировал и утверждал ежегодный план в количестве от 800 тысяч до миллиона человек для направления городской и сельской молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет на обучение в РУ, ЖУ, а также в возрасте 16–17 лет на обучение в школы ФЗО.

Основным источником пополнения государственных трудовых резервов СССР должны были стать молодые колхозники, которых обязаны были выделить колхозы из расчета по два человека мужского пола на каждую сотню членов колхоза в возрасте от 14 до 55 лет, считая мужчин и женщин [13].

Поступающие в училища и школы ФЗО не сдавали экзаменов. На призывных пунктах проводились лишь разъяснительные беседы об Указе, о значении создания трудовых резервов, о дисциплине и т.д. [14].

Весь период обучения учащиеся трудовых резервов находились на полном государственном обеспечении. Лица, окончившие РУ, ЖУ, школы ФЗО, считались мобилизованными и были обязаны проработать не менее 4 лет подряд на государственных предприятиях. Кроме того, указанная категория лиц получала отсрочку по призыву в Красную Армию и ВМФ на время до истечения срока, обязательного для работы в государственных предприятиях.

Для руководства работой школ и училищ трудовых резервов при СНК СССР было создано Главное управление трудовых резервов (ГУТР).

В течение двух месяцев с момента выхода Указа по всему Союзу на предприятиях, железнодорожных узлах, при морских и речных портах было создано свыше 600 РУ, более 120 ЖУ и более 800 школ ФЗО, около 900 учебных заведений на базе школ фабрично-заводского ученичества [5, с. 14].

Созданная накануне Великой Отечественной войны система государственных трудовых резервов должна была в короткие сроки решить поставленную перед ней задачу, а именно, обеспечить промышленные и хозяйственные государственные учреждения молодыми и подготовленными рабочими кадрами. Однако вероломное нападение нацисткой Германии на Советский Союз внесло свои коррективы в деятельность учебных заведений.

В первые месяцы войны на территориях боевых действий и прифронтовых областях находилось около 900 училищ и школ. Началась их эвакуация на восток. Эвакуированные училища и школы разместились в 30 областях, краях, республиках, главным образом на Урале и в Западной Сибири. Всего по стране было эвакуировано 344 училища с числом учащихся 59 753 чел. и 219 школ ФЗО с численностью в 26 012 учащихся [5, с. 22–23].

Потеря западных районов страны, всеобщая мобилизация, эвакуация мирного населения и предприятий в тыл, перевод экономики на военные рельсы, а также увеличение поставок продуктов питания и промышленных товаров для Красной Армии привели к серьезному сокращению централизованных фондов продовольствия и промышленных товаров, что вынудило страну переходить на жесткую экономию всех категорий товаров.

Резко возникли серьезные материальные лишения, трудности в снабжении продовольствием и предметами широкого потребления. Одним из решений указанных проблем стало нормирование снабжения населения, что, по крайней мере, спасало людей от голодной смерти.

Уже в июне 1941 г. в РУ, ЖУ, школах ФЗО был установлен порядок бережного расхода продуктов питания. Но к концу 1941 г. все еще не удалось нормализовать качество питания в училищах и школах ФЗО, учащиеся не обеспечивались своевременно завтраками и обедами. Вместо полагаемых 6 р. в день на питание учащихся затрачивалось 4 р. 50 к. [10, л. 93].

В первое полугодие 1942 г. по всей Чкаловской области средняя стоимость суточного рациона по РУ и ЖУ составляла 3 р. 29 к., а по школам ФЗО – 3 р. 88 к. За второе полугодие 1942 г. средняя стоимость рациона училищ и школ ФЗО составляла 3 р. 70 к., то есть никаких изменений в объеме и качестве питания учащихся не произошло, что в свою очередь привело к росту случаев желудочно-кишечных заболеваний, малокровия. Кроме того, в первом квартале 1942 г. в области было зарегистрировано 25 случаев заболевания цингой среди учащихся, что фактически в два раза больше по сравнению с четвертым кварталом 1941 г., когда подобных случаев было 13 [2].

В 1942 – начале 1943 г. ГУТР были произведены проверки качества питания РУ, ЖУ, школ ФЗО. В результате были установлены факты расхищения, разбазаривания продовольствия и промышленных товаров, выделенных для питания и обеспечения обучающихся. Более того, было выявлено, что руководство некоторых учебных заведений незаконно и необоснованно передает посторонним лицам продовольственные товары, предназначенные для питания обучающихся, а также отпускает им одежду и обувь.

В результате ГУТР запретило выдачу кому бы то ни было, кроме учащихся постельного белья, одежды и обуви со складов управления трудовых резервов. Питание должно было производиться только по специальным и разовым талонам. Виновных привлекали к уголовной ответственности и взыскивали недостаток в 5-ти кратном размере [3, л. 12].

Так, проверкой в начале 1944 г. было установлено, что директор ЖУ № 3 станции Ново-Сергеевка Чкаловской области Литвинов воровал и продавал жмых, просо, ячмень, картофель и т.д. На вырученные деньги он купил корову и козу. Заместитель директора училища Маркова была замечена в присвоении денег и составлении неправильных отчетов [9, л. 33].

В столовой № 1 Чкаловской области питались учащиеся РУ, ЖУ, школ ФЗО. По состоянию на 10 января 1943 г. общее число питающихся составляло 1 500 чел. Поскольку сотрудниками столовой не производился контроль посетителей, периодически в столовой питались лица, не имеющие никакого отношения к вышеуказанным учебным заведениям. Кроме того, среди мастеров школ трудовых резервов была распространена практика бесплатного питания за счет учеников, и заключалась она в том, что каждый мастер должен был после заказа обеда оставить в столовой продуктовую карточку, однако, мастера предпочитали продуктовые карточки не сдавать.

Острым стоял также вопрос об обеспечении учащихся одеждой и обувью. На протяжении трех кварталов 1942 г. катастрофически не хватало обуви для обучающихся РУ, ЖУ, школы ФЗО. В наличии имелось 13 789 пар обуви, или 30% от установленного плана в количестве 41 600 пар. Более того,

имевшаяся в наличии обувь была низкого качества и не имела широкого ассортимента. Училища и школы в сложившейся ситуации были вынуждены самостоятельно изготавливать недостающие комплекты обуви. Всего было изготовлено 2 168 пар ботинок на деревянной подошве.

Учащиеся не были обеспечены и верхней одеждой (полупальто, гимнастерки, брюки). План заказа полупальто был выполнен на 43,5% (11 725 штук вместо 26 900), брюк – на 61,2% (22 157 вместо 36 200 штук), шапок – на 66,1% (21 425 вместо 32 405 штук) [6, л. 3–4, 16–17].

В 1943–1944 гг. проблема обеспечения учащихся одеждой и обувью имела меньший масштаб, но все еще являлась одной из основных бытовых проблем. Согласно статистике, в ноябре – декабре 1943 г. одна треть обучающихся школ ФЗО области спали без одеял, 40% учащихся не имели обуви. Качество обуви находилось на низком уровне, предусмотренный восьмимесячный срок эксплуатации на практике составлял всего 2–3 месяца. За первый квартал 1943 г. только по 10 школам ФЗО было невыходов на работу из-за отсутствия одежды и обуви 26 217 человеко-дней [8, л. 70].

Жилищно-бытовые условия в большинстве РУ, ЖУ, школ ФЗО Чкаловской области были неблагоприятными. В 1940 г. количество учащихся трудовых резервов составляло 5 050 чел., но уже к началу 1942 г. цифра выросла в 4 р. и составила 18 130 чел. Однако жилая площадь не росла пропорционально росту числа обучающихся, что привело к возникновению трудностей с расселением большого количества учеников. Для решения данной проблемы в общежитиях стали устанавливаться 2-х ярусные, а иногда и 3-х ярусные кровати.

Одним из ярчайших примеров нехватки жилого пространства является РУ № 6 г. Чкалова, в котором на проживание 1 чел. выделялось 0,67 кв. м. В школе ФЗО № 19 г. Бугуруслана и в школе ФЗО № 4 г. Медногорска из-за нехватки жилого пространства обучающиеся спали на 2-х ярусных кроватях по два человека на койке.

Помимо нехватки жилого пространства и учебных помещений для обучающихся, жилищно-бытовые условия ухудшались необоснованными и непродуманными решениями руководства области, выраженными в передаче зданий воинским частям, заводам, прокуратуре и т.д. Были случаи самовольного захвата помещений училищ и школ ФЗО со стороны военных ведомств, предприятий и т.д. [4, л. 19, 30].

В 1943 г. началось расширение жилого пространства школ и училищ Чкаловской области. В общей сложности, жилая площадь выросла на 8 184 кв. м, что в свою очередь, немного облегчило жизнь обучающимся.

Крайне тяжелым в 1942 г. было также положение с отоплением. Чкаловский горсовет не выделил училищам и школам ни дров, ни угля. Предприятия их также не снабжали. Из-за отсутствия топлива бездействовали бани, прачечные и дезкамеры. Стирка белья прачечными задерживалась до 2-х месяцев и производилась кустарным способом [15; 7, л. 45, 99–101].

Кроме того, в кладовых училищ и школ трудовых резервов чистое белье хранилось наряду с грязным, стирка не была налажена. Большая часть белья стиралась вручную, без вываривания и глажки, что приводило к массовому распространению вшей.

В ходе проверки общежития РУ №10, расположенного по ул. Пионерской, д. 10, члены проверочной комиссии были шокированы «чудовищной вшивостью учащихся». Часто учащиеся указанного общежития после бани одевали на чистое тело грязное белье, на котором копошились вши. Чистого белья не хватало на всех. Кроме того, «чистое белье на проверку оказывалось полностью покрыто гнидами, было видно, что его не стирают, а просто мочат и сушат». Ученики умывались только в банный день, поскольку мыло им на руки не выдавалось.

Совершенно не оборудованными к нормальным условиям жизни было большинство общежитий для обучающихся трудовых резервов области. Общежитие РУ № 3 совсем не было оборудовано умывальниками, учащиеся умывались и пили снег. Обучающиеся школы ФЗО №17 жили в палатках на двухъярусных нарах. В ряде общежитий (ЖУ № 4, 5; РУ № 9, школы ФЗО № 1, 5, 9, 18) были неплохие условия для проживания, но таких училищ по области были единицы [15; 8, л. 10–11, 105].

Лишь к 1944 г. удалось нормализовать бытовую жизнь учащихся. Расширились жилые площади до 25 000 кв. м, были обустроены спальные места, ликвидированы сплошные нары. Учащиеся стали регулярно ходить в баню, стирка и выдача белья производилась вовремя.

Таким образом, питание и жилищно-бытовые условия жизни обучающихся училищ и школ трудовых резервов Чкаловской области в начальный период войны были ужасными. И лишь к концу войны наблюдается их постепенное улучшение.

Список литературы

1. Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР. М.: Профтехиздат, 1961. 435 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2458. Оп. 3. Д. 7.
3. ГАОО. Ф. 2458. Оп. 3 Д. 20.
4. ГАОО. Ф. 2458. Оп. 3. Д. 9.
5. Котляр Э.С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: «Высшая школа», 1975. 240 с.
6. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 2458. Оп. 3. Д. 30.
7. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 6. Д. 134.
8. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7 Д. 145.
9. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 8. Д. 553.
10. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д. 215.
11. Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М.: Профтехиздат, 1961.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года «О государственных трудовых резервах СССР» (документ утратил силу) [Электронный ресурс] // Википедия: 2011–2019. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_2.10.1940_о_государственных_трудовых_резервах_СССР#cite_note-отменены-2 – 10.11.2020.

13. Чкаловская коммуна. 1940. 12 окт.
14. Чкаловская коммуна. 1940. 13 нояб.
15. Чкаловская коммуна. 1943. 18 февр.

В.С. Ешпанов

Воспоминания о трудовых буднях (из дневника тылового железнодорожника СССР периода Великой Отечественной войны)

Анализируется содержание дневника периода Великой Отечественной войны, автор статьи рассматривает перспективы и возможности его использования в современной историографической ситуации. В представленном материале, раскрыта повседневность советских тружеников тыла на примере тыловых Актюбинских железнодорожников. По обилию подробностей и затрагиваемых тем дневник является ценным, практически незаменимым источником, но его потенциал в воссоздании тыловой повседневности до сих пор недостаточно использован современными исследователями.

The content of the diary of the period of the Great Patriotic War is analyzed, the author of the article examines the prospects and possibilities of its use in the modern historiographic situation. The everyday life of Soviet home front workers is revealed in the presented material, using the example of the rear Aktobe railway workers. In terms of the abundance of details and topics covered, the diary is a valuable, almost irreplaceable source, but its potential in recreating everyday life in the rear is still underutilized by modern researchers.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дневник военного времени, тыловая повседневность, железнодорожники, тыл.

Key words: the Great Patriotic War, wartime diary, logistic everyday life, railway workers, rear.

Одним из традиционных и относительно изученных сюжетов истории Великой Отечественной войны является тема героических будней тружеников тыла, внесших существенный вклад в Победу над фашизмом.

Ведение дневниковых записей на протяжении всей войны – довольно редкий случай. Значительный интерес представляет рукописный дневник тылового железнодорожника Берчогурской дистанции Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги Ешпанова Жубана, который хранит немало сведений о трудовых буднях железнодорожников 8-й дистанции пути.

Дневниковые записи повествуют нам о выполнении плана ремонта пути по станции Берчогур которое проходило, по мнению автора, неудовлетворительно. Особенно плохо выполнялся план по капитальному ремонту пути. Невыполнение плана по капитальному ремонту пути было связано, прежде всего, с нехваткой рабочей силы и необеспечением материалами. Одновременно нужно отметить, что руководство дистанции недостаточно мобилизовало работников на обеспечение плана ремонта пути. Несмотря на то, что на территории дистанции располагался каменный карьер, и была возможность организовать заготовку щебенки, руководство этим не занялось и из-за от-

сутствия щебенки сорвало выполнение плана по укладке переводов на щебенку. По вине работников 8 дистанции в августе было допущено 9 браков. Всего на дистанции пути было 275 работников из которых в индивидуальных соревнованиях участвовало 137. Вообще, на дистанции трудилось 136 стахановцев, 22 лунинца и 108 ударников [1, л. 9].

На страницах дневника мы обнаружили данные о замене рельс на двух околотках дистанции. Первый околоток, на котором лежало 237 штук остро дефективные рельсы. На втором же околотке, остро дефективных рельс было 354 штук. Восьмой дистанцией пути был получен для сплошной смены новый рельс типа 1-А в количестве 1,4 км. Данные рельсы укладывались на 897, 896 и 895 км. На 888 и 890 км, остро дефективные рельсы типа 3-А были заменены на отремонтированные и переброшенные с 3-го околотка, после произведенной сплошной смены по 904 и 905 км. Рельсовые нити были уложены из дефектных рельс, поэтому происходили случаи схода подвижного состава. Станционная укладка путей задерживалась по причине отсутствия рельсов, которые требовались дополнительно для окончания работ первой очереди [1, л. 14].

На одной из страниц дневника, мы узнаем о браках, в работе восьмого околотка пути, произошедших в августе месяце. Было 37 случаев брака в работе паровозников. Из них по нагону пара – 21 случай, требование резерва – 3, опоздание на перегонах – 6, остановка по недостатку угля – 2, норма паровоза – 4, проезд контрольного столбняка – 1. Основной причиной большого количества браков являлись грубейшее нарушения правил технической эксплуатации.

Железнодорожники получали газеты, с выступлениями руководителей партии, обсуждали эти доклады на собраниях и митингах. Так, «доклада товарища Сталина к 25-ой годовщине Октября вызвал у железнодорожников Актюбинского отделения новую мощную волну социалистического соревнования и стахановского труда».

В то же время автор дневника утверждал, что «полит массовая работа на дистанции пути находится на низком уровне, районные партийные организации среди рабочих железнодорожного транспорта политической работы не ведут, как парторганизации и особенно коммунисты одиночки оторваны от руководящих парторганизаций и находятся вне всякой связи. Лекций, докладов и бесед с ними не проводится. Кроме исторического доклада и приказа товарища Сталина посвященного XXV-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, а также последних выступлений М.И. Калинина, доклада товарища Щербакова на торжественно-траурном заседании посвященного XIX-годовщине со дня смерти В.И. Ленина и материалов газет «Правда» и «Комсомольская правда», больше ничего не было сделано».

Из строк дневника мы узнали о проведении Лунинского движения и социалистических соревнований по восьмой дистанции пути. Первое место в социалистических соревнованиях паровозников заняли бригады паровозов Су 203-68 – машинисты Лубенец и Киселюк. В августе эти бригады сэконо-

мили 18,654 кг топлива. Техническая скорость паровозов 36,3, при норме 31,4 [1, л. 21]. Бригады не имели брака в работе и межпоездного ремонта. Они выступили инициаторами отделения паровозов к зиме своими силами без затраты государственных средств, обязались первыми получить паспорт готовности к зиме. Весь промывочный ремонт бригады произвели без помощи комплексных мер.

В соревновании цехов 1 место занял подсобный цех – во главе мастера Харламова. Средняя производительность труда в нем составляла 189%. Мастер цеха товарищ Харламов взял обязательство из месяца в месяц повышать производительность труда своего цеха. Надо сказать, эти обязательства выполнялись в ноябре – 245%, в декабре – 277%, в январе – 279%. 2 место занял цех промывки и подъемки – 165%, 3 место механический цех – 108%. Среди бригад первенство держали кузнецы – 233%, за ними котельщики – 212%, столяры – 184%. С сокращением простоев поездов под техническим осмотром, значительно сократились задержки поездов. В феврале – 23 товарных поездов, пассажирских – 6, то в апреле их стало – товарных 11, пассажирских 2 [1, л. 33].

В связи с уходом на фронт некоторой части железнодорожников, а также увеличенным объемом работ отделения пути испытывало большой недостаток в кадрах различных профессий. Проведенная подготовка кадров дала возможность в значительной мере устранить недостаток. Подготовка молодых кадров проходила в порядке индивидуального обучения, путем прикрепления обучающихся к высококвалифицированным работникам согласно планов, спущенных управлением железной дороги. Всего по дистанции обучалось в 1942 г. 19 чел., из них восемь человек работало на производстве по специальности [1, л. 46].

Углубляясь в записи дневника, мы находим интересные факты о трудовой дисциплине. В мае 1942 г., случаев нарушения трудовой дисциплины было два. Прогульщики были привлечены к судебной ответственности. Данные случаи обсуждались на собраниях рабочих. По состоянию трудовой дисциплины были проведены партийное и комсомольское собрание. В июне так же было два грубых нарушения дисциплины: сон на дежурстве путеобходчиков и 1 случай прогула. А в августе были и случаи отказа паровозников от поездки на работу и один случай самовольного оставления производства. К виновным были приняты меры административного характера.

Таким образом, дневник с его историческими записями становится не только прекрасным материалом для работы историков, краеведов, но и представляет собой объективную летопись отдельной темы. В дневниковом наследии военного времени «залегли» пласты информации разного рода. Наиболее объемны и ценны из них те, что характеризуют повседневность советских людей в период войны. Война оставила свой след в памяти тылового железнодорожника, вечное напоминание, о жутком прошлом изложенное в ежедневных записях дневника.

Литература

1. Государственный Архив Актюбинской Области (ГААО). Ф. 13. Оп. 15. Д. 34.

**Опыт преодоления эпидемии, вызванной применением
бактериологического оружия против действующей армии
в период наступательных операций (на примере 65-й армии в 1944 г.)**

Исследованы меры по предупреждению эпидемии сыпного тифа, связанной с применением бактериологического оружия в Домановичском районе Полесской области Белорусской ССР в 1944 г. На основе официальных документов и мемуаров участников событий проанализированы особенности санитарного и тылового обеспечения, позволившие локализовать эпидемию и предотвратить ее распространение на действующую армию. Выявлены противоречия в описаниях очевидцев относительно мер санитарного и тылового обеспечения, применявшихся для борьбы с эпидемией.

It was researched prevent measures against typhus epidemic in the Domanovichi district of the Polesie region of the Byelorussian SSR in 1944, where Wehrmacht used germ weapons. Based on official documents and bystander memoirs we analyzed specific of sanitary and rear support that allowed to localize the epidemic and prevent its spread to the field troops. It was investigated contradictions in the memoir descriptions of sanitary and rear support used to prevent the epidemic.

Ключевые слова: 65-я армия, Белоруссия, Озаричи, эпидемия, сыпной тиф, бактериологическое оружие.

Key words: 65th army, Belarus, Ozarichi, epidemic, typhus, germ warfare.

События последнего года актуализировали обращение к историческому опыту преодоления сложных эпидемических вызовов. Для военно-исторической науки данный вопрос также связан с проблемой применения бактериологического оружия. Возможность использовать инфекционные заболевания в качестве средства поражения (не только войск, но и гражданского населения противной стороны) известна издавна [см.: 9; 13, р. 497–502; 14, р. 971–975]. Но только в войнах XX в. бактериологическое оружие стали рассматривать как средство массового поражения. В годы Второй Мировой войны противоборствующие стороны вели соответствующие разработки, несмотря на подписание и ратификацию Протокола о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств [5]. Доказанным примером применения Вермахтом бактериологического оружия стала организация концентрационных лагерей в Полесской области, в Домановичском районе БССР (совр. – Гомельская область, Калинковичский район, Беларусь). Это произошло после завершения Красной Армией Калинковичско-Мозырской операции и при подготовке «Багратиона» [8, с. 556–559]. Находившиеся в лагерях намеренно заражались сыпным тифом. Выбор инфекции в качестве оружия определялся как ее высокой активностью, так и наличием эндогенного пути распространения (т. е. выздоровевшие имели высокий риск повторного заражения в течение жизни) [11, с. 84–94].

Цель нашей статьи – на основе опубликованных источников рассмотреть комплекс мер, направленный на ликвидацию эпидемии в условиях подготовки и проведения наступательных операций.

Концентрационные лагеря в Полесье известны по названию одного из них – Озаричи, где в 1965 г. был организован мемориальный комплекс. Еще два лагеря находились около посёлка Дерьт и деревни Подосинник [2, с. 383; 6, с. 399–414]. Официально ситуация в Полесье зафиксирована 26 апреля 1944 г. в Протоколе заседания Чрезвычайной государственной комиссии (под председательством главы СНК БССР П.К. Пономаренко). Данный материал на Нюрнбергском процессе представил помощник Главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнов, добиваясь, чтобы это преступление против человечности было оценено именно как организация концентрационного лагеря. Последнее было связано с тем, что «лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было ... Заключенные размещались прямо на земле. ... Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки» [8, с. 557].

Командующий 65-й армией генерал П.И. Батов «В походах и боях» уверял, что минимизировать масштабы эпидемии позволило своевременное получение данных разведки: «Разведчики донесли комдиву, что в окрестностях, на болотах, они видели лагерь: колючая проволока, за ней на холоде, без всяких укрытий, женщины, ребята, старики. ... Командир дивизии генерал Е.Г. Ушаков послал несколько подразделений – стремительным ударом отбить страдающих людей, пока их не постреляли фашисты. Но немецко-фашистское командование не дало приказ уничтожить заключенных в этих лагерях. Оно ждало другого. Русские солдаты бросятся к замерзающим женщинам, обнимут детишек, и тогда поползет в ряды наступающих советских войск сыпнотифозная вошь» [2, с. 382].

В.И. Кардашов в биографии К.К. Рокоссовского уверял, что тот приказал члену Военного совета Белорусского фронта К.Ф. Телегину: «Сделайте так, чтобы каждый солдат знал об этом лагере. Выберите представителей от полков и пошлите сюда. Это будет лучше любой политбеседы!» [4, с. 351].

Но мемуары участников боёв на этом направлении «выдают», что информация наступающим войскам не доводилась, и тем более не проводились политико-воспитательные «экскурсии». Например, воспоминания полковника И.Ф. Аврамова – начальника политотдела 82-й Ярцевской стрелковой дивизии явно указывают, что и действия советских войск, и сопротивление противника на данном направлении характеризовались высокой интенсивностью: «Наши части, овладев деревней Виша, вышли на дорогу, ведущую в Озаричи, где немцы закрепились на заранее подготовленном рубеже, представлявшем собой ряд господствующих высот. Подтянув артиллерию и минометы, они встретили наши части мощным огнем. Стало ясно, что без тщательной подготовки преодолеть эту оборону не удастся» [1].

О том, что о применении бактериологического оружия не было даже слухов (у обеих воюющих сторон) свидетельствуют и мемуары И.М. Третьяка: «В те дни газеты писали о победах советских войск в Белоруссии, где завершалось одно из крупнейших сражений. Бобруйский котел, минский котел, витебский котел – эти названия многократно повторялись в среде фронтовиков. Чумаков рассказал, что его гвардейцы на днях взяли двух пленных, которые с ужасом выкрикивали слова: «Паричи!», «Озаричи!». Переводчик при допросе обратил на это внимание, и выяснилось, что оба фашистских унтера побывали в районе небольших белорусских городков – Паричи и Озаричи, где наступавшие советские танкисты наголову разгромили немецкие подразделения и части. Как показали пленные унтер-офицеры, от их полка после боя осталось всего несколько десятков человек» [10].

Даже военные медики считали, что речь идёт об эпидемии среди «местного населения» (а не о попытке применения бактериологического оружия посредством сосредоточения в данном районе инфицированных людей из других местностей – среди заключённых были перемещённые из-под Смоленска, из Польши). М.Ф. Гулякин, чей медсанбат воевал в составе одной из дивизий 65-й армии (которой командовал генерал П.И. Батов), писал: «К нам приехал представитель эпидемиологического отдела военно-санитарного управления Белорусского фронта и главный патологоанатом фронта профессор Н.А. Краевский ... утром следующего дня он выехал в расположение одного из бывших гитлеровских концентрационных лагерей. Там предстояло выполнить большие противоэпидемические мероприятия. Николай Александрович участвовал и в работе комиссии по расследованию злодеяний фашистов в концентрационных лагерях близ поселка Озаричи. По приказу командования армии некоторые наши части принимали участие в освобождении населённых пунктов, вблизи которых находились лагеря. *Многие местные жители уже болели сыпняком*, среди же всех освобождённых больных было более 33 тысяч человек, в том числе свыше 15 тысяч – детей до 13 лет. В нашей дивизии благодаря комплексу профилактических мероприятий, проведенному медиками, случаев заболеваний сыпняком не было» [3, с. 156–157].

В научной литературе описывается четырёхзвенная система санитарно-эпидемиологического наблюдения в районах расположения войск и санитарно-эпидемиологической разведки (СЭР). К первому эшелону относились санинструктор роты, батальонный фельдшер и врач полка. Над ним надстраивались второй эшелон СЭР – дивизионное звено медслужбы (дивизионный эпидемиолог), третье – армейское звено, четвертый – фронтовое. Санитарно-эпидемиологическая лаборатория фронта имела в штате «эпидемиологический отдел, специализированные лабораторно-исследовательские отделения, отделения по заготовке питательных сред и реактивов, виварий лабораторных животных» [7, с. 165]. Для проведения мероприятий использовались временные противоэпидемические группы, отряды и бригады, которые формировали из военнослужащих тыловых частей, работников лечебных

и противоэпидемических учреждений. Это позволяло многократно обследовать фронт, очистить его от эпидемических очагов, оставленных противником: «По имеющимся данным, за время Великой Отечественной войны было обследовано 44 696 населенных пунктов, выявлено 49 612 очагов сыпного тифа [7, с. 165]. Но воспоминания участников событий в Белоруссии (от Маршала и до командиров тактического звена) не содержат никакого упоминания о подобных формированиях, а главное – описаний их действий. Даже в упомянутом выше отрывке из мемуаров генерала П.И. Батова речь идет об обычной дивизионной разведке, а не о СЭР.

Согласно документам, озвученным советской стороной в Нюрнберге, «19 марта 1944 г. наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков. ...Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР» [8, с. 556–557].

«Командование фашистской армии, для того чтобы следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди советского населения и военнослужащих Красной Армии, специально заслало в концлагеря своих агентов. Один из задержанных немецких агентов – Расторгуев Ф. показал: "Начальник абвергруппы 303 сообщил мне о том, что в лагеря советских граждан направлено свыше 2000 человек, зараженных сыпным тифом. На следующий день мне, по распоряжению начальника абвергруппы 303, специально сделали противотифозную прививку, и я был направлен в лагерь. Мне было дано задание направиться в лагерь советских граждан, который находился западнее местечка Озаричи. После того как уйдут немецкие войска, я должен был следить за распространением эпидемии сыпного тифа в Красной Армии и доносить об этом своему начальству"» [2, с. 384–385].

Результат инфекционного поражения был довольно масштабным: 19-й стрелковый корпус генерал-майора Д.И. Самарского был переведён во второй эшелон, т.к. в нём проводились противоэпидемические мероприятия [2, с. 386, 388]. Для преодоления эпидемии советским командованием задействовались медицинский персонал трёх армий, были развёрнуты обмывочно-дезинфекционные роты и банно-прачечные отряды, 25 инфекционных полевых подвижных госпиталей (ИППГ). Каждый ИППГ располагал 100 штатными койко-местами, имел собственный санитарный транспорт, что позволяло эвакуировать заболевших из изоляторов медико-санитарных батальонов, рот и других медицинских подразделений для лечения в госпитале.

Эти меры блокировали распространение инфекционных заболеваний из действующей армии в тыл [7, с. 165].

Для уничтожения насекомых – переносчиков инфекции – использовались автомобильные паровоздушные камеры для дезинфекции, в которых выхлопными газами и парами формальдегида обрабатывалась одежда и уничтожались вши. Освобождённое из лагерей население эвакуировалось для лечения в тыл, для чего выделялся автомобильный транспорт и авиация [2, с. 385; 6, с. 409]. Проблема лечения уже заболевших решалась применением пенициллина (крустозина ВИЭМ). Проводилась вакцинация (препаратом М. М. Маевского и М. К. Кронтовской и вакциной А. В. Пшеничного) [12; 7, с. 162; 11, с. 87–88]. Несмотря на принятые меры, из 3 000 чел. личного состава, задействованных в проведении леченых и противоэпидемических мероприятий, почти 8% заразились сыпным тифом. Но масштабной эпидемии удалось избежать.

Причиной успеха Красной Армии в преодолении эпидемии сыпного тифа при подготовке к операции «Багратион» стоит признать хорошо отлаженную противоэпидемическую систему и тыловое обеспечение, позволившие за счет медицинских и санитарно-гигиенических мер не допустить распространения болезни в действующей армии.

Список литературы

1. Аврамов И.Ф. 82-я Ярцевская: Боевой путь 82-й Ярцевской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1973. 216 с. URL: http://militera.lib.ru/h/avramov_ia01/avramov_ia01.html (дата обращения: 07.12.2020).
2. Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. 528 с.
3. Гулякин М.Ф. «Будет жить!..». Фомин А.И. На семи фронтах. М.: Воениздат, 1989. 368 с.
4. Кардашов В.И. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1980. 446 с.
5. Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. URL: <https://base.garant.ru/2560403/> (дата обращения: 07.12.2020).
6. Расс К. Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте / пер. с нем. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2013. 496 с.
7. Сердюкова С.В., Доброскок Л.В. Противоэпидемическое обеспечение Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Память о прошлом–2020. Сборник докладов и сообщений IX историко-архивного форума (Самара, 23–24 апреля 2020 г.) / сост. О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. Самара: РГА в г. Самаре, 2020. С. 162–167.
8. Стенограмма Нюрнбергского процесса / пер. с англ. и составление С. Мирошниченко. Т. VI. М.: Милитера, 2019. 580 с.
9. Супотницкий М.В. Биологическая война: Введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений. М.: Русская панорама, 2013. 1136 с.
10. Третьяк И.М. Храбрые сердца однополчан. М.: Воениздат, 1977. 251 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/tretyak_im/05.html (дата обращения: 07.12.2020).
11. Шпынов С.Н., Пантюхина А.Н., Белоусова Л.С., Тарасевич И.В. Исторические аспекты разработки и применения вакцин против эпидемического сыпного тифа (материалы для подготовки лекции) // Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. 2019. № 1 (28). Т. 8. С. 84–94.

12. Яцимирская-Кронтовская М.К. Сыпной тиф и борьба с ним. М.: Центр. ин-т сан. просвещения, 1942. 24 с.
13. Barras, V., Greub, G. History of Biological Warfare and Bioterrorism // Clinical Microbiology and Infection. 2014. Vol. 20. № 6. P. 497–502.
14. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // Emergin Infectios Diseases. 2002. № 9. Vol. 8. P. 971–975.

Д.А. Буюкли

Повседневность жизни православных заключенных тыловых областей Верхнего Поволжья в 1941–1945 гг.

В статье приводятся результаты исследования того, какова была жизнь верующих тыловых регионов в заключении. В исследовании показано, каким образом конструировалась религиозная повседневность арестантов, как проходила адаптация к новым условиям ввиду милитаризации жизни в стране, каким способами переживалась социокультурная травма неволи. Сделаны выводы о советской специфике лагерной жизни верующих. Представлены некоторые дискуссионные вопросы о повседневной жизни осужденных верующих, рассматриваемые в современной исторической науке.

The article presents the results of a study of what the life of believers in the rear regions was like in prison. The study shows how the religious everyday life of prisoners was constructed, how the adaptation to new conditions took place due to the militarization of life in the country, and how the socio-cultural trauma of captivity was experienced. Conclusions are drawn about the Soviet specifics of the camp life of believers. Some debatable questions about the daily life of convicted believers considered in modern historical science are presented.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская Православная Церковь, советская повседневность, социокультурная травма, советские верующие

Key words: Great Patriotic war, Russian Orthodox Church, Soviet everyday life, socio-cultural trauma, Soviet believers.

С началом Великой Отечественной войны глубокие изменения произошли во всех сферах жизни советского общества. Неоднозначные и сложные процессы, которые происходили в системе взаимодействия с религиозными организациями, оказывали противоречивое влияние на самую массовую конфессию в Советском Союзе – Русскую православную церковь. В отечественной и зарубежной историографии выявлены некоторые области столкновения мнений историков о роли религиозных организаций в годы Войны, о степени политического взаимопонимания власти и церкви, о негативном и благотворном влиянии этих институтов власти. В русле динамично развивающихся направлений в исторической науке (новая культурная история, интеллектуальная история, история повседневности и т.д.) рассматривали проблему религии в СССР в военное время как зарубежные авторы (стоит упомянуть работы Грегори Фриза, Джейн Эллис), так и отечественные исследователи (Л.И. Репина, Ю.А. Поляков, И.Б. Бутенко и др.). Последний писал: «Види-

мо, поэтому историки веками игнорировали обыденную жизнь, отдавая предпочтение явлениям более сложным и проблемным: королям и дипломатам, войнам и революциям. А между тем только в рамках этого повседневного мира рождается и растёт человек, расцветает культура, искусство, наука и религия» [2, с. 25]. А исследователь Л.И. Репина подчеркнула необходимость изучать «механизмы и факторы формирования индивидуальных и коллективных представлений (в семейно-родовых, этнических, локально-территориальных, статусно-сословных, профессиональных, религиозных, политических и других группах)» [14, с. 12]. Бесспорно одно: православие в регионе – это в первую очередь люди, – верующие и священнослужители. Поэтому в данной статье проведен анализ некоторых аспектов религиозной повседневности в Верхней Волге в период Великой Отечественной войны, стремительно изменившей жизнь каждого советского человека.

Религиозная жизнь человека примечательна тем, что события в ней упорядочены и повторяемы. А это, в свою очередь, является одним из ключевых признаков в определении «повседневности», согласно исследователю Н.Л. Пушкаревой. Ю. Лотман называет бытовое поведение «обрядовым» [8, с. 249], что также подчеркивает периодический характер практик, которые можно считать объектами исторического исследования.

Комплексного исследования по теме до сих пор не существует. Исследователями рассматривались вопросы состояния церковных зданий, вопросы открытия храмов и их передачи под чужие нужды. Историк церкви игумен Дамаскин (Орловский) писал о жизни заключенных в годы Войны, социокультурной травме, нанесенной верующим и пастырям РПЦ. Вопросы исполнения религиозных обрядов частично описаны в работах М.И. Одинцова, во многом опиравшегося на материалы архивов НКВД.

Для описания эмоционального мира советского верующего, анализа стратегий его выживания в тыловых регионах на основе принципов истории повседневности был отобран источниковый материал, включающий в себя инструктивные письма уполномоченным при Совете по делам Русской православной церкви СНК СССР, переписку уполномоченных с обкомами, мемуары и письма участников событий, региональную периодическую печать.

Милитаризация жизни людей, начавшаяся в 1920–1930 гг. во время Войны поднялась на новый уровень. Военным нуждам подчинялись все сферы жизни людей, в том числе и духовная. Изменился быт и повседневность верующих тыловых регионов.

Многие православные встретили войну, отбывая наказание в концентрационных лагерях. В тыловых епархиях Верхнего Поволжья на этот момент не велась статистика пострадавших за веру – кафедры Ярославля и Иванова вдовствовали долгое время. Сборники материалов «За Христа пострадавшие» и «Все мы Христовы», информация, собранная в ходе ведения исследовательских проектов ПСТГУ, региональные книги памяти, интернет-проект «Прожито», публикующий личные дневники, помогают восстановить картину жизни заключенных Верхневолжского региона. По неполным данным за

годы войны в места заключения попали, а затем были реабилитированы как пострадавшие за веру более 1 000 человек из Ярославской, Ивановской, а с 1944 г. – Костромской и Владимирской областей [подсчитано автором по сборникам: 3; 9; 10; 15].

Повседневная жизнь верующих до заключения была наполнена повторяющимися привычными практиками, в числе которых немаловажную роль играло посещение церкви. Слом установленного порядка жизни происходил в момент ареста. Резкий и насильственный переход в состояние нечлена общества, маргинала, предвещал подозреваемым социальную гибель. Материалы уголовных дел свидетельствуют о том, что спец. службы, в том числе НКВД, работали над поиском внутреннего врага и в годы войны, аресты происходили регулярно [3].

Обвинения священнослужителям и пастве предъявлялись как по групповым делам, так и по индивидуальным. Служители Катокомбной церкви Савицкие Евгений и Петр были осуждены в 1944 г. (29.07 и 30.12 соответственно) как «участники церковно-монархической организации» по групповому делу «Дело подпольного Киевского Ставропигиального монастыря. Киев, 1944 г.» [6]. А епископ Василий (Преображенский Вениамин Сергеевич) служил в селе Котово, в небольшом храме, устроенном на огороде в бане. Обычно на службах присутствовали только самые близкие люди. Скоро в селе образовался кружок. Работа домашней церкви не осталась незамеченной. Арест произошел в 1943 г. по обвинению «сторонник "Истинно Православной Церкви", активная а/с деятельность, организация домашней церкви» [4, л. 76]. Архимандрит Павел Груздев, к началу войны служивший еще певчим в церкви в г. Тутаев, проходил по коллективному делу «Групповое дело иеромонаха Николая (Воропанова), Павла (Груздева) и др., Ярославская о., г. Тутаев, 1941 г.» и в июле 1941 г. был приговорен к 6 годам лишения свободы [1, с. 400–405].

Нередко момент ареста становился бесповоротной трагической минутой для родных и близких будущего осужденного. По замечанию А.А. Колдушко: «близкие совершенно справедливо недоумевали, почему арестовали невиновного: отца, мужа, сына; при этом аресты других, даже знакомых людей, воспринимались спокойно, как нечто заслуженное и разумное. Вероятно, на этот процесс разделения на «своих» и «чужих» большое влияние оказал советский пропагандистский нарратив, который активно эксплуатировал идею усиления классовой борьбы в процессе строительства социализма. Это позволяло принимать аресты «чужих» как справедливое явление, а собственный арест и арест родного и близкого человека вызывал внутренний протест и непонимание» [7, с. 50]. Прихожанка Елена Чичерина, испытавшая на своем опыте ужасы ссылки (добровольно отправилась в лагерь со своим духовным наставником, архимандритом Георгием (Лавровым)), прекрасно осознавала, какой опасности она подвергает своих близких, поэтому допрос по обвинению в антисоветской агитации выдержала стойко: «Я категорически отказываюсь называть своих знакомых, посещавших нашу квартиру, т.к. не хочу их

выдавать. Нелегальные собрания молодежи в квартире моего брата были несколько раз. Кто на них присутствовал, я говорить не буду» [9]. Для многих репрессированных арест становился первым этапом на пути формирования индивидуальной травмы, своеобразной социальной инверсией.

Несмотря на суровость в отношении верующих, количество арестов в годы войны по делам верующих значительно сократилось. Еще одним свидетельством новой государственно-церковной политики стало смягчение смертных приговоров и замена их на пребывание в концентрационном лагере. Так, монаху Павлу Петровичу Савицкому приговор – высшая мера наказания, расстрел – был заменен на 10 лет ИТЛ с погашением неотбытого срока по первой судимости [4].

Адаптация к жизни, несомненно, становилась важным этапом в попытках вернуть свое место в социуме или обрести новое. Поражения в правах, возможно, не всегда были зафиксированы юридически, но ограничения и лишения продолжались. Вышедшие на свободу не могли воссоединиться со своими семьями, не могли найти работу, не могли селиться там, где хотели. Прихожанин Алексей Владимирович Чичерин после ссылки на Урал не имел права жить в крупных городах, поселился в Костроме с 1938 г. Проживал до 1946 года. Работал чернорабочим, несмотря на стаж и образование (был профессором зарубежной литературы в университете во Львове) [18].

Некоторые репрессированные верующие не смогли пережить тягот и лишений лагерной жизни, погибали во время отбытия срока. Привычный процесс прощания с умершим был фактически уничтожен советской судебной системой, многие члены семей осужденных даже не знали, жив ли их родственник или нет. Проводившаяся в этом случае процедура захоронения сводилась к формальностям. Материалы ГА РФ позволяют рассказать о том, как изменилась процедура захоронения в военное время. Трупы разрешалось хоронить без одежды, в братских могилах, с дощечками без имен и фамилий (только присвоенный в лагере номер) [5, л. 190]. Также хоронить умерших разрешалось без гробов в особом отсеке кладбищ. Дабы не возбуждать «нежелательные суждения» родственников о причине смерти начальникам управления лагерей было рекомендовано не писать диагноз «истощение» как основной, всегда добавлять к нему сопутствующие заболевания, приведшие к летальному исходу [5, л. 103].

Таким образом, информация о состоянии здоровья и причине смерти осужденного могла преподноситься родственникам в искаженном или неполном виде. Так, Ярославец Василий Никанорович Абиссов, сын священнослужителя, участник боевых действий с 1915 по 1922 гг. в должности командира роты полевого отделения был арестован 23 июня 1941 г. за порожественную агитацию на 10 лет. 27 января 1943 г. приказом по Новосибирскому ИТЛ НКВД был освобожден по болезни и выслан к месту поселения – ст. Чиназ Ташкентской области. К месту ссылки не прибыл. Место смерти и погребения неизвестно [10]. Уроженка Владимирской земли Марфа Ивановна Кондратьева являлась членом церковно-приходского совета и старостой

церкви. 24 декабря 1941 г. была арестована за антисоветскую агитацию и упаднические настроения. Из материалов допроса: «Будучи активной церковницей и враждебно настроенной против Советской власти, проводила антисоветскую агитацию среди населения...». Виновной себя не признала. На допросе показала: «Виновной я себя не считаю, никаких враждебных настроений я не высказывала и антисоветской агитации среди населения не вела. Прихода немцев я также не ждала, а вещи из церкви хранила, потому что мне это было поручено церковным советом» [13, с. 67].

Многие смогли вернуться к долагерной жизни, нашли свое место в изменившемся для них мире, не утратили патриотических чувств к родине. Показательна в этом вопросе история репрессированных фронтовиков. Настоятель Воскресенской церкви в городе Буй нынешней Костромской области протоиерей Николай (Чуфаровский Александр Матвеевич) в годы войны не оставил церковной службы (1942–1943 гг.), вел патриотическую работу и был награжден медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.» [12]. А арестованный по делу «Ленинградского отделения истинно-православной церкви» на 3 года активный прихожанин, псаломщик, певчий, регент церковного хора, Василий Валентинович Дягилев в годы Войны работал военным врачом. 6 августа 1945 г. был награжден орденом Красной Звезды за участие в боевых действиях на территории Венгрии и Австрии. За участие в Великой Отечественной войне награжден также орденом Отечественной войны 2-й степени (1985 г.) и 14 боевыми медалями [15]. Архимандрит Павел Груздев продолжал служение в церквях Казахстана и Ярославской области [16, с. 25]. Согласно его воспоминаниям, в лагере также удавалось «найти место Богу» – в воспоминаниях автор описал момент причащения пожилых осужденных в церкви недалеко от места расположения лагеря, проведенное с разрешения лагерного начальства [1, с. 400–405].

Некоторым удавалось принять тяжелый багаж вынесенных лишений и вновь приобщиться к религиозной жизни. Активная прихожанка Елена Владимировна Чичерина, вернувшись из лагеря, осталась верной Церкви и всю жизнь связала со служением богу. В 1948 г. она окончила художественную школу в Костроме, расписывала храмы [9]. Обновленческий священник Софроний (Сергей Николаевич Иванцов) после отбытия срока проживал в Костроме, находясь за штатом. С 1944 г. работал управляющим делами при «митрополите» Александре (Введенском), позже служил в Ульяновской и Новосибирской епархиях [11].

Но, помимо субъективной рефлексии, стоит отметить попытки коллективного осмысления случившегося. Дочери арестованного и погибшего в лагере отца Григория (Синицкого) Фаина и Серафима вели обширную переписку и поддерживали очень многих безвинно пострадавших. Их мать Людмила Ивановна после кончины отца Григория до конца своей жизни переписывалась с владыкой Афанасием (Сахаровым), с которым познакомился в заключении о. Григорий, поддерживала его в течение 24 лет [17].

Таким образом, изучив повседневные практики религиозной жизни заключенных верующих в годы войны на примере Верхней Волги можно выделить отличительные особенности данного процесса. Несомненно, привычный уклад жизни верующих изменился дважды – в момент ареста и в условиях перестройки жизни на военные рельсы. Переживания, связанные с внутренней и социокультурной травмой осужденных, так и не стали коллективными. Вынужденные осмыслять прожитые в неволе годы верующие проходили разные формы рефлексии, имевшие место в различных кругах (индивидуально, в кругу родных и близких, в переписке и общении с единомышленниками, братьями по вере). Тем не менее, стоит заметить недостаточное внимание потомков к данной проблеме, попытки дистанцироваться от проговаривания боли осужденных за веру и их переживаний.

Список литературы

1. Архимандрит Павел (Груздев). М.: «Отчий дом», 2006. 732 с.
2. Бутенко И.Б. Социальное познание и мир повседневности: горизонты и тупики феноменологической социологии. М.: Наука, 1987. 144 с.
3. Все мы – Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную. 1918–1953: в 3 т. / сост. Епископ Вениамин (Лихоманов), монах Игнатий (Волков), Жесткова Н.В., Менькова. Ярославль, 2012.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263.
5. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 2762.
6. Дело подпольного Киевского Ставропигиального монастыря (Д. 147951) // Сайт Общества «Мемориал». Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. URL: <http://www.histor-ipt-kt.org/KNIGA/kiev.html> (дата обращения: 24.11.2020).
7. Колдушко А.А. «Травма неволи» как вид социокультурной травмы в годы Большого террора (1930-е годы) // Технологос. 2019. № 3. С. 47–60.
8. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
9. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. URL: http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans?potextdecor (дата обращения: 23.11.2020).
10. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 01.12.2020).
11. Простите, звезды Господни: Исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? / сост. В. А. Королев. Фрязино: Содружество «Православный паломник», 1999. С. 231–238.
12. Прот. Алексей Скобей, настоятель Феодоровского кафедрального собора в Ярославле. Архиепископ Николай // ЖМП. 1967. № 5. С. 27–30.
13. Проценко П.Г. Цветочница Марфа: Документальная повесть. М.: Русский путь, 2002. 280 с.
14. Репина Л.И. Исторические представления и культурное многообразие мира // Диалог со временем. 2006. № 16. С. 5–14.
15. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие / отв. ред. прот. Владимир Сорокин; сост. Бовкало А.А., Галкин А.К., Попов И.В., Соколова Л.И., Шкаровский М.В. 2-е изд., доп. СПб., 2002. 280 с.

16. Синодик священнослужителей и мирян Ярославской епархии, пострадавших в годы гонений. Романов-Борисоглебск (г. Тутаев): Изд-во «Соборъ», 2003. 103 с.
17. Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации. Д. Р-35593.
18. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40232.

М.С. Зинич

«Социальный вызов» военного времени: инвалиды Великой Отечественной войны

В статье проанализирована государственная политика СССР в области социального обеспечения. Рассмотрены жизненные стратегии военных инвалидов. Отражена адресная помощь бывшим фронтовикам. Отмечены общественные инициативы в гуманитарной сфере.

The article analyses the USSR state policy in the field of social security. The life strategies of military invalids are considered. Targeted assistance to former front-line soldiers is covered. Public initiatives in the humanitarian sphere are noted.

Ключевые слова: война 1941–1945, инвалиды, способы адаптации, милосердие.

Key words: war 1941–1945, disabled people, ways of adaptation, mercy.

Великая Отечественная война послала Советскому Союзу мощный «социальный вызов» (миллионы инвалидов, вдов, сирот). В чрезвычайной ситуации определенными приоритетами в социальной политике государства пользовались военные инвалиды. Тяжелых судеб было немало. В военное время было демобилизовано из армии по состоянию здоровья 2 576 000 инвалидов, что составляло 11,9% от убыли личного состава и 7,5% от общего количества призывавшихся [9, с. 139–140]. Среди них было около 450 000 тяжело изувеченных взрывами и осколками людей – с ампутированной рукой или ногой [12, с. 29].

Государство выплачивало бывшим фронтовикам пенсии, ассигнуя на эти цели крупные денежные средства. В Российской Федерации эта сумма в 1942–1943 гг. превысила 2 млрд р.; в 1944 г. – 1,6 млрд р. [7, л. 2–3].

Новые задачи в области обслуживания инвалидов войны потребовали перестройки аппарата республиканских Наркоматов социального обеспечения (НКСО) в начале войны. В их составе были образованы отделы государственного обеспечения инвалидов войны; трудового устройства и обучения; врачебно-трудовой экспертизы и др. В связи с увеличением данной категории населения и масштабов работ по ее обслуживанию отделы в 1943 г. были преобразованы в самостоятельные управления.

Одним из направлений поддержки бывших воинов стало продовольственное снабжение. С 1943 г. для инвалидов в ряде городов стали создавать-

ся специальные магазины и столовые закрытого типа, а в небольших городах отводились отдельные залы. Так, в Москве в 1944 г. было оборудовано 25 продовольственных и 7 промтоварных магазинов. Для инвалидов I и II групп организованы столы заказов, доставляющие товары непосредственно на дом [17, л. 2–3]. Но в условиях продовольственного кризиса в их снабжении были и сложности и недостатки, о которых свидетельствуют многочисленные письма в местные и высшие органы власти, показывающие также беспросветную повседневность.

Уже в военное время законодательством были установлены льготы в области социального обеспечения инвалидов. Работавшим на предприятиях и в учреждениях сохранялась выплата пенсий независимо от заработка, а работавшим в аграрном секторе экономики – независимо от размера их дохода. Они освобождались от платы за обучение в техникумах и вузах; пользовались правом первоочередности при получении жилой площади.

Инвалиды войны I и II групп освобождались от уплаты военного налога и от обложения налогом на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР. Хозяйства колхозников и единоличников, в состав которых входила указанная категория граждан, полностью освобождались от сельхозналога [8, л. 16–20]. Но в повседневной жизни были и нарушения закона, и невнимательное отношение к запросам нуждавшихся людей.

Солдаты и офицеры, пролившие кровь за Родину, нуждались в лечении. Организация специализированного лечения инвалидов войны и скорейшего восстановления их трудоспособности являлась одной из важнейших задач, стоящих перед здравоохранением. Медицинская наука, практика лечебных учреждений в военное время были направлены на то, чтобы не только сохранить жизнь вышедшему из строя воину, но и вернуть ему силы, работоспособность. Начали применяться методы восстановительной хирургии. Большую группу среди пострадавших составляли инвалиды с повреждением конечностей. Для их лечения были предоставлены медицинские и научные учреждения, в том числе Центральный институт травматологии и ортопедии, Ленинградский травматологический институт, Свердловский институт травматологии и ортопедии. Ученые-медики, критически изучая наследие прошлого и обобщая опыт медицины военного времени, разработали новые методы диагностики и лечения, открыли много эффективных лекарственных средств, создали оригинальные приборы и лечебные препараты. Благодаря всенародной помощи и самоотверженному труду медиков и ученых свыше 10 млн воинов получили врачебную помощь, 72,3% раненых и 90,6% больных возвратились в строй [3, л. 15–18; 13, с. 4].

В 1944 г. свыше 20 тыс. инвалидов войны были посланы на курорты и в дома отдыха. В 1945 г. начали функционировать санатории Крыма и Кавказа [1, л. 34]. Они были организованы на базе старых зданий, требующих ремонта. Некоторые были расположены на значительном расстоянии от линии железных дорог и нередко на неблагоустроенных участках. Из-за недостатков организации нормального обслуживания инвалидов поступали жалобы от

находившихся на лечении ветеранов в Сочи, Баку, Львове и других городах. Об этом были проинформированы заместитель наркома обороны А.В. Хрулев и начальник Главного санитарного управления НКО генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов в марте, июле 1945 г. Приведем письмо из мест лечения и отдыха. «В Кисловодске я жил хорошо, а в Сочи, наверное, умру с голода и холода. На завтрак дают одно и тоже: 3 ложки толченой картошки, кусок омлета из соевой муки, иногда стакан горячего чая. На обед – два половника супа – одной воды, 2 ложки картофеля. В ужин – соевая каша и чай. Очень холодно, в палате мерзнут ноги. Спим по два человека на койке [21, с. 419–420].

Проблема лечения инвалидов не потеряла своего значения ни к концу войны, ни в более позднее время. Органы здравоохранения были недостаточно подготовлены к работе по организации специализированной помощи военным инвалидам. Особенно не хватало хирургов. Из 13 тыс. хирургов, работавших в системе советского здравоохранения накануне фашистской агрессии, значительная часть была передана Красной Армии. В соответствии с приказом Наркомздрава СССР «Об организации специализированной лечебной помощи инвалидам Отечественной войны» (14 мая 1943 г.) в республиках открывались больницы восстановительной хирургии, специальные койки создавались при 12 клиниках институтов. В РСФСР в 1945 г. имелось 17 таких больниц [4, л. 21–23].

Наиболее тяжелой инвалидностью была слепота. В системе Наркомздрава РСФСР функционировало 5 специализированных глазных госпиталей по 250–400 коек каждый и 42 отделения при общехирургических госпиталях [15, с. 401–402].

Для тех инвалидов и престарелых, за которыми некому было ухаживать, создавались дома инвалидов. (Постановлением СНК РСФСР от 15 декабря 1942 г. часть домов инвалидов была реорганизована в интернаты общего и больничного типа). К лету 1944 г. в Российской Федерации имелось 323 дома инвалидов и 136 интернатов [19, с. 245–246]. Однако в связи с нехваткой денежных средств, оборудования, инвентаря, товаров широкого потребления в половине интернатов и домов инвалидов материальное обеспечение было неудовлетворительным (особенно в Татарской АССР, Горьковской и Омской областях, в освобожденных от оккупации районах). Не хватало и полного медицинского обслуживания. Фронтовики нуждались еще и в специальной психологической поддержке.

Трудно теперь сказать, какую бездну горя, какие нравственные муки пришлось претерпеть изувеченным на фронте солдатам. На 1 января 1946 г. в домах инвалидов войны и в интернатах проживало 48 276 чел. Специальные интернаты для содержания солдат-калек располагались в отдаленных от глаз людских местах (на острове Валаам, в заброшенных монастырях). Трагическая судьба этих солдат остается вне исторической памяти. Многие из них числятся без вести пропавшими [10, с. 156]. Существование инвалидов в этих учреждениях поддерживалось всенародно собранными рублями, искренним

сочувствием, дружеской рукой соотечественников. В многочисленных пожертвованиях военным инвалидам проявлялось христианское милосердие.

Важным видом адресной помощи бывшим фронтовикам явилось их трудовое устройство, производственное обучение и переквалификация. В постановлении Совнаркома СССР от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» указывалось на необходимость организации массового обучения новым специальностям тех лиц, которые не могли трудиться на прежнем месте. Эта задача была возложена на наркоматы социального обеспечения союзных республик. В РСФСР осенью 1942 г. были трудоустроены 70% инвалидов III группы и 43,6% инвалидов II группы [5, л. 4]. Специальное постановление СНК СССР от 20 января 1943 г. «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны», обязывало республиканские НКССО устроить на производство всех неработающих инвалидов III группы. А это было связано с производственным обучением и переквалификацией в профессиональных школах и учебных мастерских; предоставлением путевок на санаторно-курортное лечение, протезированием и т.д. С конца 1941 г. в профессиональных школах системы НКССО была введена оплата работы обучающихся за изготовление изделий. Это решение наряду с бесплатностью обучения, сохранением стипендии направлялось на улучшение материального положения семей [18, с. 107–108].

По неполным данным Наркомата социального обеспечения РСФСР в 1943 г. различные курсы и школы окончили 38,8 тыс. чел. Однако, как отмечалось в годовом отчете наркомата, план подготовки не был выполнен, хотя сроки обучения были сокращены. В 1944 г. обучение и переквалификация бывших воинов в системе социального обеспечения проводились в 42 профшколах с различными профилями обучения. Подготовка велась по 16 специальностям. За год свыше 40 тыс. инвалидов войны было обучено различным профессиям и ремеслам. А план выпуска учащихся, как и прежде, не был выполнен [6, л. 14, 20].

Существующая к концу войны сеть профшкол была не в состоянии решить проблему профессиональной подготовки инвалидов войны, особенно в сельской местности, где их проживало свыше 50%. Не лучше обстояло дело в городах. Только в 15 областных центрах были созданы профшколы для обучения инвалидов Отечественной войны.

Рост контингента инвалидов, вовлеченных в промышленность и сельское хозяйство, сдерживало слабое развитие протезирования в СССР. Работа научно-исследовательских подразделений в области организации труда и экспертизы трудоспособности инвалидов значительно отставали от жизни. Они несвоевременно откликались на те коррективы, которые вносила практика. Люди сталкивались с бессердечием. Страницы писем в различные инстанции наполнены болью и отчаянием. По заданию руководящих органов страны проводились проверки работы Наркомсобеса РСФСР по трудовому устройству, профессиональному обучению и протезированию инвалидов войны. В справке, направленной в ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, проводивший

проверку работы НКСО РСФСР в августе 1943 г. заместитель главного контролера Наркомата государственного контроля Л. Насонов отмечал «в ряде случаев совершенно нетерпимое отношение к их нуждам» [16, л. 53–53 об.].

Трудоустройством инвалидов занимались и кооперативные организации инвалидов, Всероссийское общество слепых, Всероссийское общество глухонемых, существующие с 1920-х годов. Кооперации инвалидов создавали и развивали производственные и торговые артели инвалидов, ремонтно-починочные мастерские. Для более успешного осуществления задач, стоящими перед артелями, они объединялись в многопромысловые и специализированные республиканские, краевые, областные, городские союзы артелей инвалидов. Советское государство предоставляло им льготы и преимущества. В целом по стране к концу 1944 г. число инвалидов, вернувшихся к трудовой деятельности, возросло до 907 тыс. чел. против 562,4 тыс. в начале года [2, л. 1].

Данные выборочных обследований использования труда инвалидов показали, что половина работающих в промышленности была занята по своей прежней профессии, около одной трети переменили специальность в связи с характером инвалидности, но не снизили квалификации, остальные использовались на неквалифицированной работе. Люди, потерявшие здоровье при защите Родины, пройдя соответствующую подготовку, получали квалификацию, занимали разные должности. Они руководили местными советами, фабриками, цехами, колхозами и бригадами [14, с. 18].

Вместе с тем часть инвалидов, не приобретших специальности и не имевших возможности устроиться на работу, занималась попрошайничеством, бродяжничеством. «Нищие победители», как их называют отдельные авторы [20, с. 290–297]. «Обращение к социальным аномалиям, безусловно, открывает новые перспективы изучения и советской повседневности, и отношений в системе государство-индивид; общество-власть», – отмечает известный историк Е.Ю. Зубкова [11, с. 288].

В 1941–1945 гг. помощь государственным органам в улучшении материально-бытового положения ветеранов, проливших кровь за Родину, и приобщении их к трудовой деятельности оказывали общественные организации (профсоюзы, комсомол). Большое значение для «пограничных» слоев общества-инвалидов, оказавшихся в группе риска, имела гуманитарная адресная помощь со стороны широкой общественности – людей разных национальностей и возрастов. Как свидетельствуют архивные документы, в городах и селах проводились месячники, субботники, воскресники, во время которых выдавались деньги, одежда, продукты, производился ремонт квартир нуждавшимся. Это способствовало улучшению морального состояния, настроения как бывших воинов, так и фронтовиков, укреплению единства армии и народа.

Таким образом, Советский Союз, получив «социальный вызов», посланный войной, мобилизовал ресурсы государства и общества для оказания помощи этой пострадавшей группе социума. К сожалению, не все вопросы, связанные с защитой прав и интересов военных инвалидов решены и в XXI в.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 29. Д. 114.
2. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 29. Д. 129.
3. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 219.
4. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 35. Д. 2.
5. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 249.
6. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 383.
7. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 460.
8. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 520.
9. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993.
10. Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019.
11. Зубкова Е.Ю. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе, 1940–1960-е годы // Труды Института российской истории РАН. М.: Наука, 2013. Вып. 11.
12. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М.: РОССПЭН, 2000.
13. Кузьмин М.К. Героизм медицинских работников и достижения советской медицины в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1968.
14. Материалы Всероссийского совещания руководящих работников социального обеспечения (май 1945 г.). М., 1945.
15. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Оренбург: Изд. Центр ОГАУ, 2015.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 190.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Р. 7971. Оп. 1. Д. 1082.
18. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. Л., 1944.
19. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. М.: Воениздат, 1985.
20. Физелер Б. «Нищие победители». Инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Неприкосновенный запас. 2005. 40/41 (2–3).
21. Христофоров В.С. Общественные настроения в СССР, 1944 год // Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во «ЦГА Москвы», 2014.

Е.И. Тарханова

Как отмечали праздники советские женщины во время прохождения службы на территории Демократической Республики Афганистан

В статье рассматривается повседневная жизнь советских женщин в условиях ведения боевых действий в Афганистане. Анализу подвергается празднование Нового года, Международного женского дня 8 марта и дней рождений советских граждан, проходивших службу в Демократической Республике Афганистан. Акцентируется внимание на суровом климате, действовавшем негативно на советских женщин и мужчин и тяжелых условиях жизни. В статье затрагивается и проблема обеспечения продовольствием офицеров и гражданских служащих, прибывших из СССР.

The article examines the daily life of Soviet women in the conditions of military operations in Afghanistan. The analysis is devoted to the celebration of the New Year, International Women's Day on March 8 and the birthdays of Soviet citizens who served in the Democratic Republic of Afghanistan. Attention is focused on the harsh climate that had a negative effect on Soviet women and men and the difficult living conditions. The article also touches on the problem of food for officers and civil servants who arrived from the USSR.

Ключевые слова: женщины-военнослужащие, Афганская война, вольнонаёмные, медицинские работники, праздники, быт.

Key words: women-military personnel, Afghan war, civilians, medical workers, holidays, everyday life.

Женщины, проходившие службу в Афганистане не принимали участие в боевых действиях, но они испытывали стресс такой же как мужчины. Им необходимо было приспособиться к окружающей среде, совершенно иному менталитету, климату, отношению к ним афганцев и в целом к обстановке войны. Женщинам и девушкам сделать это было тяжелее, чем мужчинам.

Большинство женщин, впрочем, как и молодых людей – солдат срочной службы были не готовы к климату в Афганистане. Жара, нехватка воды, инфекционные болезни ухудшали самочувствие и тех и других.

Несмотря на ведение боевых действий, тяжелые условия для жизни отмечались праздники, такие как: Международный женский день 8 марта, Новый год, дни рождения [1, с. 186].

Женщины, жившие в общежитиях, перед Новым годом украшали комнаты, коридоры. Украшения привозили из Советского Союза или покупали на базарах в Кабуле. Гражданские служащие, которые могли выезжать на родину, привозили по заказам посылки, в которых помимо гирлянд и игрушек были продукты питания.

Новогодний стол в условиях ведения боевых действий собрать было сложно. Паёк состоял из хлеба, банки кильки в томате, которую в Афганистане называли «красная рыба», сухарей. Такой набор не украсит стол на праздник. Из Союза привозили различные продукты питания, которые без труда возможно было достать. Чаще всего это была консервация, которую с собой в больших количествах старались передать родственники женщин, находившихся в Афганистане. Картофель, сало, самогон и домашнее вино, овощи, домашнее мясо. Особенно были рады, если посылки привозили из Украины и Белоруссии. На базарах в Кабуле можно было приобрести фрукты, вино [2, с. 110].

- Почти год я отслужила медсестрой в Афганистане и на носу Новый год! А мы как представим, что кушать нам и нечего, сразу грустно становится. И без того служба была не сахар, за каждый миг приносящий улыбку хватались, а тут праздник. Праздник, а стола нет, радости нет, подарков, ёлки, родных, ничего нет. И разве захочешь отмечать? Уже совсем мы руки опустили, но тут сменщица приходит и говорит, что дали ей отпуск неделю! Можно же домой улететь! Так она и поступила, хотя самолёт ждала только

3 дня, на отпуск уже осталось меньше. По прилёту чемоданы с продуктами и подарками мы тащили втроём. Марина нам праздник спасла! И вино, и сало, и даже поросёнка притащила! Говорит, дед ради нас заколол. Отметим мы тогда праздник пышно, с размахом. В два часа ночи вновь обстрел, а мы вместо того чтобы прятаться стол новогодний спасали! Когда же еще такое увидишь, – вспоминала Елена Батрышева [5].

Не забывали и про дни рождения. Несмотря на все трудности, с которыми сталкивались женщины в Афганистане, они хотели почувствовать праздник, забыть о том, что они на войне. Для любой женщины праздник это музыка, цветы, шампанское и хорошее настроение. Если с шампанским в Афганистане были проблемы и достать его было тяжело, то музыка, цветы и улыбки были доступны и врачам, и продавцам, и архивариусам.

После трудового рабочего дня для именинницы старались устроить праздник. Звали офицеров, подруг, собирались в тесной душной комнатке и пели песни под гитару или аккордеон. Устраивали танцы, конкурсы, показывали небольшие спектакли. Мужчины отправлялись на базар и покупали подарок для виновника торжества. Платок, зеркальце, расческа, сейчас сказали бы что такой подарок и дарить стыдно, а для девушек, вокруг которых каждый день война это повод для счастья и самое дорогое воспоминание.

- Стоял июль. Жара была невыносимая! Мы не просто потели, хотелось кожу содрать чтобы не было так жарко. 14 июля у моей теперь уже лучшей подруги, а тогда соседке по комнате был день рождения. 10 июля я с девчонками из столовой, работали мы там поварами и официантками, решили организовать ей концерт. Мужиков у нас было немного, но нашли те, кто захотел отметить вместе с нами. Вася работал водилой у нас, а славился игрой на гитаре. Как хорошо он играл, любо-дорого было слушать. И решили мы подарить ей песню. Репетировали три ночи, всё в такт не попадали. Наступило 14 июля, с утра Маруся убежала на смену, а я была выходная и начала подготавливать праздник. Не смогла я толком накрыть на стол, со столовки много не возьмешь, а на базаре без денег было делать нечего. Тут мне и помогли два товарища, оба капитаны были. Они и на рынок сходили вино купили, виноград, гранаты, фруктов было на столе полно! Притащили даже сосисок! Говорят, поделились товарищи с эскадрильи. Маруся пришла и заплакала от счастья. Вася гитару достал и гуляли мы всю ночь. Песни пели, танцы устроили, хорошо так было. – вспоминает Евгения Мартынова [6].

В основном образ женщины в воюющей армии в нашем сознании связан с памятью о Великой Отечественной. Санитарка на поле боя под Москвой и Сталинградом, медсестра в госпитале, снайпер на нейтральной полосе, «ночная ведьма» – летчица женского бомбардировочного полка, регулировщица на улице поверженного Берлина. Однако с окончанием войны история женщин в рядах Вооруженных сил отнюдь не закончилась – после 1945 г. женщины составляли значительную часть личного состава ВС СССР, особенно на небоевых должностях – все та же медицина, связь, некоторые административные и штабные должности. Женщины в Афганистане не шли в бой, но

каждый день хватались за оружие, чтобы спасти свою жизнь. Нужно учитывать характер самого военного конфликта и то, что в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане женщины находились именно на вспомогательных, а не на боевых службах.

И помимо жизни военной, была жизнь и повседневная. Повседневная жизнь несмотря на все тяготы и лишения вспоминается афганушкам с улыбкой, со слезой счастья.

- Если думать только о плохом, то плохое и будет случаться в вашей жизни. Я когда ехала в Афганистан, я не знала что в меня будут стрелять. Я думала война в горах, а не рядом с мирными жителями. Первую неделю я рыдала, а потом наступило 8 марта. Какой там праздник? Армию эту видеть не хотелось, не то что праздник отмечать. Но подружилась я с одной девушкой, больно хорошая она была, добрая, Наташкой звали. Сказала она мне тогда, что вечером будет концерт, чтобы я надела свое самое красиво платье. А я ведь дуреха и правда кучу нарядов с собой притащила. Умылась, приоделась, пришла на концерт. А концерт-то, назвать сначала было трудно. Возле общежития стояли 4 скамейки, которые сдвинули вместе, а старая бочка стала сценой. Но через минут десять я свое мнение изменила. Ни разу в жизни я не слышала чтобы так красиво стихотворения читали, как наши мужики! Наши офицеры! И песню спели, и в хороводе нас закружили, и даже магнитофон с кассетой достали и дискотеку нам устроили! Ах, как я скучала по дискотекам. Подарили нам цветы, уж где они их нашли я так и не поняла, а провожал меня мой будущий муж до комнаты. Так что для меня Афганистан больше, чем просто война. – вспоминает Виктория Дмитриева [7].

В условиях ведения боевых действий не обходилось и без любовных романов. И мужчины, и женщины хотели внимания, любви, ласки, секса. Происходили как и любовные романы переходящие в отношения и далее в свадьбу (брак можно было зарегистрировать в посольстве СССР в Афганистане), так и беспорядочные половые связи. Помимо русских военных, которых девушки выбирали в любовники, были и афганские мужчины, в приоритете тоже военные. Большинство из них были щедрые, дарили дорогие подарки, вина, фрукты, ковры, дубленки и прочее, чем и заинтересовывали наших девушек [3, с. 148].

Женщины не ходили на плановые боевые операции, но и они вступали в бой, спасали раненых, отдавали себя делу настоящих мужчин. Были дни, когда можно и с молодыми ребятами пообщаться, были дни, когда тишина афганских гор давала возможность подумать о будущем. Но, были дни, когда вся эта девичья наивность и мечта перечеркивались страшной правдой войны. Это были те дни, когда девчонки, услышав «вертушку» еще до объявления сбора в госпитале или в столовых, бежали на звук [4, с. 176].

В такой ситуации ощущение праздника, светлого и настоящего могло не только улучшить настроение, но и дать надежду. Надежду, что нет войны в эту минуту. Надежду на хорошее будущее. Надежду на жизнь. На ту жизнь, которую молодые девчонки оставили в Союзе.

Список литературы

1. Грешнов А. Афганистан. Заложники времени. М.: КМК, 2016. 200 с.
2. Олейников В.В. Доблесть и боль Афганистана: издание документально-публицистическое, основанное на документах и воспоминаниях самих участников тех далеких событий. Рыбинск, 2016. 437 с.
3. Петров Д.Н. Афганские звезды. Честь, боль и слава. М., 2015. 233 с.
4. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. 315 с.
5. Интервью с Батрышевой Е.М. 1966 г.р. Записано 25.10.2020 // Архив Тархановой Е.И. Ф. Интервью с женщинами. Д. 24.
6. Интервью с Мартыновой Е.Л. 1968 г.р. Записано 1.11.2020 // Архив Тархановой Е.И. Ф. Интервью с женщинами. Д. 25.
7. Интервью с Дмитриевой В.В. 1965 г.р. Записано 18.11.2020 // Архив Тархановой Е.И. Ф. Интервью с женщинами. Д. 26.

СТОЛИЧНАЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

С.Ю. Лавренчук

Практика благотворительности купеческой семьи конца XIX – начала XX в. (по материалам фондов благотворительных заведений государственных архивов и отчетов благотворительных обществ Санкт-Петербурга)

В статье описываются, обобщаются и анализируются стратегии и практики благотворительности представителей нескольких поколений купеческой семьи Буштуевых в зависимости от их пола, времени и места рождения, полученного образования, личных предпочтений, а также семейных традиций. Уделено внимание поощрениям, полученным в различное время от государства и церкви в связи с благотворительной деятельностью. Перечислены используемые источники из государственных архивов, а также отчеты благотворительных обществ.

The charity strategies and practices of several generations of the St. Petersburg merchant family Bushtuevs, depending on their gender, time and place of birth, education, personal preferences, as well as family traditions are described and analyzed in the article. Awards received by the male family members in connection with their charity from the state and the church at various times are also in the focus of the research. The sources of the state archives as well as charities reports are listed.

Ключевые слова: семейная благотворительность, практики благотворительности, благотворительные общества, стратегии благотворительности, приходская и земляческая благотворительность, отчеты благотворительных обществ.

Key words: Family charity, charity practices, charities, charity strategies, parish and home-town associations charity, charities reports.

В рамках изучения межпоколенной трансляции и изменения жизненных моделей представителей нескольких поколений купеческой семьи потомственных почетных граждан, выходцев из Угличского уезда Ярославской губернии Буштуевых нами были выявлены, изучены, проанализированы и проинтерпретированы документальные свидетельства конца XIX – начала XX в. из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и государственных архивов Санкт-Петербурга: Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), Центрального государственного архива (ЦГА), Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД), Центрального государственного архива научно-технической документации (ЦГАНТД), данные отчетов Ярославского благотворительного общества в Петербурге, «Общества вспомоществования уроженцев г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге», Общества вспоможения бедным в приходе церкви Введения Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семеновского полка, а также «Ярославские епархиальные ведомости», сви-

детельствующие об активной деятельности около двух десятков членов семьи обоого пола в области благотворительности.

Несмотря на то, что обозначенный период охватывает не более тридцати лет, прослеживаются как групповые, так и индивидуальные стратегии реализации данной общественно полезной деятельности в зависимости от характеристик личности (пола, возраста, семейного положения, опыта, индивидуальных предпочтений и др.), а также распространенных в каждый период времени в обществе определенных практик: от приходской благотворительности и коллективного участия в работе крупных земляческих обществ до индивидуального участия в работе того или иного общества и учреждения приюта в память о собственном отце.

В фонде Шереметевых РГИА имеются более ранние документы, касающиеся Юхотской вотчины, откуда происходила семья, датируемые 1781 [7] и 1826 [1] годами, которые частично объясняют как традицию благотворительности более состоятельных членов общины «в пользу бедных», так и возможную личную значимость церковно-приходского обучения и понятное в связи с этим стремление к обеспечению церковно-приходской школы помещением. Вопреки распространенному мнению о том, что церкви в этой местности – вотчине Шереметевых – строились исключительно Шереметевыми, в «Кратких сведениях о монастырях и церквях Ярославской епархии», изданных в 1908 г. в Ярославле, содержится информация, что церковь в селе Покровском была построена в 1779 г. «иждивением прихожан».

Первое описываемое нами поколение, по которому на настоящее время обнаружены документы, связанные с благотворительной деятельностью: Андрей, Иван и Гавриил Степановичи Буштуевы. По имеющимся данным, они первыми поселились в Санкт-Петербурге и записались в Санкт-Петербургское купечество.

Хотя братья совместно приобрели дом №71 по ул. Гороховой, в приходе Введенской лейб-гвардии Семеновского полка церкви, еще в 1883 г., они, судя по данным отчетов [2], официально не состояли в приходском благотворительном обществе до своей смерти соответственно в 54, 56 и 58 лет, в 1892–1897 гг., а предпочли направить свои пожертвования на историческую родину. Судя по имеющимся свидетельствам [8], в 1889 г. братья пожертвовали «10 000 рублей на устройство в селе Покровское Угличского уезда дома для помещения волостного правления и церковно-приходской школы в память события 17 октября 1888 года», за что в 1890 г. получили благословение Святейшего Синода и «граматы». Их благотворительность носила коллективный характер, была адресована органам управления и церковно-приходскому образованию, а посвящена «чудесному» избавлению от смертельной опасности семейства императора Александра III при крушении поезда под Харьковом.

В свете выявленных коллективных стратегий благотворительности представляется достаточно примечательным, что, родившись в пятилетие в XIX в. (с 1836 по 1841 год), братья умерли также в течение 5 лет на шестом десятке (с 1892 по 1897 год), были многодетны, имели от 4 до 8 выживших

детей (в общей сложности 18), старший сын каждого из которых был рожден в 27-летнем возрасте каждого из отцов, при этом имена детей не повторяются (кроме одного случая с именем Федор, которое получили два мальчика (двоюродные братья), один из которых, судя по всему, родился уже после смерти отца), состояли в Санкт-Петербургском купечестве, основали три торговых дома по продаже фруктов. Их вдовы: Анна Петровна, Анна Васильевна и Анна Николаевна, уже после их смерти, наряду с их старшими сыновьями, стали членами Ярославского благотворительного общества со дня его основания в 1887 г. [6].

Второе изучаемое поколение семьи – старшие родные и двоюродные братья: Василий и Федор Андреевичи, Павел и Степан Ивановичи, Иван Гаврилович 1863–1876 гг. р., многодетные (от трех у умершего в 36-летнем возрасте Павла Ивановича до девяти у Василия и Федора Андреевичей) купцы (1–2-й гильдии), продолжавшие деятельность основанных отцами трех торговых домов (фрукты, бакалея и колониальные товары), домовладельцы, личные и потомственные почетные граждане, получили «домашнее» образование – родившиеся в 1860-е гг. старшие братья (Василий Андреевич и Иван Гаврилович), или закончили училище при Реформатских церквях, родившиеся в 1870-е гг. Федор Андреевич и Степан Иванович. Известно также, что последний из них получил также среднее коммерческое образование в России и специальное коммерческое образование в Германии, Гамбурге. Судя по выявленным документам, братья включились в активную благотворительную деятельность в 1897 г., после смерти своих отцов, с началом работы Ярославского благотворительного общества (на десятилетие ранее, еще при жизни собственного отца, в 1888 г., лишь Павел Иванович начал работу в Николаевском обществе попечения о бедных). С 1899 г. Павел Иванович стал также членом-благотворителем Приюта принца Ольденбургского, в 1901 г. к нему в качестве почетного члена присоединился Федор Андреевич, который также был почетным попечителем Гатчинской учительской семинарии. Иван Гаврилович и Василий Андреевич стали действительными членами Общества вспомоществования уроженцев г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге в 1901 г. [3]. То, что учреждение данного общества не нашло такого живого, как Ярославского благотворительного общества, отклика у большего числа членов «клана», по всей видимости, объясняется тем, что, согласно его отчетам, оно, с одной стороны, противопоставляло себя и конкурировало с ранее открытым Ярославским, с другой, на протяжении десятилетий лишь ежегодно планировало открыть детский приют, но так и не осуществило своих намерений. При этом председателем Ярославского благотворительного общества, И.С. Крючков, был также и председателем Купеческой управы, а Угличское общество возглавлял Л.Ф. Соловьев, получивший известность, в первую очередь, как литератор.

Не ранее 1900, но не позднее 1908 г. (к сожалению, отчеты благотворительного общества за данный период отсутствуют) старшие братья Василий Андреевич, Иван Гаврилович и Степан Иванович стали членами благотвори-

тельного Общества вспоможения бедным в приходе Введенской лейб-гвардии Семеновского полка церкви. В 1915 г. Степан Иванович был выбран старостой собора [4], которым в 1913 г. стала Введенская церковь. Кроме того, согласно его формулярного списка, он состоял членом Свято-Троицкой общины сестер милосердия и ктитором ее церкви с 1912 г., пожизненным членом попечительского общества бесприютных детей приюта братства царицы Небесной призрения калек и идиотов, а также попечителем Кузнецовского сельского земского училища Ярославской губернии.

Достаточно стандартная форма ежегодных отчетов благотворительных обществ не всегда позволяет определить, исчерпывалось ли участие благотворителя ежегодным взносом. Однако в некоторых случаях (связанных либо со значимыми событиями или мероприятиями, проводимыми обществом, либо со значимыми событиями в жизни самого благотворителя: например, представление его к награде или его смерти) появляется уникальная возможность выявить конкретное разовое или регулярное участие определенного члена общества в том или ином событии или повседневном функционировании общества, проследить динамику его личных предпочтений и смыслов в благотворительности. Например, на устройство елки 24 декабря 1911 г. для беднейших детей прихода Иван Гаврилович и Степан Иванович пожертвовали по «2 корзины сладостей», а последний был также отмечен «глубокой благодарностью» «за посильную помощь в оборудовании лазарета имени Введенского благотворительного общества» в 1914 г. В отчете за 1901 г. Ярославского благотворительного общества в связи со смертью Павла Ивановича, «деятельного члена-попечителя», указываются его заслуги: «оказывал содействие обществу собиранием значительного количества членских взносов и обстоятельным обследованием бедняков».

В связи с изучением личных предпочтений и смыслов благотворителя персональный благотворительный проект (как, например, учреждение приюта для мальчиков и девочек в память о собственном отце [5]) дает неизмеримо большие по сравнению с групповыми проектами возможности исследователю для изучения личностных смыслов, стоящих за благотворительной деятельностью: наиболее значимые события жизни неминуемо отражаются в документальных свидетельствах, представляющих собой я-высказывания, нарратив, в критические минуты жизни транслирующий не только ценности и смыслы, но и систему отношений личности и ее жизненную модель.

Отдельного внимания заслуживает, на наш взгляд, изучение поощрений и наград, полученных от церкви и государства за благотворительную деятельность. По имеющимся у нас на данное время данным, награждены были шестеро представителей двух поколений мужского пола из 8 мужчин и 11 женщин, сведения о деятельности которых в данной сфере имеются в архивных документах. Так, Андрей, Иван и Гавриил Степановичи получили благословение Святейшего Синода и были награждены «граматами» в 1890 г. «за пожертвование 10 000 рублей на устройство дома для размещения во-

лостного правления и церковно-приходской школы». Кроме того, Гавриил Степанович, судя по изображению на надгробном памятнике на Волковом кладбище, был награжден орденом Святой Анны. Однако до настоящего времени не представилось возможным обнаружить сведения о дате и поводе этого награждения.

Их дети: старший, Павел Иванович, был награжден званием личного почетного гражданина в 1899 г. (за 2 года до смерти) «за труды и крупные пожертвования». Младшие братья, Степан Иванович и Федор Андреевич, получили ордена Святой Анны 3-й степени в 1903 г. за заслуги «по духовному ведомству» (Степан Иванович) и ордена Святого Станислава: Федор Андреевич в том же 1903 г. 2-й степени «за заслуги по приему принца Ольденбургского» и Степан Иванович в 1913 г. 3-й степени за «деятельное участие в заседаниях комитета Свято-Троицкой общины и крупные пожертвования». Степан Иванович в 1914 г. получил также благословение Святейшего Синода «по представлению Псковского архиерея» (однако какая именно благотворительная деятельность была связана с последней наградой – до настоящего времени остается неизвестным).

Отложившиеся в фондах архивов и библиотек документы позволяют проследить динамику участия в благотворительной деятельности как всей семьи, так и каждого члена семьи в отдельности, а также развитие форм участия, соответствующих принятым в определенном благотворительном обществе и/или предпочтительном для того или иного благотворителя.

Выявленные документы отличаются различной степенью полноты и информативности и вследствие этого – различной возможностью глубины их интерпретации. Хотя отчеты благотворительных обществ содержат достаточно обобщенную информацию о деятельности за год, список членоблаготворителей и суммы внесенных взносов, однако в некоторых из них можно увидеть сведения об особых (нестандартных) подношениях по поводу того или иного события, которое, скорее всего, имело какой-то личный смысл для жертвователя.

Наиболее информативными для изучения мотивации, личных убеждений и представлений, а также целей и задач деятельности являются документы личного происхождения, события и факты в которых отражены через личное восприятие конкретных людей.

Перечень документов, связанных с благотворительной деятельностью членов семьи, не является окончательным и исчерпанным: постоянно выявляются новые свидетельства, относящиеся как к принадлежности к тому или иному благотворительному обществу, так и к конкретной деятельности члена семьи, в связи с чем становится возможным и дальнейшее развитие, уточнение и обобщение представленной в данной статье информации.

Список литературы

1. Краткое описание Юхотской волости с экономическим примечаниями // РГИА. Ф. 1088. Оп. 7. Д. 902.
2. Отчеты благотворительного общества вспоможения бедным Введенской лейб-гвардии Семеновского полка церкви за 1874–1899, 1908–1912 и 1915–1916. СПб.-Петроград.

3. Отчеты Общества вспомоществования уроженцев г. Углича и уезда его в Санкт-Петербурге. СПб., 1901–1917.
4. Отчет Попечительского Совета о семьях лиц, призванных в ряды действующей армии в приходе Введенского лейб-гвардии Семеновского полка соборе 1914–1916 гг. Петроград, 1916.
5. Отчет приюта для мальчиков и девочек в память Г.С. Буштуева с 1.01.1914 по 1.01.1915. Петроград, 1915.
6. Отчеты Ярославского благотворительного общества за 1897–1917 гг. СПб.-Петроград, 1898–1917.
7. Указ от 24.07.1781 // РГИА. Ф. 1088. Оп. 7. Д. 861.
8. Ярославские епархиальные ведомости. 1890. № 25. 18 июня. С. 1–2.

М.Ф. Ершов

Роль архаики в формировании психологического климата города Березова середины XIX в.

В публикации проанализировано воздействие архаических компонентов на складывание психологического климата в одном из окраинных городов Тобольской губернии середины XIX в. Сделан вывод, что на бытовании архаики в городском социуме сказывались природно-географические условия, быт и навыки предпринимательства, а также этническая культура аборигенов, и казачьи традиции. Историческая эволюция г. Березова свидетельствует, что поселения на Севере оказались вполне способны осуществлять заимствования, полезные для себя, как в сфере крайней архаики, так и области модерна, в частности, при распространении просвещения. Эти заимствования укоренялись органично, без разрушения доброжелательного социально-психологического климата.

The publication analyzes the impact of archaic components on the formation of the psychological climate in one of the outskirts of the Tobolsk guberny in the middle of the 19th century. It is concluded that the existence of the archaic in the urban society was influenced by natural and geographical conditions, everyday life and business skills, as well as the ethnic culture of the aborigines, and Cossack traditions. The historical evolution of the town of Beryozov testifies that settlements in the North turned out to be quite capable of borrowing useful for themselves, both in the sphere of extreme archaism and in the sphere of modernity, in particular, during popularization of education. These borrowings took root organically without destruction of the benevolent socio-psychological climate.

Ключевые слова: архаика, город Березов, общество, повседневность, психологический климат.

Key words: archaic, the town of Beryozov, society, everyday life, psychological climate.

Исследование социально-психологического климата максимально важно для отдаленных территорий. К сожалению, отечественная периферия пока ещё по-прежнему terra incognita для столичного мира. Далеко не случайно, что в гуманитарных науках присутствует потребность в осознании провинциальных реалий как настоящего, так и прошедшего времени. Для понимания подлинных причин российских катастроф необходим учёт архаических истоков настроений в конкретном локальном социуме. В публикации рас-

смотрен ряд компонентов архаического сознания у жителей г. Березова Тобольской губернии в середине XIX в.

Цель исследования заключена в раскрытии степени воздействия архаики на социально-психологический климат и повседневную жизнь. Она достигается через анализ предпосылок воздействия архаики, способов её воспроизводства и последующей деградации в северном городе. Мемуары политических ссыльных – Э. Фелиньской, А.И. Иконникова, В.В. Бартенева [1; 5; 10], краеведов и чиновников – В. Тверитина, А. Демина, Н. П-ровского [2; 7; 9] в данной работе использованы как историко-этнографические источники. Её методологической базой стали адаптированные положения социологических, урбанистических и социально-психологических концепций [3; 6; 8].

Социально-психологический климат понимается как «преобладающий и относительно устойчивый психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношениях людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу». Социально-психологический климат обнаруживает себя в отношениях человека к миру в целом, к себе лично [6, с. 508–512]. Каковы были основные элементы этого климата? Ряд исследователей выделяют у горожан некую отличительную культурную или цивилизационную матрицу, близкую по своим значениям к социально-психологическому климату. Они считают, что в матрице допустимо выделить четыре основных элемента: информационный, аксиологический или ценностный, коммуникационный и деятельностный [4, с. 186].

По нашему мнению, эта культурная матрица, собственно, и есть основа социально-психологического климата, очищенного от наносных ситуативных моментов и взятого в длительном историческом развитии. Как происходило его складывание в северных городах? Местные природно-географические условия препятствовали развитию сельского хозяйства. Основой экономики были ловля рыбы и охота, дополненные оленеводством. Занимались ими, по преимуществу, аборигены. Большие расстояния и низкая плотность населения были дополнены неразвитостью транспортной инфраструктуры. Проблемы перевозок частично разрешались, в летний период, речными путями Обь-Иртышского бассейна. На начальном этапе колонизации в городских обществах преобладали «служилые люди по прибору» – городское казачество. Затем, в дальнейшем, укрепилась специализация на торгово-предпринимательской деятельности.

Вышеперечисленные обстоятельства служили той объективной основой, на которую и накладывалась северная повседневность. «Жизнь в Обдорске идет правильным годовым круговоротом», – замечал политссыльный В.В. Бартнев [1, с. 181]. Данное утверждение вполне применимо и к г. Березову. Зимние ярмарки – Масленица – Великий пост – Пасха – вскрытие рек весной – летний охотничий и рыболовный сезон – сенокос – продажа рыбы в конце августа – пора свадеб – торговые поездки к аборигенам – Рождество: эти события служили своеобразными реперными точками, которые подтверждали извечную гармонию и обеспечивали душевный комфорт.

Вне привычного и относительно благоустроенного социума находились всевозможные акторы и предметы пограничного и запредельного миров. К ним причисляли некоторых животных, особенно хищных медведей; аборигенов, якобы наделенных колдовскими способностями; обладателей непостижимых знаний, например, иностранцев. Внешние угрозы исходили и от мифических персонажей. Ведьмы, «суседки», оборотни, самоубийцы здесь соседствовали с опасными предметами: атрибутами гадания, заколдованными кладами.

Нечисть и обыденность взаимно проникали в друг друга. По данным В. Тверитина: «Из животных признается нечистым и негодным к употреблению в пищу заяц, потому что он рождается слепым. Впрочем, некоторые употребляют зайца всего, а другие – лишь переднюю его часть. Из птиц: лебеди, потому что они лают по-собачьи и что мясо их жестко, невкусно. А другой род лебедей, ростом меньший, который не лает, а кричит, тот употребляется в пищу. Журавли – потому что они едят всякую гадину: мышей, кротов, лягушек и пр. Голуби – они слепы рождаются; гагары и все полевые птицы этого рода, потому что они имеют ноги в последней части тела и не могут ходить по земле» [9, с. 11].

Жизненные обстоятельства (торговля, поездки, болезни или контакты со ссыльными, аборигенами и ведьмами) воспринимались как вынужденные и, следовательно, оправдывавшие осуждаемые связи. Таинственность пробуждала одновременно и познавательный интерес, и чувство страха. Поэтому, даже при отсутствии явных угроз человек, отправляясь в путь, предпринимал ритуальные действия. Рыбпромывщики города, перед отъездом на низовья Оби, ходили прощаться из дома в дом, после молитвы кланялись в ноги, до лодки багаж промысловика несли его знакомые. Длительное отсутствие несчастных случаев и желание побыстрее добраться до богатых рыбных песков не препятствовали воспроизведению привычных обрядов для горожан даже в конце XIX в. [2, с. 7–8].

Считалось, что доступ к потаённым сведениям, исполнение необходимых ритуалов и магических действий помогали, хотя бы отчасти, нейтрализовать негативные последствия. Греховные проступки – сообщения о произошедшем – признание смягчающих обстоятельств – снисхождение общественного мнения. Эти обстоятельства содействовали симбиозу архаики и повседневной жизни. Они сказывались и на социально-психологическом климате. «Простолюдины здешние, – отмечал наблюдатель, – находясь в постоянном столкновении с инородцами, отчасти заражены суевериями, они также, как и в других местностях, верят в домового (суседка), в привидения и т.п. Мне кажется, что они не будут прочь согласиться в справедливости существования духов с инородческими шаманами. Правду сказать, бывали случаи, в которых русские смельчаки обращались к шаманам поворожить о потерявшихся оленях или вещах и т.п.» [7, с. 43].

Распространение архаики в общественно-бытовой сфере осуществлялось и через поддержание ровных добрососедских отношений. Принадлежность к

Березову и включение в экономические и социокультурные взаимодействия (в конфессиональной, профессиональной, родственной, соседской, досуговой и иных сферах), обеспечивали земляческую солидарность и доверие [3, с. 49–53]. Социальная иерархия в городе, конечно же, существовала. Но она не сводилась исключительно к сословным привилегиям. В узком кругу городской общины, при недостатке информации, поощрялись передачи свежих сведений и всякая доброжелательная коммуникация. Свидетель (невольный участник), сообщая о необъяснимом или мистическом действе, возвышал себя принадлежностью к тайне.

Подключение референтных лиц к тиражированию загадочных сведений было косвенным доказательством их достоверности. И напротив, рациональная критика провоцировала вероятную потерю доброжелательных отношений для членов социума. Она могла привести к дискомфорту и отчуждению в локальный мир. Фактически основное ядро немногочисленного городского населения на р. Сосьве составляли неформальные сообщества, связанные с казачьей архаикой, отчасти похожие на западноевропейские средневековые цеха, хотя и без их детальной регламентации. Единая историческая судьба, привычная вероятность агрессии аборигенов или наказаний за повсеместную, но незаконную продажу алкоголя, в отсутствие рыночной конкуренции, вели к неразвитой социальной дифференциации. Существующий коллективизм не предполагал разделения на участников и слушателей, на доноров и реципиентов в коммуникативных актах и при обмене значимой информацией.

Э. Фелинская хорошо описала психологическое восприятие участников крестного хода 1840 г. в день святого Прокопия, небесного патрона г. Березова: «Чиновники, купцы, красиво одетые женщины, старики, согнувшиеся под тяжестью лет, дряхлые старушки, молодежь, веселая детвора теряют на какое-то время свои индивидуальные черты, чтобы в молчании и сосредоточении духа составлять торжественную процессию. Зрелище поистине трогательное, когда видишь эту массу столь разных людей, собравшихся под знаком креста, составляющих в этот момент как бы единую семью, живущих одной верой, общими надеждами, складывающих на несколько минут из своих душ, из своих мыслей, частных интересов, мелких страстишек – все сообщая – одну мысль, оживляющую всех» [10, с. 98–99].

Анализ архаических компонентов в культуре г. Березова показывает, что городские сообщества на Тобольском Севере допустимо охарактеризовать как «седиментарные». Данный термин, взятый из геологии, предложил социолог А. Шюц. Концепция «седиментарного» («послойного», «осадочного») общества предполагает сосуществование «осадочных» слоев. Они были сформированы в разные периоды и в разных условиях. Это, не вполне естественное, соседство было порождено масштабными сдвигами социальных «пород»: революциями, модернизациями и войнами [8, с. 1045]. Этническая культура сибирских аборигенов, культура русского Севера, навыки торгового предпринимательства, казачьи традиции дополнялись ростом образовательного уровня и расширения бытовых новаций у городских жителей [5].

В середине XIX в. г. Березов еще не обладал единообразной внутренней культурой. Её различные компоненты были хаотично перемешаны. Но у города, еще со времен русских первопроходцев, сохранились – и это главное! – высокие адаптационные способности для жизни в непростых природно-географических условиях. Историческая эволюция г. Березова свидетельствует, что поселения на Севере оказались вполне способны осуществлять заимствования, полезные для себя, как в сфере крайней архаики, так и области модерна, в частности, при дальнейшем распространении просвещения.

Эти заимствования укоренялись в отдаленных городах органично, без конфликтных крайностей и разрушения необходимого доброжелательного социально-психологического климата. Для провинциального мира «громкие» значимые события, как правило, не были характерными, но именно здесь, в конечном итоге, и решались судьбы страны.

Список литературы

1. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 114–217.
2. Демин А. Город Березов // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 2. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 4–20.
3. Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII – начала XX вв.: по материалам городов Северного Зауралья. Ханты-Мансийск: «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 124 с.
4. Заборова Е.Н. Особенности социально-территориального управления в урбанизированном регионе: специфика и исторические тренды развития (на примере Свердловской области) // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 163–190.
5. Иконников А. Из Березова // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 17, 18, 23, 24, 27, 29, 30, 35, 49. Неофициальная часть.
6. Парыгин Б.Д. Социальная психология: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2003. 616 с.
7. П-ровский Н. Из Березова // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 8. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 22–47.
8. Смирнова Н.И. Альфред Шюц на книжной полке // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 1023–1048.
9. Тверитин В. Тобольской губернии город Березов: Местные этнографические описания // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 3. Тюмень: Мандр и Ка, 2003. С. 4–34.
10. Фелинская Э. Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Березове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 7–115.

Е.Н. Абдрахманова

Браки купцов с крестьянами в Оренбургской губернии пореформенного периода как вызов традиционному обществу

Автор раскрывает особенности уклада жизни населения Оренбурга. В статье характеризуются причины заключения межсословных браков в Оренбургской губернии. Автор анализирует статистические данные о брачном выборе купцов, о разнице в возрасте между супругами, о возрасте мужчин и женщин, вступающих в брак.

The author reveals the features of the way of life of the population of Orenburg. The article describes the reasons for the conclusion of a century of marriage in the Orenburg province. The author analyzes statistical data on the marriage choice of merchants, the age difference between spouses, and the age of men and women entering into marriage.

Ключевые слова: купечество, семейная повседневность, брачно-семейные отношения, Оренбургская губерния, пореформенный период.

Key words: merchants, family everyday life, marriage and family relations, Orenburg province, post-reform period.

Для города Оренбурга соотношение «городского» и «деревенского» в повседневности является актуальной темой. Состав населения на территории Оренбурга был всегда довольно «пестрым». Здесь проживали представители разных национальностей (русские, татары, башкиры, казахи, хивинцы, бухарцы, немцы, евреи и т.д.) и конфессий. Кроме того, городское сообщество постоянно менялось в связи с отъездом из Оренбурга завершивших свои профессиональные дела чиновников, военных, купцов, и появлением в городе новых торговцев, крестьян, служащих, прибывающих сюда по своим делам. Эта особенность накладывала отпечаток на уклад жизни городского населения, в том числе и на брачные отношения. У жителей города были весьма «свободные» взгляды на брак. Поэтому в Оренбурге, в отличие от других городов и губерний, заключение межсословных браков, вторых браков было распространенным явлением. Отдельного внимания заслуживают брачные союзы, заключенные между купцами и крестьянами – представителями противоположных, на первый взгляд, сословий – городского и сельского. В то время старались придерживаться общепринятых норм, в том числе и в заключении браков. Брачные союзы были по договоренности, каждый родитель старался найти пару для сына или дочери из «своего» сословия. Поэтому заключение браков между купцами и крестьянами мы считаем вызовом традиционному обществу.

Основным источником для изучения брачно-семейных отношений являются метрические книги. На основе их анализа, можно сделать вывод о количестве заключенных браков, о брачном выборе, о возрасте вступления в брак и возрастной разнице супругов, о повторных заключениях брачных союзов. Полнота анализа обеспечивается тем, что купеческие династии, как правило, были «прикреплены» к определенной церкви для записи, в том числе, и актов бракосочетания. Для подготовки исследования нами были взяты данные Метрических книг трех наиболее крупных церквей того времени: Вознесенской, Покровской, Троицкой, которые являлись и наиболее «купеческими».

По данным Справочной книжки Оренбургской губернии за 1869 г. только на территории г. Оренбурга проживало не менее 1 763 чел. – представителей купеческого сословия и 3 310 чел. из сословия государственных крестьян. По мнению историка Е.В. Бурлуцкой, рамки купеческого сословия

в России всегда были размыты. Основой сословного статуса выступало не происхождение, а уплата соответствующих сборов и налогов [1, с. 55–56]. В трудах В.Н. Яковцевского говорится о торговых крестьянах, капитал которых иногда был даже гораздо больше купеческого. Поэтому браки между купцами и крестьянами вызывают живой интерес для историка [8].

Для начала рассмотрим статистику брачного выбора супруга.

По данным Метрических книг всех трех церквей, всего с 1862 по 1870 гг. было заключено 58 браков с купцами, т.е. внутрисословных, с мещанами, с чиновниками и т.д. 8 (13,7%) браков были между купцами и крестьянами, т.е. примерно раз в год заключался такой брачный союз. 5 (62,5%) женихов в этих браках являлись купцами и брали в супруги крестьянок. Например, в 1862 г. стали мужем и женой Иван Федорович Семенов 20 лет и Екатерина Ефремовна дочь вольноотпущенного крестьянина 18 лет [2, л. 53 об.]. Надо сказать, что брак между купцом и крестьянкой в Оренбурге не являлся чем-то предосудительным, подвергающемуся общественному порицанию. Как правило, такие браки заключали купцы 3 гильдии, тесно связанные с мещанским и крестьянским социумом, чтобы не терять родственные связи, дружеские отношения со своей «прошлой жизнью». Это еще одна особенность населения Оренбургской губернии. Стоит отметить и то, что в Оренбурге просто не хватало женщин, поэтому женились на представителях других сословий.

Браки с крестьянами заключала и женская половина купеческого сословия. Причем из анализа архивных данных мы видим, что 2 из 3 (66%) таких брачных союза были заключены с представителями крестьян других губерний: Нижегородской и Владимирской. Например, в 1866 г. связали себя узами брака крестьянин Владимирской губернии, Арефинской волости, с. Арефино Гавриил Михайлович Беляков 25 лет и Елена Анастасьевна Богатова, дочь купца 23 лет [5, л. 48 об.]. Возможно у отца невесты не было больше сыновей и он увидел продолжателя семейного дела в крестьянине, а брак с дочерью как раз позволит поддержать семейное дело и приумножить капитал.

Остановимся на разнице в возрасте супругов.

На основе анализа данных Метрических книг, можно сделать вывод, что как правило, разница в возрасте между супругами была менее 5 лет (75%). Жених практически всегда был немного старше невесты. Например, в 1866 г. состоялось бракосочетание между Владимирской губернии Вязниковского уезда д. Лукина крестьянином Федором Архиповичем Богашевым 22 лет и Анной Ивановной Паниной, дочерью купца 17 лет [5, л. 49 об.]. Хотя нередки были браки между ровесниками. Так, в 1862 г. государственный крестьянин Нижегородской Мefодий Иванович Горев 21 года связал себя узами брака с купеческой дочерью Евдокией Ивановной Шабановой также 21 года [3, л. 75 об.]. Скорее всего, жених имел определенный капитал, и мог обеспечить семье стабильную жизнь. Кроме этого, обращаем внимание на возраст невесты. Для женщины выйти замуж в 21 год, в то время, считалось уже поздно, т.к. обычно дочерей старались отдать замуж до 20 лет. «Молодость» жены была необ-

ходима для ведения хозяйства в доме, для рождения детей, которых, как правило, в семьях было много. Поэтому, чем моложе была жена, тем больше детей она смогла бы родить. Вероятно, родители не смогли «пристроить» свою дочь Евдокию в купеческую семью до 20 лет, поэтому решились на чуть менее выгодный брачный союз с государственным крестьянином из другой губернии.

В Метрических книгах мы находим записи о регистрации межсословных брачных союзов, где разница в возрасте между супругами была и более 10 лет. Например, в 1869 г. 2 гильдии купеческий сын Григорий Алексеевич Тарасов 32 лет заключил брак с дочерью крестьянина Анной Андреевной Кирпичевой 20 лет [7, л. 58 об.]. Скорее всего, семью невесты привлекло получение сословной принадлежности после заключения брака, поэтому родители согласились отдать свою дочь за мужчину старше на 12 лет. Опять-таки значение имеет возраст невесты, выше мы указывали, что купеческих дочерей старались отдать замуж до 20 лет, здесь же бракосочетание, возможно, стало шансом не засиживаться «в девках». Мужчины же обычно создавали семью в 23–24 года. Григорий Алексеевич женился первый раз в 32 года, поэтому найти жену из купеческого рода примерно своего возраста также ни разу не вступившую в брак, было проблематично. Обычно женщины в этом возрасте уже становились вдовами и бракосочетались во второй раз. Почему Григорий Алексеевич не был женат до такого возраста остается загадкой, мы можем лишь предположить, что у него мог быть скверный характер и молва не позволила ему жениться, может быть у него были какие-то физические недостатки, возможно он был пьяницей...

Перейдем к анализу сведений о возрасте мужчин и женщин, вступающих в брак.

Как отмечалось выше, родители старались как можно раньше выдать своих дочерей замуж. Если она становилась в первом браке вдовой, ее молодой возраст позволил бы ей выйти замуж повторно. Почему вдовство бы частым явлением? Труд мужчины-купца в этот период был весьма нелегким. Купцы часто находились вдали от дома для ведения торговли, терпели лишения комфортной жизни в переездах, организм изнашивался и был уязвим для разных болезней. У мужчин в браке были аналогичные проблемы. Жены умирали рано, поэтому мужчине нужна помощница, и мачеха детям. Поэтому в Оренбурге вступление в брак второй раз было частым явлением. Обычно в таких брачных союзах супругам было более 30 лет, а мужчина мог быть старше 40. В Метрических книгах мы находим запись о бракосочетании в 1867 г. купеческого сына Адриана Михайловича Кириллова 40 лет и вдовы государственного крестьянина Анны Ивановны 38 лет [6, л. 45 об.]. Для обоих супругов брак стал вторым. Также в 1863 г. вторым браком 3 гильдии купеческий сын Иван Антонович Харламов 43 лет сочетался с вдовой государственной крестьянкой Марией Павловной 26 лет [4, л. 42 об.]. В таких брачных союзах женщины обычно искали финансовую стабильность для обеспечения себя и детей. Мужчины же, хотели обрести хозяйку дома, мать для детей от первого брака.

Таким образом, заключение брачных союзов между купцами и крестьянами в г. Оренбурге было явлением, распространенным в силу разнообразности состава населения. Учитывая тот факт, что общество того времени было довольно консервативно, брачные союзы между купцами и крестьянами были вызовом сложившимся традициям. В паре купец-крестьянка ожиданиями были рабочие руки, послушание жены, поддержка семейных и дружеских связей; в паре крестьянин-купчиха – возраст, деньги, перспективы.

Список литературы

1. Банникова Е.В. «Вышли все мы из народа...»: крестьянские традиции в трудовой и семейной жизни уральского купечества // Северо-Запад в аграрной истории России. 2011. № 18. С. 55–65.
2. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 173. Оп. 12. Д. 418.
3. ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 423.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 456.
5. ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 595.
6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 649.
7. ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 755.
8. Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.: АН СССР, 1953. 203 с.

Е.В. Бурлуцкая (Банникова)

«Лето Палермо и зима Архангельска». Климат как «вызов»

Оренбург, расположенный в резко континентальном климате и сегодня представляет собой не самое приятное, в плане природных условий, место для жизни. Что же было делать горожанам в XIX веке? Какие проблемы в повседневной жизни испытывали жители города в связи со сложными климатическими условиями? Как справлялись с этими природными вызовами? Ответы на эти вопросы автор дает с опорой на опубликованные источники.

Even today, Orenburg with its harsh continental climate is not the most pleasant place to live, judging by the natural conditions. What were the townspeople in the 19th century supposed to do with that? What problems did the residents of the city experience in their daily life due to the difficult climatic conditions? How did they cope with these natural challenges? The author deals with these questions and provides answers based on published sources.

Ключевые слова: история повседневности, городская история, климатические условия, Оренбург.

Key words: history of daily life, urban history, climatic conditions, Orenburg.

Оренбургский климат всегда бы далек от идеала. В циркуляре военного губернатора В.А. Перовского комендантам крепостей Оренбургской линии (1833 г.) была нарисована довольно суровая картина местной природы: «...Бурные ветры дробят и разносят дождь и снег по необозримому про-

странству голых степей; летом палящий зной сожигает хлеба, сено, томит людей, животных и легкую болезнь превращает в повальную; зимою буран и непомерный мороз, усиленный восточным ветром побивает самые даже обыкновенные огородные и садовые растения...» [Цит. по: 11, с. 60].

Проезжающий через Оренбург в 1842 г. Теодор Фридрих Базинер, доктор философии и естествоиспытатель, сообщал, что город «имеет лето Палермо и зиму Архангельска» [Цит. по: 3, с. 9]. По свидетельству уроженца Оренбурга, генерала Н.Г. Залесова, в середине XIX столетия «расположенный на песчаной, возвышенной равнине правого берега Урала, совершенно открытый для юго-восточных ветров, Оренбург нестерпим летом по своим жарам, а окружавшие его в то время крепостные стены, не допуская надлежащего движения воздуха, делали из города какое-то пекло, в котором зачастую не было возможности дышать» [4, с. 53]. По словам учителя-инспектора 1-го оренбургского городского трехклассного училища И.С. Хохлова, лето в регионе было «тяжелым и томительным временем в году» [12, с. 38].

Как отмечал полковник Оренбургского казачьего войска Ф.И. Лобысевич, зимой в Оренбурге были сильны холода, «увеличивающиеся от постоянного ветра и доходящие до 38° по Реомюру (ниже 45° градусов по Цельсию. – Е.Б.), лето же, преимущественно всегда пыльное, сухое и чрезвычайно знойное, доходящее до 35° по Реомюру (около 42° по Цельсию. – Е.Б.). Жар и душливый ветер совершенно душат и жгут людей, и природу [...] Собственно того очаровательного теплоприятного времени года, которое так благотворно на юге России и зовется весною, здесь не существует» [6, с. 28].

Зима в Оренбурге начиналась уже в ноябре, а продолжалась почти до апреля. Преобладающими заболеваниями в это время были всевозможные ревматизмы и болезни дыхательных путей. Весна приносила с собой лихорадку и обострение болезней бронхов и легких. Летом распространялись конъюнктивиты, вызванные постоянной пылью, малярия, происходившая от водных испарений, и кишечные заболевания.

Оренбургский ученый и педагог А. Алекторов также подмечал, что «частые глазные болезни и болезни груди, почти совершенное отсутствие в городе растительности – вот существенно неприятные следствия пыли; благодаря ей общественные сады в Оренбурге – у мечети, против театра и на берегу Урала имеют чахлый и грязный вид» [1, с. 121].

Осень в Оренбурге считалась «лучшим временем, так как в это время жители города вполне отдыхают от палящего летнего сухого зноя и не подвергаются суровостям зимы и резким колебаниям разных метеорологических элементов, которыми у нас так богата зима и весна» [5, с. 59]. Зато преобладающими осенними болезнями были всевозможные кишечные расстройства, вызванные злоупотреблениями местными «арбузами и дынями, стоящими очень дешево» [5, с. 59].

Врач, ученый М.М. Кенигсберг, написавший целый трактат о влиянии природных и санитарных условий на здоровье жителей Оренбурга, отмечал целый ряд особенностей оренбургской повседневности, связанных с местным

климатом. Так, по его мнению, низменное положение зауральной части Оренбурга способствовало застаиванию там воды после разлива реки. Ил в сочетании с гудами навоза (по словам автора, «помним пожалуй еще времена Пугачева» [5, с. 11]) создавал здесь совершенно неповторимый вариант почвы, способствующей распространению инфекционных заболеваний, прежде всего – малярии. В то же время, благодаря постоянно дующим в Оренбурге ветрам, распространение эпидемий здесь не приобретало катастрофического характера.

Еще одной проблемой, связанной с климатом, был недостаток воды в городе. По словам Кенигсберга, «сухой климат, влияние наших ветров, необычайно жаркое лето, страшная пыль на улицах, отсутствие растительности и лесов на большом пространстве в округности, способствующие высыханию почвы, скорее должны были бы служить основаниями, для доставления жителям возможно большего количества воды», чем в других городах. При достаточном количестве воды «можно было бы хоть искусственно увеличить крайне убогую растительность, которая возведена здесь только трудами человека; можно было бы поливать улицы летом для устранения поднимающейся в это время ужасной пыли, которая жителям причиняет так много страданий» [5, с. 23–24].

Однако недостаток воды жители Оренбурга испытывали на себе вплоть до наступления Советской власти. Данное обстоятельство не только негативно влияло на состояние зеленых насаждений в городе, но и затрудняло удовлетворение самых простых гигиенических потребностей горожан – власти города законодательно запрещали строительство бань при частных домах, и жители были вынуждены пользоваться услугами бань торговых или общественных. Посещать же их чаще, чем раз в неделю, человеку работающему было весьма проблематично.

Среднегодовая температура в Оренбурге, по подсчетам Кенигсберга, составляла 3,3 °С. При этом города, расположенные примерно в тех же широтах, что и Оренбург (51,45 ° с.ш.) – Самара (4,5 °С), Саратов (5,3 °С), Дрезден (8,5 °С), Лондон (9,1 °С), Роттердам (10,5 °С) [5, с. 35] – обладали гораздо более высокими среднегодовыми температурами. Виной всему была чрезвычайная удаленность Оренбурга от морей и сухость местного воздуха, из-за которого зимние и летние температуры достигали здесь значительных различий, иногда до 90 градусов.

Такие перепады нередко становились причинами преждевременных смертей. Как утверждал М.М. Кенигсберг, невозможно допустить, «чтобы разные пертурбации нашего, крайне изменчивого, континентального климата, с холодной суровой зимой и жарким знойным летом, не повлияли благоприятно на смертность в смысле ее увеличения» [5, с. 118]. Смертность в Оренбурге была выше, чем в других городах России и зарубежья. Так, если в Москве на 1 000 человек в год умирало 32,6, в Петербурге – 38,2, в Самаре – 37, а в странах Европы и того меньше (в Англии – 22, во Франции – 24,8, в Германии – 27,1) в Оренбурге этот показатель составлял 47,2 чел. [5, с. 119–

120]. Основная масса смертных случаев приходилась на младенцев и детей до 5 лет. Максимум смертных случаев приходился на летние месяцы, из чего исследователи делали вывод о «крайне вредном действии нашего лета на все возрасты без исключения» [5, с. 130].

По словам А. Алекторова, «жизнь оренбуржца в сорокаградусные, весьма частые, летние жары может назваться поистине мучительною». Вдобавок в Оренбурге не имелось «почти никаких пейзажных окрестностей, где могли бы люди укрываться от удушающего их городского пекла и пыли: вокруг Оренбурга на далекое расстояние – степь, широкая степь и степь совершенно голая, местами почти ровная, почти горизонтальная; лесной растительности никакой на 150 верст в окружности...» [1, с. 121–122]. Чтобы сбежать от всех этих «прелестей жизни», горожане, у которых была для этого хотя бы малейшая возможность, уезжали на лето на дачи в Зауральной роще или на Маяке, предпочитая жизнь пусть даже в крестьянской избе или даже в киргизской войлочной кибитке, но на свежем воздухе, существованию в городском аду [См. подробнее: 2].

Зато в Оренбурге почти не встречались случаи заболеваний чахоткой. Степной климат, «сильно способствующий естественной вентиляции местности» делал эту местность «неблагоприятной для развития чахотки» [5, с. 184], а обилие «воздуха и света степной местности» влияли «задерживающим образом на развитие заразных заболеваний» [5, с. 196]. Сухой степной воздух, кстати, очень уважал Лев Николаевич Толстой, приезжавший в Башкирию лечиться кумысом в 1862 и в 1871 гг.

Хотя М. Михайлов в своих «Оренбургских письмах» опровергал степень «целебности» оренбургского воздуха: «Я знаю, – писал он, – что в Петербурге и других местах России считают климат Оренбурга не только здоровым, но и целебным для страждущих грудными болезнями, тогда как он для подобных субъектов самый убийственный, потому что воздух здесь крайне сух. Мне также известно, что врачи посылают сюда больных чахоткою на кумыс, тогда как кумыса в самом Оренбурге вовсе нет. Другое дело верст за сто, за двести отсюда, в Башкирии, где обилие вод, растительности, – там и климат совсем другой, там и превосходный кумыс в башкирских деревнях» [7, с. 30]. Из собственного опыта заметим, что оренбургский сухой степной воздух помогает легче переносить зной, однако легче дышится все же, действительно, в Башкирии с ее реками, озерами и лесами.

Преобладающим направлением ветра было восточное, а северный ветер дул чаще, чем южный. Северо-восточные ветра всегда были малождливыми. Соответственно, оренбургские пространства были засушливыми и почти не располагали зелеными насаждениями. Эти ветра сами способствовали испарению влаги, иссушали почву и были главной причиной «убогости растительности нашей местности» [5, с. 43].

Как отмечал М. Михайлов, в Караван-сарайском саду «жидкие, преимущественно хвойные (больше все пихта) деревья сада безжизненны, как и вся оренбургская природа, трава желтовата и не имеет той свежести и прелести

зелени, как в других местах России» [7, с. 43], а «Зауральская роща своим существованием» была обязана исключительно майским разливам Урала, «иначе она бы высохла, сгорела от летнего зноя» [7, с. 55]. «Полное отсутствие в городе зелени придает ему какой-то серый однообразный тон», – писал экономист, общественный деятель Е.И. Рагозин [8]. Только когда оренбургский городской водопровод был доведен до Карван-сарая, «явилась возможность разрешить поливку существующих в городе садов и сверх того засадить *тополёвыми* деревьями песчаную Кадетскую площадь» [9, с. 167], – сообщал в путеводителе по Оренбургу П.Д. Райский.

Сила ветра достигала зачастую весьма высоких показателей. Местные жители называли сильные ветры буранами, которые делились на зимние и летние. Во время летних горожан «обдаёт раскаленным ветром, как паром; густая пыль стоит и кружится в воздухе на необозримом пространстве» [5, с. 42]. Хлебно-Соляная площадь в центре Оренбурга, на которой сегодня располагается стадион «Динамо», еще в начале 30-х гг. XX в. представляла собой «чертову песочницу». Передвигаться по ней летом можно было лишь «по-бедуински» закрыв лицо платком, потому что песок и пыль при сильных ветрах моментально забивали рот, нос и глаза. А еще и ноги по щиколотку проваливались в пыльно-песчаное месиво.

М. Михайлову, отправившемуся за Урал посмотреть на оренбургский Меновой двор, на обратном пути за это удовольствие «вдоволь пришлось наглотаться пыли. Буран был сильный в степи, так что на возвратном пути мы долгое время не могли видеть пред собою города...» [7, с. 54]. Учитывая, что одежда в те времена, за исключением «исподнего», не стиралась, можно представить, каких трудов стоило привести дамское платье или мужской костюм в порядок после таких «прогулок» – горничные или денщики должны были усердно выбивать всю эту пыль из одежды примерно так же, как советские граждане выбивали грязь из своих ковров. Только совершать эту процедуру приходилось практически ежедневно.

Зимние же бураны сопровождались снегом и метелью. Во время таких буранов люди «замерзают в нескольких десятках сажен от жилья, иногда почти на улицах сел и деревень, выбившись из сил, почти не сходя с места и плутая все в круговую. Скот бежит по ветру, забегая без остановки за сотню верст и нередко мечется прямо и без оглядки в пропасти и крутояры, где и погибает» [7, с. 42–43].

«Снега и бураны были настолько обильны и свирепы, – писал П.Н. Столпянский, – что во время последних крепостные ворота запирались, в них пускали только приезжающих в город, но из города даже в слободу не пускали. Обилие снегов было так значительно, что некоторые улицы были совершенно занесены, торчали только концы труб, и жители выходили через прорытые галереи» [11, с. 22].

По словам Д.Н. Соколова, автора географического очерка Оренбургской губернии, климат региона был «континентальный, и притом в большей степени, чем в какой либо другой губернии Европейской России» [10, с. 35]. В

качестве аргументов автор приводил большую разницу в температурах лета и зимы, дня и ночи и средних температур в различные годы, чрезвычайно низкую влажность воздуха (от 90% в декабре до 57% в июне) [10, с. 39]. Такие климатические условия отнюдь не способствовали высокой урожайности. Посевы также повреждались сухими южными и юго-восточными ветрами. Губительными для растительности могли стать весенние и осенние «утренники», при которых после теплого или даже жаркого дня ночная температура опускалась ниже 0°С и, вместо росы, почва покрывалась инеем. Такие внезапные заморозки побивали цвет на яблонях, всходы картофеля, гречи, пшеницы, иногда даже молодые листья на дубах [10, с. 40].

Неблагоприятные климатические условия способствовали и росту нервных (психических) заболеваний. По словам М.М. Кенигсберга, «убогость природы, действующая удручающим образом, особенно на людей свежих, в течении весны и лета; затем постоянные ветры и сухость климата видимо тоже не мало способствуют раздражению нервной системы городского жителя» [5, с. 194]. А. Алекторов заключал, что «внешние условия оренбургской жизни прозаичны и непривлекательны» [1, с. 122].

Беря во внимание все перечисленные особенности оренбургской жизни, не приходится удивляться тому, что Оренбург еще в XVIII в. был определен местом ссылки и оставался таковым до начала XX в.

Однако и в столь неблагоприятных природных условиях жители Оренбурга смогли к началу XX в. превратить город во вполне пригодное для жилья пространство. На улицах были разбиты парки и скверы, появились фонтаны. На берегу Урала была высажена сиреневая аллея. Была облагорожена Зауральная роща, превратившаяся в излюбленное место прогулок горожан. Вызов, брошенный природой, был принят. В итоге природа должна была признать очередное свое поражение от воли и упорства людей!

Список литературы

1. Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1883. II, 128 с.
2. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Дачный отдых в Оренбургской губернии пореформенного периода [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 2 (34). С. 84–97. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/8_34_2020.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.8.
3. Гра А. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Губернская Типо-Литография, 1903. Вып. XI. С. 1–10.
4. Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Кн. 4. Апрель. С. 41–64.
5. Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга. С картой города, таблицами и диаграммами: дис. на степень д-ра медицины. СПб.: Семейская типо-литография (И.А. Ефрона), 1886. 202 с.
6. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
7. Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортom Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб.: Тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.

8. Рагозин, Е.И. Путешествие по русским городам // Русское обозрение. 1891. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/478826.html> (дата обращения: 11.12.2020).

9. Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. 176 с.

10. Соколов Д.Н. Оренбургская губерния: Географический очерк. М.: Отд. нар. образования Оренб. губ. земства, 1916. 102 с.

11. Столпянский П.Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург: Изд-во Оренбургской губернской типографии, 1908. 400 с.

12. Хохлов И.С. География Оренбургской губернии. Описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях. Оренбург: Тип. Оренбургской духовной консистории, 1896. 139 с.

Л.А. Дашкевич

Будни миссионера (по материалам Екатеринбургского епархиального Комитета Православного миссионерского общества)

В статье анализируется повседневная жизнь православных священников, занимавшихся миссионерской деятельностью в среде манси. Источником сведений о буднях миссионеров являются отчеты Екатеринбургского епархиального Комитета Православного миссионерского общества. Миссионеры совершали поездки по Северному Уралу, связанные зачастую с риском для жизни. Их работа способствовала росту православной религиозности мансийского населения.

The article analyzes the daily life of Orthodox priests engaged in missionary activities among the Mansi. The source of information about the everyday life of missionaries is the reports of the Yekaterinburg Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society. Missionaries made trips across the Northern Urals, often associated with the risk of their lives. Their work contributed to the growth of the Orthodox religiosity of the Mansi population.

Ключевые слова: русская православная церковь, Православное миссионерское общество, повседневная жизнь, история Урала XIX – начала XX в.

Key words: Russian Orthodox Church, Orthodox Missionary Society, everyday life, history of the Urals in the 19th – early 20th centuries.

Повседневная жизнь православных миссионеров, взявших на себя сложную задачу религиозного «просветительства» нерусских народов Среднего Урала, редко становилась объектом исторического исследования. В работах исследователей, изучавших участие духовенства в развитии «инородческих» миссий региона основное внимание уделялось истории миссионерских организаций, структуре и методам их деятельности, успехам и неудачам религиозного и культурного взаимодействия этносов [2; 3; 11; 12; 13]. Историки отмечают оживление миссионерской деятельности русской православной церкви в конце XIX – начале XX в., что было вызвано ростом национального самосознания в России [1, с. 48]. Миссионерство русской православной церкви стало одним из механизмов аккультурации и интеграции «инородцев» в

пространство империи, ответом на вставший перед государством геополитический вызов.

О трудностях пастырской деятельности священников-миссионеров в иноязычной среде свидетельствуют отчеты Екатеринбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, опубликованные в местных Епархиальных ведомостях. Отделение православной общественной организации было основано в епархии в 1886 г. после личного обращения председателя Общества к правящему архиерею – епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому Нафанаилу. Как и другие общественные организации, оно состояло из членов, поддерживавших его финансово (членскими взносами), ежегодно собиравшихся на съезд и заслушивавших отчеты за год, и Совета, действовавшего постоянно и определявшего текущую деятельность организации. Председателем Совета был правящий архиерей. Согласно Уставу, Екатеринбургский комитет Православного миссионерского общества работал в тесной связи с имеющимися в епархии церковно-административными структурами. Он содействовал развитию православных миссий среди иноверцев, помогая им финансово, но не управлял ими. Все инициативы Общества по открытию и деятельности новых миссий согласовывались и с Синодом, и с епархиальным начальством [3, с. 22].

Финансовые возможности Екатеринбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества были невелики, поэтому средства направлялись лишь в те районы, которые требовали особых усилий в распространении христианской религиозности. В отчете Комитета за 1892 год была отмечена необходимость усиления пастырско-миссионерской работы среди кочующих вогул (устаревшее название народа манси), живущих на севере Верхотурского уезда. Крещенные еще в XVIII в. манси-кочевники находились, по мнению Совета, «во тьме невежества и суеверий». Они редко исполняли христианские обязанности, у исповеди и святого причастия бывали только раз в год, посещая Никито-Ивдельскую церковь во время перекочевок по реке Ивделю, не соблюдали посты, «употребляя пищу, какая имеется: рыбу и мясо птиц и сохатых лосей или оленей и пр.» [4, с. 279]. В связи с этим, Комитет решил назначить Никито-Ивдельскому священнику пособие для посещения юрт кочующих «инородцев». Предполагалось, что ежегодно священник будет совершать не менее пяти таких поездок, на каждую из которых Комитет выдавал 25 р. Учитывая сложности предстоящей миссионерской работы, председатель Комитета епископ Афанасий решил назначить в Никито-Ивдельский приход вместо «болезненного» священника Порошина более молодого и физически крепкого человека.

Успехи вновь прибывшего в Никито-Ивдельск священника Александра Сильвестрова описаны в исследовании Е.М. Главацкой и А.В. Бесполойного. Судя по данным историков, священник ревностно взялся за исполнение своих функций, совершая в год по несколько поездок в юрты кочующих манси, летом на лодке, а зимой – на оленях [1, с. 48]. Вот как характеризуются условия этих поездок в отчете самого священника за 1893 г.: «В состав Никито-

Ивдельского прихода входят 14 вогульских юрт. Они расположены по берегам рек Вижая, Тошимки и Лозьвы. Ближайшая из них отстоит от прихода в 76 верстах, а самая дальняя юрта в 215 верстах. Расстояние от юрты до юрты 30–40 верст. При такой разбросанности их можно судить, с какими трудностями должно соединяться оглашение их всех Евангельскою проповедью. Трудности эти увеличиваются крайне неудобными путями сообщения – в тайге можно пробираться от одной юрты к другой только едва заметными тропинками верхом на лошади, а иногда и пешком. Сосны, лиственницы, ели, кедры и осины, покрывая собою горные хребты, их склоны и доли, сквозь густую свою листву едва пропускают солнечные лучи и от этого у подножия их стоят почти постоянные грязи, топи и болота. Подлесок, состоящий из таволги, боярки, черемухи, рябины, крушины, бузины переходит часто в столь запутанную заросль, что при проезде приходится раздвигать его руками, а иногда и объезжать. Более опасный путь представляет плавание на лодке по рекам Ивделю, Лозьве, Вижаю и Тошимке. Реки эти имеют быстрое течение и частые перекаты, при проходе через которые малейшая неосторожность гребца влечет за собой опасность быть опрокинутым из лодки» [5, с. 317].

В первых миссионерских поездках священника Сильвестрова сопровождали псаломщик и переводчик. Это помогло ему избежать многих опасностей путешествия. В качестве примера можно привести поездку миссионера в мансийские юрты, которая началась 30 ноября 1893 г., в период, когда на севере уже наступает зима. Путники не успели доехать до поселения и им пришлось переночевать в лесу. Священник Сильвестров пишет, что он впервые в жизни провел ночь под открытым небом. «Несмотря на то, что на каждом из нас был надет совик и юнты (заменяющие наши пимы) и был разведен костер, холод пронизывал нас до костей». Еще более опасной оказалась следующая поездка, в которую священник отправился со своими спутниками 9 декабря 1893 г. До юрты Ташимской им пришлось ехать на оленях два дня, ночевка была организована во встретившейся на дороге избе рыбака. Из юрты Ташимской, после молебна и бесед с вогулами, миссионеры отправились 11 декабря и в течение нескольких дней проехали еще около 200 верст, посетили несколько юрт и повернули домой. На обратном пути путников застала пурга, вследствие чего, как пишет священник, им «пришлось испытать голод и холод». Но еще более серьезное испытание ждало их в 20-ти верстах от прииска Ульяновки, когда от усталости «легли» олени. Миссионеры вынуждены были идти до прииска пешком при температуре 38 градусов мороза. Добравшись до населенного пункта «с великим трудом», путники переночевали и лишь утром 18 декабря смогли отправиться на лошади в Никито-Ивдельск.

В 1898 г. практику ежегодных поездок по юртам манси-кочевников продолжил священник Николай Хлынов, сменивший Александра Сильвестрова на посту приходского священника. Его соратником стал священник походной церкви Петр Мамин. По инициативе Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества Духовная консистория включила посе-

щение вогульских юрт и селений в круг обязанностей походного причта [6, с. 270]. Побывав в вогульских юртах, Петр Мамин пришел к выводу, что миссионерские поездки на север лучше всего совершать летом, когда кочевники-мужчины чаще бывают дома и нет нужды разыскивать их по тайге, где вогулы «охотятся за зверем и все время находятся в движении» [8, с. 124]. Летние поездки, однако, тоже были очень тяжелы. Лошади с трудом выдерживали езду по болотам и бездорожью. Священник Никито-Ивдельского прихода Алексей Катагощин посетил в августе 1905 г. кочующих вогул на реке Тольтии, их юрты располагались в 70–80-ти верстах от Ивделя. «Поездка эта была сопряжена с довольно-таки большими трудностями, – писал он. – Приходилось все время ехать по тайге, болотам, в которых лошади часто проваливались по самое туловище, и этих бедных животных приходилось вытаскивать. Но, с Божиею помощью, преодолев гадкую дорогу и крайнее неудобство ночлегов под открытым небом, в лесу, у нады, когда одной стороне тела жарко, а другой холодно, причт наконец добрался до вогул» [9, с. 194].

Судя по отчетам священников, манси обычно встречали их приветливо. Для проведения молебнов выделяли лучшую юрту, в свободное время предлагали чай. Миссионеры, однако, зная особенности домашнего быта кочевников, с опаской относились к этим предложениям. В отчете священников Хлынова и Мамина за 1902 год так охарактеризовано их общение с вогулами: «После молебного пения путникам был предложен чай. За приготовлением этого скромного угощения обнаружилась во всей наготе нечистоплотность обстановки незатейливого домашнего хозяйства юрт. Самовар и глиняная чайная посуда не чищены (только в двух юртах из всех обитателей северных народов Верхотурского уезда имеются глиняные самовары, в прочих юртах чай заваривают в котел, по большей части из красной меди, в котором кипятят воду для чая). Слои грязи на самоваре с накипью внутри его, непромываемая чайная посуда при затхлом спертом воздухе в юрте лишают непривычливого посетителя почти всякого аппетита в принятии хотя и радужного угощения хозяев. Осведомленные об этом путники обыкновенно пользуются своими запасами съестного» [7, с. 303].

Случались, впрочем, в миссионерских поездках и бытовые столкновения священников с обитателями юрт. Один из таких случаев описан в отчете священника Алексея Катагощина, посетившего в феврале 1905 г. вместе с псаломщиком Дмитрием Рогалевым юрты кочевых манси в районе рек Вижая и Тошемки. «Чтоб дать отдохнуть уставшим оленям, да и самим несколько пообогреться и поразмяться, нам пришлось заехать в одну из ранее посещенных нами юрт. Здесь мы к прискорбию застали пьяную компанию вогул. Начались приветствия и возгласы "Попойка! Попойка! Приехал!", похвалы мне и псаломщику, поклоны и проч. Но недолго так продолжалось. Вскоре один из вогул начал покрикивать громче других, стал приставать к нам с поцелуями и объятиями, опрокинул стол, причем пролил кипяток на нас и т.д. Уговоры наши и увещания других вогул не помогли, а напротив, вызвали брань и ругань, приправленную сквернословием. Что было делать?

Собрали мы чайник, чашки и прочие принадлежности чаепития, попросились с хозяином и гостями (на что от буянившего получили в ответ "Убирайтесь!"), вышли на улицу и просидели в нартах до тех пор, пока наши ямщики не закусили и не запрягли оленей. К чести остальных вогул надо сказать, что они, хотя и были пьяны, но держали себя довольно сносно и почтительно. Правда, приставали с водкой, неотступно просили нас выпить рюмочку, но решительное заявление, что мы не пьем и пить не будем, так как это грех, умерило и это» [9, с. 191].

Подводя итоги, надо отметить, что активная миссионерская деятельность уральских священников способствовала религиозной колонизации Северного Урала, но не могла устранить из жизни манси традиционные формы языческой религиозности. Священник походной церкви Василий Варушкин свидетельствовал в 1913 г., после своей поездки к кочевым манси, что они «в общем религиозны и соблюдают обряды православной церкви, можно сказать, строго. Видно, что мои предшественники сделали, что могли» [10, с. 14]. При этом священник вынужден был с сожалением признать, что население соблюдает лишь те таинства, неисполнение которых карается законом. «В силу тяготы своей жизни, которая из года в год делается тяжелее и тяжелее, они попросту приняли в число своих старых богов Спасителя, Божию Матерь, Николая Чудотворца (других святых не знают) и, уверовав в них, исполняют те обряды, которые видят у православных, но молятся и исполняют эти обряды не из-за чего другого, как только, чтобы Спаситель, Божия Матерь и Николай Чудотворец им дали удачную охоту, сохранили оленей и т.п. Вогулы не только молятся, но и приносят в жертву Богу лошадей (Спасителю – белую, Николаю Чудотворцу – пеганую, Богородице – хоть какую). Дав перед охотою обет принести жертву, инородцы обязательно исполняют его, как бы дорого им это ни стоило. Не забывают жертвой вогулы и злого духа, вывешивая на известных деревьях разные шкурки, мясо и т.п. И горе тому, кто осмелится это снять – убьют» [10, с. 16]. Для утверждения в крае православной веры требовалось усилить миссионерскую деятельность. Но в условиях военного времени, ослабления старой и прихода новой власти процесс религиозной колонизации Северного Урала практически прекратился и, как признают исследователи, «православие отступило на позиции, завоеванные к середине XIX века» [1, с. 54].

Список литературы

1. Главацкая Е.М., Беспоконный А.В. Православие и традиционная религиозность манси в конце XIX – начале XX вв.: перекрестки культурного взаимодействия // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 47–55.
2. Нечаев М.Г. Деятельность Православного миссионерского общества на Урале // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40). С. 140–144.
3. Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX веков. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургской епархии, 2008. 194 с.

4. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1892 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 12-13. 20-27 марта. Отдел офиц.
5. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1893 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1894. № 13. 26 марта. Отдел офиц.
6. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1897 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1898. № 11. 1 июня. Отдел офиц.
7. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1902 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1903. № 12. 16 июня. Отдел офиц.
8. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1903 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 7–8. 1–16 апреля. Отдел офиц.
9. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1905 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1906. № 12. 16 июня. Отдел офиц.
10. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1913 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 35. 31 августа. Неоф. отдел.
11. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 342 с.
12. Сапсай А.В., протоиерей. Участие Православного миссионерского общества в развитии инородческой миссии в Пермской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Екатеринбургской духовной консистории. 2018. № 3 (23). С. 117–137.
13. Черных А.В. Православное миссионерство среди марийцев Пермского Прикамья во второй половине XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 64–72.

А.Е. Жукова

Каждый день как «вызов»: повседневность муниципальной общественной прислуги в пореформенной России*

Статья посвящена таким аспектам повседневности муниципальной общественной прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в., как бытовые условия, заработная плата, распределение обязанностей. Трудности, с которыми в своей ежедневной деятельности сталкивались представители обслуживающего персонала в больницах, земских управах и прочих учреждениях, и были главным «вызовом» для данной профессиональной группы.

The article deals with such aspects of everyday life of the municipal public servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries, as living conditions, wages, distribution of duties. The difficulties, which representatives of the service personnel in

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

hospitals, Zemstvo councils and other institutions faced in their daily activities were the main "challenge" for this professional group.

Ключевые слова: прислуга, повседневность, вызов, земство, Российская империя, больница.

Key words: servants, everyday life, challenge, Zemstvo, Russian Empire, hospital.

«Вызов» в истории повседневной жизни – это понятие можно трактовать в самых разных смыслах, не только глобальных, таких как войны и эпидемии, открытия и изобретения, эволюция государства и общества, но и гораздо более приземленных. Каждый день может приносить новые вызовы, когда человеку необходимо думать о том, где найти средства к существованию, кров и пищу. В условиях модернизации российского общества в пореформенный период одной из самых незащищенных групп населения была прислуга. Центральной темой данной статьи являются те вызовы, с которыми в своей повседневной жизни сталкивалась общественная прислуга, трудившаяся в различных провинциальных учреждениях и организациях.

Первоочередной проблемой, которая стояла едва ли не перед каждым представителем обслуживающего персонала, было отсутствие приемлемых бытовых условий. Лишь в исключительных случаях, например, при службе в центральных государственных учреждениях Российской империи, можно было говорить о нормальных условиях проживания прислуги: «Им предоставлялась комната в одной из казенных квартир, специально снимавшихся учреждением для своей прислуги» [2, с. 214]. В менее престижных и более удаленных от столицы местах работы, например, в различных земских учреждениях, ситуация была совершенно иной. В отчетах земств регулярно встречаются свидетельства того, насколько плачевны были условия проживания обслуживающего персонала на местах: «За недостатком помещения, прислуга принуждена спать на полу в палатах и коридорах, сохранять свои вещи на чердаках и чуланах» [3, с. 82]; «Нельзя не обратить внимания на отсутствие квартир для прислуги в уездных лечебницах, Звенигородской и Перхушковской: в последней прислуга живет в сарае, а зимою где-то под квартирой врача» [12, с. 51]; «В настоящее время сторож ютится в коридоре, где ожидают очереди больные. У него буквально нет угла, где он мог бы держать свои вещи; нет печи, чтобы варить себе пищу. Этот недостаток постоянно указывается сторожами и заставляет их бросать работу. “Собака – и та имеет свою конуру” – говорят они» [6, с. 15–16]; «Средний и низший служебный персонал обставлен плохо. Помещения отвратительны, а служащих ютятся даже в повалку в коридорах и ваннах комнатах» [9, с. 42].

Сопутствующей проблемой, о которой говорили реже, но которая не становилась от этого менее неприятной, было отсутствие банальных санитарных удобств. Например, комиссия при осмотре Кесемской больницы зафиксировала, что «при покое ни для служащих ни для амбулаторных больных нет сортира. Есть лишь в комнате одной пудр-клозет малых разме-

ров, недостаточный даже для пяти коечных больных. Нет необходимости говорить, что наблюдается около больницы при отсутствии сортира для прислуги и многолюдной амбулатории» [10, с. 117]. Если для пациентов посещение амбулатории было событием, ограниченным по времени, то для прислуги, которая чаще всего проживала на месте службы, отсутствие туалета приносило дополнительные трудности и неудобства в быту на постоянной основе.

Другим фактором, который оказывал негативное влияние на качество повседневной жизни общественной прислуги в провинции, был ничтожный уровень заработной платы. В зависимости от специализации и гендерной принадлежности жалование прислуги в земских медицинских учреждениях составляло от 4 до 7 р. в месяц [5]. Впрочем, в разных организациях могла существовать некоторая дифференциация условий оплаты [1]. Например, в Рязанской психиатрической больнице существовала следующая система: «Прислуга получает первое время, женщины: 4–5 руб., мужчины 5–6 руб., через каждые 3 года прибавка жалованья (палатной прислуге) по 1 руб. 50 коп. в месяц; такая прибавка производится только 4 раза. В конце каждого года выдается награда из остатков от жалованья и из штрафных; размер награды от месячного жалованья до полуторамесячного. Стол прислуга получает от больницы, из 10 коп. суточных; одежда и обувь своя, за исключением фартуков. Качество прислуги не удовлетворительно; обмен крайне энергичен, достигает 200%» [9, с. 42].

Нижегородское губернское земское собрание в 1869 г. постановило выдавать всей больничной прислуге благотворительных заведений «по 2^{1/2} фун. хлеба в сутки на человека, сверх жалованья, в виде прибавки к нему», но не из благородных побуждений и стремления накормить нуждающихся, а «чтобы лишить прислугу предлога для постоянных отлучек из заведения, будто бы за хлебом» [11, с. 913].

Еще одной проблемой, существовавшей в сфере найма прислуги, было отсутствие четкого распределения обязанностей для разных категорий прислуги и вытекающая отсюда чрезмерная загруженность. Зачастую на одну служанку / сиделку могли быть возложены самые разные функции. Например, в Вологодской губернской земской больнице больничная прислуга носила воду и дрова, топила печи, ухаживала за больными и давала им лекарства, поддерживала чистоту в больнице, а также должна была дежурить по ночам [3, с. 13–14].

Особенно непросто приходилось прислуге в заведениях для душевнобольных. Выполняя аналогичные вышеперечисленным объемы работ, служащие должны были быть готовы и к внештатным ситуациям. В Одесской психиатрической больнице в бланке для ежедневного отчета дежурного врача была отдельная графа, в которой фиксировались нападения пациентов не только на врачей, надзирателей, больных, посетителей, но и на прислугу [9, с. 134–135 (прил.)]. Кроме того, хотя и «редко и на короткое время», и только если «не помогают другие средства, напр. ванны, наркотические и т.д.», но

иногда прислуге приходилось применять в отношении душевнобольных «насильственные меры к удержанию в постели» [9, с. 97].

Если речь шла о «прислуге» в общем смысле, без указания специализации, то еще можно было оправдать такое разнообразие ее деятельности, но аналогичным образом обстояло дело и у более узких категорий работников. Яркой иллюстрацией может служить ситуация, сложившаяся в конце XIX в. в Балашовском уезде Саратовской губернии. Земская управа в 1897 г. была вынуждена попросить увеличить число сторожей с 2-х до 3-х человек по причине того, что «им не остается совершенно свободного времени для отдыха и даже редко бывает время пообедать». Итак, каким образом была обоснована необходимость третьего сторожа в управе: «Помимо ежедневной уборки канцелярии, сторожа обязаны сдавать и получать почту, разносить пакеты, нередко один из сторожей командировается с пакетами по уезду или с психическими больными, или укушенными бешеными животными в Саратов и Москву. Во время сессии Земских Собраний, земско-медицинских съездов, заседания разных Комиссий и во время вечерних занятий в Управе дела становится еще больше и нередко Управа, разослав сторожей с экстренными бумагами и пакетами, остается совершенно без прислуги. При массе работы срочной самое помещение Управы нередко остается без надзора, что совершенно нежелательно и опасно, ибо в Управе находятся всегда и деньги и ценные предметы и, наконец, деловые бумаги» [7, с. 773–774]. Показательно, что, учитывая специфику выполняемых обязанностей, управа не просила ввести должность курьера или посыльного, чтобы разделить задачи и освободить сторожей от лишних забот и разъездов, а лишь хотела увеличить их число, не стремясь рационализировать их деятельность.

Такая многофункциональность прислуги, с одной стороны, была очень выгодна работодателям в большинстве случаев: в одном лице они получали сразу нескольких «специалистов», выполнявших максимум задач за минимальную плату. С другой стороны, последствия такого подхода могли быть крайне непредсказуемы.

Настоящую трагедию описала в своих воспоминаниях О.В. Синакевич: «Третьего дня скончалась Екат. Ивановна Ставрова. Она погибла от небрежности сиделки в богадельне. Доктор велел натереть ее бензином, а потом сделать ей ванну. Сиделка затопила ванну и, усадив ее у раскрытой топки, принялась натирать бензином. Бензин вспыхнул и сразу воспламенились все уже натертые места. Ек. Ив. скончалась от ожогов, промучившись сутки или двое» [8, л. 134 об.]. Ужасает тот факт, что сиделка, именно тот человек, который должен был ухаживать за своими подопечными, допустила такую роковую ошибку, стоившую жизни бедной женщине – и при этом она всего лишь выполняла данные ей указания. Однако, если вспомнить о том, какой объем работы ложился на плечи одной прислуги в подобных заведениях, становится очевидно, что такая неосторожность могла быть результатом крайней усталости и истощенности служительницы.

Похожая трагическая ситуация произошла в Двинске в 1909 г. В Двинской железнодорожной больнице в возрасте 55 лет скончался стрелочник станции Адам Адамов Русецкий. Он страдал крупозным воспалением легких, а смерть его последовала от паралича сердца. Возможно, данное происшествие не привлекло бы особого внимания, если бы не обстоятельства смерти несчастного стрелочника. Он умер во время нахождения в ванне, куда был направлен сторожем этой больницы – Александром Ивановым Гайдамовичем и оставлен там на 40 мин. «без всякого присмотра». В еженедельном журнале «Железнодорожник» утверждалось, что, несмотря на заключение врача этой больницы доктора Заленского о том, что Русецкий скончался от паралича сердца, «ходят слухи, что якобы он захлебнулся» [4, с. 2]. «Напрасно он (доктор Заленский – А.Ж.) допустил такой порядок, при котором сторож больницы по своему усмотрению сажает больного в ванну и – забывает там о нем. Этим самым бесплатную врачебную помощь он превратил в очень платную, ибо плата за нее оказалась ценой жизни» – восклицает автор заметки. Он также справедливо отмечает, что сторож явно вышел за рамки своих полномочий: «Предварительное дознание установило, что род болезни злополучного Русецкого никоим образом не допускал применения к нему ванны и сторож совершенно напрасно разыграл из себя доктора. Впрочем сторож, вероятно для своего оправдания, объяснил, что воду напускал в ванну сам больной. Возможно ли такое непонимание врачебным персоналом своих прямых обязанностей?» [4, с. 3]. На данный вопрос вполне можно ответить утвердительно: да, вероятно, именно отсутствие четко обозначенных обязанностей прислуги зачастую приводило к подобным последствиям, и сторож, скорее всего без всякого злого умысла, лишь желая помочь, совершил непоправимую ошибку.

Ежедневный тяжелый труд, в первую очередь физический, отсутствие нормальных бытовых условий, личного пространства для сна и отдыха, ничтожное жалование и стремление начальства взвалить на одного человека как можно больше обязанностей – эти факторы ежедневно сопровождали прислугу в различных муниципальных учреждениях, таких как земские управы, лечебницы, богадельни и т.д. Повседневность обслуживающего персонала пореформенной России является примером того, что каждый день может представлять собой вызов, справиться с которым было непросто, но жизненно необходимо.

Список литературы

1. Веремenco В.А. Женщины на службе в Министерстве внутренних дел России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2020. № 57 (3). С. 1202–1217. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1202.
2. Веремenco В.А., Крылова Е.Н. Низшие служащие (прислуга) государственных учреждений Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2020. №9. С. 210–218. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202009Statyi02.
3. Вологодская губернская земская больница за время заведования ею Губернским земством. Вологда: Тип. Вологод. Губернск. Правл., 1882. 97 с.

4. Железнодорожник. № 298–18. 14 мая 1909 г.
5. Жукова А.Е. Прислуга в земских медицинских учреждениях России второй половины XIX – начала XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 6. С. 91–100. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-91-100.
6. Журналы 41-го очередного Смоленского уездного земского собрания заседаний 29, 30 сент., 5 и 6 окт. 1905 г. Смоленск: Пар. Типо-Лит. Я.Н. Подземского, 1905. 522 с.
7. Журналы заседаний очередного Балашовского уездного земского собрания бывшего с 7 по 12 октября 1897 г. Саратов: Типография губернского земства, 1898. 841 с.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 163 – Второвы. Д. 324. Л. 134 об.
9. Очерк призрения душевнобольных в России / Соч. д-ра А.Д. Коцовского. Киев: Типо-лит. Т-ва печатн. дела и торг. И.Н. Кушнерев и Ко, 1902. 137 с.
10. Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 22–26 сентября 1892 года и приложения к ним, и протокол чрезвычайного Земского собрания 26 января 1893 года. Рыбинск: Типо-Литография Фальк, 1893. 239 с.
11. Сборник постановлений Нижегородского губернского земского собрания за 1865–1886 гг. Нижний Новгород: Тип. И. Соколенкова, 1888 г. 1302 с., прил.
12. Труды тринадцатого губернского съезда врачей Московского земства. Август-сентябрь 1895 г. М.: Высочайше утв. Т-во Скороп. А.А. Левенсон, Петровка, 22, 1897. 293 с.

Е.В. Годовова, А.С. Годовова

Кризис традиционных семейных ценностей в казачьих семьях в конце XIX – начале XX в.

В статье дается обзор кризиса семейных взаимоотношений у казаков. Авторы приходят к выводу, что общероссийские модернизационные изменения повлияли на традиционные связи между обществом, семьей и личностью. Возросло число межпоколенных конфликтов внутри казачьей семьи, причинами которых чаще всего были измены как с мужской, так и с женской стороны. На рубеже веков дела семейные все чаще решались через суд.

The article provides an overview of the crisis of family relationships among the Cossacks. The authors come to the conclusion that the all-Russian modernization changes influenced the traditional ties between society, family and personality. The number of intergenerational conflicts within the Cossack family increased, the reasons for which were most often betrayals on both the male and female sides. At the turn of the century, family matters were increasingly decided in court.

Ключевые слова: казачество, повседневность, казачья семья, семейные ценности, модернизационные изменения.

Key words: Cossacks, everyday life, Cossack family, family values, modernization changes.

Начиная с 80-х гг. XIX в. в семейных отношениях казаков наблюдается кризис традиционных ценностей. По мнению этнографов, характерным для этого периода стал и упадок целомудрия, в частности, рост супружеской неверности. С одной стороны, этому способствовало отбывание мужем воинской повинности. С другой – поселение на казачьих территориях большого

числа иногородних, не имеющих никакого определенного занятия, способствовало тому, что молодые женщины и девушки иногда и против своего желания впадали в разврат [10, с. 22]. Учитель Баталпашинского городского училища Е. Передельский сообщал в 1883 г., что в станице Темижбекской сильно развита супружеская измена, указывая в качестве виновных в этом иногородних [1, с. 432].

Описывая жизнь донского казачества, С.Ф. Номикосов отмечал, что на грехи молодой жены, в случае отсутствия мужа, смотрели снисходительно. Добродушные казаки, возвращаясь со службы, прощали неверность своих жен, ограничиваясь одними лишь замечаниями да просьбами не грешить на будущее время. Незаконнорожденные дети принимались в семью и усыновлялись. Объясняет он такое снисхождение неверностью самих казаков во время службы и невозможностью исправить непоправимое [9, с. 320]. Большинство жен после возвращения мужей становились порядочными, но были и такие, кто прерывал связь с любовником лишь на время. С этими женами казаки расправлялись очень жестоко. Вспыльчивый человек сразу шел на убийство, а более хладнокровные мстили систематически – побоями и истязаниями [9, с. 320]. Михаил Шолохов, воссоздавая типичные для того времени явления в своем романе «Тихий Дон», пишет, как Степан избивал изменившую ему Аксинью [15, с. 79]. Бывало, что неверных жен забивали насмерть. Так, в 1879 г. один казак, придя с Закавказья домой, заподозрил свою жену в сожительстве с работником; которого немедленно прогнал, а жену связал веревкой и бил мокрою бечёвкой и плетью так, что женщина умерла [14, с. 654–655].

Неверные жены подвергались не только наказанию со стороны мужей, но и осуждению со стороны общества. Считалось гораздо более аморальным, если «дурить» шла женщина. «Муж пойдет – немного понесет, жена пойдет – весь дом унесет», – говорили казаки [7, с. 32–34]. Скрыть любовные отношения в станичной среде было практически невозможно. О неверности жен мужьям, находившимся на службе, в письмах сообщали родственники или знакомые [11, с. 181]. Подобное поведение женщины выносилось на общее порицание станицы: мазали ворота дегтем или вообще их снимали, вешали на ворота или калитку «люльку», разрисовывали глухую стену хаты (или писали на ней неприличные слова), затыкали трубу [13, с. 57].

Неверностью отличались и казаки. Причем не только на службе, но и в станице они могли завести любовные связи и все свободное время проводить у своей «сударки» [11, с. 184]. Михаил Шолохов описывает начало семейной жизни Аксиньи и Степана: «На другой день после свадьбы в амбаре Степан обдуманно и страшно избил молодую жену. Бил в живот, в груди, в спину; бил с таким расчетом, чтобы не видно было людям. С той поры стал он прихватывать на стороне, путался с гулящими жалмерками, уходил чуть не каждую ночь, замкнув Аксинью в амбаре или горенке» [15, с. 50]. Конечно, автор не фиксировал факты (его герои – вымышленные персонажи), но он создавал обобщенные образы людей и событий.

Обиженная жена принимала против любовницы мужа различные меры. Выбивала стекла в ее доме, ломала крыльцо, подговаривала молодых ребят, чтобы поотрезали у ее скотины хвосты, обмазали ей весь курень дегтем или побили ее вечером [5]. Некоторые женщины покушались и на жизнь своих соперниц. Одна из донских казачек на суде рассказала, что ее муж не скрывал своих отношений на стороне, всячески издевался над ней, ругал ее, бил, заставлял работать на свою любовницу. И, доведенная до отчаяния, женщина подожгла соперницу [6]. Были случаи и убийства мужей. В Государственном архиве Краснодарского края хранятся дела об отравлении казачками своих мужей, о нанесении ножевых ран, в том числе и смертельных [2]. Заметки об убийстве мужа, совершенном женой, встречаются также и на страницах казачьей периодической печати. Например, Донские областные ведомости содержат сведения о том, как казачка 50 лет вместе со своим любовником изрубила топором мужа-старика, с которым прожила более 30 лет. Она говорила, что не жила с ним, а мучилась, потому что выдали ее родители за него замуж против ее желания и она его всю жизнь ненавидела [4]. Накопившаяся женская злоба нашла отражение и в казачьем фольклоре:

Как жена мужа возненавидела,
Повела в зеленый сад да зарезала,
Да на яблоне и повесила...
Как жена мужа приутешила,
Вострым ножечком зарезала.
Как на востром ножу сердце встрепенулося,
А жена шельма усмехнулася,
Отнесла его в холодный погреб и кинула,
Дубовой доской его задвинула,
Белым камушком приставила.
Желтым песочком присыпала [11, с. 190].

Женщина-казачка воспринимала пинки, тычки, щипанья, неглубокие уколы «домостроевской плеточки» как дело обыденное, которое и из «избы выносить» не стоит. Защищать свои права она отваживалась лишь тогда, когда вместе с ней отец начинал жестоко обижать детей или соперница слишком нагло унижала ее – супруги, матери и хозяйки – человеческое достоинство. Она решалась и на крайние меры магического, колдовского характера: нашёптывания, заговоры, привороты, чары, присухи, использование жутких по составу снадобий, служение панихид по quasi-умершем. Только перепробовав все средства, несчастная жена могла прибегнуть к содействию властей, мирских и духовных [12].

Семейно-брачные отношения в пореформенный период в основном регулировались нормами обычного права, хотя и постепенно обретали юридическую форму. Разногласия, возникающие между супругами, те старались решить дома; если не получалось, то обращались в станичный суд, а при неудовлетворительном решении – в третейский суд. Если жена уходила от му-

жа, то станичный суд мог присудить жене вернуться домой и еще наказать её арестом на 6–7 дней. Если причиной ссоры между супругами и ухода жены от мужа служили родственники жены, то они также наказывались арестом (дней на 7) или денежным штрафом в пользу мужа: например, за каждый месяц пребывания жены у родственников нужно было заплатить мужу по 3 р. серебром. Когда муж самовольно уходил от жены, станичный суд также обязывал его либо вернуться, либо обеспечить её материально [11, с. 187]. Расторжение брака разрешалось только при бесплодии одного из супругов и изредка по причине аморального поведения или крайне жестокого обращения с женой [3]. В случае развода имущественные разделы были несложными, т.к. имущественные отношения регулировались у казаков правилом: «жена – хозяйка своего добра» или «бабье добро от бабы не отходит, как от казака – конь с седлом» [11, с. 193]. Обычно жена приносила в дом мужа только «сундук». В нем в зависимости от достатка семьи женщины лежали одежда, обувь, украшения, зеркальце, расческа, иногда настенные картинки, белила и проч. Сундук и его содержимое составляли собственность казачки, она могла распоряжаться им как ей будет угодно. Однако в некоторых местностях, если жена уходила от мужа, то сундук оставался у него, а она получала только одежду, принадлежащую ей, и немного денег, которые ей подарили во время свадьбы [7, с. 32–34]. Но если из дома свекра уходила вдова, то он обязан был отдать ей сундук. Девушки из богатых семей, выходя замуж, могли иметь приданое: дом, сад, деревья, скотину и т.д. Приданое передавалось мужу по описи. Пользоваться им могли оба супруга, но жена сохраняла на него исключительное право собственности и в случае развода забирала его [11, с. 197–198].

По свидетельству М. Харузина, станичники говорили, что мировые судьи избаловали баб, как будто не понимают, что «баба дотоле и слушает тебя, пока ты с нею строг» [11, с. 192]. Анализ записей решений станичных судов Оренбургского казачьего войска и Оренбургского магометанского духовного собрания показывает, что во второй половине XIX – начале XX в. большая часть судебных дел инициировалась женщинами или их представителями – отцами, дядями. Например, «Дело по прошению казака Мухмаева Г. из деревни Ново-Илецкой о расторжении брака с мужем его дочери» или «Дело по прошению казака Буркеева М. из пос. Зубочистенский о расторжении брака дочери с мужем» и т.д. [8]. Основными причинами обращений были измена мужа, побои, публичные оскорбления. В делах об изменах ответчицей выступала женщина – «разлучница». При нанесении побоев решение суда зависело от репутации пострадавшей женщины. Суд одобрял поведение мужа, если жена имела дурной характер. Требуящим обязательного наказания считалось плохое содержание жены и оскорбление при людях. Признание виновности влекло штраф и арест при станичном правлении. Обращения мужчин в суды были связаны с бегством жен из семьи. По подобным делам принимались решения о поиске и возврате жены [16, с. 287].

Итак, в пореформенный период характер семейных отношений в казачьих семьях оставался в целом традиционным: патриархально-авторитарным с возрастано-половым распределением ролей. Однако на рубеже XIX–XX вв. начинается их трансформация. Общероссийские модернизационные изменения повлияли на традиционные связи между обществом, семьей и личностью. Возросло число межпоколенных конфликтов внутри казачьей семьи. Нежелание молодых людей жить в условиях жесткого авторитаризма родителей, униженное положение невестки в доме родителей мужа, стремление к экономической самостоятельности приводили к разделу в казачьих семьях и, как следствие, к разрушению традиционной большой патриархальной семьи.

Список литературы

1. Акоева Н.Б. К вопросу о повседневной жизни казачек в середине XIX – начале XX в. // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 2. С. 432.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 256. Оп. 1. Д. 281, 282, 286, 321.
3. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1018.
4. Донские областные ведомости. 1875. № 17.
5. Донские областные ведомости. 1876. № 44.
6. Донские областные ведомости. 1881. № 60.
7. Малявкин Г. Станица Червленная Кизлярского уезда Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. № 2.
8. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И – 295. Оп. 5. Т. 4. Д. 6369; Ф. И – 295. Оп. 5. Т. 6. Д. 10354; Ф. И – 295. Оп. 5. Т. 3. Д. 4340.
9. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884.
10. Передельский Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней // СМОМПК. 1883. Вып. 3. Тифлис, 1888.
11. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. Вып. 1. М., 1885.
12. С-ский С. Ник. Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда (Оренбургской губернии) // Оренбургские губернские ведомости. 1881. № 36.
13. Цыбулькинова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Монография. Армавир, 2012.
14. Шахов Д. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
15. Шолохов М. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Книга первая. М.: Издательство «Художественная литература», 1968.
16. Чайко Е.А. От семьи русской к семье советской: третья сторона во внутрисемейных конфликтах (по материалам письменных источников южного Урала) // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017.

Семейные ценности на страницах журнала «Друг» (1909 г.)

Данная статья посвящена изучению семейных ценностей на страницах петербургского журнала «Друг». Под семейными ценностями подразумеваются, прежде всего, духовные, к которым относятся идеалы, суждения о сущности брака, особенности семейных взаимоотношений и др. С середины XIX в. на смену некогда патриархальной семьи приходит демократическая. Результатом этой трансформации стало появление новых семейных ценностей, главными из которых являлись свобода выбора и свобода чувств.

This article is devoted to the study of family values on the pages of the St. Petersburg magazine "Friend". Family values mean, first of all, spiritual ones, which include ideals, judgments about the essence of marriage, peculiarities of family relationships, etc. Since the middle of the 19th century, the once patriarchal family has been replaced by a democratic one. The result of this transformation was the emergence of new family values, the main of which were freedom of choice and freedom of feelings.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, семейный журнал, периодическая печать, еженедельник, начала XX в.

Key words: family, family values, family magazine, periodicals, weekly, early XX century.

В середине XIX столетия российская патриархальная семья начала трансформироваться, приобретая, таким образом, черты равенства, которые отчетливо прослеживались в отношениях между супругами, в распределении власти, в отношениях родителей и детей, в свободе заключения или расторжения браков, а также в приоритете личностных интересов над семейными.

Эпоха «Великих реформ» положила начало существованию и в дальнейшем распространению «гражданских браков», которые по итогу прочно вошли в современную жизнь и стали синонимом к слову «сожитительство». Численность дворян, которые официально не вступили в брак, но по факту проживавших вместе, на протяжении второй половины XIX – начала XX в. неуклонно росла. Причем к этой группе принадлежали как лица холостые, так и состоявшие в браке с другими, но не имевшие возможности развестись по церковным законам [1, с. 26].

Процесс постепенной и необратимой трансформации семьи сопровождался значительным охлаждением к православной вере, упадком и вырождением христианских основ семейных отношений. Эти изменения способствовали появлению новой семьи (демократической) и привели к метаморфозам семейных ценностей. Первостепенными ценностями новой семьи стали: эмоциональная близость супругов, обретение в совместной жизни взаимного удовольствия и поддержки и т.д. Превалирующей семейной ценностью в начале XX в. наряду со свободой выбора становится свобода чувств [6, с. 211].

Функцию формирования и распространения новых семейных ценностей взяли на себя журналы. Эту роль на протяжении 1909 г. выполнял литературно-художественный семейный журнал «Друг», издаваемый в Петербурге. Название указывает на то, что «новое издание стремится встать в ближайшее общение, в дружеские отношения с семьей своих подписчиков» [3; №1, с. 1].

В журнале печатались романы, повести, рассказы, стихотворения, очерки, мемуары и прочие материалы как оригинальные (русские), так и переводные, а также рубрика «Смесь», в которой помещались каламбуры, анекдоты, загадки, шарады, шутки и т.п. В издании также присутствовали обзоры явлений литературно-художественной жизни.

Иллюстрации в журнале представлены оригинальными рисунками отечественных художников, русскими и зарубежными картинами, портретами государственных и общественных деятелей. Задний фон заглавия часто сопровождался иллюстрациями. На одной из таких иллюстраций изображена семья, состоящая из четырех человек. Глава семьи держит в руках номер журнала и читает его домашним, в то время как все остальные внимательно слушают. Для детей того времени вечера семейного чтения были моментами духовного общения с родителями, настоящими уроками воспитания семейного духа. О таких моментах вспоминал старший сын Льва Николаевича Толстого Сергей: «По вечерам он частью рассказывал, частью читал нам «Детей капитана Гранта», «Путешествие на Луну» и другие книги Жюль Верна по иллюстративным изданиям. Мы очень любили эти рассказы» [7, с. 43].

Традиционным семейным ценностям, таким как любовь, семья как высшая ценность, дружба, воспитание, готовность прийти на помощь, честь и достоинство, в журнале было отдано около 20% от публикуемого материала. Уютом, царившим в традиционных семьях, были наполнены рассказы: «Усевшись на узкую деревянную скамеечку в углу камина, он оттуда руководил общим весельем: он вместе с детьми совершал завлекательные путешествия и поднимался в надзвездные миры. Он играл на скрипке, а домашние слушали его, стараясь не проронить ни одного звука, ни одного слова» [3; № 2, с. 21].

Об упадке христианских основ, на которых ранее строилась российская семья, говорят следующие данные: лишь 2,6% от числа публикаций в журнале «Друг» упоминали об отношении и вере в Бога. В трагичном рассказе «Бешеный», забота главы семейства по отношению к своим детям выразилась в том, что «он перекрестил старшего сына и наклонился его поцеловать» [3; № 12, с. 187].

Центральное место в освещении семейных ценностях на страницах журнала «Друг» занимала свобода выбора. Этой ценности новой семьи посвящены около 7,7% от всего публикуемого материала. Темой свободы выбора были наполнены стихотворения: «Счастлив тот, кто среди шума житейской борьбы может грезам волшебным отдаться» [3; № 2, с. 26].

Наряду со свободой выбора, в журнале отчетливо прослеживались ценности свободы чувств, что в свою очередь, повлияло на зарождение негативного стереотипа поведения, особенно среди молодых девушек. Так героиня одного рассказа семнадцатилетняя девушка Брита пришла в отчий дом «не одна – под сердцем она уже носила кару павшей девушки» [3; № 8, с. 124].

Ранняя беременность – явление крайне негативного характера, общество не одобряло такие поступки, в отличие от позднего вступления в брак. Этой теме было отдано более 5% от числа публикаций (столько же, сколько и освещению любви как важнейшей традиционной ценности семьи): «Он был такой смешной, такой забавный, право. Ему шел двадцать пятый год, а разве можно было этому поверить? Он казался мальчиком, совсем еще мальчиком, безусым, наивным» [3; № 6, с. 84].

Как бы то ни было, но к середине XIX века бóльшая часть барышень предпочитали вступать в брак до 21 года, а мужчин – в возрасте от 23–24 лет. После 23 лет вероятность для девушки выйти замуж падала и к 40 годам становилась ничтожной. Начиная с 1860-х гг., возраст вступления в брак стабилизировался и вплоть до 1917 г. оставался неизменным. Средний возраст русских невест, вступавших в брак, в 1867–1910 гг. равнялся 21,4 года, женихов – 24,2 года [5, с. 325]. Нет ничего удивительного и в том, что брачные объявления от мужчины возраста 28–30 лет с «25 000 р. состояния», который «желает жениться на барышне или вдове с хорошим приданным» [4; 1906, № 2, с. 5], находили отклики читательской аудитории в периодической печати начала XX в.

Стоит отметить, что пропаганда позднего вступления в брак была направлена не только на мужчин. Мы нашли статьи, освещавшие бездетную, свободную от семейных хлопот жизнь. Такой образ жизни в конечном итоге приводил к росту женщин-карьеристок, для которых было важно обеспечить безбедную старость: «Отсутствие детей и родственников, устойчивое материальное положение обеспечивало Берте спокойное существование» [3; № 2, с. 26].

В семейном журнале «Друг» поднимались проблемы сожителства мужчины и женщины, а также супружеской измены. Прелюбодеяние, которое по законам Святейшего Синода являлось причиной бракоразводного процесса, стало частым явлением. По данным отчет Обер-прокурора Святейшего Синода, в 83% случаях причиной развода являлась неверность одного из супругов [2, с. 32]: «Некоторые были женаты незаконнейшим образом, другие – по несколько лет жили со своими “театральными женами”. Все они не принадлежали к обычным “кочующим” провинциальным актерам, меняющих ежегодно своих “сезонных” подруг» [3; № 12, с. 180]. Но некоторые образы представлялись читателю так, что вызывали сочувствие и герой таких рассказов выглядел даже благородно: «Сойдясь с ней, он ее не обманул. Он прямо, откровенно сказал, что он женат, но женат несчастливо; жена его болезненная, взбалмошная женщина, была ниже его по развитию» [3; № 9, с. 134].

Таким образом, публикуемый материал на страницах журнала «Друг» показал нам трансформацию семейных ценностей, которая проявилась в активной пропаганде позднего вступления в брак, в превалирующем значении личностных интересов над семейными, а также зарождающегося негативного стереотипа поведения среди мужчин и женщин. В свою очередь это привело к следованию модели поведения и негативным последствиям, выраженных в статистике падения рождаемости, увеличением бракоразводных процессов и т.д.

Семейный журнал «Друг» успешно выполнил свою роль – роль формирования и распространения ценностей новой семьи, демократичной по своей сути. Анализ содержания показал, что традиционные семейные ценности, в целом, преподносятся искаженно. Оскудение христианских основ как один из ключевых факторов трансформации семьи и семейных ценностей, в журнале упоминается вскользь. Центральное место в журнале занимали личностные ценности: свобода выбора и свобода чувств.

Список литературы

1. Веретенко В.А. Российская семья второй половины XIX – начала XX в.: этапы модернизации // XX Юбилейные Царскосельские чтения. СПб., 2016. С. 25–30.
2. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. X. 144 с.
3. Друг: Лит.-худож. семейный журнал. СПб.: А.Р. Яценко, 1909.
4. Забава: Семейный журнал. СПб.: Совр. изд-во, 1906–1907.
5. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2014. – 896 с.
6. Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.
7. Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1975. 511 с.

Ю.А. Кривошеева

Вызовы позднеимперского времени и общественно-политическая жизнь ярославских текстильщиц на рубеже XIX–XX вв.

В статье рассматривается участие текстильщиц в общественно-политической жизни Ярославской губернии. Автором обобщаются статистические данные о выступлениях текстильщиц, их частотности и требованиях рабочих. Отдельное внимание уделяется влиянию «вызовов» времени на повседневность женщин. В заключении делается вывод о важной роли активности работниц накануне первой российской революции 1905–1907 гг.

The article considers the participation of the female textile workers in the social and political life of the Yaroslavl province. The author summarizes statistics on the textile workers' actions, their frequency and demands of the workers. Special attention is paid to the influence of the “challenges” of the time on the everyday life of women. The author concludes about the special role of the female workers' activity before the First Russian Revolution of 1905–1907.

Ключевые слова: фабрика, работница, текстильная промышленность, Ярославская губерния, повседневность.

Key words: factory, female worker, textile industry, Yaroslavl province, everyday life.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали переломным периодом, столкнувшим женщину-работницу с новыми проблемами и культурно-психологическими вызовами. Новые условия трансформировали коллективный менталитет рабочих и изменили круг привычных им трудовых и бытовых обязанностей, досуговых форм проведения времени [7, с. 565]. Работницы вошли в общественно-политическую жизнь в роли активных участниц или пассивных наблюдательниц, так или иначе связанных с революционерами множественными социально-бытовыми связями – семейными, трудовыми, соседскими, товарищескими.

Первые попытки вовлечения широких масс населения Ярославской губернии в происходившие в стране общественно-политические процессы начались еще в 1870-х гг. и были связаны с народническим движением, когда революционно настроенное столичное и региональное студенчество вело пропаганду среди крестьян и рабочих. Народническая литература появлялась на крупнейших текстильных фабриках губернии Ярославской Большой (ЯБМ), Лакаловской мануфактурах, фабриках купцов Журавлевых.

Новый этап рабочего движения в Ярославской губернии был связан с распространением в обществе марксистских идей. В рассматриваемый период рабочие впервые начали прибегать к стачкам – исключительно пролетарскому средству борьбы за коллективные интересы [8, с. 86, 88]. Первые выступления в регионе начались еще в 1860-х гг., достигнув своего пика лишь в последние десятилетия XIX в., став одновременно и закономерным ответом на вызовы времени, и новым вызовом для предпринимателей и властей.

Авангардом общественно-политической борьбы в Ярославской губернии выступали рабочие текстильной индустрии. До 1905 г. порядка половины всех волнений приходилось на рабочих-текстильщиков. Волнения охватывали как крупные, так и средние текстильные фабрики. Безусловным лидером по количеству выступлений стала Ростовская мануфактура, где, с учетом повторных и одного коллективного выступлений, произошло 10 стачек. Крупные фабрики бастовали менее активно – с конца 1880-х гг. и до 1905 г. было зафиксировано 6 выступлений текстильщиков на Локаловской и 6 – на Норской мануфактурах. Реже прочих бастовала Ярославская Большая мануфактура (ЯБМ) – количество выступлений здесь ограничилось 3 стачками, однако, именно они стали наиболее массовыми и ожесточенными – из более 17,7 тыс. текстильщиков, вовлеченных в протесты, около 13 тыс. приходилось на долю ЯБМ. Все три стачки здесь подавлялись войсками [9, с. 15–18].

До революции 1905 г. требования текстильщиков носили исключительно экономический характер – основная масса проявляла недовольство низким заработком, высокими и несправедливыми штрафами, понижением расценок в период найма и сокращением жалованья, а также «новыми порядками»,

приводившими к уменьшению заработной платы. Редкими, но не менее важными, становились требования по улучшению бытовой повседневности – снижению цен на продукты в фабричной лавке, организации охраны при бане для предотвращения краж, предоставлению квартир и др. [6, с. 254; 9, с. 16, 22]. В итоге, более половины требований рабочих удовлетворялись администрацией фабрик либо полностью, либо частично.

Движущей силой общественно-политической жизни ярославских текстильных фабрик безусловно выступали мужчины, в то время как вопрос об участии в выступлениях женщин по-прежнему остается открытым. За рассматриваемый период достоверно известно об участии работниц как минимум в четырех забастовках.

Массовое участие женщин в рабочих выступлениях имело место на ЯБМ в августе 1890 г., когда в забастовке приняли участие около 5 тыс. из порядка 7,3 тыс. чел. Учитывая высокое число занятых на ЯБМ женщин (около 3,2 тыс. чел.), можно утверждать, что около трети текстильщиц так или иначе принимали участие в коллективном выступлении [10, с. 45; 2, с. 73]. В ходе следующей стачки в апреле – мае 1895 г. ЯБМ была полностью остановлена. Несмотря на то, что степень участия женщин здесь остается неясной, упоминание о прекращении работы тысячами текстильщиков [9, с. 18] позволяет предположить, что работницы не имели возможности воспрепятствовать остановке работы предприятия – очевидно, часть из них должна была остаться безучастной к происходившим событиям, другие же приняли в них самое активное участие.

Несмотря на то, что мужчины считались более склонными к отстаиванию своих интересов [1, с. 263], даже невысокий процент стачечников не исключал активного участия текстильщиц в рабочих выступлениях. Например, во время стачки в апреле 1897 г. на Норской мануфактуре (5% участников из 1,6 тыс. чел.), уже после достижения соглашения между рабочими и фабричной администрацией, именно женщины отказались возобновлять работу, вынудив руководство отменить все уступки и уволить трех зачинщиц выступления [9, с. 22].

Единственная в регионе исключительно женская стачка произошла в октябре 1899 г. на Ростовской мануфактуре – ее участницами выступили 93 ватерщицы (8% всех рабочих). Несмотря на женский состав, по итогу выступления наказанию подвергся лишь один подстрекатель-мужчина [9, с. 26].

Нарративы «активных» женщин позволяют оценить роль и место работниц в общественной жизни региона. Женщины-активистки становились продуктом революционной среды – интерес к нелегальной работе им прививали братья, мужья и отцы, как своим примером, так и путем «бесед» и «разъяснений» женщинам «политики партии». Подобное явление прослеживалось и в период Гражданской войны, подтверждая, что именно рассматриваемый период стал временем формирования и подготовки революционерок и хозяйственниц, активность которых пришлась уже на революционные и военные

годы [6, с. 253; 3, с. 31–32]. Известно, что девочек и девушек старались оберегать, к примеру, не принимая их в подпольные группы или скрывая от них важную информацию, однако, юные революционерки все равно получали свои маленькие «задания» – разучивать фабричные песни с подругами в цехах, дежурить во время тайных собраний, проходивших на квартирах и в каморках под видом «вечеринок с чаем и выпивкой» или застолий с «вином и капустой» [11, л. 59, 65; 12, л. 68–70].

Помимо знакомых мужчин, работницы обретали наставников в лице более взрослых или грамотных женщин, приобщавших текстильщиц к революционным идеям. Несмотря на то, что случаи «женского наставничества» известны лишь для периода первой российской революции и Первой мировой войны, можно с уверенностью утверждать, что данное явление сформировалось и развивалось задолго до периода общественных потрясений [11, л. 68; 3, с. 29]. Среди прочего, другим источником вдохновения для женщин становились «подстрекательницы», непосредственно не работавшие на производстве. Так, в разные годы в нелегальной работе замечена акушерка больницы при Норской мануфактуре Горячкина, выступавшая с докладами на «кружке активных девушек», к политическому дознанию привлекалась фельдшерица ЯБМ Липина, «вращавшаяся в кругу поднадзорных лиц» [4, л. 11; 12, л. 68].

В рассматриваемый период в эпицентре общественно-политической жизни губернии находились четыре крупные фабрики, однако крупные Романовская и Волжская мануфактуры, напротив, избежали волнений и беспорядков. На Волжской прядильной мануфактуре первые выступления текстильщиков начались лишь в 1905 г., а их долгое отсутствие объяснялось не столько «культурной отсталостью» рабочих, сколько суровостью хозяина, не допускавшего «брожений» в рабочей среде [14, л. 97], спокойствие же Романовской мануфактуры виделось результатом грамотной социальной политики ее владельцев [5, с. 32]. Несмотря на то, что в рассматриваемый период не зафиксировано ни одной стачки с участием рабочих обеих фабрик, мемуары женщин указывают на то, что и здесь текстильщицы подвергались влиянию «идейных товарищей» и как бы подготавливались для дальнейшей общественной работы, выполняя поручения «старших». К примеру, они передавали тайные сведения, посещали запрещенные встречи, распространяли нелегальную литературу, вели агитацию среди коллег по цеху и др. [14, л. 49; 5, с. 42].

Однако, несмотря на известные случаи участия работниц в общественно-политической жизни фабрик, большинство трудившихся женщин все же оставались безликой пассивной массой, об общественной активности которой практически ничего неизвестно. В целом, женщины должны были испытывать на себе влияние «вызовов времени» лишь косвенно, например, перенося трудности в результате нелегальной работы одного из членов их семейств. Так, жена революционера Норской мануфактуры С.И. Кузнецова, уволенная с фабрики вслед за мужем, вместе с тремя детьми была вынуждена

квартировать в «чулане частного дома» в Норском посаде и «перебиваться случайными заработками – шить, стирать белье», поскольку «на работу жену крамольника не брали» [12, л. 26 об. – 27]. П.Д. Сорокина, дочь рабочего ЯБМ, революционера Д.Н. Скотникова, еще ребенком осталась одна из-за ареста, а затем и высылки из города отца. Приемной семьей для девочки стали соседи, помогавшие ей до возвращения родителя [13, л. 152].

Итак, в рассматриваемый период текстильщицы не составляли авангарда стачечного движения. Несмотря на то, что зачинщиками и организаторами выступлений в подавляющем большинстве выступали мужчины-рабочие, немногочисленные сохранившиеся женские нарративы свидетельствуют о том, что революционная активность не была чужда и самим женщинам, выступавшим либо в качестве активных участниц стачек, либо же в роли «помощниц», опоры текстильщика-революционера, удовлетворяя требованиям гендерных стереотипов и одновременно как бы перекрывая их, становясь на одну позицию с мужчиной. Тем не менее, подавляющее большинство женщин, в силу различных обстоятельств, так и остались безмолвными и невидимыми наблюдательницами происходивших событий, испытывая на себе давление «вызовов» времени лишь косвенно или же вовсе находясь в стороне от их пагубных воздействий.

Список литературы

1. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 592 с.
2. Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. "Не рублем единым": трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: РОССПЭН, 2010. 534 с.
3. Волжские текстильщики: Посвящается 100-летию Волжской шерстопрядильной фабрики им. Р. Люксембург и пос. Волга, 1895–1995 гг. / сост. Васильев П.И. Пос. Волга, 1996. 239 с.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 906. Оп. 4. Д. 136.
5. Жизнь во благо: памяти Е.Е. Классена (1842–1910): сб. статей и материалов / под ред. Н.В. Обнорской. Ярославль: Конверсия, 2010. 48 с.
6. Киселев С.И. Хронограф истории Гаврилов-Ямского края: события, факты, комментарии, XIII – нач. XX вв. Ярославль: Аверс Плюс, 2016. 492 с.
7. Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А. Женский досуг в фабричной повседневности: текстильные предприятия Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *Via in tempore. История. Политология.* 2020. Т. 47. № 3. С. 559–567.
8. Марасанова В.М., Саблина А.А. Ярославский край в XIX в.: учеб. пособие. Ярославль, 2001. 116 с.
9. Мейерович М.Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1995. 120 с.
10. Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводской статистики. Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1894. 847 с.
11. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 4773. Оп. 6. Д. 71.
12. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 72.
13. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 134.
14. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 225.

Способы распространения новаций в гастрономической культуре на рубеже XIX–XX вв.*

В статье предпринята попытка систематизировать пути и способы распространения новаций в гастрономической культуре на рубеже XIX–XX вв. Отмечается, что их в первую очередь воспринимали жители крупных городов, являвшихся центрами формирующегося капиталистического уклада и буржуазного образа жизни. Новые подходы к организации питания проявлялись в выборе предпочтительного набора продуктов и рецептов приготовления блюд, в обустройстве кухни новой бытовой техникой и утварью, способах сервировки стола. Ключевую роль в этом процессе играло увеличение числа кулинарных и специальных журнальных и газетных статей, рекламных объявлений, рассчитанных на широкого читателя. Они оказывали непосредственное воздействие на повседневную практику и, в конечном счете, закладывали основы современной гастрономической культуры.

Resume: The article attempts to systematize the ways and means of spreading innovations in gastronomic culture at the turn of the 19th and 20th centuries. It's noted that they were primarily perceived by residents of large cities, which were the centers of the emerging capitalist structure and bourgeois way of life. New approaches to catering were manifested in the choice of the preferred set of products and recipes for cooking, in the arrangement of the kitchen with new household appliances and utensils, and in the way of table setting. A key role in this process was played by the increase in the number of culinary and specialty magazine and newspaper articles, advertisements aimed at the general public. They had a direct impact on daily practice and, ultimately, laid the foundations of modern gastronomic culture.

Ключевые слова: гастрономическая культура, кулинарное искусство, организация питания, кулинарные книги, обустройство кухни.

Key words: gastronomic culture, culinary arts, catering, cookbooks, kitchen arrangement.

На первый взгляд, гастрономическая культура является одной из самых устойчивых, консервативных сторон повседневной жизни и наблюдающиеся в ней новации носят частный характер ничего не меняя. На самом деле, это впечатление обманчиво. Кулинарное искусство, организация питания, как и другие общественные феномены подвержены существенной трансформации. Особенно она проявляется на переломных этапах истории. Характерный тому пример – конец XIX–XX вв. В России это было время активного формирования капиталистического уклада. Связанные с ним социальные слои и группы быстро усваивали ценности буржуазного образа жизни. Свойственные ему индивидуализм, рационализм, стремление к вещному достатку и комфорту на глазах преобразовывали повседневную жизнь. При организации питания они проявлялись в выборе предпочтительного набора продуктов и рецептов приготовления блюд, в обустройстве кухни новой бытовой техникой и утварью, способах сервировки стола. Нововведения накапливались по-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-660002.

степенно, порой причудливо сочетаясь с устоявшимися нормами. Наиболее явно эта тенденция проявлялась в крупных городах, являвшихся центрами «капиталистической модернизации». Здесь опережающими темпами росло число представителей «средних классов», активно воспринимающих ценности буржуазной культуры и имевших для этого необходимый материальный достаток. Конечно, в общей массе городского населения они составляли меньшую часть. Но их отношение к организации своего питания в соответствии с требованиями физиологических, гигиенических норм, учетом последних технических новинок и медицинских знаний, а также экономических возможностей уже в предреволюционную эпоху стало восприниматься большинством горожан как неотъемлемая часть «современности».

Многие аспекты этого процесса хорошо показаны в современной историографии [7–9; 13; 14]. Вместе с тем, системного представления о путях и способах распространения новаций в гастрономической культуре в рассматриваемый период пока не сложилось. Ключевую роль здесь играло увеличение числа кулинарных книг и специальных журнальных и газетных публикаций, рекламных объявлений [16]. С одной стороны, они являлись собранием рецептов приготовления конкретных блюд. С другой – включали рекомендации как с наименьшими затратами обеспечить разнообразное, вкусное и здоровое питание для всей семьи и организовать комфортные условия приготовления и приема пищи [3, с. III].

Порой авторы подобных публикаций декларировали значимую общественную миссию. Так Е. Молоховец утверждала, что две ее книги могут составить «полное собрание сведений, необходимых для каждой молодой хозяйки, которая должна заботиться не только о своей семье, прислуге, крестьянах, но и о благосостоянии всех ближних вообще, как семьянинка своего дома и гражданка великой семьи человечества» [10, с. 4; 11]. В соответствии с такими рассуждениями предлагались практические советы. Они были призваны дать «самые определенные ответы и разъяснения на все затруднения и вопросы, возникающие при ведении домашнего хозяйства» [15, с. 3]. К ним относились в том числе следующие аспекты: как правильно рассчитать затраты на организацию питания, где и у кого покупать те или иные продукты, как отличить хороший товар от фальсификата, каким должно быть обустройство кухни, гарантирующее качественное приготовление пищи [1].

Особое внимание обращалось на подбор необходимой посуды, приспособлений и основного оснащение кухни. Называлось до ста наименований кухонной утвари, которые желательны иметь в хозяйстве. Считалось, что в каждом доме должен быть цинковый бак для мытья посуды, жестяной эмалированный таз, различные кастрюли, формы для выпечки и чугунные сковороды, самовар, мороженица и пр. [4, с. 113]. Рекомендовалось учитывать растущую специализацию кухонной продукции и многочисленные рекламные объявления убеждали хозяек в необходимости иметь различные кастрюли: медные, железные, эмалированные, алюминиевые, из огнеупорной глины. Отмечалось, что к их подбору нужно подходить рационально: «вме-

сто медных кастрюль можно приобрести чугунные эмалированные внутри, они много дешевле, но за то и служба их много короче. Или же жестяные оцинкованные, также с крышками и ручками» [5, с. 1]. Увеличение ассортимента доступной кухонной утвари способствовало фабричное производство, заметно снижавшее ее цены. Одновременно повышалась возможность приобретения различных механизмов – мясорубок, соковыжималок, машин для чистки картофеля, резки хлеба и т.д. – заметно облегчавших процесс приготовления пищи. И все это, если судить по рекламе, было в наличии не только в столичных, но и провинциальных магазинах. В прессе постоянно публиковались объявления, что в продаже имеются «самовары, кофейники и приспособления к ним. Посуда: никелевая, алюминиевая, медная, эмалированная, чугунная. Кухни: спиртовые, газовые, керосиновые. Утюги: спиртовые, паровые и простые. Ложки алюминиевые, мельхиоровые. Выжималки для белья американские» [2; 12].

На оборудование кухонь непосредственное влияние оказывало изменение условий проживания горожан. В небольших городских квартирах невозможно было разместить традиционную русскую печь. И они оснащались более компактными плитами и духовыми шкафами. Это ускоряло и расширяло возможности в приготовлении пищи на что обращали внимание практически во всех кулинарных книгах. Составитель книги «Образцовая кухня» отмечал, что в русской печи очень трудно приготовить бифштекс или зажарить мелкую птицу. «А что касается до соусов, то хорошо изготовить их и думать нельзя, между тем как в настоящем гастрономическом столе соусы составляют главную принадлежность, без них обойтись немислимо, т.к. он придают разнообразие столу и весьма часто посредственную провизию превращают в очень вкусное блюдо» [15, с. 7].

Заметно расширился ассортимент доступных продовольственных товаров. Этому способствовало появление крупных гастрономических магазинов, предлагавших большой выбор колбас, ветчины, окороков, сливочного масла, сыров, разнообразных молочных продуктов. Здесь также можно было приобрести продукты быстрого приготовления и полуфабрикаты для изготовления в домашних условиях десертов, выпечки, мороженого, разнообразных напитков и т.д. Наряду с большими гастрономами увеличивалось число специализированных магазинов и лавок: фруктовых, бакалейных, рыбных, винных, «колониальных товаров». В них можно было купить разнообразные кондитерские изделия, например, пастилу и мармелад из свежих яблок, рябины и клюквы, чай, кофе, цикорий, шоколад, мессинские лимоны, хиосские мандарины, яффские апельсины, алжирские финики [6]. В продаже имелись различные виды рыб, в т.ч. стерлядь, лосось, сизи. Вместе с домашней птицей предлагалась и разнообразная дичь. Сохраняли свое значение и городские продовольственные рынки. Разнообразие продуктов способствовало появлению на территории городов и пригородах различных современных «сельхозпредприятий»: молочных ферм, сыроварен, садовых, тепличных и огородных хозяйств, снабжавшие желающих свежей продукцией. В частно-

сти, в самом центре Екатеринбурга располагался павильон «пастеровской фирмы СВ. Коровиной», открытый с разрешения врачебного отдела. Согласно рекламе, человек, заботящийся о своем пищеварении, всегда мог выпить здесь «биологически чисто приготовленного по указанию профессора И.И. Мечникова» кефира или простокваши, а в летнее время даже кумыса «собственного приготовления из настоящего кобыльего молока» (15 к. бутылка). Подчеркивалось, что напиток приготовлялся специально приглашенным кумысником под наблюдением санитарного врача.

Еще в начале XIX в. стране сложилось два центра гастрономической культуры: Петербург и Москва. Москва в большей мере являлась носителем традиционной русской кулинарии. Петербург более активно усваивал рецепты европейской кухни. Однако к концу века ее рецепты получают повсеместное распространение. Наибольшее влияние на повседневное кулинарное искусство оказывала французская кухня. Это проявлялось как в приготовлении ранее неизвестных блюд, так и в способах их подачи. В одну перемену стали подавать только одно блюдо, чередуя легкие и тяжелые. Русский закусочный стол из мясных, рыбных, грибных и квашеных овощных блюд был дополнен рецептами, в которых применялось комбинирование продуктов (винегреты, салаты, гарниры, паштеты). Набирали популярность протертые супы и бульоны. При приготовлении пирогов ржаное тесто заменялось слоеным из пшеничной муки. Мясо и птицу стали подавать не целиком, а в нарезанном виде.

Важную роль в изменении повседневно приготовляемых блюд играли учреждения общественного питания: кафе, рестораны, буфеты, кондитерские и пр. Их работа была отражена в меню, печатавшихся в городских газетах. Практически все они работали по так называемому меню *table d'hote*, в котором сочетались блюда российской и европейской кухонь. Нередким явлением было сочетание французского блюда с русскими добавками. Так к «претаньеру» (французский, так называемый, весенний суп, основу которого составлял говяжий бульон) очень по-русски, в качестве добавки шла репа. Помимо французской в городских условиях легко адаптировались польская, немецкая, малороссийская и еврейская кухни. Этому способствовали простота композиции, быстрота приготовления, использование готового сырья – бульонов, рубленого мяса, дичи и рыбы, а также наплитное приготовление. В начале XX в. также набирали популярность блюда кавказской кухни – шашлыки и чебуреки, которые активно входили в повседневный обиход горожан.

Подобные новации в приготовлении пищи, наряду с более рациональным отношением к организации питания в целом заложили основы современной гастрономической культуры.

Список литературы

1. Авдеева Е., Маслов Н.Н. Поваренная книга русской опытной хозяйки. СПб., б.г.
2. Голос Урала. 1912. 3 нояб.
3. Драгомирова А. В помощь хозяйкам. Рецепты разных блюд и заготовок. СПб., 1909.

4. Женская энциклопедия. М., Т. 1. 1915. С. 113.
5. Женщина. 1908. № 6. Вып. III.
6. Зауральский край. 1913. 16 нояб.
7. Захарова О.Ю. Российское церемониальное застолье: старинные меню и рецепты императорской кухни Ливадийского дворца. М: Центрполиграф, 2012.
8. Зимин И.В. Императорская кухня. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб.: Центрполиграф: Русская тройка-СПб., 2015.
9. Лаврентьева Е.В. Культура застолья XIX века: Пушкинская пора. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1999.
10. Молоховец Е.И. Молодым хозяйкам: собрание гигиенических и полезнейших простых, аллопатических и гомеопатических врачующих средств от различных болезней взрослых и детей. СПб.: Тип. доктора М.А. Хана, 1880.
11. Молоховец Е.И. Подарок молодым хозяйкам, или Средства к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1897.
12. Поваренная книга известного кулинара Д.И. Бобринского. Харьков, 1913.
13. Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. М.: Центрполиграф, 2004.
14. Похлебкин В.В. Кухня века. М.: Полифакт, 2000.
15. Симоненко П.Ф. Образцовая кухня. М., 1892.
16. Яхно О.Н. Кулинарные книги как источник реконструкции гастрономической культуры // Уральский исторический вестник. 2019. № 1(62). С. 113–120.

Е.И. Белова

Повседневная жизнь русского офицерства во время революции 1917 г.

В статье на основе мемуарной литературы и документов революционных органов власти освещаются особенности повседневной жизни русского офицерского корпуса в период революционных событий. Главным образом рассматривается положение военных чинов в революционном Петрограде в период с февраля 1917 г. по середину 1918 г. Показана реакция офицеров на те изменения, которые произошли в их жизни.

Based on memoirs and documents of revolutionary authorities, the article highlights the features of the everyday life of the Russian officer corps during the period of revolutionary events. The position of military ranks in revolutionary Petrograd in the period from February 1917 to mid-1918 is mainly examined. The reaction of officers to the changes that took place in their lives is shown.

Ключевые слова: Февральская революция, октябрьский переворот, русское офицерство, повседневная жизнь, воспоминания.

Key words: February revolution, October coup, Russian officers, everyday life, memories.

Накануне революционных событий в столице сосредоточилось большое количество военных чинов. Петроградский гарнизон, целиком состоявший из резервных частей, в начале 1917 г. насчитывал до 200 тыс. чел. (вместе с частями, дислоцированными в Петроградской губернии, его состав доходил до 460 тыс. чел.). Многие офицеры находились на излечении в Петрограде и его пригородах. Только на Невском проспекте было десять лазаретов, открытых на частные средства и пожертвования, а в Царском Селе – во дворцах, частных домах, дачах их было несколько десятков.

Политические вопросы, как правило, мало интересовали военных, их мысли были устремлены на ситуацию на фронте, беспокоили большие потери в русской армии, но вера в победу не уменьшалась. «Подавляющее большинство наших офицеров были совершенно безграмотными в вопросах внутренней политики. – Вспоминал подпоручик Л. Пунин. – Мы не знали, какие точно партии существуют, какие у них программы и что эти программы обещают народу и солдатам» [11, с. 44]. Традиционно российский офицер должен был стоять на страже общенациональных интересов, безусловно поддерживать законную власть, он не имел права участвовать в политической деятельности. Однако революция не только вовлекла армию в самый водоворот происходящих событий, но и коренным образом сломала веками складывающиеся традиции офицерского корпуса, непосредственно отразилась на повседневной жизни.

Еще накануне роковых событий Февраля 1917 г. офицеры все чаще стали сталкиваться с проявлениями солдатской вседозволенности. Так, например, в мемуарах Б.Н. Свежевского отмечается следующий факт: солдат на улице в самой грубой форме стал приставать к сестре милосердия, офицер попытался его задержать, однако собравшаяся толпа не только не дала этого сделать, но, напротив, стала ему угрожать [7].

Престиж офицера в русском обществе всегда был достаточно высок, однако он стал стремительно падать по мере развития революции, развала армии. «Февраль» разделил военных чинов на тех, кто «присягнул революции» и на сторонников старого режима. Насилие по отношению к последним со стороны толп рабочих и солдат началось с первых дней революции, поэтому офицеры совершенно справедливо опасались за свою жизнь. Их арестовывали, избивали, срывали погоны, а даже убивали. Ротмистр В.С. Литтауэр замечал, что одним из самых жестоких ударов по престижу офицеров являлось то, что убийства военных чинов не только не расследовались, а, напротив, считались образцами революционности [5]. Следует подчеркнуть, какое важное значение имели взаимоотношения офицеров и подчиненных. Многочисленны случаи, когда солдаты спасали жизнь своих командиров, которых ценили и уважали.

Еще больше осложнилось положение офицеров после появления Приказа № 1, предписывавшего немедленно создать выборные комитеты из представителей нижних чинов во всех воинских частях, и практически сводящий на нет власть офицеров над солдатами Петроградского гарнизона. По воспоминаниям полковника Лучанинова «казармы превратились в танцульки, служба и занятия не велись, офицерский состав был предоставлен самому себе, не вмешиваясь в распоряжения полкового комитета, зная, что его права и авторитет умышленно подорван приказом № 1» [8, с. 2]. На командные должности стали выбираться унтер-офицеры. Капитан С.А. Апухтин писал: «в полку на днях должны были производиться перевыборы командного состава, и все мы, офицеры полка, находились, собственно, в неопределенном положении. Большинство старших офицеров, и я в том числе, не хотели быть

выбранными и вообще продолжать службу, подчиняясь новой власти. С этого времени я перестал себя чувствовать прежним человеком» [1, с. 40].

Солдаты отказывались отдавать честь, уступать место в транспорте. В подобных ситуациях офицеры часто не знали, как действовать. Нижние чины, особенно матросы, вели себя крайне агрессивно, они могли безнаказанно нагрубить офицеру, оскорбить его и даже убить. По свидетельству Н.Р. Вредена «Улицы кишели солдатами, настроенными на то, чтобы продемонстрировать вновь обретенную независимость. Среди них всегда находились необузданные субъекты, которые не упускали случаев нанести оскорбление офицеру, даже если он был просто прохожим. Принять вызов означало вступить в конфликт с безответственной толпой, которую ничто не могло остановить» [9, с. 25].

Начались увольнения из армии, прежде всего генералов, занимавших высокие строевые и административные должности, правда, с предоставлением им высоких пенсий. Еще больше осложнилось положение офицеров после Корниловского мятежа. Вспыхнула новая волна солдатских самосудов, массовый характер приняло изгнание офицеров из полков. Согласно приказу Петроградского военно-революционного комитета от 25 октября (7 ноября) 1917 г. армейским комитетам и Советам солдатских депутатов надлежало бдительно следить за командным составом. «Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы, как враги» [8, с. 107]. В первые недели после октябрьского переворота отношение к арестованным офицерам было еще достаточно мягким. Полковник Ф.В. Винберг свидетельствовал, что ему в камеру в Петропавловской крепости каждое утро приносили газеты, ежедневно полагалась прогулка в маленьком внутреннем двореке, заключенных посещали представители Красного Креста, два раза в неделю разрешались свидания. Однако, с каждым днем ситуация ухудшалась, у офицеров стали изымать личное оружие, производить массовые обыски и аресты. «Как мог существовать и что предпринять офицер, лишенный своих прав, причисленный к врагам народа и сознававший свою незащищенность. Я в своем отечестве испытывал состояние затравленного зверя [6, с. 18], – с отчаянием писал полковник С.Г. Лучанинов.

Чтобы не оказаться в положении арестованных, многие военные предпочитали покинуть свои полки, снять погоны и переодеться в штатскую одежду. Но эта маскировка не всегда удавалась: выработанная годами выправка выдавала офицера. «Я никогда не носил гражданской одежды; – писал В.С. Литтауэр, – сколько я себя помнил, у меня всегда была форма, даже в гимназии. Легкая небрежность в движениях и манерах гражданских лиц резко отличается от своего рода «закостенелости» военных, необходимой при ношении формы» [5, с. 239–240]. Не все имели средства приобрести гражданский костюм. А.С. Апухтин вспоминал, что его выручил бывший денщик, всячески старавшийся помочь своему командиру. Выбранный комиссаром полка, он имел возможность достать для капитана справки о том, что тот, как

демобилизированный, нуждается в одежде. По этим справкам в Гостином дворе он получил комплект одежды и обуви [4, с. 16]. До осени 1918 г. еще работал блестящий Торговый дом Гвардейского Экономического общества, в котором гвардейские офицеры традиционно могли приобрести товары по более низким ценам и пользоваться скидками. На верхнем этаже магазина продолжал принимать посетителей ресторан. «Возможно, что власти нарочно его не закрывали, потому что много офицеров, как мотыльки на огонь, собирались здесь, и здесь же производились аресты» [4, с. 16], – высказывал предположение мемуарист.

Огромным ударом для кадровых военных было решение об упразднении воинских чинов, званий и наград. Но для надежного его осуществления требовалась определенная подготовительная работа «Такое уничтожение и предание забвению всей, вообще Русской Царской Армии, естественно, входило в программу новой власти, но власть не решалась сделать это просто декретом. Надо было это сделать как выражение общего желания полковых комитетов» [4, с. 21], – писал Апухтин. Совершенно не отдавая себе отчета о последствиях, капитан, одев парадный мундир полка, пошел на заседание полкового комитета, на котором обсуждался вопрос об отмене всех царских знаков, отличий и установленной формы. Выступая на собрании с очень эмоциональной речью, молодой офицер говорил солдатам, многих из которых знал по фронту, о славной боевой истории полка, о том, что каждая пуговица, каждый кант на мундире заслужены кровью предков, напоминал их собственные подвиги в сражениях Великой войны. «Чем дальше я говорил, я чувствовал, что солдаты со мной согласны, – вспоминал капитан, – что я пробудил в них лучшие воспоминания о боевой жизни» [4, с. 22–23]. Приказом №11 (3/16 декабря 1917 г.) по Петроградскому военному округу и декретом СНК «Об уравнивании в правах всех военнослужащих» упразднялись все чины и звания, отменялись ордена, все наружные знаки различия, а также все преимущества, связанные с ними. Решением солдатского комитета отстраненный от должности офицер терял право на все виды денежного довольствия, присвоенные ему по чину и должности, и получал содержание, положенное рядовому составу, а уволенному в отставку пенсия за службу не предусматривалась, казенные квартиры необходимо было освободить.

Октябрьский переворот окончательно лишил офицерский корпус его статуса и положения, даже само слово «офицер» стало ассоциироваться с понятием классового врага. «С укреплением советской власти жизнь в Петрограде стала очень трудной, положение нас, офицеров, зачастую невыносимым. Мы были лишены жалованья, а надо было существовать», – отмечал мемуарист [4, с. 7]. Особенно тяжело было тем, у кого уже были семьи, дети, престарелые родители. Полковник Б.Н. Свежевский, будучи еще юнкером, научился шить обувь. Для того, чтобы прокормить семью, он решил вспомнить приобретенные когда-то навыки и вступить в сапожный кооператив. Однако, оказалось, что не так просто офицеру преодолеть себя и заняться какой-либо другой работой, кроме военной деятельности. Подгото-

вив все к открытию мастерской, Свежевский осознал, что не может переступить порог кооператива: «Меня охватил какой-то стыд, несколько раз возвращался назад ... Мне казалось, что все присутствующие показывают на меня пальцами и кричат: сапожник, сапожник!» [7, с. 405]. Генерал-майор Э.А. Верцинский вспоминал, что все его попытки найти частную службу не увенчались успехом, но удалось на паях с другими открыть табачную лавочку [3]. Впоследствии ему приходилось жить случайными заработками, торговать луком. Некоторые офицеры ради жалования и продовольственного пайка стали поступать в Красную армию.

Как свидетельствовал генерал-майор Ростковский, офицерам психологически легче стало искать заработок после того, как новая власть лишила их знаков отличия: «Когда офицеры по виду, по форме отличались от солдата, частные сторонние заработки, род этого труда должен был сообразоваться с положением офицера в обществе. Когда же демократизация армии доведена была до снятия с офицеров погон и всяких отличительных знаков, по которым можно было сразу узнать офицера, то и выбор заработка мог быть произвольным. Пользуясь этим, офицеры гвардии Семеновского и Измайловского полков по общему соглашению составили из себя артель грузчиков» [10].

В начале января 1918 г. одновременно с упразднением главного управления Российского общества Красного креста большевики массово стали закрывать частые госпитали: «появлялась какая-то комиссия запуганных докторов во главе с комиссаром, который без всяких осмотров объявлял всех выздоровшими, давал два дня на устройство дел, и лазарет ликвидировался» [4, с. 8]. В Петрограде оставались многочисленные специальные медицинские комиссии, определяющие возможность офицеров к строевой службе. Лицам, получившим справку об инвалидности, разрешалось выехать из Советской России. Цены на продовольствие стремительно росли, стал остро ощущаться недостаток продуктов первой необходимости. Признаки голода и нищеты вынуждали многих офицеров покидать Петроград в поисках спокойствия и более сытой жизни.

Террор, направленный в первую очередь против офицеров императорской армии, стал набирать обороты с весны 1918 г. «Хотя я не входил ни в одну из тайных организаций, – писал В.С. Литтауэр, – я подпадал под подозрение уже за то, что был офицером царской армии. В те дни арестованных только по подозрению расстреливали с не меньшим успехом, чем членов тайных организаций» [5, с. 244]. Летом, в начале осени уничтожение офицеров достигло таких размеров, что для многих пребывание в Петрограде было равносильно самоубийству.

Военные чины бежали, как правило, на юг, на Украину. Этот путь для офицеров был сопряжен не только с большими трудностями, но и чрезвычайно опасен. Требовалось множество документов, чтобы выехать из Советской России. Ротмистр армейской кавалерии В. Литтауэр вспоминал: «Для поездки на Украину мне требовались документы, доказывавшие, что я не контрреволюционер, что Красная армия не имеет ко мне никаких претензий, медицинская справка и, конечно, виза в паспорте. И это были не единствен-

ные документы, позволявшие пересечь границу» [5, с. 244]. У многих офицеров не было паспорта, а без него они не могли не только получить указанные документы, но и даже купить билет на поезд. Некоторые по поддельному паспорту покупали билет, рассчитывая, что минуют проверки, соскакивая с поезда незадолго до остановки и садясь в него перед отправлением. Однако проверка документов проходила во время движения, офицеров, не имеющих документов задерживали и, как правило, тут же расстреливали. «Объявившая себя независимой и самостоятельной, Украина приняла тысячи и тысячи офицеров, тайком пробравшихся туда, чтобы, собравшись в более крупные единицы, двинуться дальше на Дон ... Немало было и блестящих офицеров, считавших Киев своим конечным этапом и мирно ожидавших падения большевиков» [6, с. 7]. На пути в Добровольческую армию встречались города, еще не занятые большевиками. После голодного Петрограда они поражали своим изобилием, спокойной и размеренной жизнью. Но страшная братоубийственная война уже набирала свои обороты, и русские офицеры вскоре окажутся по разные стороны баррикад.

Список литературы

1. Апухтин С.А. На фронте после революции // Военная быль. 1968. № 92. С. 32–40.
2. Верная гвардия: русская смута глазами офицеров-монархистов. М.: Посев, 2008. 747 с.
3. Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. Таллинн-Ревель: ERK, 1929. 61 с.
4. Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе (Музей). Архив Ассоциации бельгийской секции офицеров лейб-гвардии Петроградского полка. Коробка I V. 25. Апухтин С.А. Мой денщик Яков.
5. Литтауэр В. Русские гусары: мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М.: Центрполиграф, 2006. 285 с.
6. Музей. Коробка I V. 23. Лучанинов С.Г. Путь чести.
7. Музей. Коробка V. 29. Свежевский Б.Н. Мои воспоминания.
8. Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1966. 584 с.
9. Реден Н. Сквозь ад русской революции: воспоминания гардемарина, 1914–1919. М.: Центрполиграф, 2006. 286 с.
10. Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания...: 1917-й: революция глазами отстав. генерала. М.: РОССПЭН, 2001. 494 с.
11. Хорошилова О. «Телефонный кабель шёл от нас напрямиком в немецкие окопы...» // Родина. 2017. № 2. С. 42–48.

С.А. Приходько

Социально-экономическая обстановка в Новозыбкове в 1920 г. (к 100-летию победы Красной армии в европейской части Советской России)

Настоящая статья посвящена социально-экономическому развитию Новозыбкова и Новозыбковского уезда в начале XX в. Процесс восстановления народного хозяйства проходил противоречиво и сложно. Необходимо было преодолевать последствия Первой мировой войны и иностранной интервенции. Сложность ситуации увеличивалась

отсутствием чёткой системы управления: в 1920 г. Гомельская губерния отметила свой первый день рождения. Разрушение сложившихся в XIX столетии хозяйственных связей привело к голоду и эпидемии. Многие трудности удалось преодолеть благодаря героическим усилиям жителей города и села, а также помощи СНК РСФСР к 1921 г.

This article is devoted to the socio-economic development of Novozybkov and Novozybkov district at the beginning of the XX century. The process of restoring the national economy was contradictory and difficult. It was necessary to overcome the consequences of the First World War and foreign intervention. The complexity of the situation was increased by the lack of a clear management system: in 1920, the Gomel region celebrated its first birthday. The destruction of the existing economic ties in the XIX century led to famine and epidemics. Many difficulties were overcome thanks to the heroic efforts of the residents of the city and village, as well as the help of the CPC of the RSFSR by 1921.

Ключевые слова: Новозыбков, Новозыбковский уезд, спичечные фабрики, Гомельская губерния, ликвидация неграмотности, газета «Красноармеец», штаб 16-й армии.

Key words: Novozybkov, Novozybkov District, the Match Factories, Gomel Region, Literacy Liquidation, Newspaper "Red Army Man", the Headquarters of the 16th Army.

В отличие от 1919 г., ставшего определяющим для исхода Гражданской войны в РСФСР, 1920 год явился первым мирным периодом для большинства населения в Европейской части молодого государства. До осени 1920 г. Белое движение контролировало только Крымский полуостров. К зиме белогвардейцы утратили Крым и боевые действия прекратились окончательно.

В Новозыбковском уезде обстановка резко ухудшилась вследствие эпидемии тифа, разразившейся в тот же период. Для её ликвидации была сформирована чрезвычайная комиссия, привлекавшая местное население к строительству противоэпидемиологических сооружений. В кратчайшие сроки были построены бани и госпитали, дезинфекционные камеры и заразные бараки.

В следующем году Советская власть также принимала срочные меры для спасения селян от страшной болезни. 3 января 1920 г. для плотников и лиц, располагавших соответствующим инструментом, была введена обязательная повинность. За уклонение от исполнения повинности предусматривались строгие меры: от исключения из профессионального союза и лишения рабочей книжки до передачи в распоряжение суда революционного трибунала и уголовного наказания.

Архивные материалы уполномоченного Гомельского губернского суда по Новозыбковскому уезду позволяют сделать вывод, что при рассмотрении дела сначала выяснялось, является ли подсудимый и совершённые им действия общественно опасными. Если к моменту рассмотрения преступное действие потеряло свою остроту и не повлекло за собой никаких общественно опасных последствий, а сама личность подсудимого не признавалась социально опасной, то суд рассмотрение дела прекращал [5, с. 34].

21 марта 1920 г. уездный исполнительный комитет утвердил план развития сельских территорий. По плану в сёлах необходимо было построить десятки различных промышленных предприятий.

6 апреля, в соответствии с приказом Новозыбковского уездного продовольственного комиссариата, все озёра и реки объявлялись национализированными. Без разрешения комиссариата ловля и продажа рыбы были запрещены.

21 апреля 1920 г. вступили в силу ограничения на продажу муки и ржаного хлеба. Торговля белым хлебом и мукой, как и предметами роскоши, была запрещена. Изъятые в процессе обысков запасы направлялись в сферу общественного питания.

Для стабилизации ситуации с продовольствием на предприятиях для рабочего класса были открыты столовые-чайные. Труженики спичечных фабрик «Волна Революции» и «Заря социализма», «Ипать» и «Энергия» получили соль для осуществления товарообменных операций.

Дефицит продовольствия вызвал голод. Поскольку именно в спичечной отрасли ситуация стала наиболее тяжёлой, рабочие пошли на хищение продукции. Размер хищений на различных фабриках составлял от 40 до 600 ящиков в день. Руководители предприятий, кроме соли, ежедневно выдавали рабочим для совершения операций спички: по 10 коробок выделялось на работающего гражданина и по 2 коробки доставалось иждивенцу.

Голод усугублялся приближением польских захватчиков. 15 мая 1920 г. был сформирован Новозыбковский уездный революционный комитет. На его первом заседании обсуждались данные вопросы. Спичечные фабрики были переведены на военное положение. На продовольствие удалось обменять 4 тысячи ящиков спичек, но для содержания рабочих коллективов этих продуктов питания оказалось мало. Важно учитывать, что в Новозыбковском уезде функционировали 10 спичечных предприятий, которые до Первой мировой войны выпускали около 1 миллиона ящиков спичек.

Крупнейшая спичечная фабрика «Волна Революции» производила только 9 процентов от довоенной нормы. Объём продукции фабрики «Ревпуть» сократился почти в 3 раза.

Если жизнь заставляла одних крестьян совершать преступления, то другие труженики села активно поддерживали власть Советов. Из деревни в город поступали зерно и другие продукты, без которых невозможно было наладить мирную жизнь. Силами уездного Совета народного хозяйства были изготовлены десятки тысяч пар армейской обуви.

В 1920 г. первичные организации Ленинского Комсомола возникли в Новозыбкове [2, с. 477] и стали самыми активными участниками процесса восстановления.

В городе и в Новозыбковском уезде развернулось ударное социалистическое строительство. За 3 месяца в Новозыбкове и в ближайших волостях были построены многие объекты.

26 декабря 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР». Предстояло обучить письму и чтению всех лиц в возрасте от 8 до 50 лет. Чтобы цель была выполнена как можно

скорее, для учащихся рабочий день сокращался на 2 часа с сохранением заработной платы.

Впервые в истории нашей страны школьное образование стало общедоступным. Плата и сословные ограничения Российской империи были отменены. До Октябрьской революции в Новозыбковском уезде только одна пятая часть детей школьного возраста получала начальное образование. В 1920 г. в школах Республики был внедрён примерный государственный план, который действовал в течение 8 лет [2, с. 353]. К третьей годовщине победы большевиков, 7 ноября 1920 г., каждый школьник получил тетрадь с революционными лозунгами [2, с. 466].

В июле 1920 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял декрет о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с неграмотностью. Во всех уголках Советской России были созданы чрезвычайные комиссии, в обязанности которых входила организация обучения граждан.

Население Новозыбкова росло и превысило 20 тыс. чел. Русские составляли около 80 процентов численности населения [4, с. 127].

Гомель, являвшийся губернским центром РСФСР, поддерживал образование в уездах. По решению Гомельского городского исполнительного комитета работники народного просвещения каждый месяц бесплатно получали продуктовый набор, включавший в себя: горох (или фасоль) – 10 фунтов, картофель – 60 фунтов, крупы – 10 фунтов, масло (или сало) – 5 фунтов, муку – 60 фунтов, мясо – 10 фунтов, овощи – 30 фунтов [9, л. 108].

В семье советского учителя в среднем имелось 2 иждивенца. На каждого из них полагалась половина продуктовой нормы взрослого человека.

Средний заработок учителя в Новозыбковском уезде составлял 40 р. [2, с. 47].

Переподготовка учителей также находилась под контролем. В 1920 г. на базе реального училища начали действовать одногодичные курсы по подготовке учителей для начальных классов [2, с. 532].

Можно сделать вывод, что советское руководство уделяло большое внимание народному образованию: «Несмотря на трудности, ассигнования на народное образование росли» [8, с. 13]. В 1917–1924 гг. заработные платы педагогам повышались 3 р. [2, с. 500].

По данным проведённой ровно 100 лет назад переписи населения, грамотность в городах составляла 59%. На селе грамотных людей оказалось примерно в 3 раза меньше – 21%.

В 1920 г. положение в Новозыбкове оставалось сложным, хотя удалось избежать повторного захвата города врагом. Практически не было ни учебных пособий, ни ученических принадлежностей. Не хватало педагогических кадров и топлива в Гомельской губернии в целом.

К ликвидации неграмотности привлекались студенты, а также учащиеся средних учебных заведений и представители старой интеллигенции. Понимавшие всю сложность ситуации простые советские люди сами создавали бригады по ремонту и строительству школьных помещений.

В городе и в уезде развивалась также пролетарская культура. После Октябрьской революции драматическое искусство продолжало привлекать горожан: кружки на предприятиях, репетиции и постановки в красном уголке стали реальностью. Около 20 последователей «Синей блузы» действовало в Новозыбкове. Синеблузники искореняли неграмотность, развивали театральное искусство города и строили спортивные площадки.

Каждое предприятие Новозыбкова становилось центром по борьбе с невежеством. Люди оставались после работы. Научившись сами, горожане и селяне, приступали к обучению друзей, знакомых и родственников. В работе на ликвидационных пунктах в Новозыбковском уезде участвовали 15 учителей.

Учебным процессом в городе и уезде руководил УОНО (уездный отдел народного образования). В 1920 г. всем школам города были присвоены имена выдающихся деятелей коммунистического движения и руководителей РСФСР. Земская школа была названа в честь Надежды Константиновны Крупской. Школе, снова открытой в особняке фабриканта Григория Фёдоровича Осипова, было присвоено имя Карла Маркса [2, с. 174].

Хотя сил и средств не хватало, Советская Республика занималось восстановлением промышленности, сельского хозяйства, транспорта и других сфер жизни, разрушенных интервентами. Горожане, в том числе коммунисты и комсомольцы, активно занимались благоустройством. Субботники в Новозыбкове стали массовыми и организованными [7, с. 21]. К примеру, первомайский субботник трудящихся в 1920 г. в городе стал грандиозным. Он проходил при активном участии бойцов и командиров 16-й армии. В течение 4 часов 98 сотрудников Политического отдела армии освободили от брёвен узкоколейную железную дорогу и разобрали старое здание погреба. В рамках субботника красноармейцы и крестьяне в Дубровке восстановили мост через реку [1, с. 41].

В условиях советско-польской войны Новозыбков снова стал прифронтовым городом. Весной 1920 г. в городе находились штаб и Политический отдел 16-й армии, включённой в состав Западного фронта. Командующим фронтом был Владимир Михайлович Гиттис. 16-я армия существовала недолго – с 9 июня 1919 г. до 13 марта 1920 г.

Командующим армией являлся Николай Владимирович Соллогуб. Её штабом руководил Михаил Александрович Баторский. С марта по май 1920 г. в состав 16-й армии входили 10-я, 17-я, 29-я и 57-я стрелковые дивизии.

Боевые действия силы 16-й армии вели на территории Белорусской ССР. В марте-апреле 1920 г. красноармейцы несколько раз неудачно штурмовали контролируемый с 5 марта поляками Мозырь. Тем не менее, вскоре советские войска добились успеха. Красная Армия освободила Мозырь 29 июня 1920 г.

В апреле, в период общего контрнаступления противника, части 16-й армии были вынуждены отступить на левый берег Березины. Линия фронта приблизилась к Речице. Бои за город шли с 6 по 9 мая 1920 г. Польские войска ненадолго оккупировали город. Захватчики были изгнаны из Речицы в следующем месяце.

Печатным органом 16-й армии являлась газета «Красноармеец». Контора и редакция газеты «Красноармеец» находились в Новозыбкове на Коммунистической улице. Издание Политического отдела 16-й армии впервые было выпущено 24 марта [6, с. 450] и оперативно освещало внешнеполитические и другие события. Газета печаталась в Новозыбковской типографии, по-прежнему функционирующей на улице Ленина.

Во вторник, 11 мая 1920 г., в день захвата Киева польскими войсками на первой полосе 275-го номера газеты была напечатана статья «На борьбу с панями», в которой можно было прочитать следующее: «Кровавой авантюре польской шляхты должен быть положен быстрый и решительный конец. Красная Армия готова нанести польской белогвардейщине сокрушительный удар». Также в номере содержались призывы записываться добровольцами на фронт борьбы с белополяками и всеми силами помогать РККА.

Через день, 13 мая, газета «Красноармеец» сообщила, что накануне Политическим отделом 16-й армии было мобилизовано почти 100 коммунистов. В тот же день, 12 мая 1920 г., уездный комитет ВЛКСМ мобилизовал для отправки на фронты Гражданской войны 25 процентов комсомольцев [3, с. 78].

Выпуск газеты в Новозыбкове продолжался до 26 мая, поскольку в конце месяца штаб 16-й армии переехал в Могилёв.

15 декабря в крестьянской семье в Новозыбковском уезде, в Тростани, родился Николай Тимофеевич Сушанов, будущий участник Великой Отечественной войны и Герой Советского Союза. В 1934 г. семья из родного села переехала в Омскую область, в Шарбульский район, в деревню Красный Восток.

Многие жители Новозыбкова, отстаивая завоевания Великого Октября, совершили боевые и трудовые подвиги.

Список литературы

1. Вольный А.Г. Новозыбков: Историко-краеведческий очерк. Тула: Приокское книжное издательство, 1989. 139 с.
2. Выкочко Л.М. «Как это было». Страницы истории народного образования юго-западных районов Брянской области. Книга вторая. Новозыбков: Новозыбковская городская типография, 2005. 584 с.
3. Горбков А.И., Кеслер И.Е., Колосов Ю.Б. Новозыбков: историко-экономический очерк. Тула: Приокское книжное издательство, 1970. 157 с.
4. Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В. История Брянского края. XX век. Клинцы: Клинцовская городская типография, 2003. 450 с.
5. Кулачков В.В. Крестьянская преступность в 1920-е гг. (на материалах Брянской и Гомельской губерний) // История: факты и символы. 2019. № 1. С. 33–41.
6. Перекрестов Р.И. Клинцовский летописец: Сборник. Книга первая. Клинцы: Клинцовская городская типография, 2007. 501 с.
7. Скалабо М.А., Трошин Е.И. Шаги пятилеток. Тула: Приокское книжное издательство, 1972. 208 с.
8. Сысоев С.С. Очерки культурного строительства на Брянщине. Тула: Приокское книжное издательство, 1970. 204 с.
9. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 910. Оп. 1. Д. 46.

Организация клубной работы на территории Западного региона РСФСР в первые годы советской власти

В статье рассматривается процесс организации клубной работы в Западном регионе РСФСР в первые годы советской власти. Подчеркнута роль партийных, профсоюзных и общественных объединений в реализации, выдвигаемых новых социокультурных задач. На основе архивных документов автор приводит статистические сведения, свидетельствующие о росте числа клубов в рассматриваемый период. В статье указаны те категории населения, которые были вовлечены в клубную работу. Автором подчеркнуто, что нередко грандиозные планы организаторов сталкивались с проблемами их реализации, в первую очередь, финансовыми.

The article deals with the process of organizing club work in the Western region of the RSFSR in the first years of Soviet power. The role of party, trade union and public associations in the implementation of the new sociocultural tasks put forward is emphasized. On the basis of archival documents the author provides statistical information indicating an increase in the number of clubs in that period. The author indicates those categories of the population that were involved in club work. The article states that often the grandiose plans of the organizers were faced with problems of their realization, primarily financial.

Ключевые слова: клуб, клубная работа, клубная деятельность, культурно-просветительная деятельность, Западный регион РСФСР, первые годы советской власти.

Key words: club, club work, club activities, cultural and educational activities, the Western region of the RSFSR, the first years of Soviet power.

Различные добровольные объединения и творческие союзы по школьному и внешкольному образованию, культуре и искусству, призванные преодолеть общую, политическую и культурную безграмотность населения стали создаваться во многих регионах России еще в начале XX в. Однако сеть подобных учреждений оставалась весьма незначительной и не имела серьезной государственной поддержки. В Российской империи тогда насчитывалось 13 876 библиотек и 237 клубов, из них на жителей сельской местности (более чем 130-миллионное крестьянство) приходилось только 11 301 библиотека и 94 клуба [12, с. 261, 273; 18, с. 133].

Великая Российская революция, являясь глобальным социокультурным вызовом, способствовала пробуждению общественной инициативы и возникновению массового творческого подъема. С другой стороны, руководители партии большевиков, осознавая, что укрепление новой власти «во многом обусловлено ее идеологией, точнее тем, насколько быстро и полно она усваивается обществом» [1, с. 245], считали организацию культурно-просветительной работы с населением жизненно важной для молодой советской республики [1; 17; 19].

Что касается Западного региона РСФСР, то на его территории за короткий срок возникло значительное число объединений, занимающихся пропа-

гандой новой социалистической культуры, к которым, в первую очередь, относят клубы и народные дома, в силу их универсальности. Ведущая роль в создании клубных учреждений отводилась профсоюзам, на II Всероссийском съезде которых в январе 1919 г. была особо подчеркнута необходимость всемерного их развития как «очагов новой пролетарской культуры».

Основу клубной жизни составляла широкая самодеятельность населения. Обычно активистами разрабатывались, а затем на общих собраниях принимались уставы, достаточно строго регламентирующие клубную деятельность. Первые пролетарские клубы в регионе были организованы в Бежице, Брянске, Вязьме, Калуге, Рославле, Смоленске, Ярцеве. Так, в Рославле в середине 1918 г. уже работало два рабочих клуба, а в начале 1919 г. на территории Рославльского уезда насчитывалось 12 народных домов и клубов [5, л. 23].

Следует отметить, что исполкомами Советов, а также созданными при них общественными комиссиями, делалось все возможное, чтобы привлечь к культурно-просветительной работе широкие слои населения, в том числе и местное крестьянство. Клубные учреждения в деревне призваны были помочь преодолеть влияние церковнослужителей на повседневную жизнь деревни. В Брянской губернии некоторые исполкомы прямо решили потеснить церковников, забрав у них пригодные под клубы помещения.

Очень часто инициатором организации клубных учреждений выступали и местные ячейки большевиков. Например, партийное бюро Осельской волостной ячейки Ельнинского уезда Смоленской губернии вынесло постановление: «Просим Осельский волисполком передать ячейке половину дома причта церкви с. Оселья для организации в нем партийного клуба им. Розы Люксембург» [13, с. 71–72]. В Смоленске в 1918 г. действовал клуб III Интернационала, при котором работала партийная школа, открытая 7 августа того же года. Как было сообщено в телеграмме Смоленского губернского военного комиссара: «Лекции [в партшколе] начнутся в пятницу 9 августа. Занятия ежедневно, за исключением суббот и воскресений, с 7 до 10 вечера» [2, л. 8–9]. Указаны были и темы лекций: «Народное образование и советская власть», «Аграрный вопрос и социализация земли», «Государственный капитализм, первая фаза социализма (коллективизм) и коммунизм», «Строительство Советов» и другие [2, л. 8–9].

Многие клубы становились кузницей кадров советских культпросветорганизаторов. Например, из Бельского уезда, по просьбе украинского рабоче-крестьянского правительства, было откомандировано на Украину несколько лучших агитаторов и пропагандистов. Такая практика была нередкой. Значительное количество организаторов культурно-массовой работы из «благополучных» регионов направлялось советскими органами власти на работу в части Красной Армии и отдаленные районы страны [4, л. 103]. В том же Бельском уезде в январе 1919 г. был открыт клуб им. Я. Свердлова. В него вошли как беспартийные, так и члены РКП(б). В клубных помещениях часто проводились различные мероприятия: съезды по внешкольному образова-

нию, дни красноармейца, платные концерты и спектакли в пользу семей красноармейцев.

Самое активное участие в организации клубной работы принимал и Смоленский Пролеткульт. По решению губернского отдела народного образования 5 августа 1919 г. совету Пролеткульта было передано помещение кинотеатра «Фортуна» для устройства рабочего клуба. Мотивировалось это необходимостью создания очага культурно-просветительной работы за Днепром, «... где широкие слои трудящихся будут иметь большую возможность быть привлеченными к работе Пролеткульта» [8, л. 49 об.]. Торжественное открытие этого и двух других рабочих клубов было проведено 7 сентября 1919 г. в День советской пропаганды [11].

Значительное распространение на территории региона, в силу их прифронтового положения, получили красноармейские гарнизонные и молодежные клубы. Например, в Смоленске в 1919 г. при местной караульной команде был создан клуб, деятельностью которого ведал специальный комитет. По его решению представителям караульной команды выдавалось 50 билетов на каждый спектакль и на каждый кинематографический сеанс. При клубе работала собственная библиотека-читальня [9, л. 21]. В Ельне действовал гарнизонный клуб с различными студиями при нем: музыкальной, театральной, изобразительных искусств и спортивной. В клубе постоянно устраивались вечера самодеятельности, 2–3 раза в месяц проходили концерты и спектакли, читались лекции, велась интенсивная кружковая работа. В Духовщинском уезде 30 мая 1920 г. с большой торжественностью был открыт красноармейский клуб. Местными активистами была образована самодеятельная театральная труппа. При нем имелись библиотека и лекционный зал. Красноармейский клуб постепенно стал местом культурно-просветительной работы не только с военнослужащими, но и с населением уезда [15]. В Тарусе и Медыни Калужской губернии армейские политпросветы также активно привлекали местных жителей к организации и участию в революционных праздниках, различных агиткампаниях и днях пропаганды.

С целью повышения политической грамотности военнослужащих политотдел Западного фронта издал приказ № 24 от 20 июля 1920 г. о создании политических курсов запасных войск Западного фронта для подготовки опытных политработников из числа красноармейцев. При курсах учреждался клуб. Программа занятий была рассчитана на 24 дня, по 8 часов занятий в день. Тематика лекций была вполне определенной направленности: «Конституция РСФСР», «Основы научного социализма», «Строительство Красной Армии», «Организация коммунистических ячеек, политкружков, бесед, митингов, собраний, школ, библиотек, читален», «Гражданская война и Красная Армия», «Итоги советского строительства за 2 года», «Империализм и социализм, современная война и мировая революция». Предусматривались занятия по гигиене и санитарии, основам естествознания и ряду других тем [6, л. 223].

Судя по отчетам Брянского губполитпросвета, только в марте 1922 г. в рабочих клубах и семи воинских частях было прочитано 22 лекции. Кроме того, Губполитпросвет «констатировал, что «танцульки», еще совсем недавно процветавшие в клубах, теперь почти побеждены» [7, л. 5]. Их место заняли различные идеологические мероприятия, проводимые строго по планам, предусмотренным местными большевиками.

В работу клубов активно вовлекалась молодежь. В Смоленске в 1919 г., с подачи исполкома советов, активисты пытались организовать коммунистический клуб для юношества. Его члены даже попытались реквизировать помещение, прежде занимаемое обществом «Сокол». В конечном итоге местным скаутам, пришлось отступить под натиском молодых пролетариев [4, л. 21]. Помимо этого, при губернском детском садике был создан первый родительский клуб, для материальной поддержки которого на заседании коллегии Смоленского губоно 14 ноября 1919 г. утвердили смету в размере 24 125 рублей [8, л. 30 об.].

Однако клубные учреждения, даже рассчитывая на помощь со стороны партийных, советских органов и местного населения, не всегда могли широко развернуть свою деятельность: как правило, не хватало денежных средств. Например, Смоленский Пролеткульт, получив 29 июля 1919 г. от коллегии губернского отдела народного образования аванс в 100 тысяч рублей для устройства занятий, столовых, общежитий и на организацию экскурсий для курсантов, в дальнейшем новых финансовых вливаний не имел. Выделенных средств пролеткультовцам оказалось недостаточно даже на подготовку нужного числа клубных работников [8, л. 53].

При этом архивные документы свидетельствуют, что усилия смоленских энтузиастов клубного дела часто не шли дальше составления планов, иногда даже очень подробных. Как видно из материалов о создании клуба для подростков, план его организации предусматривал решение грандиозных задач: «а) содействовать всестороннему развитию сил и способностей подростка и б) воспитать гражданина, достойного члена будущего коммунистического строя». Для членов клуба был установлен возрастной ценз от 12 до 16 лет. Клуб должен был работать с 17 до 21 часа, при этом предполагалось организовать для подростков горячее питание. В части плана под названием «Меры социального воспитания» указывалось, что высшим выразителем воли клуба является общее собрание. За счет членских взносов организаторы планировали даже учредить свой собственный кооператив. Объемным был и проект программы мероприятий, проводимых клубной секцией. Он предусматривал концерты, драматические и литературно-музыкальные вечера, посвященные русским писателям и композиторам, лекции, диспуты, детские утренники и т.п. [3, л. 33–34].

Постепенно клубная работа в Западном регионе РСФСР приобретала все новые формы, становилась действенным инструментом, несущим социалистическую культуру в массы. Некоторые сведения о клубах Западного региона РСФСР имеются в ответах на телеграфный запрос, поступивший в

середине 1920 г. от председателя Совнаркома В.И. Ленина и председателя комиссии ВЦИК по обследованию деятельности Наркомпроса А.С. Киселева. Так, выяснилось, что к марту 1920 г. в Смоленской губернии работало 28 клубов для взрослого населения и 7 детских клубов [10, л. 25].

В 1921 г. только в Смоленске насчитывалось 34 рабочих клуба. Весь город был разбит на 4 района, и в каждый из них отделом народного образования назначался специальный районный инструктор. Деятельность клубов была разнообразной. В их помещениях проводились митинги, собрания, лекции, беседы. Там, где имелись библиотеки и читальни, можно было получить газеты и книги, послушать концерт, посмотреть спектакль, кинофильм. Во второй половине 1920 – первой половине 1921 г. в клубах города было проведено 270 спектаклей, 63 концерта, 39 киносеансов, 442 собеседования, 384 чтения газет и журналов и 41 вечер художественной самодеятельности [14, с. 121]. Такие же мероприятия организовывались и в клубах, расположенных в уездах региона.

В конце 1920 г. на территории Смоленской губернии действовало более 40 клубов. При активном участии клубных работников и общественности в первой половине 1921 г. в городах и деревнях губернии было организовано около 2 тысяч митингов, 400 собраний и 1500 бесед [16, с. 352]. На всех этих мероприятиях выступали партийные и советские руководители, передовые рабочие и представители местной интеллигенции, проводились спектакли и концерты.

Таким образом, деятельность пролетарских клубов была направлена на подъем политического, образовательного и культурного уровня населения в соответствии с новыми идеологическими установками партии. Отвечая запросам времени, клубные учреждения делали упор, прежде всего, на проведение массовых агитационных и пропагандистских кампаний, призванных формировать «нового человека», строителя «светлого будущего». Несмотря на то, что клубы в первые годы советской власти быстро рождались и столь же быстро, в первую очередь, вследствие финансовых проблем, трансформировались или исчезали вовсе, сама форма клубной деятельности оказалась довольно устойчивой благодаря своей универсальности.

Список литературы

1. Андрианова Н.Ю. Роль Наркомпроса как идеологического центра в советской России (1917–1920 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 7 (129). С. 245–255.
2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 39.
4. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63.
5. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 221.
6. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 291.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2314. Оп. 8. Д. 55.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 8.
9. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 379.

10. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1035.
11. Известия Смоленского Совета. 1919. 7 сент.
12. Культурное строительство в СССР: Статистический сборник. М., 1956.
13. Островская Р.И. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ельнинском уезде. Смоленск, 1959. 94 с.
14. Отчет о деятельности Смоленского губернского исполнительного комитета XII съезду Советов. Смоленск, 1921.
15. Рабочий путь. 1920. 11 июня.
16. Рябков Г.Т. Развитие народного образования, культуры и здравоохранения в Смоленской губернии в первые годы Советской власти // Ученые записки Смоленского педагогического института. Вып. VII. Смоленск, 1958.
17. Сидорчук И.В. Особенности трансформации культурных досуговых практик рабочих в 1920-х гг. // История повседневности. 2018. № 1 (6). С. 18–32.
18. Чумаков А.В. Коммунистическая партия в борьбе за культурное строительство деревни. 1927–1937 гг. М.: Высшая школа, 1981. 144 с.
19. Юдин М.В. Пролетарская культура глазами советских вождей // Вестник славянских культур. 2018. № 4. С. 56–65.

К.А. Сидоренкова

Влияние экологического кризиса на повседневную жизнь горожан в 1970–1980-е гг. (на примере города Новодвинска)

В статье рассматривается влияние экологического вызова на повседневную жизнь населения города Новодвинска. Проведен анализ негативного воздействия промышленных предприятий на окружающую среду. Раскрыта роль Всероссийского общества охраны природы в экологизации сознания граждан, формы и методы борьбы горожан за экологическое благополучие.

The article examines the impact of environmental challenge on the daily life of the population of the city of Novodvinsk. The analysis of the negative impact of industrial enterprises on the environment is carried out. The role of the All-Russian Society for the Conservation of Nature in the greening of the consciousness of citizens, the forms and methods of the struggle of citizens for environmental well-being are revealed.

Ключевые слова: экологический кризис, экологическое движение, Всероссийское общество охраны природы, город, митинг.

Key words: ecological crisis, environmental movement, All-Russian Society of Nature Protection, city, rally.

История города Новодвинска начинается с 1935 г. Будущий город был всего лишь населенным пунктом при строительстве сульфит-целлюлозного комбината, так назывался тогда Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат (далее ЦБК). Только в 1977 г. рабочий поселок приобрел статус города и получил название Новодвинск – новый город на Двине. 28 августа 1940 г. на Архангельской ЦБК была произведена первая варка целлюлозы. Эта дата является официальным днем рождения комбината [6, с. 3]. С этого времени и

по сей день жизнь города Новодвинска напрямую связана с деятельностью Архангельского ЦБК. Комбинат обеспечивает занятость населения, привлекает своих работников и жителей Архангельской области к культурно-массовым мероприятиям, к участию в спортивных и оздоровительных мероприятиях, реализует общественно значимые проекты. Но в то же время промышленная деятельность Архангельского ЦБК, гиганта целлюлозной промышленности, определила нарастание экологических проблем в городе.

К началу 1970-х гг. сложившуюся ситуацию можно характеризовать как экологический кризис. Выбрасываемые в атмосферу и водоемы вещества относились к первому и второму классу опасности. В отходах целлюлозно-бумажного производства содержались такие опасные вещества, как сероводород, метилмеркаптан, хлор, двуокись хлора, окислы азота, ртуть и др. С промышленными стоками предприятий в Северную Двину попадали щелоки, характеризующиеся высоким содержанием органических веществ, которые в процессе окисления полностью расходуют кислород, уничтожая флору и ихтиофауну реки [5, с. 80].

Архангельский ЦБК имел 231 источник выделения вредных веществ в атмосферу, из них к 1983 г. только 69 были оборудованы газопылеулавливающими установками. Всего в год образовывалось свыше 500 тыс. тонн вредных веществ, из них около 10% выбрасывались без очистки. Общий выброс вредных веществ в атмосферу составлял свыше 100 тыс. тонн в год [2, л. 14]. Несмотря на проводимые руководством комбината природоохранные мероприятия: монтаж газоочистных установок, замену варочных котлов и др., допускались случаи выбросов опасных веществ экстремально превышающие предельно допустимые концентрации (далее – ПДК). Так, среднегодовая концентрация метилмеркаптана по 1-ому посту в 1987–1989 г. составляла 10 ПДК, были зафиксированы случаи концентрации от 175 до 330 ПДК. Максимальная концентрация сероводорода на 3-ем посту достигала 15 ПДК [3, л. 38–39].

Отметим, что Архангельский ЦБК был основным, но не единственным источником загрязнения окружающей среды г. Новодвинска. На территории города работали два крупных промышленных предприятия – Новодвинская мебельная фабрика и Новодвинский завод железобетонных изделий, несколько строительных организаций – строительно-монтажный трест № 4 ГлавАрхангельскстроя, управление механизации № 3 треста «Строймеханизация», Архангельское монтажное управление «Союзпромбуммонтаж». Весомый вклад в загрязнение окружающей среды города вносил автотранспорт. Сброс загрязненных вод в Северную Двину в 1-ом полугодии 1981 г. составлял 17,7 тыс. тонн взвешенных веществ, в 1-ом полугодии 1982 г. – 11,5 тыс. тонн, в 1-ом полугодии 1983 г. – 9,2 тыс. тонн. Содержание взвешенных веществ в сточных водах по сбросу в водоемы превышал проектные данные в 3–7 р. Кроме того, сточные воды Архангельского ЦБК характеризовались высокой бактериальной загрязненностью, что создавало опасность заражения людей водным путем [2, л. 15].

При существовавшей тогда политической системе борьба за улучшение экологической обстановки была возможна только в рамках санкционированных правительством организаций. Такой организацией в Новодвинске являлось городское отделение Всероссийского общества охраны природы (далее – ВООП). ВООП начало свою работу в Новодвинске с 1 августа 1979 г. На 1 января 1980 г. общество объединяло 3016 членов, имело 50 первичных организаций на предприятиях и в учреждениях города, 15 организаций являлись коллективными членами общества. Юных друзей природы в школах и ПТУ насчитывалось 4 787 чел. Осенью 1979 г. при активном участии членов общества было посажено 1 686 деревьев, 4 666 кустарников, разбито 18 клумб. Во Дворце Культуры Архангельского ЦБК в декабре-январе проходила передвижная комплексная выставка «Охрана окружающей среды», которую посетили около 10 тыс. горожан. В кинотеатре «Дружба» проходили показы кинофильмов по природоохранной тематике. В школах города работали 8 кружков знаний о природе, в которых занимались около 200 чел. В ходе операции «Синица» школьники изготавливали различные гнездовья для птиц, готовились к проведению «Дня птиц». Для учеников старшего возраста были прочитаны лекции: «Жизнь в биоценозах», «Рыбные богатства нашей страны и их охрана». Учащиеся принимали участие в посадках деревьев, кустарников и цветов. В местных газетах «Новодвинский рабочий» и «Бумажник» публиковались статьи на природоохранную тематику [4, л. 51].

Отделения ВООП активно привлекали население к практической деятельности по благоустройству города. Традиционными стали субботники. Так, с 5 мая по 5 июня 1981 г. прошел месячник по благоустройству города. Было проведено 313 субботников по санитарной очистке, озеленению и благоустройству, в которых приняли участие 6 000 граждан города. В период месячника было посажено 490 деревьев, 6 100 кустарников, произведены работы по очистке от мусора дворовых территорий, скверов, парков [1, л. 82].

Несмотря на то, что ВООП со временем забюрократизировалось, не имело реальных рычагов власти, способных кардинально изменить положение дел в области защиты окружающей среды, его деятельность способствовала экологизации сознания жителей Новодвинска. Благодаря усилиям неравнодушных членов ВООП экологическая повестка заняла одно из центральных мест в повседневной жизни г. Новодвинска в 1970-е-1980-е гг.

Политика гласности, проводимая в период «перестройки», подняла на новый уровень экологическую озабоченность населения. Со страниц газеты «Новодвинский рабочий» зазвучали требования к кандидатам в народные депутаты «Снять гриф «С» (секретно) и «ДСП» (для служебного пользования) с информации, которой владеет СЭС и постоянно публиковать ее с обязательным указанием источников загрязнения и возможных последствий влияния на организм человека. В самое ближайшее время начать работы по замене технологий на экологически чистые на всех очередях нашего ЦБК, вкладывать основную часть средств именно на эти работы, а не на строительство очистных сооружений, эффективность которых низкая» [9].

В газете «Новодвинский рабочий» была введена рубрика «Экологический дневник», в которой еженедельно публиковалась информация о уровне загрязнения атмосферы Новодвинска. Так, например, 10 июня 1989 г. согласно «Экологическому дневнику» содержание метилмеркаптана в воздухе составляло 23 ПДК, по формальдегиду было превышено в 2 раза [11].

Кроме того, жителям города стали известны данные о влиянии промышленного загрязнения на рост заболеваемости. В обращении работников СЭС к новодвинцам, опубликованном на страницах газеты «Новодвинский рабочий», приводятся следующие данные: «Уровень заболеваемости детей у нас выше чем в среднем по Советскому Союзу. В 1988 г. по злокачественным образованиям в 4,46 раз, заболеваниям крови в 3,57 раз, болезням органов дыхания в 1,86 раз» [15].

В ситуации, когда министерства и ведомства страны, региональные власти, руководство промышленных предприятий готовы были принести в жертву экономической выгоде и выполнению плановых показателей экологическое благополучие и здоровье населения, общество не могло не ответить на этот вызов. Жители Новодвинска берут в свои руки дело защиты природы и своего здоровья.

В феврале 1989 г. Новодвинский горком ВЛКСМ приступил к работе по созданию в городе экологического движения молодежи и всего населения. Первым шагом стала встреча всех неравнодушных к проблеме охраны окружающей среды горожан в дискуссионном политическом клубе «Баррикада». 21 февраля в малый зал Дворца культуры бумажников были приглашены школьники, студенты, рабочие, представители народной интеллигенции и здравоохранения, партийные, комсомольские и хозяйственные работники [7]. По итогам встречи в клубе «Баррикада» члены бюро горкома отметили, что активность широких слоев молодежи и населения в деле охраны окружающей среды была мала и не слишком широк был круг участников заседания. Однако в результате встречи был создан штаб экологического движения в горкоме ВЛКСМ [8]. К апрелю 1989 г. штаб оформился в экологическую ассоциацию «Действие», которая выработала программу природоохранных мероприятий и возглавила борьбу горожан за экологическое благополучие.

Программа ассоциации предусматривала проведение в городе комплексной экологической экспертизы неподконтрольной Министерству лесной промышленности; картирование силами Новодвинской геофизической экспедиции техногенного загрязнения территории города и комбината микроэлементами: ртутью, бериллием, таллием, фосфором, т.е. элементами 1-го класса опасности; увеличение оставляемого комбинату процента прибыли и снижение госзаказа к 1990 г.; перевод теплоагрегатов ТЭС на природный газ; создание оперативного и постоянно действующего общественного контроля за соблюдением технологической дисциплины на комбинате; организацию экологического всеобуча в учебных заведениях города [10].

В повседневной жизни Новодвинска появилась новая форма борьбы за экологические права – митинг общественности. Работу по подготовке митин-

га возглавили бюро горкома ВЛКСМ, исполнительный аппарат, экологическая ассоциация «Действие». Значительную роль в формировании общественного сознания и организации нового для горожан дела сыграли средства массовой информации газеты «Новодвинский рабочий», «Бумажник», радиовещание [13]. В результате 14 июня 1989 г. впервые в истории Новодвинска на Комсомольской площади состоялся санкционированный митинг «Город. Экология. Перестройка». На площади собрались тысячи тех, кого волновал чистый воздух над городом, чистая вода в Северной Двине, все животрепещущие проблемы Новодвинска. На митинге присутствовал первый заместитель министра лесной промышленности СССР Ю.А. Гуськов. На площади был установлен свободный микрофон и все желающие могли воспользоваться им. Руководящие работники министерств, области и города ответили на многочисленные вопросы трудящихся. В ходе состоявшейся дискуссии выступили 45 горожан. Митинг продолжался почти 4 часа. В заключении разговора были приняты резолюция митинга, обращение к северянам, письмо в Совет Министров СССР и Госплан СССР под которыми участники поставили свои подписи [12].

Подъем экологического движения в Новодвинске вынудил органы власти обратить пристальное внимание к экологическим проблемам города. Ввиду тяжелой экологической обстановки в г. Новодвинске, 11 июля 1989 г. Е.Н. Беляев, заместитель руководителя главного государственного санитарно-эпидемиологического управления РСФСР, подписал постановление «О приостановлении эксплуатации сульфатного производства на Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате» [14].

Таким образом, экологический кризис стал серьезным вызовом, с которым каждый житель Новодвинска сталкивался ежедневно и был вынужден искать свой ответ на этот вызов. Это могло быть членство во Всероссийском обществе охраны природы, участие в субботниках по благоустройству города, мероприятиях по озеленению, обращение к властям напрямую и через страницы местных газет, природоохранная деятельность в рамках ассоциации «Действие», радикальный протест посредством митингов.

К сожалению, в 1990-е гг. в повседневной жизни горожан на первый план выдвинулись экономические проблемы, вопросы экологии ушли из сферы значимых, так и оставшись нерешенными.

Список литературы

1. Архивный отдел Администрации муниципального образования «г. Новодвинск». Ф. 2. Оп. 1. Д. 101.
2. Архивный отдел Администрации муниципального образования «г. Новодвинск». Ф. 2. Оп. 1. Д. 163.
3. Архивный отдел Администрации муниципального образования «г. Новодвинск». Ф. 2. Оп. 1. Д. 347.
4. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2662. Оп. 1. Д. 242.
5. Колокольчикова Р.С., Лазаренко А.П. Градообразующие предприятия индустриальных городов Европейского Севера России как фактор формирования кризисной экологической обстановки в регионе (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.) //

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2 ч. Ч. 2. С. 79–83.

6. Новодвинск: 10 лет: буклет / вступ. сл.: А. Белов. АЦБК, 1987. 18 с.
7. Новодвинский рабочий. 1989. 18 февр.
8. Новодвинский рабочий. 1989. 21 март.
9. Новодвинский рабочий. 1989. 26 март.
10. Новодвинский рабочий. 1989. 15 апр.
11. Новодвинский рабочий. 1989. 10 июнь.
12. Новодвинский рабочий. 1989. 20 июнь.
13. Новодвинский рабочий. 1989. 6 июль.
14. Новодвинский рабочий. 1989. 18 июль.
15. Новодвинский рабочий. 1989. 12 сент.

«ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ» И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ

Т.Ю. Шестова

Эпидемии чумы в России в XVIII – первой половине XIX в.

В данной статье рассматривается ход нескольких эпидемий чумы в России в XVIII – первой половине XIX в. Изучены меры дезинфекции, лечения больных чумой, изменение правил градостроительства после 1771 г., проанализированы документы о введении карантин в России.

This article examines the course of several plague epidemics in Russia in the 18th and first half of the 19th centuries. The measures of disinfection, treatment of plague patients, changes in the rules of urban planning after 1771 were studied, documents on the introduction of quarantines in Russia were analyzed.

Ключевые слова: чума, Россия, Екатерина II, карантин, дезинфекция.

Key words: plague, Russia, Catherine II, quarantine, disinfection.

Чума стала неким эквивалентом поражения населения опасным эпидемическим заболеванием издревле. Болезнь была связана и с политическими событиями, к примеру Смутному времени предшествовала эпидемия чумы, а эпидемия 1771 г. вызвала ряд базовых требований, соблюдаемых и поныне (вынос кладбищ за пределы жилых районов, запрет на открытый гроб при захоронении, дезинфекция зараженных помещений). Екатерина II потребовала также установления карантин по границам с Турцией и Польшей. Сенат также уверял, что последовало нарушение карантинных мер из-за опрометчивого предположения «что чума свойственна лишь климату жаркому» [3, л. 8, 34; 18. с. 57].

Отмечалось также влияние заболевания на психологическое состояние населения. Людям предлагалось «иметь дух покойной, не унылой и не думать об эдаких приключениях, потому, что к пугливым зараза скорее пристает» [3, л. 18–21]. Течение чумы входило в круг интересов Вольного экономического общества. В 1828 г. его член доктор Е. Зверако зафиксировал дополнительные симптомы чумы – нарушение координации движений и депрессию – «тоску» [7, л. 14].

Способом дезинфекции помещений по предложению доктора Лерха становилось вымораживание в холодное время года. Дома, зараженные чумой, помечались знаками с запретом посещения. Дезинфекция домов также осуществлялась окуриванием тремя видами порошковых средств (крепкий, слабый, благовонный) [3, л. 14; 4, л. 1]. Уже в это время апробация адаптированных под русские травы дезинфекционных порошков проходила на преступниках. Большие рабочие зоны окуривались уксусом и нефтью. Екатерина II на время эпидемии потребовала проведения регулярных медицинских осмотров в людных местах.

В 1771 г. впервые стало использоваться содержание больных и выздоравливающих вне городской черты. Медики облачались в глухие балахоны, на руки одевались перчатки, обработанные дегтем [6, л. 191; 3, л. 15–16]. Населению из аптек выдавались медикаменты и рекомендовалось питье горячего вина. В усадьбе Демидовых в Москве использовалась чесночная водочная настойка [1, л. 1, 5; 19, с. 271].

Лечение чумы включало прием солевого настоя трав (аналог капельниц с физраствором) и кровопускания, также влиявшие на состояние сердечно-сосудистой системы. Вышеупомянутый доктор Зверако предлагал использовать шпанских мух, а также расширение средств окуривания домов серой и селитрой [6, л. 194; 7, л. 5–6, 11].

Научное описание чумы 1771 г. соотносится с фамилиями И. Виена и И.Б. Фишера. Последний исполнял должность архиятера и являлся главным директором медицинской канцелярии в С.-Петербурге в 30-е гг. XVIII в. Он писал, что дважды сталкивался с чумой в 1729 и 1771 г. Спецификой диагностики заболевания И.Б. Фишер отмечал отсутствие личного опыта медиков–врачи действовать «без опыта не могут» [5, л. 182–183; 6, л. 182]. Примером была растерянность лекаря на флоте в 1729 г. когда тот не смог действовать быстро «зная чуму из описаний только» [12, л. 26].

Заслугой И.Б. Фишера считается сохранение московской медицинской школы Н.Л. Бидлоо, когда она из-за войны и чумы 1738 г. лишилась почти всех преподавателей. И.Б. Фишер связал появление чумы с природными явлениями, землетрясениями, нарушавшими целостность захоронений чумных погребений и необычного поведения рыб – «мрет рыба и ежегодно на берег выбрасывается». Исходя из этой рекомендации, во время чумы 1829 г. соблюдался строгий «запрет ловли рыбы в водах» [2, л. 194; 12, л. 9].

С XVIII в. чума перестала посещать территорию Европы, но в России часто отмечалась в войсках и на приграничных территориях. Основным направлением заимствования чумы становилась Турция.

Чума 1771 г. стала эталоном для действия властей при массовых эпидемиях. Задержка противоэпидемических мер могла привести к огромной смертности, поэтому Медицинская коллегия разрешила вводить карантин генерал-губернаторам без уведомления Петербурга. Документом, регулирующим эти права, было «Учреждение для управлений губерний» [20, с. 6]. С 1789 г. в практику действий губернаторов, наиболее уязвимых для чумы территорий, вошла переписка с дипломатическими миссиями в Персии и Турции о возможности внесения чумы в Россию.

Такой территорией стала Оренбургская губерния, выставившая в 1798 г. караулы сельских жителей. Но караульщики покинули границу по весне, чтобы «в земледелии и других работах не получить остановку», показав намного более высокую отдачу от государственных кордонов [10, л. 4, 19].

Следующим значимым документом стало положение об устройстве кордонов и карантинных в южных губерниях 1813 г. Акцент был также перенесен на ответственность местных органов власти. Они должны были обеспечивать

изоляцию больных, их питание, а также защитить опустевшие дома больных от мародеров, чтобы оттуда не были вынесены инфицированные предметы. Если ранее предполагалась изоляция за городом, то в начале XIX в. для заточения стали использовать даже пещеры, что вызывало справедливое возмущение населения, ненавидящего карантины [12, с. 9, 47].

Для города и деревни определялись разные меры защиты. Городские дома окуривались смесью соли, марганца и серной кислоты по методу Гиттона де Морво. В деревнях от жителей требовали выгнать в поля скот и прирезать его вне деревни, перебить всех кошек и собак, сжечь дома. Госпитали имели деление на два отделения – чумное и наблюдательное для контактных. Впервые и почти на сто лет был установлен карантинный срок в шесть недель [14, л. 1–3].

Отдельные чумные кладбища еще не определялись, но захоронения шли с повышенной защитой. Гроб обрабатывался дезинфицирующими средствами, увеличивалась глубина могил до 4 аршин, а также насыпь. Особое внимание следовало уделять захоронениям мусульман и евреев, практикующих неглубокую засыпку [11, л. 1; 7, л. 16; 17, л. 12; 15, л. 13–14].

1829–1831 гг. были временем пандемии холеры, но в Россию также снова пришла и чума. В 1830 г. было решено создать постоянно действующие карантинные пункты, а в 1831 г. начало работу Особое совещание для предохранения империи. Карантинные пункты прежде всего размещались в портовых городах. Капитаны из стран с возможностью вноса эпидемии получали присягу на нескольких языках, которой подтверждали отсутствие больных на борту. Карантин выдерживался на самом судне, при попытке побега с судна «должно стрелять без всякой пощады». В случае смерти на корабле, тело подлежало осмотру карантинными медиками. Совет медиков в портовых городах объявлял карантин, если хотя бы один из них признавал чуму. Если опасение подтверждалось следовало в течение недели предупредить соседние населенные пункты и губернатора. Последний объявлял карантин и предупреждал пограничные губернии [9, л. 57–58, 60–68, 114, 115, 140, 164, 207–208].

Огромное количество умерших от холеры в пандемию привело к созданию в г. Гурьеве карантина против чумы и холеры в 1831 г. «для предохранения губернии от занесения заразительных болезней с южной стороны и Каспийского моря». До этого времени карантин охватывал всю губернию, но это положение было оспорено оренбургским губернатором П.П. Сухтеленем. Холера давала не 100% смертность, индийские караваны не проходили через Перию, откуда в последний раз пришла чума [13, л. 17]. Самым главным доводом снятия карантина с границы стала необходимость сохранения внешней торговли. Окончательное снятие карантинных пунктов по всей Пограничной линии относится к деятельности губернатора В.А. Перовского в 1834 г. Был принят документ «О мерах к ограждению Оренбургской губернии от занесения заразительных болезней». Осмотр судов из Гурьева перешел в Астраханский карантин на Каралатском буге, а в 1835 г. Департамент экономии Государственного Совета разрешил не проводить медицинский осмотр купе-

ческих караванов, приходящих к Оренбургской линии из Средней Азии [8, л. 2; 15; 8].

Таким образом, Россия в XVIII – первой половине XIX в. неоднократно сталкивалась с эпидемиями чумы. Начало борьбы всегда возлагалось на военных медиков, т.к. именно войска чаще всего заражались в приграничных территориях и антисанитарных условиях. Гражданское население не имело медицинской поддержки и, в случае прохождения чумы вглубь страны, возникала избыточная смертность. Все меры по предупреждению и лечению чумы возлагались с 1771 г. на государственные органы. Выяснением эпидемической обстановки на границах занимались дипломаты. В первой половине XIX в. были регламентированы карантинные меры охраны государства.

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 321.
2. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 124.
3. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. портфель 151. Ч. 1. Д. 1.
4. РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 331.
5. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 124.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 91. Оп. 1. Д. 400.
7. РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 782.
8. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 4.
9. РГИА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 1.
10. РГИА. Ф. 1374. Оп. 6. Д. 14.
11. Российский государственный архив военно-морского флота России (РГАВМФ). Ф. 166. Оп. 1. Д. 2115.
12. РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 156.
13. РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 755.
14. РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 933.
15. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 4141.
16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4195.
17. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1226.
18. История развития медицины и здравоохранения в России. Обзор документальных материалов / под ред. Б.Д. Петрова. М.-Л., 1958. 99 с.
19. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.- Л., 1949. Т. 1. 524 с.
20. Кирьянов И.К., Рахшмир П.Ю. Преемственность и обновление. К истории института губернаторства в России // Пермские губернаторы. Пермь, 1997. С. 124–132.

А.М. Сафронова

Эпидемиологические ситуации при казенных заводах Урала в 1720–1750-е гг. и меры по недопущению их развития

Это первая специальная статья, в которой рассматривается вопрос об эпидемиологических угрозах, имевших место на казенных заводах Урала в 1720–1750-е гг. и мерах борьбы с ними. Это угроза распространения сифилиса среди солдат, строителей Екатеринбургского завода, в 1723 г. Меры борьбы с сибирской язвой, поразившей в 1726 г. до-

машный скот, лошадей и жителей слобод, приписанных к заводам. Выяснение властями причин кровавых поносов у населения Екатеринбурга, случившихся в 1726 г. Приводятся данные об огневой болезни, распространившейся среди работников Верх-Исетского завода в 1732 г. и поразивших большинство жителей Екатеринбурга в 1737 г., о методах лечения кори у учащихся школ в 1754 г. на дому, а не в госпитале.

This is the first special article examining the issue of epidemiological threats that occurred at the government factories of the Urals in the 1720s – 1750s and measures to combat them. This is the threat of spreading syphilis among the soldiers, builders of Yekaterinburg plant, in 1723. Measures to fight the Siberian plague, which affected in 1726 the livestock, horses and residents of slobodas, assigned to the factories. The elucidation of the causes of bloody diarrhea among the inhabitants of Yekaterinburg in 1726. Information is given about the fire disease which spread among the workers of Verkh-Isetsk plant in 1732 and afflicted the majority of Yekaterinburg residents in 1737; about methods of treating measles among schoolchildren at home in 1754 and not in a hospital.

Ключевые слова: горнозаводской Урал, Екатеринбург, госпиталь, эпидемии, лекари.

Key words: Mining Ural, Yekaterinburg, hospital, epidemics, healers.

Особенностью источниковой базы о развитии медицинского обслуживания населения Урала является отсутствие какого-либо комплекса архивных документов даже на уровне дела, рассредоточение документов об этом по объемным книгам в 500–900 листов и более с документацией о заводах, при этом организации медицинского обслуживания касаются единичные из них. Это – одна из причин отсутствия в литературе данных об эпидемиологической обстановке на горнозаводском Урале в первой половине XVIII в., имеется лишь упоминание о болезни солдат, трудившихся на строительстве Екатеринбургского завода [5, с. 15]. Сведения об эпидемиологической ситуации мы находим в доношениях отдельных лиц, поданных уральскому начальству.

Первые шаги по организации медицинской службы при горных заводах Урала увенчались успехом лишь в 1722 г., новому начальнику В.И. Геннину удалось добиться отправки с ним на Урал лекаря-саксонца Иоганна Спринцеля. Сразу же по прибытии команды в декабре 1722 г. на Уктусский завод, где располагалось тогда Сибирское горное начальство, была открыта первая больница, в задачу которой вменялось и обслуживание строителей нового «великого» завода, будущего Екатеринбургского, ставшего самым крупным предприятием Российской империи, расположенном в 6 верстах от Уктусского [6, с. 436].

Заводы тогда строились быстро, через год, а то и несколько месяцев вступали в строй. Крестьяне 20 ближайших слобод выполняли вспомогательные работы, наряду с мастеровыми и работными людьми на строительстве трудился и батальон солдат Тобольского полка, прибывший в конце февраля 1723 г. из столицы Сибирской губернии в составе 450 чел., к октябрю военная команда увеличилась до 1 150 чел. 6 марта началось строительство, солдаты начали рубить избы, 12 марта – возводить крепость. Сами строители

жили в дощатых шалашах или землянках с небольшими печками, земляным полом, покрытым соломой и хвоей, в условиях антисанитарии, принимали пищу из общих котлов [5, с. 12–14].

Вот в такой обстановке сумасшедших темпов строительства, ровно через месяц с его начала, в доношении начальнику заводов Геннину лекарь Иоганн Спринцель сообщил, что среди солдат «является много больных французскою болезнью, а на лечение оных лекарства я не имею, а которое лекарство есть, и то велено держать для нуждных мастеровых людей, для которых оно лекарство дано». Геннин приказал: поскольку лекарств нет, «а есть хлеба[я] скудность», и денег на содержание солдат пока не прислано, и опасно распространение болезни, полковнику Брикзгаузену, возглавлявшему солдатскую команду, предписывалось срочно провести освидетельствование солдат лекарю [1, л. 535–535 об.]. Указ об этом 8 апреля был отправлен, уже 10 апреля 1723 г. Брикзгаузен сообщил Геннину список больных, составленный Спринцелем, в котором значились фамилии 4 сержантов и 10 солдат. В этот же день их приказано было вернуть в Тобольск, куда, кстати, отправляли на лечение сифилиса и отдельных лиц из заводской администрации: видимо, там и специалисты-лекари, и нужные лекарства имелись [1, л. 552–553]. Так было предотвращено дальнейшее распространение болезни среди основного состава строителей, грозившее сорвать планы скорейшего ввода завода в строй, состоявшегося в ноябре того же 1723 г.

Из доношения камиссара Арамильского дистрикта Василия Томилова уральскому начальству (в Сибирский обер-бергамт, начавший действовать в Екатеринбурге с 1723 г.) мы узнаем об эпидемии, начавшей распространяться близ Екатеринбурга, в Арамильской слободе, состоявшей более чем из 20 сел и деревень. В июле 1726 г. камиссар сообщал, что лошади там у крестьян падают «скоропостижно», и кто с них кожу снимает, умирает «безвременно». «Знак» на таких людях появляется на лбу или руках – пузыри «во образе яишнова желтка», потом эти пузыри распухают. Судя по этому описанию, в деревни и села Арамильского дистрикта пришла одна из самых заразных болезней – сибирская язва [2, л. 227 об.].

Слушали это доношение сам начальник заводов В.И. Геннин и член обер-бергамта Р. Горчаков. Они приняли правильное решение: «чтоб оной смертоносной язвы избежать», послать в Земскую контору указ, чтобы во всех дистриктах объявлено было указами «под жестоким» предупреждением, чтобы никто с мертвых от язв лошадей и скота кожу снимать не дерзали, закапывали бы их в землю, «дабы от таких причин люди не могли напрасно погибать». Запрещалось и до заразившихся этой болезнью людей руками дотрагиваться, «и от духа мертвых, как возможно, удаляться». Если с людьми несчастье приключится, «таких людей не выпускать и держать в избе, покамест или умрет, или от смертельной болезни свободится». Такие меры предписывалось предпринимать как против больных лошадей и скота, так и против заразившегося населения [2, л. 227 об.].

Чтобы пресечь распространение болезни на новые территории начальство решило предупредить все сельские населенные пункты горнозаводского ведомства, где проживали тысячи приписных к заводам крестьян. Эта задача возлагалась на Земскую контору, в ведении которой находилось 4 дистрикта с десятками слобод, где проживали крестьяне, платившие подушную подать государству путем отработок на неквалифицированных заводских работах. Не забыло начальство и о предупреждении населения ближайшей к Арамили крепости Горный щит, и приказало: «дабы по всем заводам от того оберегались, и в Екатеринбург о том публиковать» [2, л. 228].

Во время массовых болезней первый госпиталь, открытый в Екатеринбурге, центре управления всеми казенными заводами с 1723 г., принимал большие пополнения. Зимой 1726 г. вдруг заводское население стало страдать кровавым поносом. Начальство начало подозревать, что откупщик Иван Минюхин использовал плохой мед для приготовления напитков в кабаках, а народ кабаки посещал активно, что и стало причиной массовых заболеваний. В феврале месяце откупщика допрашивали в обер-бергамте и вызвали Спринцеля для пробы использованных им медов. Лекарь показал, что «онья меды обыкновенныя, токмо не весьма доварены, а кровавому поносу человеку от него быть не признается» [2, л. 70–71]. Причина распространившегося тогда заболевания так и осталась не установленной.

Порой какие-то болезни сваливали всех работников, трудившихся на одном предприятии и заражавших друг друга. В марте 1732 г. из конторы Верх-Исетского завода, находившегося 3-х верстах от Екатеринбургского, сообщили в обер-бергамт: «многие молотовые мастера, подмастерья и работники заскорбели», отправлены в госпиталь, «и ныне за многими болящими работать в молотовых фабриках и некому, которые фабрики сего ж марта с 6-го числа все и остановлены» [3, л. 11]. Вероятно, это была огневая болезнь, широко бытовавшая среди населения в XVIII в.

Сильная эпидемия разразилась в Екатеринбурге мае 1737 г., о чем мы узнаем благодаря отправленному в Генерал-берг-директориум личному доношению ВН. Татищева, возглавившего казенные заводы Урала и Сибири с 1734 г. В октябре месяце Татищев прибыл в Екатеринбург на смену Геннину с целой командой медиков. Ему удалось добиться прибытия с ним доктора, англичанина Дж. Грива (Грифа), первого аптекаря, уроженца Голштинии Генриха Тамма, лекаря, англичанина, служившего до этого подлекарем в Кадетском корпусе, Эвергарта Сименса. Но аптекарь оказался непригодным, требовался еще и один штаб-лекарь. Татищев писал: «в добром аптекаре и лекаре старшем здесь состоит крайняя нужда», ныне аптекарю срок минул, «кроме того, он не весьма искусен и благонадежен», но лекарства без аптекаря оставить «не безвредно». Престарелый Спринцель к этому времени уже скончался [7, с. 62].

Стремясь обосновать острую нехватку медиков, Татищев сообщил о распространении в Екатеринбурге заразной болезни: с мая «так болезнь огневая стала умножаться, что при здешнем заводе советник, ассессоры и все

управители, большая часть подьячих, мастеров же и работников более половины заболели, которых в госпиталь уместить невозможно». Поэтому Татищев удержал доктора Дж. Грива еще на год, дал ему двух денщиков, и некое награждение от себя, обещал о прибавке ему жалованья писать в директориум и Медицинскую коллегию. «Лекарь и сам болен, исправляться возможности не имеет, но послать некого» [7, с. 62].

К доношению Татищев приложил ведомость о больных, составленную полицмейстером Екатеринбургa Карлом Брандтом и подьячим Иваном Ащериным: в Канцелярии Главного заводов правления – 18 чел., в Конторе судебных и земских дел – 19 чел. (6 мужчин, 4 женщины, 9 детей), в Казначейской конторе – 35 больных (14 мужчин, 11 женщин, 10 детей; в заводских конторах – 404 чел. (226 мужчин, 178 женщин, 2 умерло; в Конторе денежного двора – 87 мужчин, 58 женщин, всего 145; Екатеринбургской роты солдат – 38, 43 жены, 26 детей (108 чел.); екатеринбургских школ учителей – 6 чел., 159 учеников, в каторжном дворе – 112 чел.; «живущих за городом» – 115 мужчин, 77 женщин, 27 детей (219 чел.). Итого больных 818 мужчин, 393 женщины, 81 ребенок, 2 умерли, т.е. всего – 1290 чел. Татищев просил «искусных лекаря и аптекаря как наискорые сюда прислать» [7, с. 63].

Весной и летом 1754 г. в Екатеринбурге разразилась эпидемия кори среди учащихся школ. Об этом стало известно благодаря доношению, поданному 3 июня уральскому начальству надзирателем школ Афанасием Кичигиным. Он сообщил, что заболело до 50 учащихся, штаб-лекарь Иоганн Шнезе, возглавлявший госпиталь с 1737 г., принимать их на лечение отказался, отправил болеть по домам. В течение недели, с 20 по 27 мая, умерло пятеро: сыновья трех солдат, канонира, доменного работника, ученики словесной и арифметической школ. Начальство запросило лекаря, почему он не принял детей на лечение, более того, не велел посылать заболевших и впредь [4, л. 164–164 об.].

Шнезе показал: «та болезнь лекарства мало требует, к тому ж оных надлежит содержать в равном воздухе, а если перенести в госпиталь, то та корь может спрятатца, и оттого более умирать могут. И лутче быть им под смотрением родителей, которые ко мне сами приходят, и как ту болезнь лечить, и приказывается, и которые приходили, тем лекарства даны». Мнение лекаря было учтено и начальство предписало: впредь в подобных случаях родители должны детей «пользовать по наставлениям штап-лекарскому» [4, л. 166].

Эпидемия кори затянулась, школьники продолжали болеть и осенью. Это следует из доношения надзирателя школ начальству от 6 сентября о смерти еще одного ученика арифметической школы, Михаила Орлова, в доме своем, которого Шнезе не велел посылать в госпиталь [4, л. 197].

Благодаря тому, что о случаях смерти школьников полагалось сообщать в Канцелярию Главного заводов правления, мы и располагаем сведениями об этой эпидемии. Какого-либо специального вопроса о ней власти не поднимали.

Из приведенных данных ясно, горнозаводские власти хорошо понимали угрозы развития эпидемиологической ситуации и предпринимали меры по недопущению этого. В 1723 г. срочно удалили зараженных французской болезнью солдат со строительства завода на их постоянное место дислокации в Тобольск. В 1726 г. безрезультатно пытались выяснить причины распространения среди жителей кровавых поносов. Вовремя дали конкретные предписания по предупреждению распространения сибирской язвы среди жителей приписных к заводам слобод. В отношении «огневой» болезни, поразившей более половины жителей Екатеринбурга в 1737 г., оказались бессильны и пытались добиться увеличения команды медиков при госпитале, пополнения ее хорошими специалистами. В отношении пресечения кори среди школьников поддержали меры, предложенные штаб-лекарем – лечения их на дому, выданными родителями лекарственными средствами.

Список литературы

1. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 1. Д. 26.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 205. Т. 2.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1430.
5. Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005.
6. Сафронова А.М., Сафронов А.А. Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723–1734 годах // Научный диалог. 2020. № 9. С. 434–453.
7. Сафронова А.М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 19. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 56–79.

Е.П. Пирогова

Жизнь в условиях холеры 1830 г. (по письмам нижегородских дворян)

В статье рассказывается о том, как изменилась жизнь нижегородских дворян в условиях разразившейся в 1830 г. первой в Российской империи пандемии – холеры, какие меры были приняты тогда центральными и местными властями для ее предотвращения, в какой степени в них участвовали и как относились к ним отдельные жители губернии. В качестве источника использован новый эпистолярный комплекс документов, сохранившийся в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, принадлежавший помещикам Демидовым, проживавшим в селе Быковка Васильсурского уезда Нижегородской губернии. В письмах отражены вопросы, связанные с распространением холеры и борьбой с ней в губернском городе и некоторых уездах, а также в Москве, где учились юные Демидовы.

The article tells about how the life of the Nizhny Novgorod nobles changed in the conditions of the first pandemic in the Russian Empire - cholera that broke out in 1830, what measures were taken then by the central and local authorities to prevent it, to what extent they

participated in them and how did individual residents relate province. As a source, a new epistolary set of documents was used, preserved in the department of manuscripts of the Russian National Library, which belonged to the landowners Demidovs who lived in the village of Bykovka in the Vasilsur district of the Nizhny Novgorod province. The letters reflect issues related to the spread of cholera and the fight against it in the provincial city and some districts, as well as in Moscow, where the young Demidovs studied.

Ключевые слова: холера 1830 г., Нижегородская губерния, помещики Демидовы, карантинные мероприятия.

Key words: cholera of 1830, Nizhny Novgorod province, landowners Demidovs, quarantine measures.

Холеру 1830 г. часто называют первой пандемией, с которой пришлось столкнуться населению нашей страны. Ее сразу окрестили азиатской «гостьей», как пришедшую откуда-то из Индии, на территории России она распространялась из Астрахани и дальше по Волге. Эта нежданная «гостья» вселяла ужас и смятение среди всех слоев населения империи, заразив в итоге до полумиллиона ее жителей, из которых около двухсот тысяч – смертельно. Как изменилась повседневная жизнь дворян-помещиков в условиях принявшей массовый характер эпидемии мы покажем на примере Нижегородской губернии. Для этого будут использованы фрагменты эпистолярного наследия Демидовых, помещиков, с конца XVIII в. проживавших в имении Быковка Васильсурского уезда. Члены этой большой и дружной семьи по мере взросления уезжали из родового имения то на учебу в Москву или Петербург, то, создав собственные семьи, переезжали в губернский город Нижний или в имения соседних уездов, – но находясь вдали друг от друга в течение продолжительного времени, регулярно обменивались между собой письмами. В результате сложился эпистолярный комплекс – уникальный по полноте и сохранности исторический источник, до сих пор мало введенным в научный оборот [3].

Первые случаи заболевания холерой в Астрахани обнаружили 20 июля, а уже 27 августа болезнь достигла Нижнего Новгорода [5, с. 2], приводя власти и жителей последнего в страшное замешательство. Спустя сто лет местный краевед Д.Н. Смирнов, основываясь на документах и отложившихся в памяти потомков воспоминаниях тех лет, писал, что «холера распространилась в городе с поразительной быстротой» и что «самое ужасное заключалось в том, что медики не знали, как ее лечить» [4, с. 411]. Первыми заболели, кажется, бурлаки, хотя опасность заражения изначально связывали с работавшей тогда ярмаркой. Помещик села Доскино П.А. Веселовский, служивший судьей в губернской столице, в письме своему шурину А.В. Демидову в Петербург так описывал те дни (даты по старому стилю): «В первый раз узнали мы 18 числа августа, ... что на ярмарке* открылась между судорабочими холера, но начальство старалось это скрывать и потому все мы

* В XIX в. слово «ярмарка» писалось через букву «о».

щитали это пустыми слухами, продолжали покойно ездить на ярмарку, наконец, к концу августа стало начальство высылать с ярмарки купцов, ибо смертность стала усиливаться, но все еще между бурлаками, город был покоен. В начале сентября устроили в городе для сей болезни госпиталь, с ярмарки стали привозить больных в город, и это, кажется, было причиною, что и у нас болезнь поселилась, стало много умирать людей, а особенно 7-е и 8-е сентября самая ужасная была смертность, в сии два дня схоронили близко 100 человек, в воздухе сделалась какая-то вонь...» [1, л. 19].

Заметим здесь традиционное стремление российских властей скрывать нежелательную информацию от народа, а также распространенное мнение о том, что нижегородская ярмарка стала рассадником холеры, а город и губерния пострадали более других в России. Вот и упоминавшийся Д.Н. Смирнов писал, что это «ужасное, невиданное и неслыханное эпидемическое бедствие особенно сильно» проявилось в Нижнем Новгороде [4, с. 409]. Однако исследовавший холеру спустя несколько десятилетий профессор А. Судаков пришел к иному выводу: «не смотря на существование в Нижнем Новгороде ярмарки, – писал он, – на которую торговый элемент съезжается со всех концов России, ... Нижегородская губерния тем не менее страдала от холеры несколько не более, чем соседние с нею губернии...» [5, с. 4].

Показательно, что губернатор И.М. Бибииков, говоря современным языком, сразу самоизолировался (как, очевидно, и должен всегда поступать представитель власти): он «из губернаторского дома на Большой Покровке перебрался в особняк на Варварской улице, велел спустить тяжелые шторы на окнах, запретил мимо здания возить и носить мертвых и доклады комиссаров принимал через дверь». Вслед за ним и «остальная знать города переселилась в задние комнаты домов, заколотив досками фасады на улицу» [4, с. 412].

Те же из жителей, которые имели возможность уехать из города, сделали это. Так поступили и Веселовские, о чем отец семейства сообщал в Петербург тому же А.В. Демидову. Сначала они с супругой чуть было не заболели сами: у него высыпала «на теле сыпь», как «после крапивной лихорадки», а жена от сильных волнений («безпокоилась много») «потеряла аппетит и покойный сон...» Не смотря на несколько ироничный тон – письмо писалось уже в деревне, когда все потрясения были позади, – в нем сквозит атмосфера пережитой тревоги: «мимо нас скакали священники, доктора... частые похороны, поневоле, как говорится, сердце екнет». В добавок ко всему, продолжал Павел Алексеевич, «к большому несчастью нашему 16 числа в 10 часов вечера была поражена у нас холерою няня Василиса...», от чего супруга его «Катерина Васильевна сама от горя всю ночь была в ужасном положении», т.к. доктор сказал, что няня по старости лет умрет. Однако этого не произошло: ей «по совету людей дали выпить хлоровой воды, и она выздоровела» [1, л. 19 об.]. Район, где проживала семья Веселовских, стал казаться им чуть ли не центром эпидемии, в любом случае, они понимали, что оставаться там было опасно. «Более всех мест в городе, – писал Павел Алексеевич, – постра-

дала наша Печерская улица и окружность, а посему 21 числа доктор присоветовал нам из города уехать, мы в тот же день с детьми и отправились в Быковку...» [1, л. 20], т.е. имение отца Екатерины Васильевны, В.Л. Демидова. Сам П.А. Веселовский вскоре снова был «отозван в Нижний на службу против холеры» [2, л. 60].

4 сентября 1830 г. в Петербурге был создан Комитет по борьбе с холерой, председателем которого был назначен министр внутренних дел граф А.А. Закревский. В своих воспоминаниях («Бумаги графа Закревского» были изданы в конце XIX в. Русским историческим обществом) он писал: «холера быстро разнеслась по той причине, что в начале появления ее в Астрахани, а скоро потом и в Саратове, не токмо карантинные, но даже и полицейские меры не были приведены в исполнение. Теперь она всюду ловима будучи на каждом шагу своем, делается менее пагубна и находит себе менее жертв...» [Цит. по: 6, с. 5]. Под «теперь» автор имел в виду время после введения им карантинных мер в виде «застав в одной губернии от другой». Эти меры, сразу ставшие непопулярными, на деле оказались весьма действенными. Там, «где благоразумные помещики оцепляли свои деревни, – замечал Закревский, – и никого в них не впускали и из оных никому не позволяли отлучаться, там не было ни больных, ни умерших от холеры, хотя эта эпидемия в то же время и существовала в соседних местах» [Цит. по: 6, с. 5].

По распоряжению министра подвергшиеся эпидемии территории (округа) были разделены на отделения, участки и кварталы, а живущие в деревнях помещики были обязаны принимать должности по надзору над карантинными заставами. Об этом сообщал 20 октября в письме сыну и живший в Быковке помещик В.Л. Демидов: «против [заразы] по предписанию министра внутренних дел по всем округам разделением каждой на отделения, сии на участки, а сии на кварталы, меры взяты. Я состою попечителем 4-го отделения, в коем 2 участка с попечителями и 5 кварталов, тоже с попечителями. Распорядок таковой очень хорош и опасения наши уменьшает, тем более, что холеры уже в губернии не слышим. Хотя недели за три пред сим она и появлялась в Василе, в Петровке и в Турбанах (что в 3-х верстах от Спасскаго), но вскоре места сии были оцеплены и она, уморив человек всего с 15, миновалась, так что теперь места сии объявлены благополучными» [2, л. 60].

Не все помещики, однако, были столь же благоразумны. Когда А.А. Закревский во время проверки Нижегородской губернии прибыл в уездный город Лукоянов, на его вопрос о том, нет ли среди дворян тех, кто уклоняется от должности по надзору за холерными заставами, в ответ услышал жалобу местного предводителя дворянства В.В. Ульянина на «стихотворца А.С. Пушкина» из села Болдино. Последний отказывался принимать должность (хотя ему «из учтивости» и предлагали «самую легкую») под предлогом того, что он не был «помещиком здешней губернии», а жил в поместье своего отца. В результате «Пушкин получил строгое предписание министра и принял должность» [6, с. 7]. По мнению современного исследователя С.А. Экштута, строгие карантинные меры, повсеместно учреждаемые мини-

стром А.А. Закревским, хотя «и создали ощутимые неудобства для торговли, промышленности и обывателей, принесли свои плоды» [6, с. 5], а вскоре, добавим мы, в тех местах, где эпидемия пошла на спад, они были отменены. Так, 22 декабря В.Л. Демидов уже сообщал сыну: «в нашей губернии Бог холере проклял, почему исчезла до того, что на сих днях все меры противу ея отложены, т.е. Васильский, как и прочие комитеты для пресечения ея, закрыты, попечители отделений уезда, участков, кварталов и прочие чиновники, и люди от должностей уволены, в том числе и я по званию попечителя отделения» [2, л. 62 об.].

А.А. Закревский сокрушался относительно запоздалых действий по борьбе с распространением эпидемии в «старой» столице: «я забочусь и хлопочу по холере, – писал он, – и благодарение Богу, во всех местах уменьшается и не так свирепствует, как прежде; но жаль, что впустили сию болезнь в Москву и, при появлении оной никто не хотел верить и оттого предприняли меры поздно» [6, с. 6]. А вот что пишет 20 октября старшему сыну в Петербург В.Л. Демидов, младшие сыновья которого находились на учебе в Москве: «братья твои в пансионе сберегаются же. Из около 300 их товарищей слишком 200 разобраны родственниками, дядек оставлено необходимое число, прочие выведены в особо нанятой от пансиона дом, в кой и наших поступил. Ни в пансион, ни из онаго хода нет, почему и ученье прекращено. В Москве холера редка, конечно *по сколь строгим, столь и прекрасным мерам* (выделено нами. – *Е.П.*), почему мы на щет детей и всех родных наших спокойны...» [2, л. 60–60 об.]. Из письма следует, что Василий Львович вполне доверял принятым ограничительным мерам, считал их уместными и достаточными. Но вскоре, к его досаде, оказалось, что холера распространилась в столице, помешав его намерению навестить сыновей и московских родственников. Уже через месяц, 22 декабря, В.Л. Демидов пишет об этом: «намерялись было все мы ехать на зиму в Москву, чтобы оревидовать твоих братьев и коли нужда, перевести в другое училище, ... паче же в Москве эпидемия, то с горем отложили вояж тот...» [2, л. 62 об.]. В письмах Демидовых за следующий, 1831 год, холера больше не упоминается.

Итак, несколько сохранившихся писем членов одной семьи нижегородских дворян донесли до нас атмосферу напряженных месяцев 1830 года в условиях первой в нашей стране пандемии – холеры. Они показали на примере одной губернии, что далеко не все жители тогдашней России, как это принято считать даже в научной литературе, негативно воспринимали противохолерные мероприятия властей в виде карантинных застав и прочих ограничений. Многие сознательные помещики (а В.Л. Демидов был одним из уважаемых и авторитетных дворян своего уезда) с пониманием и даже благодарностью относились к этим мерам, всячески содействуя им. Отметим также, что спустя почти 200 лет, находясь в условиях куда более страшной пандемии, охватившей мировую цивилизацию, старые методы борьбы с этим явлением сохранили свою неизменность: карантинные меры (самоизоляция, закрытые границы), дезинфекция, народные методы лечения. Но может быть надежда человечества на новое лекарственное средство все же оправдается.

Список литературы

1. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 451. Оп. 1. Д. 1318.
2. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 1323.
3. Пирогова Е.П. Повседневная жизнь провинциального дворянства 1 половины XIX в. в семейной переписке Демидовых // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1(136). С. 34–44.
4. Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Ниж. Новгород: «Книги», 2007. 720 с.
5. Судаков А. В ожидании холеры. Томск, 1892. 48 с.
6. Экштут С.А. Граф Арсений Закревский: Забочусь и хлопочу по холере... // Родина. 2020. № 7 (720). [Электронный ресурс: graf-zakrevskij-piat-mesiacev-bor...] (дата обращения: 10.10.2020).

С.Н. Брежнева

«Холерный бунт» в Ташкенте в 1892 г.: стихийный взрыв или намеренное противодействие власти

В статье речь идет о «холерном бунте», произошедшем в Ташкенте в 1892 г. Автор, анализируя причины возникновения бунта, приходит к выводу, что любое событие может быть объяснено и использовано в интересах экстремистских сил. Для правильного вывода о причинах восстания, необходимо всестороннее и взвешенное изучение источников.

The article deals with the "cholera riot" that occurred in Tashkent in 1892. The author, analyzing the causes of the riot, comes to the conclusion that any event can be explained and used in the interests of extremist forces. For a correct conclusion about the causes of the uprising, a comprehensive and balanced study of the sources is necessary.

Ключевые слова: Ташкент, холера, эпидемия, противоэпидемические меры, недовольство населения, беспорядки, подавление.

Key words: Tashkent, cholera, epidemic, anti-epidemic measures, discontent of the population, riots, suppression.

Любая эпидемия – это вызов всему человечеству. Когда она приходит, мы теряемся, ищем выход, приспособляемся, и со временем справляемся. Однако растерянностью одних могут воспользоваться другие для решения своих проблем – социальных и политических. Ответы на вызовы времени могут быть различными от стихийного взрыва отчаявшегося народа до политической подоплеки. Часто бывает, что вспыхнувшее недовольство в свою пользу используют экстремистские силы. Примеров тому в истории множество. Об одном из подобных эпизодов пойдет речь в представленной статье.

Одно из древнейших заболеваний, известных человечеству, холера буйствовала в Туркестанском крае с начала XIX в. С этого времени медицинской науке известны шесть пандемий холеры. Во время первой пандемии 1816–1823 гг. холера дошла до Астрахани, а во время второй – 1827–1838 гг. – через Оренбург достигла Европы. В русских источниках о существовании хо-

леры в Средней Азии впервые упоминалось в 1827–1829 гг. в медицинском исследовании врача А.В. Попова «Холера 1829–1833 годов в Оренбургском крае», опубликованном в 1910 г. в XXI выпуске Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии. Он писал, что эта страшная болезнь была завезена в Оренбургский край среднеазиатскими купцами из Бухары и Хивы, где она была частой гостьей. Рассадником заболевания называлась Бухара, по свидетельству ташкентского купца Заитбая, даже бухарский эмир, опасаясь болезни, в марте 1829 г. выехал из Бухары в Самарканд. Согласно донесению походного старшины Средней части киргизов Ибрагима Валитова, болезнь, называемая «Ваба», свирепствовала и в Ташкенте [10, с. 18–23].

Об опасной эпидемиологической ситуации в Средней Азии русское правительство было осведомлено задолго до присоединения этой территории. Страшные заболевания проникали из-за рубежа, часто в результате паломничества мусульман в Мекку и в «святые» города в Персии и Ираке, и попадали на благоприятную почву, основой которой являлась антисанитария, царившая в туркестанских городах и селениях.

Так, проводивший медицинские исследования в Туркестане сибирский антрополог и хирург П.В. Путилов отмечал отсутствие элементарных удобств в жилищах местных жителей, указывая, что в холодное время года из-за отсутствия печей в их домах они вынуждены согревать ноги на так называемых «сандалах», что является причиной частых простуд и кожных заболеваний, не говоря уже о вреде угарного воздуха [11, с. 19]. Он же свидетельствовал о существовании в Ташкенте квартала прокаженных, называемом «Кишлак Махао» [11, с. 20–23].

Известный туркестановед, историк и этнограф Н.П. Остроумов, проживший большую часть своей жизни в Ташкенте, также отмечал крайне низкий уровень санитарного состояния местного населения. Он считал, что от повальных эпидемий жителей спасает только климат, позволяющий большую часть жизни проводить на свежем воздухе, а также умеренность в еде. В домах отсутствуют окна и печи, для того, чтобы согреться люди разогревают жаровню с углями, что само по себе крайне негигиенично [9, с. 67]. Он отмечал также высокую детскую смертность, особенно в младенчестве, причиной чего являлось отсутствие гигиены и нежелание матерей обращаться за своевременной медицинской помощью к русским врачам, а также отсутствие элементарных прививок.

Об антисанитарии в жилищах туркестанцев писали также супруги Наливкины [8, с. 78], прожившие несколько лет среди сартов, и изучившие их язык и традиции. Они же свидетельствовали о крайне низком уровне местной медицины [8, с. 72]. Красноречиво писал об этом в своих мемуарах начальник канцелярии туркестанского генерал-губернатора, почти сорок лет прослуживший в Туркестане Г.П. Федоров, свидетельствуя об отсутствии самых элементарных требований чистоты и гигиены и сравнивая жилища «туземцев» с Авгиевыми конюшнями [13, с. 458].

Летом 1872 г. в Ташкенте вспыхнула эпидемия холеры. Ветеринарный врач Тургайской области А.И. Добросмыслов в своем историческом очерке «Ташкент в прошлом и настоящем» назвал количество заболевших, из которых больше половины умерло, с оговоркой, что цифры не являются точными, т.к. ташкентские сарты (коренное население) прятали погибших, чтобы похоронить их по мусульманскому обычаю [3, с. 484]. Холера тогда свирепствовала чуть более двух месяцев.

Через двадцать лет эпидемия повторилась и привела к так называемому «холерному бунту». Отношение к данному событию у историков менялось сообразно времени.

В советский период «холерный бунт» был причислен к национально-освободительному и революционному движению против царской власти. Поводом для восстания называли меры, направленные против эпидемии холеры. Главной же его причиной было тяжелое положение дехкан, ремесленников-кустарей и мардикеров, беспрерывный рост цен и злоупотребления городских чиновников. Подчеркивалось, что восстание не носило антирусского характера, т. к. «ни одно русское учреждение, ни одна русская лавка не подверглись разгрому» [14, с. 295]. Но спровоцирован был бунт грубыми действиями начальника города полковника С.Р. Путинцева, после избиения которого толпой, были вызваны казачий полк и солдаты, расстрелявшие толпу. «Расправа над участниками восстания продемонстрировала решимость царских властей искоренить жестокими и беспощадными методами массовое народное движение на колониальных окраинах Российской империи» [14, с. 296] – так в соответствии с советскими традициями классового подхода давалось объяснение.

В постсоветский период в государствах Центральной Азии акцент сместился в сторону «колониального русского правления» в Туркестане, которое «попирало права коренного населения». Исходя из этого, и вынужденные противохолерные эпидемические меры объяснялись как целенаправленные действия колониальных властей против традиций коренного населения края. Причины бунта заключались в недовольстве населения политикой царских колонизаторов [4, с. 143]. Основным лозунгом восставших назывался протест против царской администрации и смена городских властей. Однако подчеркивалось, что восстание «пока еще» [4, с. 145] не носило политического характера в сравнении с разразившимся вскоре Андижанским восстанием 1898 г.

О холерном бунте в современной исторической литературе пока еще нет специальных исследований. Это событие описано в книге Е.А. Глушченко «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования» [2, с. 525–526], оно затронуто в монографиях В.П. Литвинова [5, с. 254; 6, с. 472]. Для того, чтобы представить себе наиболее достоверную картину произошедших событий лучше всего обратиться к мемуарам очевидцев и современников. Сопоставление материалов даст возможность разобраться в причинах произошедшего холерного бунта.

В историческом очерке А.И. Добросмыслова причины холерного бунта, его ход и подавление описаны достаточно подробно. В мае 1892 г., когда в Ташкенте разразилась эпидемия холеры, российская администрация приняла ряд необходимых мер, которые не были хаотичным введением, а напротив, представляли собой глубоко продуманные мероприятия в соответствии с Уставом о карантинах, введенном на всей территории Российской империи в 1866 г. [1, с. 193–218]. В целях нераспространения эпидемии коренному населению Туркестана были запрещены похороны по мусульманскому обряду (согласно которому покойников хоронили на следующий день), были закрыты кладбища, покойников разрешалось хоронить только на одном кладбище, находящимся за городом, на могилах проводилась дезинфекция. Предусматривался также осмотр тел умерших, а поскольку трупов было очень много, а медицинского персонала недостаточно, то осмотр откладывался, в условиях невыносимой жары трупы разлагались.

В этих условиях по городу поползли слухи о преднамеренных действиях русских с целью погубить местное население. Так, среди жителей Ташкента стали распространяться слухи об отравлении мусульман «белым порошком», который дает доктор, или о заражении воды в арыках [3, с. 485]. Обстановка еще более усугубилась борьбой между сторонниками старшего аксакала Иногам-ходжы, отстраненного от должности за два месяца до начала эпидемии военным губернатором Сырдарьинской области Н.И. Гродековым, и защитниками нового главы города Магомет-Якуба. Иногам-ходжа и его сторонники, воспользовались холерой для того, чтобы навредить Магомет-Якубу, распуская разные нелепые слухи, а Магомет-Якуб со своей стороны, как власть имеющий, старался теснить противников.

Этот клубок противоречий привел к восстанию 24 июня. Накануне начальник Ташкента С.Р. Путинцев в мечети Джам в присутствии десятитысячной толпы мусульман, поздравив предварительно их с праздником Курбан-байрам, разъяснил, что противохолерные меры необходимы для профилактики эпидемии. По свидетельству Добросмыслова, речь Путинцева была выслушана с большим вниманием [3, с. 486]. Он спокойно вернулся домой, сопровождаемый празднично одетой толпой, которая приветствовала его с поклоном. Казалось бы, ничего не предвещало социального взрыва.

На следующий день старший аксакал Магомет-Якуб доложил Путинцеву о тайных похоронах больных холерой и о том, что народ собирается к нему с жалобой. С.Р. Путинцев, по свидетельству очевидца событий Г.П. Федорова, человек «честный, умный и энергичный» [13, с. 458], отправился навстречу толпе, встретив ее на углу Воронцовского проспекта и Самаркандской улицы, пообещал разобраться и пригласил всех в канцелярию. Федоров пишет, что ничто не сулило трагедии: «Не предполагая ничего угрожающего, все мы с любопытством смотрели на эту толпу, шумливо, но без беспорядков двигавшуюся по улицам по направлению к дому начальника города, по адресу которого из толпы раздавались угрозы» [13, с. 459]. Однако, Магомет-Якуб, вероятно, зная, что основной гнев толпы направлен против него, по-

спешил ретироваться. Таким образом, С.Р. Путинцев остался один на один с беснующейся толпой. Достигнув крыльца канцелярии, Путинцев спешил, но после его отказа выдать толпе на растерзание старшего аксакала, он был сбит с ног, в него полетели камни.

От очнувшегося после непродолжительного обморока начальника города толпа стала требовать подписки, что холеры в городе нет, врачи уберутся из города, и покойников по-прежнему будут хоронить в соответствии с законом шариата. Возмущенные люди требовали также выдачи старшего аксакала. Путинцев, мужественно выдержав напор толпы, вновь ответил отказом. Полицмейстеру русской части города Крючкову было дано распоряжение немедленно доложить о происходящем военному губернатору Н.И. Гродекову. Появились помощник начальника города Н.С. Лыкошин (примечательно, что в своих мемуарах Лыкошин никак не упоминает о «холерном бунте», очевидцем которого он был) [7], и член городской управы В.П. Новгородский и все втроем стали увещевать толпу, но это продолжалось всего несколько минут, как из калитки показались солдаты с ружьями. Толпа бросилась врассыпную «но солдаты и русские добровольцы бросились за ними и били нещадно тех из туземцев, кто только попадался им под руку», при этом в толчее многие попадали в реку Анхор. По некоторым сведениям, из Анхора на следующий день было выловлено 80 трупов, «а всех погибших во время беспорядков, не преувеличивая, можно считать до 100 человек» [3, с. 488].

В это время появился отряд Гродекова, которому без труда удалось очистить от бунтующих русскую часть города. Вскоре стали появляться вызванные из лагеря казаки; а потом и пехота. С.Р. Путинцев, к этому времени совершенно потерявший силы (у него было 14 ран, в том числе одно сломанное ребро), был отвезен к себе на квартиру. В 2 часа Н.И. Гродеков приказал в Старом городе оставить 2 сотни казаков и 4 роты пехоты, разместив их в мечети Джам, а остальным войскам поместиться в казармах ближайших к Старому городу. Сам Н.И. Гродеков оставался в Старом городе трое суток. Восстание было подавлено.

Холерный бунт произвел шокирующее впечатление на русскую часть населения Ташкента, который казался спокойным городом. Г.П. Федоров писал: «...население, особенно женское, испытывало панический страх. И действительно, при малочисленности русских, двухсоттысячное нафанатизированное население могло в любую ночь перерезать всех нас, как цыплят» [13, с. 460].

На следующий день в Ташкент прибыл генерал-губернатор Туркестанского края барон А.Б. Вревский, находившийся на отдыхе на своей даче в Чимгане. Через день, по его распоряжению, все аксакалы и казии лишились должностей. По результатам расследования 60 участников бунта предстали перед военным судом, 25 были оправданы, восемь приговорены к повешению (впоследствии помилованы Вревским), остальные отправлены в тюрьмы и ссылки. [2, с. 526]. 30 июня, по настойчивой просьбе населения, войска были выведены из Старого города.

Как свидетельствует Федоров, барон Вревский, по возвращении из Чимгана заявил нам, что он решительно отказывается понять панику русского населения, признает ее малодушием, не имеющим никакого основания [13, с. 460]. После чего он опять отправился в Чимган и, отбыв там положенный срок, возвратился в успокоенный Ташкент. Федоров отмечал, что такое хладнокровие генерал-губернатора отрезвляюще подействовало на всех, и паника прекратилась. Однако, это не единственная точка зрения. Многими современниками за скоропалительный отъезд в Чимган Вревский был подвергнут осуждению.

Холерный бунт сказался на карьере подавившего его Н.И. Гродекова и пострадавшего С.Р. Путинцева. Оба были отстранены от занимаемых должностей. В Старом городе Ташкента появилась русская полиция. И вскоре жизнь в Ташкенте нормализовалась.

Казалось бы, смысл мероприятий, проводимых русской администрацией перед лицом страшной эпидемии, вполне понятен. Разумеется, руководство отдавало себе отчет в том, что психология и обычаи коренного населения будут затронуты. Однако на кону находилось либо попрание интересов населения, либо спасение людей. Невежественный народ истолковал иначе меры правительства. И без того тонкая грань между разными религиями не выдержала напора со стороны антирусски настроенной части духовенства, которое, безусловно внесло свою лепту в разворачивание событий по наихудшему сценарию. Сыграл определенную роль и человеческий фактор, выразившийся в противостоянии прежнего и нового аксакалов.

«Усмирение» холерного бунта в конечном итоге привело к тому, что большей частью коренного населения были правильно восприняты противоэпидемические мероприятия русской власти. Примечательно, что в своей записке от 11 января 1894 г. А.Н. Куропаткин, бывший с 1890 по 1898 г. начальником Закаспийской области отвечая на утверждение туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского об ослаблении русской власти в Туркестане, возражал ему: «Были холерные бунты, но они были и в других частях России (Саратове, Астрахани) – это не свидетельствует об ослаблении власти. Напротив, ташкентские беспорядки дали возможность убедиться в преданности туземного населения...» [12, л. 5].

История знает множество примеров, когда реакцией на эпидемии становились восстания и погромы. Однозначно оценить их невозможно. Ясно лишь, что всегда найдутся силы, желающие обернуть в свою пользу события, даже связанные с эпидемией, которая может грозить и им самим и их близким. Можно представить дело таким образом, что подобные бунты происходят в неблагополучных регионах, однако мы наблюдаем стихийные бунты и в относительно благополучных частях земного шара. Если говорить о последствиях, то мы знаем немало примеров тому, что эпидемии могут сказаться на нарушении политического баланса. Мир очень хрупок, и любая пандемия может оказать влияние на глобальные связи.

Список литературы

1. Высочайше утвержденный Устав о карантинах. 1 марта 1866 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. III. Отд. 1. СПб., 1868. № 43061. С. 193–218.
2. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования: монография. М. Центрполиграф, 2010. 576 с.
3. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем Т.: Эл. пар. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. 520 с.
4. История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент: Изд-во «Фан» АН РУ. 1993. 219 с.
5. Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха нового времени): моногр. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 377 с.
6. Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант: моногр. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. 565 с.
7. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг.: Т-во В. А. Березовский, 1916. 415 с.
8. Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань: Типография Императорского университета. 1886. 244 с.
9. Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк. Общий очерк. Ташкент: Типо-Литография торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1908. 297 с.
10. Попов А.В. Холера 1829-1833 годов в Оренбургском крае. Историческое исследование врача // Труды ОУАК. Вып. 21. Оренбург, 1910. 361 с.
11. Путилов П.В. Из путевых этнографических наблюдений совместной жизни сарт и русских: (сообщ. чл.-с. Западно-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, чит. в заседании отд. 26 окт. 1887 г.). Омск, 1887. 30 с.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 293.
13. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 года) // Исторический вестник. 1913. № 11. С. 437–467.
14. Хидоятов Г.А. Моя родная история. Ташкент: ФАН, 1990. 304 с.

В.А. Веретенко, Л.А. Самарина

«Домашняя санитария» как вызов: гигиенические практики в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.*

В статье характеризуются особенности отношения к соблюдению санитарно-гигиенических норм в дворянско-интеллигентских семьях России в пореформенный период. Обращается внимание на достаточную широкую осведомленность образованных хозяек в отношении санитарных правил и заинтересованность в их реализации. Однако многочисленные «объективные обстоятельства»: привычка, отсутствие «культурной» прислуги, особенности производства и реализации продуктов питания, материальные и иные сложности, оказывались сильнее желания неукоснительно соблюдать рекомендации врачей-гигиенистов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

The article describes the peculiarities of the Russian noble-intelligent families' attitude to the observance of sanitary and hygienic standards in the post-reform period. Attention is drawn to the sufficiently widespread awareness of educated housewives on the sanitary rules and their interest in their implementation. However, numerous "objective circumstances": habit, lack of "cultural" servants, features of food stuffs' production and sale, material and other difficulties, turned out to be stronger than the desire to strictly follow the hygienists recommendations.

Ключевые слова: дворянско-интеллигентские семьи, пореформенная Россия, санитарно-гигиенические нормы, «образованная хозяйка», прислуга, няня, кухня, продукты, инфекционные заболевания.

Key words: noble-intelligent families, post-reform Russia, sanitary and hygienic standards, "educated hostess", servants, nanny, cuisine, food, infectious diseases.

Вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовалась активным проникновением в жизнь наиболее образованных и обеспеченных жителей России «современных» гигиенических представлений. Ознакомление с санитарными норм осуществлялось разными путями, своего рода «кнутом и пряником»: издавались многочисленные популярные руководства по домоводству и гигиене, авторами которых были как дипломированные врачи, так и домашние хозяйки; в школьные курсы вводились специализированные «здоровьесберегающие» дисциплины – физическая культура, труд, анатомия и т.д.; свою лепту вносили центральные и местные органы власти, проводившие противоэпидемические мероприятия и осуществлявшие санитарный контроль домовладений и общественных мест [см. подр. 7; 12]. Главными проводниками здорового образа жизни в семье, по общему мнению, должны были стать матери семейства. Однако зная и, что самое важное, желая, соблюдать санитарно-гигиенические правила в быту, образованные хозяйки практически постоянно наталкивались на многочисленные препоны, превращавшие их домашнюю повседневность в настоящее поле битвы между новым и старым пониманием чистоты и здоровья. И далеко не всегда сторонницы гигиены выходили из этой битвы победительницами ...

Среди основных препятствий, стоявших на пути реализации «домашней гигиены» в дворянско-интеллигентской семье можно выделить следующие: укоренившиеся привычки, проводниками которых чаще всего выступали старшие женщины; прислуга, бытовые практики которой кардинально отличались от представлений образованных хозяек; характерные для данного периода, условия производства и продажи продуктов питания; и, наконец, вызванные, строгим соблюдением тех или иных санитарных требований неудобства, как материального, так и бытового характера, пережить которые казалось «совершенно невозможно».

К концу XIX – началу XX в. в большинстве дворянско-интеллигентских семейств продолжали соблюдаться многие старые «негигиенические» нормы, вызванные исключительно привычкой. Корни их лежали в традиции, в нежелание портить отношения со старшими членами семьи, просто в том, что на них не обращали внимание. Попытки специалистов акцентировать внимание

на подобных вещах, как правило, оказывались мало результативными, прежде всего потому, что «все так делали». Так, «воплем вопиющего в пустыни» выглядели обращения врачей перестать целовать чужих детей, особенно, младенцев, что широко практиковалось в дамском кругу. И если сама образованная мать, еще может быть и могла остановить «поцелуй, запечатленный тетей на ротике малютки», то призыв «наказать няне тщательно оберегать малютку от медвежьих ласк нерассудительных людей» [8], кажется совершенно неосуществимым...

Так же мало результативными были попытки гигиенистов внедрить в жизнь вполне обеспеченных семейств оберточную бумагу или специальные коробки для упаковки школьных завтраков, которые традиционно заворачивались в прочитанную газету. Несмотря на попытки разного рода изданий объяснить вред использования грязной бумаги, да еще и покрытой токсичной типографской краской, данная норма была характерна даже для тех семей, где «никто из господ и даже никто из прислуги не стал бы есть упавший на пол кусок хлеба или другого съестного» [1, с. 126].

Наиболее привержены традиции были основные принципы ухода за младенцами, «давность» которых, «сделала их чуть ли не священными: от простой крестьянской избы до роскошных покоев – всюду мы встречаем и неизменные пеленки, и люльку для укачивания – только под различной внешней формой» [11, с. 6]. Вместе с тем, именно эта сфера – забота о детях младшего возраста – рассматривалась врачами как главное направление по внедрению идеала ответственного материнства, и именно на этом поле столкновения между старыми привычками и новыми санитарными требованиями оказывались наиболее болезненными [см. подр. 13].

Последнее было тем более очевидно, что во многих дворянских домах реализовывать на практике новые санитарные требования в отношении младенцев должны были няни, как правило, малограмотные крестьянские девушки, видевшие свою главную задачу в том, чтобы ребенок не кричал. Этого они добивались постоянным укачиванием, а подчас и тем, что поили малыша «настояем маковых головок» [9, л. 8]. Конечно, образованные матери пытались бороться с привычками нянь, устраивали бесконечные скандалы, а наиболее нерадивых увольняли, но, вновь принятые, мало отличались от уволенных – при гигантском предложении труда, найти знающую и умеющую женщину практически не представлялось возможным... В сложившейся ситуации хозяйка оказывалась перед выбором – либо предоставить своего ребенка «настоящему первобытному человеку» [24, с. 132], либо самой заняться уходом за собственными детьми [см. подр. 3; 6].

Похожим образом развивалась ситуация и на кухне. В многочисленных пособиях, на специальных курсах, да и на самых обычных, школьных занятиях по домоводству и гигиене будущим образованным хозяйкам постоянно внушалась важность «гигиенического питания», приготовленного в «светлой, просторной, уютной кухне», на кипяченой воде, с использованием тщательно подобранной посуды и из высококачественных продуктов. В противном слу-

чае семью ожидала смертельная опасность от «невидимых простому глазу бактерий» [2; 15]. Но, готовить это «гигиеническое питание» предполагалось поручить кухарке, традиционный образ которой – «вечно пьяной, вороватой и наглой» мало соответствовал стоящим перед ней задачам [см. подр. 5; 6; 23, 7]. По итогам серии попыток «найти хороший вариант», образованная хозяйка оказывалась перед непростым выбором: нанять опытную кухарку и к ней не заглядывать, чтобы лишний раз не расстраиваться и не конфликтовать, и жить надеждой, что на кухне соблюдаются хоть какие-то из гигиенических правил или самой встать у плиты, полностью отказавшись от прислуги или используя ее для подсобных и менее важных для здоровья семьи работ.

Еще одной проблемой в попытке обеспечить домашних «гигиеническим питанием» становились для городской хозяйки, характерные для модернизирующейся России условия производства и реализации продуктов питания. Они причудливо сочетали в себе «первобытную» антисанитарию и «передовую» фальсификацию. Производство пищевой продукции было, в основном, сосредоточено на мелких, кустарных предприятиях. Так, например, в столице империи в 1890 г. во всем пищевом комплексе действовало 70 фабрик и заводов, при этом только одной сферой – обработкой животных продуктов – занималось 232 ремесленных заведения [18, с. LX–LXI]. Хозяевами и работниками этих мелких предприятий были преимущественно крестьяне, «которые везут из деревни в столицу добытое вековым опытом и передаваемое преимущественно из поколения в поколение умение изготовлять продукт», а вместе с ними и привычки – «грязь в производственном помещении, где работники ходили в уличной обуви, тут же ели, спали, сушили обувь на печах» [17, с. 389, 390, 419, 423].

Ничуть не лучше была ситуация в торговле, где опять-таки преобладали не крупные магазины, а мелкие лавки. Вот, например, как выглядело описание проверки одной из них, расположенной по Большому Сампсоньевскому проспекту в С.-Петербурге: «большая корзина с овощами, поставлена для экономии места под туши; причем верхние ряды овощей были совершенно загрязнены и залиты кровью; ... мука держалась в ларях, над которыми проходила фановая труба от ватерклозетов, труба эта дала течь и по следам на стене видно, что давно уже мука в этом месте обливается грязною жижей из трубы» [19, с. 719–720]. Что же говорить о базарах, где жители крупных городов традиционно заговаривались «свеженьким». Впечатляет характеристика праздничных торгов у стен Кремля: «на старых рваных рогожах во множестве лежали продукты, между саней рядами стояли большие, деревянные грязные кадки с отварными и солеными грибами, которые покупатели вылавливали для пробы прямо пальцами и, откусив гриб кидали остаток обратно в бочку» [22, с. 125].

С другой стороны, рядом со всем этим присутствовали и «цивилизованные» формы фальсификации. Например, такой новый на рынке продукт как маргарин, продавали не под своим наименованием, а под видом коровьего (сливочного) масла и требовались определенные знания, для того чтобы

уметь распознать подмену. Некоторые же продукты, такие как, печенье, конфеты, прохладительные напитки и колбасы, совмещали в себе сразу и санитарные нарушения, и сознательный обман, так как делались из недоброкачественного сырья с добавлением вредных для здоровья химических красителей [12; 16].

И опять перед образованной хозяйкой стоял непростой выбор: либо взять на себя если не покупку продуктов, то ежедневную проверку их качества с помощью сложных приборов, либо целиком положиться на прислугу и соседских торговцев, в надежде, что их «народная смекалка» и гигиенические привычки не обернутся катастрофой для семьи [см. подр. б].

Особую группу гигиенических правил составляли те, которые несмотря на их важность, нарушались членами дворянско-интеллигентских семей сознательно, в связи с тем, что материальные или иные обстоятельства делали их соблюдение «совершенно невозможными». Прежде всего, речь идет о месте проживания прислуги. Многочисленные пособия постоянно подчеркивали необходимость выделения служанкам отдельного помещения [14, с. 25]. Вместе с тем, дворянско-интеллигентская семья, живавшая в условиях «квартирной дороговизны» в 3–4-х, а то и 2-х комнатной квартире однозначно не могла себе это позволить. Как правило, наемный персонал помещался по месту служения: няня – в детской, горничная – в коридоре, кухарка или «одна прислуга» (так называлась женщина, совмещавшая сразу все функции) – в кухне [4; 20, с. 95–102]. В любом случае мыться прислуге приходилось на кухне, в хозяйской раковине, в том же помещении она принимала пищу и гостей. А если добавить, что именно на кухне располагался выход на «черную лестницу», и именно сюда попадали все работники, нанятые для тех или иных поручений, через нее же проносили всевозможные грузы, то становится очевидно, что «светлая и чистая кухня» на деле была проходным двором, где барская пища готовилась в условиях крайней антисанитарии...

Экономия становилась причиной и отказа от еще одного требования гигиены – обязательного, в любую, даже самую холодную, погоду «старательного проветривания» всей квартиры два раза в день. Уж слишком много дров требовало это мероприятие ... [6].

Уже не деньги, а соображения удобства и опасения за успеваемость школьников, вынуждали образованных родителей массово нарушать требования карантина, в отношении детей «бывших в соприкосновении с заболевшими заразными болезнями». Ведь по разработанным в конце XIX в. нормам, таким «совершенно здоровым детям» надо было находиться в изоляции при скарлатине – 12–14 дней, кори – 15 дней; краснухе – 16 дней; ветряной оспе – 17 дней; коклюше – 15–20 дней; свинке – 22 дня; дифтерии – 14 дней; оспе 14 дней [10, с. 100; 21, с. 1]. Действительно, живший в многоквартирном доме и посещавший учебное заведение ребенок, при тогдашнем уровне детской инфекционной заболеваемости слишком часто, по мнению родителей, должен был бы пропускать школу, если бы действительно соблюдал все карантинные ...

Итак, именно в конце XIX – начале XX в. в дворянско-интеллигентской среде России сложилась та система отношений к санитарно-гигиеническим нормам, которая довлеет над нашей страной (да и над всем миром) и сейчас, что особенно ярко проявилось в период пандемии. Знаем, что надо делать, очень хотим соблюдать, но все как-то не получается ...

Список литературы

1. Безвредная бумага // Здоровье семьи. Журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях». 1902. 28 авг. (10 сент.). № 16.
2. Б-ий И.Ф. Гигиенический стол. Питательные и вкусные обеды на каждый день. Настольная книга для каждой семьи. СПб.: Электротечтания, 1902. 492 с.
3. Веремченко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. (на англ. и рус. яз.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2019. № 2. С. 320–355.
4. Веремченко В.А. «В чужом углу» – организация проживания городской женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начала XX в. // XXIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А.А. Беляева. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 151–155.
5. Веремченко В.А. Городская кухня как социальное пространство в дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 3. № 53. С. 1187–1200.
6. Веремченко В.А. Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX — начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 71–78.
7. Веремченко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – 232 с., ил.
8. Вред поцелуев // Домоводство. Бесплатное приложение к журналу «Сельский хозяин» за 1903 г. Кн. 2. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1903. С. 11.
9. Институт русской литературы (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 35.
10. Заволжская Ю.И. Школьная гигиена. СПб.: Изд. журнала «Современная медицина и гигиена», 1898. 178 с.
11. К гигиене новорождённого // Домоводство. Бесплатное приложение к журналу «Сельский хозяин» за 1903 г. Кн. 7. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1903. С. 6–9.
12. Митлина Ю.В. Разработка и систематизация врачебно-санитарного законодательства Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 1. С. 194–199.
13. Мицюк Н.А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск: «Смоленская городская типография», 2015. 384 с.
14. Нельсина А. Молодая хозяйка. Руководство к практ. постановке и ведению дома. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913, 443 с.
15. Никольский М. Гигиена школьного юношества. Краткие общедоступные правила для сохранения здоровья учащихся. СПб.: Изд. тов. М.О. Вольф, 1912. 12 с.
16. Ноткин С.А. Фальсификация пищевых продуктов и домашние способы распознавания её. СПб.: Тип. дома призрения малолетних бедных, 1889. 66 с.
17. Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1908 год. Ч. 4: Санитарная комиссия. СПб.: Гос. тип., 1909. 429 с.
18. Отчет С-Петербургской городской управы в 1890 году. СПб., 1891. 843 с.

19. Отчет С-Петербургской городской управы в 1898 году. Ч. 1. СПб., 1899. XV. 842 с.
20. Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: сб. документов и материалов / отв. ред. В.А. Вереме́нко. СПб.: Медиапир, 2020. 184 с.
21. Пути переноса заразных болезней и предохранение от них // Здоровье семьи. Журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях». 1902. 16(29) янв. № 2.
22. Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы. М.: Изд. Дом ТОНЧУ, 2007. 190 с.
23. Хмелевская М.И. Экономная кухарка. Полтава: Электр. типо-лит. торг. д. «Л. Фришберг и С. Захорович», 1906. 344 с.
24. «Я вышла замуж за любимого...» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874 – 31.01.1967). Публ. и ком. В.А. Вереме́нко, В.В. Каминский // История повседневности. 2017. № 1. С. 109–150.

И.В. Синова

Общественная гигиена населения в городах Российской империи в конце XIX – начале XX в.

В статье на основе материалов периодической печати и статистических сведений рассматривается вопрос развития санитарной медицины в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Проанализированы причины высокого уровня смертности от инфекционных заболеваний. Приведены противоположные мнения специалистов и общественности на вопросы санитарного просвещения граждан. Показаны конкретные примеры игнорирования населением городов правил общественной гигиены в повседневной жизни.

The article considers the development of sanitary medicine in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries on the basis of materials of the periodical press and statistical data. The causes of high mortality from infectious diseases are analyzed. The opposite opinions of experts and the public on the issues of education of citizens are given. Specific examples of ignoring the rules of public hygiene in everyday life by the population of cities are shown.

Ключевые слова: повседневная жизнь, общественная гигиена, санитарная медицина, Городовое положение 1870 г.

Key words: daily life, public hygiene, sanitary medicine, City regulations of 1870.

Природные катаклизмы, войны и военные конфликты, экономические кризисы, эпидемии являются во все времена «вызовами» как для государства, так и для населения. Они приводят к человеческим жертвам, обостряют социальные проблемы, вызывают психологические срывы, а также оказывают влияние на разнообразные аспекты повседневной жизни. Как показывает исторический опыт ответом на любые «вызовы» могут стать только совместные усилия и единение власти и граждан. Со стороны власти – это законодательные и практические действия во всех сферах жизнедеятельности общества, со стороны граждан – проявление максимума ответственности и инициативы в преодолении общих проблем.

В ходе проведения великих реформ Александра II в Городовое положение 1870 г. были включены статьи о благоустройстве городов и впервые появилось понятие о так называемой санитарной или предохранительной медицине. Положение предоставляло городским думам и управам право осуществлять санитарные мероприятия и с этой целью создавать «...особые исполнительные комиссии», издавать обязательные санитарные постановления по вопросам охраны чистоты дворов, торговых помещений, о «мерах предосторожности против порчи воды», «о мерах предупреждения и прекращения заразительных повальных и местных болезней...», о мерах «по ограждению общественного здоровья от опасности, происходящей вследствие неправильного содержания фабрик, заводов, мастерских и вообще помещений для рабочих» [5]. Эти меры способствовали тому, что «начался постепенный переход от спорадических действий, вызванных непосредственно эпидемией, к осуществлению профилактических мер по благоустройству и оздоровлению городов, развитию постоянного санитарного надзора» [8, с. 53].

Инициатива в вопросах предохранительной медицины, особенно в сельской местности, принадлежала земским врачам. Насущная потребность в этом была связана с невежеством населения в вопросах гигиены, поэтому некоторые земства «схватились за санитарную медицину, как за какой-то якорь спасения» [3, с. 130]. Но при этом ни среди общественности, ни среди медицинских работников не было единодушия по вопросу широкого распространения знаний среди населения об общественной гигиене.

Прогрессивные представители медицины надеялись, что «всеобщее распространение гигиенических познаний будет самым могущественным средством для того, чтобы с одной стороны воспитать в обществе разумное понимание самосохранения, которое побудило бы каждого, ради его личной выгоды, заботиться об общественном здоровье, а с другой – дать большую прочность санитарной практике, столь шатко стоящей у нас и имеющей почти случайный характер» [3, с. 152].

Наряду с мнением профессионалов и общественности о необходимости просветительской деятельности по вопросам гигиены, некоторые придерживались мнения о необходимости расширения лечебных учреждений и решения всех проблем профессионалами, не возлагая надежд на просвещение граждан, делая их лишь пассивными участниками борьбы с эпидемиями.

Отчет Медицинского департамента за 1879 г. свидетельствует о том, что наибольшее число умерших в Российской империи приходится на заразные болезни – оспу, дифтерию и тиф, которые в том числе являются и последствием низкого уровня выполнения населением санитарно-гигиенических требований [7, с. 15]. В соответствии со статистикой смертность от острых заразных болезней в Европейской части России с 1891 г. до 1905 г. на сто тысяч жителей сократилась почти в два раза. В 1891–1895 гг. она составляла 953 чел., а в 1901–1905 гг. – 579 [4, с. 47]. Определенную роль в этом сыграло расширение врачебной помощи, а также развитие санитарных и гигиениче-

ских мероприятий и увеличение вакцинации населения, но это отнюдь не свидетельствовало о значительном улучшении санитарных условий в России в целом.

В столице смертность от оспы от общего числа умерших составила в 1878 г. – 16,72 %, в 1879 г. – 12,16 % [2, с. 43]. Врач-гигиенист В.И. Биншток в 1911 г. несмотря на просветительские и практические усилия медицины отмечал, что «Санкт-Петербург до того привык к своим частым эпидемиям, что, не имея возможности в каждом данном случае уловить непосредственную причину таковых, зачастую не обращает на них никакого внимания, считая свои эпидемии чем-то неизбежным» [1, с. 9].

Вопросы гигиены ставились медицинскими работниками, общественностью и профессиональными сообществами как через обращения непосредственно к властям, так и через средства массовой информации. Правление профессионального общества рабочих булочных, кондитерских, калачных и крендельных предприятий города Самары 31 июля 1907 г. опубликовало открытое письмо к губернской и городской санитарно-исполнительной комиссии. В нем было обращено внимание на «невозможное в санитарном отношении состояние почти всех булочных города» [6, с. 143]. Прежде всего это касалось того, что «в большинстве из них совсем нет спальных помещений для рабочих и последние спят в мастерской, там же где работают. В тех же мастерских, где спальные помещения имеются, они тесны и грязны. Рабочие спят в повалку на куче тряпья или на голом полу. Грязь и вонь повсюду невыносимые [6, с. 143]. Даже в период эпидемии тифа в некоторых булочных ничего не менялось, и коммерческая составляющая оставалась доминирующей по сравнению со здоровьем работников и жителей города. «... В спальном помещении одновременно по несколько человек валялись в тифу, а булочная продолжала работать и ежедневно выпускала десятки пудов хлеба...» Свидетельством отсутствия элементарных представлений о санитарных нормах и правилах гигиены является и то, что «умывальников ни в одной булочной нет, мыла нигде не выдают. Руки – и до работы, и во время работы и после работы – все рабочие моют в ведре, в котором вода меняется редко. Вытирают руки в большинстве булочных мешками, в которых привозят муку» [6, с. 143].

Результатом обращения профессионального общества рабочих булочных стало создание комиссии по санитарному исследованию фабрик, заводов и промышленных заведений, но существенных изменений не последовало, они носили скорее не системный характер, а эпизодический, связанный с ухудшением эпидемической обстановки.

Ряд губернских санитарных советов образовывали санитарные попечительства при земских врачах, устраивали чтения и собеседования с населением о холере [4, с. 139]. Но этих мер было явно недостаточно с учетом масштабности проблемы и низкой грамотности населения.

Недостатком некоторых общественных заведений, в частности бань, по мнению санитарного врача Екатеринодара была грязь [6, с. 156]. «В каждой

бане в мыльной комнате стены около скамей настолько грязные, что противно к ним прикоснуться...» [6, с. 156]. А в «одежные шкапы я ни разу не видал, чтобы кто-нибудь клал одежду, не кладут же потому, что шкапы эти грязные и снаружи и внутри, никогда не моются, о дезинфекции же их и спрашивать нечего, только очень не брезгливый человек рискнет сложить туда одежду» [6, с. 157]. Причина такого состояния бань была как в отсутствии обязательных постановлений о содержании бань во всех губерниях, так и в не меньшей степени, в пренебрежении населения санитарными нормами, отсутствием элементарной чистоплотности, и аккуратности. Это проявлялось даже в замечании, что «ни в одной бане нет объявлений о неплевании на пол, тогда как оно необходимо. У многих людей развита отвратительная привычка плевать и особенно это проявляется в банях» [6, с. 157].

Эти факты являются свидетельством не только низкого уровня санитарных знаний и повседневных практик, связанных с личной гигиеной, но и низкой культуры населения в целом. И совершенно правы профессионалы, считавшие, что «непопулярность санитарной медицины во всех сферах нашего общества, происходит, с одной стороны, вследствие всеобщего нашего индифферентизма к общественным интересам, по причине недостатка развития у нас вообще гражданского чувства, с другой – по преимуществу, вследствие слишком малого нашего знакомства с основными требованиями общественной гигиены» [3, с. 151].

Благоустройство и организация санитарного надзора в российских городах, сооружение водопроводов и канализации, попытки снижения остроты проблема жилья для рабочих, деятельность по просвещению населения по вопросам гигиены в конце XIX – начале XX в. давали свои определенные результаты, хотя и не решали всех проблем, связанных с эпидемиями и снижением уровня смертности от инфекционных болезней. Пандемия коронавируса в мире в 2020 г. продемонстрировала необходимость не только совместных усилий ученых и медиков в борьбе за жизнь и здоровье людей, но и высокой степени ответственности, единения и доверия между властью и гражданами для эффективного преодоления очередного «вызова» человечеству.

Список литературы

1. Биншток В.И. Очерк главнейших остро-заразных болезней в С.-Петербурге за 25 лет (1887–1911 гг.) (по данным санитарных карточек). Петроград: Гор. тип., 1914. 35 с.
2. Загорский П. Статистические данные о смертности от оспы в Санкт-Петербурге в 1878 и 1879 годах // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1881. Т. 1. С. 43–47.
3. К вопросу и положению санитарного дела в России вообще и отношения к нему Московского земства в частности // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1881. Т. 2. С. 130–152.
4. Новосельский С.А. Статистический материал по вопросу о высокой смертности в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1908. Январь. С. 46–55.

5. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Собр. 2. Т. 45. Отд. 1. № 48498.

6. Практика санитарного дела // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1908. Янв. С. 143–158.

7. Сведения о состоянии народного здравия // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1881. Т. 2. С. 3–21.

8. Шерстнева Е.В. Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX – начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 2. Т. 23. С. 52–55.

Ю.В. Митлина

«Продукты для здоровья»: реклама и реализация мясных суррогатов в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

В данной статье рассматриваются особенности рекламного продвижения мясных суррогатов как продуктов для улучшения здоровья «больных и выздоравливающих» в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Раскрываются особенности зарубежного и отечественного подхода к рекламе по данной группе товаров. Разбирается специфика рационального и атмосферного подхода в рекламном информационном поле Российской империи. Анализируются причины ошибок в разработке рекламного продукта того времени.

This article discusses the features of production and advertising of meat surrogates as health products in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The article reveals the features of foreign and domestic approaches to advertising for this group of products. The article deals with the specifics of rational and atmospheric approach in the advertising and information space of the Russian Empire. The reasons for errors in the development of an advertising product at that time are analyzed.

Ключевые слова: мясные суррогаты, реклама продуктов питания, продукты для здоровья, санитарно-гигиенические нормы, искусство рекламы, Российская империя.

Key words: meat surrogates, food advertising, health products, sanitary and hygienic standards, art of advertising, Russian Empire.

Последняя четверть XIX в. стала временем становления гигиены как самостоятельной науки. В европейских, а затем и в российских гигиенических лабораториях проводились исследования, в ходе которых было эмпирически доказано влияние питания, качества и состава продуктов на здоровье людей. В это же время издавались труды ученых-химиков, врачей, гигиенистов. Целью данных работ было ознакомление широкой публики с последними достижениями гигиены. Именно в это время на волне интереса общественности к данной теме, разрабатывались и начали производиться «особые» пищевые продукты для улучшения здоровья, помощи больным и выздоравливающим.

Реклама подобной продукции появлялась в столичных и провинциальных газетах, в журналах, путеводителях и справочных книгах, на вывесках и

плакатах, в вагонах городских железных дорог, даже на стенах и занавесях в театрах, клубах и ресторанах. Внимание жителей столичных городов Российской империи привлекали автомобили и кареты с рекламой (её покупали производители по недельным и месячным абонементом), а также светящаяся и подвижная открытая реклама [11, с. 39]. Данная реклама была необходима для продвижения неизвестных «чудо-продуктов», способных поправить здоровье обывателей.

В художественно-визуальном рекламном ряде использовались как заимствованные приемы, принятые в США и Европе (механически переводили на русский язык тексты плакатов и объяснений), так и новые формы, более подходящие к русскому вкусу и менталитету. В рекламной политике создатели таких продуктов использовали как рациональный подход (воздействие на ум), так и атмосферный (воздействие на чувства и эмоции).

Мясные суррогаты, появившиеся на российском рынке и рекламируемые в качестве незаменимого питания, восстанавливающего здоровье, зачастую не имели заявленных свойств. Реклама в данном случае выступала нейтральной силой, «совершенно безразличной к тому, чему она служит, а в зависимости от того, что конкретно несет реклама, что конкретно они проповедует, можно было судить о её пользе или вреде» [5, с. 4]. Это утверждение было особенно актуально для технологически новых, необычных продуктов, где встречались случаи, когда «успехи химии вызывали огромную область фальсификации, отравляющей человечество» [5, с. 4].

На торговом рынке Российской империи в последней четверти XIX в. появился необычный продукт под названием «Мясной чай» (Beef-tea) Разработчиком данной серии продуктов был немецкий химик Юстус фон Либих. Он предполагал, что изначально и рекламировалось, использовать «мясной чай» в качестве лечебного питания. Данный продукт продавался только в аптеках. Именно в это время стали издаваться книги, содержащие статьи Ю. Либиха об особенностях использования «мясного чая». Подчеркивалось, что данный продукт был популярен в баварских аптеках и «даже очень бедные люди, которые не расположены расходовать деньги на лекарства, покупают его» и их не пугает высокая цена товара [2, с. 426].

Для приготовления «мясного чая» следовало развести чайную ложку продукта в стакане горячей воды. Как лечебное питание данный продукт в России приобретался только из-за любопытства жителей и спрос на него быстро пошел на спад, а вот когда чай стал продаваться и в бакалейных магазинах, как продукт для быстрого приготовления бульона, спрос на него стал стабильным [4, л. 1].

Фирма «ОКСО» и компания Liebig's Extract of Meat Company, помимо «мясного чая», производила продукт, популярность которого на первых порах была огромной. Это был знаменитый в конце XIX в. мясной экстракт Либиха. Данный товар представлял собой мясной бульон, предварительно обезжиренный и особым образом сгущенный. Его можно было перевозить и

пересылать, он длительное время хранился, не портясь [7, с. 1–2]. Именно сгущенный бульон получил название «экстракта Либиха».

Первоначально данный продукт рекламировался как питание для военных и путешественников, но в качестве единственного источника питания, что гласила реклама, он подходил мало, поэтому фирма быстро переориентировалась на другой рынок. Новая реклама провозглашала экстракт Либиха как готовый мясной бульон, только в жидком виде, «скромно» именуя продукт «Всемирно известным, продающимся во всех лучших бакалейных и аптекарских магазинах» [4, л. 1].

Рациональную серию рекламной продукции фирмы «ОКСО» сменила атмосферная. С начала XX в. фирма выпускала серию открыток и вкладышей, на которых изображались бытовые сцены из жизни разных народов, носивших просветительскую и этнографическую ценность. Особенно популярны в тот период были персидская и туркменистанская серия, а также серии «Ярмарка и рынки», «Транссибирская магистраль», «На Кавказе», «Путешествие Свена Гедина в Тибет» и др. Неизменным оказывалось в данной серии только изображение баночки с мясным экстрактом Либиха [4, л. 1].

Появившийся на рынке как продукт лечебного питания, в виду не доказанной эффективности и низкого спроса, мясной суррогат Либиха, благодаря умелому руководству и рекламе, стал позиционироваться в качестве товара, имеющего широкую степень применения. Экстракт предлагалось использовать домохозяйкам как приправу, придающую отличный вкус супу, соусам, овощам и т.д. Такой рекламный ход оказался экономически оправданным [7, л. 1].

Прямыми конкурентами мясных экстрактов Либиха и их фабрикаций на российском рынке, и прежде всего в Санкт-Петербурге, стала американская фирма «Москера» (Mosquera). В продвижении серии своей продукции на столичном рынке в начале XX века данная компания использовала типичные приемы, характерные для американской рекламы – «обращение» к сердцу, душе и уму потребителя. Для этого рекламный текст продукции представлял собой простые и ясные объяснения, почему необходимо купить продукт именно этой фирмы и почему для потребителя это выгодно [3, с. 52]. Вся реклама фирмы «Москера» выходила под лозунгом «Maniswhatheats» («Человек есть то, что он ест»).

Свою продукцию фирма адресовала прежде всего больным или выздоравливающим после болезни. В Санкт-Петербурге, где находилось единственное представительство лаборатории «Москера» в Российской империи, продавались следующие товары для здоровья: мясной порошок Москера (в ½ ф. жестянках), мясное какао Москера, мясное желе Москера (в 2, 4, 8 и 16 унц. банках) и мясное жидкое желе Москера [11, с. 3].

В разъяснительных рекламных книгах лаборатории подчеркивалось, что говяжий чай (beef-tea) обладает ничтожным питательным значением и даже как продукт отброса мышц он может оказаться во многих случаях ядовитым [11, с. 3]. Таким образом, используя мнения американских и английских про-

фессоров, очень аргументировано и с задействованием научных определений, производитель ставил под сомнение пользу препаратов, которые, в том числе и в виде чая, поставляла фирма Liebig's Extract of Meat Company.

Сама лаборатория выпускала очень необычную продукцию для российского рынка. В составе мясных суррогатов содержалось пептонизированное мясо (добытое из нерастворимой белковой части говяжьего мяса). Мясной порошок Москера следовало смешивать с любым супом или бульоном в количестве 2 столовых ложек на ½ литра бульона и кипятить в течение 10 минут с зеленью и небольшим количеством масла. Желе Москера просто заливали кипятком (чайную ложку на кружку кипятка) – и бульон был готов к употреблению [15, с. 226].

Мясное какао Москера по вкусу ничем не отличалось от обычного какао, его рекомендовалось использовать при выздоровлении от тяжелых болезней, а также для детей, которым, по мнению рекламных агентов фирмы, больше нравится какао, нежели суп. Для приготовления напитка было необходимо взять 2–4 чайные ложки какао на чашку кипяченого молока [11, с. 5].

Отделение лаборатории в Санкт-Петербурге в своей работе использовало американский рекламный опыт, основанный на рациональном стиле. К каждой упаковке мясных препаратов «Москера» (кроме жидкого желе в маленьких флаконах) прилагался рецепт (иногда их было несколько) вкусных блюд. Сами названия этих блюд, по мнению Л.Э. Брокмана, отвечали трем условиям успешной рекламы: «заинтересовывали, вызывали желание (и «аппетит») и стимулировали решение купить» [3, с. 53]. Вот только некоторые названия блюд из книги рецептов лаборатории Москера: «Крем из ячменного супа», «Суп Королевской принцессы на 6 персон», «Колумбийский суп», «Бульон «Сюрприз» из «Москера» [11, с. 13–15]. Отличительной особенностью представленных блюд было то, что хотя для их приготовления требовалось большое количество ингредиентов, мясо было не нужно – его заменяли мясные препараты «Москера».

В витринах отделения на углу Б. Конюшенной и Волынского пер. выставлялась не только фирменная продукция, но и фотографии лаборатории Parke, Davis & Co в Детройте. Особо подчеркивался иностранный характер производства, поскольку часть петербургских потребителей ассоциировала заграничное производство товаров с высоким качеством и эксклюзивностью. Мясные препараты «Москера» фирма позиционировала для больных и выздоравливающих и если по началу необычные новинки, особенно говяжье какао, охотно приобретались потребителями, то вскоре интерес к подобной продукции пошел на спад [11, с. 15].

Рациональная реклама, с подробными объяснениями, столь уважаемая в США, в данном случае не сработала, а любопытство потребителей, гипнотизировавшее их на первых порах продаж, постепенно угасало [6, с. 8]. Если фирма Либиха, потерявшая интерес к мясному чаю, как продукту для выздоравливающих, и мясному экстракту, как пищи для военных и путешественников, смогла перестроиться в российских реалиях, начав выпускать

продукцию для «массового употребления», то «Москера» этого делать не стала. Представительство фирмы в период I Мировой войны вынуждено было закрыть своё отделение в Санкт-Петербурге и покинуть рынок Российской империи.

В отличие от мясного чая и экстракта Либиха и говяжьего порошка и какао американской фирмы «Москера», продукция Юлиуса Магги, появившаяся в конце XIX века, выпускается до сих пор. Бульон в кубиках, которые потребители окрестили «Золотой кубик Магги» очень быстро приобрел своих почитателей в Российской империи. Как считал основатель фирмы, что подчеркивалось и в российских рекламных плакатах, бульонные кубики давали возможность всем слоям общества готовить себе особенно вкусную и дешевую здоровую пищу [17, с. 8]. О высоком уровне популярности продукта свидетельствует и тот факт, что его активно начали подделывать. Поэтому на каждой рекламе фирмы Ю. Магги содержалась информация о том, что только настоящий фабричный кубик имеет клеймо «крест – звезда». Первоначально бульон Магги в кубиках рекламировался как продукт необходимый для охотников, спортсменов, туристов, а также на даче и для путешествий, позже как незаменимый в любом домашнем хозяйстве для поддержания здоровья. Поскольку спрос как на европейском, так и на российском рынке был велик именно на съестные продукты полезные для здоровья, то фирма Магги в рекламных плакатах делала упор на то, что бульонный кубик – натуральный сгущенный мясной продукт [9, л. 1].

Юлиус Магги был сторонником массовой рекламы, поэтому в Санкт-Петербурге ездили автомобили с рекламой фирмы, бесплатно давали товар на пробу, что на тот момент было для столицы делом редким и необычным. Фирма также смогла договориться с рядом авторов, пишущих для домохозяек. В своих рецептах авторы использовали бульонные кубики, при этом подчеркивая заграничный характер производства данного товара. Например, А. Нельсина советовала молодым хозяйкам добавлять к супу таблетку Магги или несколько капель того же препарата, с которым автор впервые познакомилась в Германии, а теперь «его можно и у нас достать» [12, с. 443].

Успех предприятия Ю. Магги способствовал изданию в Риге специального буклета о фабриках фирмы. Оно было опубликовано на двух языках на глянцевой бумаге с многочисленными фотографиями производства, водокачки и машинного отделения в Австрии. Поскольку большое значение в конце XIX – начале XX в. уделялось соблюдению санитарных норм, в данном издании подчеркивалось, что при обработке сырого материала соблюдалась строжайшая чистота и тщательность, а занятые этим работницы подвергались постоянному надзору, да и ручной труд использовался минимально, т.к. почти всё механизировано [17, с. 12–16].

Бульонные кубики Магги, носившие среди населения в Российской империи название «Золотых кубиков», производятся уже более ста лет. Их спросу в конце XIX – начале XX в. способствовало использование всех видов

рекламы при завоевании рынка, делался упор на многофункциональность производимой продукции, а также спросу способствовали низкие цены и легкость в приготовлении.

Впрочем, не только зарубежные производители разрабатывали особые натуральные мясные суррогаты, улучшающие, по их утверждению, здоровье и способствующие укреплению организма. В последнее десятилетие XIX в. в Санкт-Петербурге была разработана целая серия продуктов, получившая название альбуминной. В данную серию входило производство хлеба, сухарей и вермишели с цельной, парной бычачьей кровью или из альбумина крови. Инициатором использования бычачьей крови при выпечке для удовлетворения ежедневной потребности в белке был магистр ветеринарных наук М.А. Игнатъев. По его совету и при непосредственном участии доктора Макарова опытным путем было доказано, что кровяной хлеб хорошо усваивается (Макаров и четверо его студентов медицинской академии проводили данные исследования, как было принято у гигиенистов, сами над собой) [13, с. 13].

Однако, несмотря на научные факты, полученные в результате этих исследований, утверждение проекта об использовании бычачьей крови или альбумина при приготовлении мучных изделий заняло долгих пять лет. Только в 1892 г. комиссия питания при Медицинском департаменте под председателем Л.Ф. Рагозина постановила начать производство подобных продуктов и даже предложила помимо кровяного хлеба, выпускать кровяную колбасу [13, с. 12].

Для реализации данного ассортимента предполагалось устроить в столице Империи особые лавки для продажи продуктов, приготовляемых из крови. Для налаживания производства был приглашен петербургский кулинар Л.К. Астафьев, выработавший способ наилучшей выпечки данного хлеба, который получился рыхлым, мягким и слегка кисловатым. Из такого хлеба также сушили сухари, которые пользовались особой популярностью, ведь они получались пористыми и отлично разбухали в воде. Помимо приятного вкуса данный продукт содержал большое количество белка и был гораздо более питательным, нежели солдатский хлеб, солдатские сухари и вермишель [1, с. 198–199].

К сожалению, данный продукт, эффективность и польза которого была доказана профессорами военно-медицинской академии и врачами городской санитарной комиссии так и не нашел своего покупателя. Такая неудачная продажа имела несколько причин.

Прежде всего, продукт изначально поставлялся в народные столовые для кормления бесприютных людей. После бесплатной раздачи товара, позднее покупать его за деньги хотели немногие. Также Л.К. Астафьев не стал тратить на рекламу, понадеявшись на то, что мнение санитарной комиссии, ветеринарных врачей и профессоров авторитетно само по себе, что оказалось для простого потребителя недостаточным [14, с. 175].

Таким образом, альбуминные продукты, выпускаемые петербургской фирмой Л.К. Астафьева, пищевая ценность которых была научно доказана, очень быстро перестали выпускаться, несмотря на семь лет тщательной подготовки [13, с. 12–16].

К концу XIX в. на рынке Российской империи стали появляться мясные суррогаты, особо разработанные и позиционированные создателями как «особые продукты» для здорового питания, а также для питания больных и выздоравливающих после болезни. Для продвижения подобной продукции производители использовали, в основном, рациональную рекламу и в меньшей степени атмосферную. Это было связано, прежде всего с тем, что данные новинки были по своей сути незнакомы потребителю и требовалось объяснение, где и как использовать эти продукты. В рекламных продуктах подробно объяснялась специфика употребления мясных суррогатов, их свойства и значение для здоровья человека. Реклама в данном случае также являлась товаром, который давал для производителей неимоверно большую прибыль, обеспечивая развитие и расцвет дела [14, с. 40]. Отсутствие или малое вложение денежных средств в рекламу, даже при доказанной пользе конкретных продуктов питания, не способствовало успешной торговле и приводило к исчезновению продукции с российского торгового рынка.

Список литературы

1. Белковые вещества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. V. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1891. С 198–199.
2. Брилья-Саварен А. Физиология вкуса. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1867. 454 с.
3. Брокман Л.Э. Как ведут коммерческие дела американцы: Лекция, прочит. Л.Э. Брокман 4 и 27 февр. в Москве и 2 апр. в Харькове: Орг. дела, кредит, продажа, реклама, служащие. М.: Типо-лит. торг. д. «Печатник», 1913. 64 с.
4. Бульон ОКСО Компании Либиха [Изоматериал]: Готовый мясной бульон только в жидком виде. СПб.: Теодор Киббель. 1 л.
5. Веригин А.С. Русская реклама. СПб.: ред. газ. «Рус. труд», 1898. 23 с.
6. Верховой Н.В. Реклама в XX веке как необходимость и единственная верная гарантия успеха в каждом торгово-промышленном деле. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1902. 12 с.
7. Всемирно известные «Мясной экстракт» и «Бульон ОКСО» компании Либиха [Изоматериал]. СПб.: Теодор Киббель. 1 л.
8. Крюков Н.А. Мясной экстракт Либиха и его фабрикация. СПб.: Тип. М-ва финн. (В. Киршбаума), 1904. 27 с.
9. Магги [Изоматериал]: Приправа улучшает вкус супов и кушаний. СПб.: Теодор Киббель, 1917. 1 л.
10. Москва – Сибирь: Адресная и справочная книга Посредник-указатель торгово-промышленных фирм на 1907 год. М.: Крюков, 1907. 850 с.
11. Мясные препараты «Москера» (Mosquera). Говяжье желе; Жидкое говяжье желе; Говяжье мясо; Говяжье какао. СПб.: Тип. «Г-ва худож. печати», 1907. 16 с.
12. Нельсина А. Молодая хозяйка: Руководство к практ. постановке и ведению дома. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. 443 с.
13. Отчет Санкт-Петербургского общественного управления за 1893 г. Ч. 2. СПб.: Гос. тип., 1894. 704 с.

14. Плиский Н.Н. Реклама: её значение, происхождение и история: примеры рекламирования. СПб.: Ф.В. Щепанский, 1894. 175 с.
15. Справочная книга по Московскому городскому общественному управлению за 1908 г. М.: Гор. тип., 1908. 697 с.
16. Успешная реклама и как ею пользоваться: Советы для объявителей. Киев: Изд. конторы объявителей «Реклама» В.В. Хойновского, 1913. 40 с.
17. Фабрики Магги: Описание предприятия, выпускающего бульон в кубиках. Рига: б.и., 1913. 52 с.

Ю.О. Куренкова

Медицинское обеспечение Оренбурга в первой половине 1920-х гг.

В статье рассматривается структура медицинского обеспечения г. Оренбурга в первой половине 1920-х гг. Описаны основные учреждения и службы, оказывающие медицинские услуги. Указаны некоторые особенности их функционирования и отличия от досоветского периода и периода «военного коммунизма». Выявлены достижения и проблемы. Обозначена доступность медицинской помощи населению города.

The article examines the structure of medical support in Orenburg in the first half of the 1920s. The main institutions and services providing medical services are described. Some features of their functioning and differences from the pre-Soviet period and the period of "war communism" are indicated. Achievements and problems are identified. The availability of medical care for the population of the city is indicated.

Ключевые слова: советская власть, социальная политика, медицинское обеспечение, нэп, Оренбург, городская инфраструктура.

Key words: Soviet power, social policy, medical care, new economic policy, Orenburg, urban infrastructure.

Медицинское обеспечение населения в XXI в. достигло больших успехов. Однако текущая ситуация показала, что даже в условиях технического прогресса адекватное оказание медицинской помощи может оказаться под угрозой и стать не доступным. Доступность медицины является одним из важных показателей качества жизни, влияющим на повседневные отношения в том числе.

Сто лет назад в нашей стране преобразования носили радикальный характер, медицина тоже стояла на пороге многих открытий. Последствия I Мировой, революций, Гражданской войны и голода были глобальными «вызовами» для государства и общества. Системы социальной политики в государстве еще только разрабатывались. С одной стороны, медицинские услуги уже не были чем-то новым для населения. С другой, как в политике, так и в науке вырабатывались новые подходы в обеспечении здоровья и благополучия населения. В связи с этим, интересно проследить, как организовывалось медицинское обслуживание в молодом советском государстве, в частности в регионах в мирный период после перечисленных потрясений.

Таким периодом становятся 1920-е гг., когда уже образовался СССР, была провозглашена новая экономическая политика.

Оренбург в эти годы отличался тем, что с 1920 по 1925 г. был столицей Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики. Это усложняло положение, поскольку общая нагрузка на медицину увеличивалась. Рассмотрим состояние больниц, санитарно-эпидемиологической службы, аптек и связанных с обеспечением благоприятных условий для здоровья учреждений.

С 1 мая 1921 г. медико-санитарное дело передавалось в местный бюджет здравоохранения. Особую остроту приобрели вопросы финансирования здравоохранения. Не удивительно, что в этих условиях возникла тенденция возврата к существовавшей в дореволюционной России фабрично-заводской медицине: заводы и фабрики стали организовывать свою врачебную помощь. В начале 1922 г. Всероссийский центральный Совет профсоюзов (ВУСПС) отверг организацию фабрично-заводской медицины и предоставил крупным хозяйственным органам под контролем Наркомздрава возможность организовать на договорных началах дополнительную врачебную помощь для рабочих. Чтобы хоть как-то смягчить переход большей части медико-санитарных учреждений на местный бюджет, Наркомздраву был ассигнован кредит в 5 млн золотых рублей.

Тем не менее, переход на местные средства, как отмечалось на страницах печати, «неблагоприятно, болезненно, а местами губительно отразился на работе органов здравоохранения». Из 600 тыс. больничных коек в стране на государственном снабжении осталось лишь 53 тыс. Отовсюду в центр стали поступать сведения о катастрофическом положении лечебных учреждений в связи с переходом на местный бюджет. Несмотря на это, с 1 мая 1922 г. правительственным постановлением на местные средства были переведены все без исключения расходы на медико-санитарное дело. 9 января 1922 г. было принято правительственное постановление «Об открытии частных лечебных заведений и аптек», по которому разрешалось открытие частными лицами больниц, амбулаторий, санаториев и т.д. с разрешения и под контролем Наркомздава и местных отделов здравоохранения [11, с. 380]. Не зря на страницах Оренбургских газет размещались множественные рекламы докторов, предлагавших на дому зубное, терапевтическое лечение. Например, такого содержания: «Зубной техник Ю.А. Станкевич – Лаборатория искусственных зубов на золоте и каучуке. Адрес: улица Инженерная 16 дом № 44» или «Врач по внутренним болезням А.П. Воронежев. Прием с 8–10 утра, 5–8 часов вечера улица Цвиллинга 35» [5, с. 78].

Одной из основных задач было увеличение коек в больницах. Лечебная сеть г. Оренбурга в 1923 г. была обеспечена 8 больницами: терапевтической с психиатрическим отделением, губернской хирургической, тюремной больницей, родильным домом, городской заразной больницей, городской больницей на Троицкой улице, глазной лечебницей, центральной амбулаторией, семью амбулаториями в разных районах города. Существовал и военный госпиталь [2, с. 86].

К 1924 г. по городу в больницах насчитывалось 365 коек, если сравнивать с 1914 г., то тогда имелось 400–410 лечебных коек, то есть стало на 9% меньше. Если в 1914 г. на 1 койку приходилось 182,5 городского населения, то в 1924 г. на ту же койку приходилось уже 310 чел. Несмотря на то, что в 1914 г. население города составляло 73 000 чел., а в 1924 г. стало 115 000 (прирост на 57,5%) [7, л. 78], коек не стало больше, а наоборот, их число сократилось. В 1924 г. количество больниц ограничилось семью амбулаториями, на службе Губздрава состояло 60 врачей.

Однако, были и положительные моменты. В частности, начал проводиться ремонт в главных больницах города, бельем больницы были снабжены полностью и даже выше нормы (в Диспансере на 1 койку приходилось 4 одеяла и 4 простыни; родильный дом также на койку имел 8 одеял, 17 простыней и 9 комплектов нательного белья) [7, л. 110]. Во всех больницах имелись ванны. В городе было 3 дезокамеры, центральная прачечная и лаборатория, оснащенная микроскопами [4, с. 45]. Они вошли в состав больничного комплекса, что, конечно, имело благоприятное значение, тем более что многие поступающие на лечение были поражены кожными болезнями, имели на себе паразитов.

Интересны нормы продуктов питания на лечащихся в больнице. Они обеспечивались в месяц на человека, включая нормы по карточкам, мясом – 6,75 кг, хлебом – не более 450 грамм/день, манкой – 1,35 кг, маслом – 450 г, молоком – 6,75 кг, сахаром и сухофруктами – 450 г, кофе – 450–900 г [7, л. 79].

В следующие два года лечебная сеть Оренбурга состояла из семи больниц с 370-ю койками в них и 11-ю амбулаториями с обслуживающим персоналом 320 чел. Годовой бюджет здравоохранения города в указанные годы составил 606 тыс. 547 р. [8, л. 12]. На здравоохранение Оренбурга приходилось 15% губернского бюджета.

Имелись и учреждения, обеспечивающие детские нужды: дом грудного ребенка на 40 мест, дом раннего возраста, 4 детских консультации, консультация для беременных, молочная кухня, 3 детских яслей. Дом грудного ребенка, детские консультации, детские ясли и молочная кухня были сведены в одно здание, под названием Объединенный детский дом. Хотя это не медицинские учреждения их наличие говорит о постановке и решении задач в этой сфере местными властями, что в перспективе обеспечивало благоприятные условия для здоровья молодого поколения.

Для оказания специальной и скорой помощи имелись: рентгеновский кабинет (при хирургической больнице), водолечебный кабинет, светолечебный и электролечебный кабинеты, одна станция скорой помощи в указанный период приняла 1 239 чел. [12, с. 28].

Меры по борьбе с социальными болезнями осуществляли: тубдиспансер на 40 коек, вендиспансер на 15 коек, ночной санаторий на 28 коек и детская профилактическая амбулатория на 25 коек. В ведении школьно-санитарной организации состояла 31 школа, 15 детдомов и 5 детских садиков.

Несмотря на относительное снижение доступности медицинских учреждений в перерасчете на человека, они стали разнообразнее. Сама политика государства в этот период была нацелена на развитие и доступность медицины, профилактику болезней.

Касаясь аптек, надо отметить, что в феврале 1919 г. в городе было национализировано 14 аптек, содержание штатов в них составило 300 чел. В хозяйственном управлении имелись заведующий, помощник, делопроизводитель, счетовод, кассир, прислуга и два рабочих, следивших за отоплением и освещением. Так как до национализации эти аптеки являлись частными, то и находились они обычно в комнате квартиры аптековладельца. Основная сеть этих аптек располагалась в центре города. Владельцам аптеки приписывалось временно закрывать аптеку с целью учета всех медикаментов и инвентаря, оговаривалось, что за сокрытие владелец будет караться по законам военного времени. Затем составлялись описи медикаментов и инвентаря и имущество передавалось лечебным учреждениям. Кроме того, в июле 1919 г. в городе была открыта Центральная фармацевтическая лаборатория – инвентарь, необходимый для ее обслуживания, также изымался из аптек. По инструкции владелец, согласно «Декрету о национализации аптек» от 28 декабря 1919 г. был обязан по получению ордера устраниваться от всякого активного ведения работ в аптеке. Помещение аптеки должно было быть изолировано от квартиры бывшего аптековладельца или арендатора. В дальнейшем владельцы аптек ставились на должность управляющих аптеками и обязаны были сдать всю документацию Аптекарским Комитетам. Таким образом, власть, не имея квалифицированных специалистов в данном деле, вынуждена была ставить управляющим того же частника. Из-за ограничений в аптечной деятельности и экономических особенностей функционирования количество аптек постоянно менялось, то в одну, то в другую сторону [2, с. 86].

В 1918 – начале 1920-х гг. в период гражданской войны и иностранной интервенции, когда основное внимание было сосредоточено на борьбе с эпидемиями ввиду острого недостатка медикаментов, лекарства в аптеках не продавались. Аптеки отпускали лекарства бесплатно лечебным учреждениям и гражданам строго по назначению врачей. После 1921 г. в связи с переходом к нэпу мелкие фармацевтические предприятия местного значения были переданы республиканским Советам Народных Хозяйства и местным исполкомам. В 1922 г. аптеки были переведены на хозяйственный расчет. На местах были созданы хозрасчетные аптечные управления, объединившие все аптеки, аптекарские магазины и другие аптечные учреждения. В 1925 г. на базе Фармацевтического Треста ВСНХ РСФСР было создано государственное акционерное общество по производству и торговле химико-фармацевтическими препаратами – Госмедторгпром, который имел также филиалы в Оренбурге [1, с. 177]. Так, Киргосмедторг отделение Госмедторгпрома отпускал из аптек по рецептам и ручной продаже без рецептов медикаменты, хирургические перевязочные и резиновые предметы гигиены. Киргосмедторг имел в Оренбурге аптеки и склады [3, с. 78].

Уже к 1924 г. советская власть создала определенно новую систему медицинского обеспечения, которая в условиях нэпа, тем не менее, не была общедоступной. Однако оставались актуальными вопросы еще с досоветского периода. Состоявшийся в 1924 г. 5-й Всероссийский съезд Здраводелов обсуждал вопрос профилактической направленности советской медицины, был выдвинут лозунг «От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда и быта». Решено было рассматривать болезнь не только как биологическое, но и как социальное явление. Постановлением ВЦНК и СНК РСФСР были разработаны меры, направленные на быстрейшую ликвидацию социальных болезней [10, с. 124].

В 1923–1924 гг. в Оренбурге было решено установить санитарный надзор за жилищами рабочих, охраной материнства, проводить специальные мероприятия по охране подрастающего поколения, по предупреждению заразных заболеваний, санитарному просвещению, наконец, борьбе с социальными болезнями: туберкулезом, «венеризмом», алкоголизмом. Предусматривалось следить за исправным состоянием и достаточным оборудованием больниц, амбулаторий и других санитарно-лечебных учреждений всеми необходимыми средствами лечения и питания. Проблемы, указанные выше, очень остро стояли на повестке дня. Возникший еще в XIX в. вопрос профилактики венерических заболеваний, после войн и революций вновь обострился, о чем свидетельствуют брошюры, издаваемые в городе. «Беспризорные дети и бездомные женщины, особенно многочисленные после голода со смертью близких, катастрофическое сокращение жилой площади оставило не мало на улице. Со всем недавно, обследуя ночлежные дома, я наткнулся на беспризорных девочек от 9 до 12 лет и на женщин, из которых первые завшивленные и израненные чесоткой содержались подачками, а последние, судя по впалым щекам, раскрашенным лицам и вызывающей внешности, кормились продажей своего тела» [9, с. 23]. Существующий вендиспансер не справлялся с проблемой, поскольку, как отмечал автор вышеупомянутой брошюры, его лечебные условия были скудны: не хватало коек, не соблюдались правила госпитализации таких больных [9, с. 49]. Поэтому по городу звучали призывы и лозунги быть осторожными в отношении с венерическими болезнями, например, один из них «Товарищи, остерегайтесь половых болезней! Подумайте! Отечеству Вы нужны здоровыми. Час удовольствия может Вас и Вашу семью сделать несчастными» [8, л. 67].

Созданные в 1922 г. санитарные органы, были представлены в губернском центре тремя врачами. Санитарный надзор города предписывал принять срочные меры по проведению в надлежащее состояние улиц, площадей, свалочных мест, кладбищ, источников водоснабжения, дворов коммунальных владений и самих владений, а также приведение в надлежащие санитарное состояние частных владений [6, л. 286]. Это свидетельствует о нерешенных проблемах в плане обеспечения благоприятной санитарно-эпидемической обстановке в городе.

Обобщая, следует отметить, что в указанный период происходит увеличение медицинских учреждений в городе. Большое внимание уделялось женскому здоровью, а также профилактике заразных болезней. Бюджет города, тратившийся на здравоохранение с начала 1920-х гг., был невелик, особенно с переходом на местное финансирование, однако вскоре он был увеличен и в дальнейшем либо увеличивался, либо оставался на прежнем уровне. Проблемой были изношенность зданий и оборудования, слабая санитарная работа. Качественное улучшение произойдет лишь в следующее десятилетие при развитии и укреплении советского строя.

Список литературы

1. 50 лет Советскому здравоохранению. 1917–1967. М., 1967. 285 с.
2. Большаков А. Справочник-путеводитель. Советский Оренбург. Оренбург: Киргизское государственное издательство, 1924. 160 с.
3. Вестник здравоохранения Киргизии / отв. Ред. М.С. Шамов и К.М. Стацинский. Оренбург: 2 кн. Гос. типо-литография Оренполиграф, 1924. № 3–4. 118 с.
4. Вестник здравоохранения. Орган Оренбургского губернского отдела Здравоохранения. Оренбург: 2 кн. Гостипо-литог. Оренполиграф., 1924. № 1–3. 61 с.
5. Весь Оренбург на 1926 год. Оренбург: Изд-во Орен. губ. деткомиссии, 1926. 155 с.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-361. Оп. 1 Д. 83.
7. ГАОО. Ф.Р-501. Оп. 1. Д. 31.
8. ГАОО. Ф.Р-501. Оп. 1. Д. 34.
9. Гуткин А.Я. Венеризм и проституция и меры борьбы с ними в условиях современности. Оренбург: Губ. отдел здравоохранения, 1923. 52 с.
10. История медицины / под ред. П.Е. Заблудовского и М.К. Кузьмина. М.: Медицина, 1981. 351 с.
11. Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков. Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005. 632 с.
12. Оренбургский гор. Совет депутатов и трудящихся. Краткий Отчет о работе Оренбургского городского Совета 13-созыва за первое полугодие 1925–1926 года (октябрь-апрель). Оренбург: Изд-во Оренб. гор. совета, 1926. 70 с.

А.И. Ажигулова

Санитарное просвещение населения Южного Урала в 1920–1930-е гг.

В статье охарактеризована санитарно-эпидемическая обстановка среди населения Южного Урала в 1920–30-е гг. В ходе исследования было доказано положительное влияние санитарно-просветительской деятельности органов здравоохранения и практических мероприятий по улучшению здоровья населения региона. Санитарно-просветительская работа играла большую роль в борьбе с эпидемиями, социальными болезнями, оздоровлении условий труда и быта в городе и селе, охране материнства и младенчества. Все представители здравоохранения и интеллигентного труда были привлечены к просветительской работе в виде лекций, бесед и т.д.

The article describes the sanitary and epidemic situation among the population of the Southern Urals in the 1920 years and 1930 years. The study proved the positive impact of

sanitary and educational activities of health authorities and practical measures to improve the health of the region's population. Sanitary and educational work played an important role in the fight against epidemics, social diseases, improving working and living conditions in cities and villages, and protecting motherhood and infancy. All representatives of health care and intelligent labor were involved in educational work in the form of lectures, conversations, etc.

Ключевые слова: Южный Урал; население; санитарно-просветительская работа, здравоохранение.

Key word: Southern Urals; population; sanitary and educational work, health care.

В отечественной историографии изучению и практике санитарного просвещения населения отводится отдельное место. Санитарное просвещение – это раздел профилактической деятельности органов и учреждений здравоохранения, который направлен на гигиеническое обучение и воспитание населения. Санитарное просвещение в СССР сформировалось в 1920-е гг. и стало частью государственной системы здравоохранения. Это был обязательный раздел деятельности каждого лечебного учреждения и каждого медицинского работника, но кроме органов здравоохранения распространением медицинских и гигиенических знаний занимались и культурно-просветительские учреждения. Научно-исследовательскую и научно-методическую деятельность возглавлял Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР, основанный в 1928 г. Изучение и практика санитарно-просветительской работы велось параллельно с изучением и развитием здравоохранения или как его составная часть.

У истоков создания системы здравоохранения РСФСР стояли Н.А. Семашко [27], М.А. Барсуков, З.П. Соловьёв, Г.Н. Каминский [9]. Их деятельность относится к первым десятилетиям советской власти, когда шло преодоление последствий Гражданской войны, голода 1921–1922 гг., эпидемий. Поэтому особое внимание в их статьях уделялось борьбе с эпидемическими заболеваниями, санитарным условиям труда и быта рабочих и крестьян, распространению «социальных болезней», охране здоровья матери, ребёнка. В 1950-е гг. выходят статьи Е.Д. Ашуркова, посвященные роли В.И. Ленина в охране здоровья народа [3] и вопросам гигиены и санитарной культуры в его трудах [4]. Санитарное просвещение продолжает выделяться как важное направление деятельности органов здравоохранения в 1960-е гг. в трудах В.Т. Селезневой [19], Е.И. Лотовой, Х.И. Идельчик [12]. В монографии К.Г. Васильева, А.Е. Сегала подробно рассмотрены методы борьбы с инфекционными заболеваниями в России и сделан вывод о связи эпидемий с социально-экономическими и политическими условиями [5]. В 1980-е гг. появилась работа под ред. Ю.П. Лисицына, в которой рассматривались вопросы руководство по социальной гигиене и организации здравоохранения [16]. Для советской историографии изучаемой проблемы характерно подчеркивание роли государства в улучшении санитарно-эпидемиологической обстановки в стране после разрушительных последствий Первой мировой и Гражданской

войн, голода 1921–1922 и 1933 гг. благодаря развитию здравоохранения и санитарно-просветительской работе.

С начала 1990-х гг. появился доступ к новым, ранее не изученным источникам, это дало возможность рассмотреть более подробно санитарно-эпидемическую работу органов здравоохранения не только на всесоюзном и всероссийском, но и на региональном уровне. Среди публикаций можно выделить работу Б.Б. Прохорова, в которой автор уделяет внимание санитарно-эпидемическому состоянию и считает конец 1930-х гг. завершением эпидемической революции [13]. Проблемам санитарно-эпидемиологической службы Республики Башкортостан посвящена работа С.Г. Синенко [20], историческим аспектам развития здравоохранения на Южном Урале публикация Ю.А. Тюковой и И.С. Тарасовой [28], кандидатские диссертации Н.В. Клементьевой «Здравоохранение Южного Урала (1917–1936 гг.)» [10], Т.Н. Виноградовой «Развитие здравоохранения Южного Урала в 1945–1953 гг.» [6], в которых также внимание уделено санитарно-просветительской работе. В последние годы вышли работы А.И. Ажигуловой, посвященные изучению эпидемий в областях Южного Урала и их влиянию на демографическое положение населения в 1930-е гг. [1; 2].

Таким образом, изучению здравоохранения и его составной части – санитарно-просветительской работе в отечественной историографии уделялось серьезное внимание, однако подробного рассмотрения в региональной историографии эта проблема не получила. В данной статье автор предприняла попытку исследовать эпидемическую обстановку и роль санитарного просвещения населения на Южном Урале в 1920–1930-е гг.

Первые десятилетия XX в. характеризуются широким урбанизационным процессом, связанным с массовым переселением из сел и деревень в город, а также трансформацией общественной структуры. Государство рассматриваемого периода, получая постоянную рабочую силу из сельской местности, было заинтересовано в ее пополнении. Вслед за ростом числа рабочего класса появился ряд проблем, требующих срочного решения: обеспечение жильем, повышение квалификации, распределение трудящихся, исходя из нужд индустрии, обеспечение рабочих медицинской и социальной помощью. Нехватка жилья в городах и новых колхозах влекла за собой скученность и перенаселенность в квартирах и бараках. Это был один из важных вопросов рассматриваемого периода. Так в 1936 г. при выяснении причин бегства из колхоза «Красногвардеец» Соль-Илецкого района 13 семей украинцев, выяснилось, что все они жили в поле в исключительно плохих условиях: питание плохое, ходили босые, в квартире грязь, скученность. В небольшой избе без всяких перегородок жили свыше 30 человек мужчин и женщин [32, л. 121]. Такие ситуации не единичны, например, отмечалось, что в бригадах зерносовхоза им. Войкова Сорочинского района 1935 г. жилищно-бытовые условия абсолютного большинства рабочих скверные. Ремонт помещений (бараков) произведен очень плохо, почти 50% печей неисправны. В отдельных квартирах и бараках сильная грязь, дым, в дверях щели [30, л. 5].

Рабочие, занятые в производстве, были просто не в силах проследить за санитарным состоянием своих жилищ. Жилищное строительство 1920–1930-х гг. преследовали серьезные проблемы. Из всего объема капиталовложений в народное хозяйство в 1928–1941 гг. 29,6% приходилось на жилищное и коммунальное хозяйство. Строительство жилья не успевало за ростом населения в городах. В среднем на одного горожанина страны в 1940 г. приходилось 6,3 квадратных метра полезной площади жилищ. На Южном Урале ситуация была еще хуже – на одного человека в Чкалове приходилось – 3,34 м кв., в Орске – 1,24 м кв., в Уфе – 3,2 м кв. В Челябинске в 1937 г. на душу населения приходилось 2,5 м кв. В конце 1930-х гг. массовое распространение получило расселение рабочих в коммунальные квартиры, бараки, полуподвальные помещения и даже в землянки [7, с. 116].

Скученность и перенаселенность жилищ сказывались на санитарном состоянии. Особенно в среде национальных меньшинств (нацменов). Так в конце 1920-х гг. выделялась проблема по борьбе с такой социально-бытовой болезнью, как трахома. В некоторых районах Бугурусланского округа ее объем достигал до 80–90% [18, л. 12].

Развивающаяся система здравоохранения не всегда могла полностью удовлетворить нужды общества. Со стороны государства уделялось большое внимание поддержке и пропаганде санитарно-просветительской деятельности среди населения. Проведение санитарно-просветительской работы велось как среди русского населения, так и среди нацменов. Активно пропагандировалось постоянное, необходимое соблюдение чистоты в одежде, в помещении, мытьё посуды и т.д. [17, л. 96]. Важное значение играло соблюдение чистоты и гигиены в местах общего пользования. Например, проверка в бригадах зерносовхоза им. Яковлева Тепловского района установила, что общепит находится в хаотическом и антисанитарном состоянии, помещения кухонь и столовых грязные, отсутствуют баки для воды, кипяченая вода для питья, продукты буквально валяются по стану, кухарки нет [31, л. 1].

Следующей причиной роста эпидемий и обострения санитарной обстановки стала миграция населения. Население, перемещаясь из мест очагов эпидемии, переносило заболевания в другие населенные пункты. Важной проблемой середины 1920-х гг. являлась эпидемия малярии, брюшного и сыпного тифа, дифтерии, дизентерии. В 1926 г. в местной газете «Красная Башкирия» отмечается рост числа заболеваний малярией в Уфе с 899 случаев в феврале до 1230 – в марте [11, с. 3]. Всего в Башкирии в 1926 г. зафиксировано заболевших малярией 123 408 чел., в Оренбургской области оказалась поражена практически половина населения (780 590) чел., в Челябинской области – 57 054 [14, л. 18, 19, 21]. Особое внимание уделялось борьбе с оспой. На страницах местной Оренбургской газеты «Смычка» отмечается, что до 1 января 1930 г. в Оренбурге было зарегистрировано 17 случаев заболевания оспой, которая была занесена из деревни. Всего на 1 января 1930 г. в Оренбурге было проведено оспопрививание 30 тыс. чел. Выявленные больные немедленно отправлялись в заразный барак, а в их квартирах проводилась тщательная дезинфекция [26, с. 4].

Значительная роль отводилась пропаганде здоровьесбережения. Система здравоохранения только начинает развиваться, а население, задействованное в крупномасштабном строительстве государства, нуждалось в освещении самых важных для здоровья вопросов – гигиены, дезинфекции, лечения и предупреждения заболеваний. Органы здравоохранения активно пропагандировали гигиену и предупреждение болезней. Сами больницы оснащались плакатами, уголками для посетителей, закупалась специальная литература, газеты, журналы [21, с. 4]. Работники амбулатории иногда в полном составе из-за нехватки специалистов и больниц, сами выезжали на места, где не было медицинской помощи. Таким примером может служить 8-я крестьянская амбулатория Оренбурга, которая в январе 1930 г. всем персоналом посетила поселок Нежинка [22, с. 3]. Кроме непосредственно медицинской помощи, среди населения была проведена беседа на тему: «Оспа и предохранение от нее», а затем прививка оспы среди всех учащихся, а также среди остального населения [22, с. 3]. Предотвращению оспы именно в рассматриваемый период уделялось большое внимание. Перед органами здравоохранения была поставлена серьезная задача: не позже конца пятилетки полностью ликвидировать заболевание натуральной оспой. Для этого даже открывались специальные курсы для подготовки оспопрививателей [24, с. 4]. Со временем прогресс в медицинском обслуживании, влияние профилактических бесед в сочетании с прививанием среди населения дали свои результаты. Так, в Оренбургском крае с 1933 по 1935 гг. наблюдается снижение числа заразившихся оспой в 22,4 р. (со 179 до 8) [29, л. 9].

Кроме медпомощи и бесед об оспопрививании врачами 8 амбулатории были прочтены лекции: «Об аборте и его дурных последствиях в обстановке сельского производства», «О раке у женщин» и «О венерических заболеваниях» [22, с. 3]. Такие темы лекций были выбраны не случайно и были связаны с проблемой венерических заболеваний, особенно среди нацменов [17, л. 95]. В ряде документов говорилось о распространении сифилиса [17, л. 95], в некоторых районах Оренбургской области до 15% пораженного населения [18, л. 12]. Кроме венерических болезней, тяжелая обстановка складывалась с проведением аборт. Так как в советском государстве до 1936 г. были легализованы аборты. Сама по себе процедура была опасна для жизни и здоровья женщины, а последствия аборта могли сказаться на детородности организма, кроме того, в условиях только развивающейся системы здравоохранения и недостатка медицинских специалистов в сельской местности такая операция была крайне рискованной. После лекций многие женщины направились к гинекологу за советом и помощью [22, с. 3].

Таким образом, на примере деятельности амбулатории №8 в поселке Нежинка, очевидно, что проведение санитарно-просветительных мероприятий, лекций необходимо было для населения. Сами темы лекций отражали важные вопросы того времени, это лечение и профилактика венерических заболеваний, последствия аборт, необходимость прививания.

Местные власти вели усиленную борьбу за сохранение чистоты и санитарных норм, проводили профилактические меры по борьбе с болезнями. В Оренбургской газете «Смычка» в статье «Горздрав волокитничает» говорилось о поручении Горздраву начать выполнение постановлений о соблюдении санитарии и гигиены в городе. Ведь в случае несоблюдения к весне могла начаться эпидемия [23, с. 3]. Такие статьи далеко не единичны, до начала весны необходимо было предпринять меры по улучшению санитарной обстановки. В январе 1930 г. вышла статья «О содержании в чистоте улиц, площадей, тротуаров и дворов в городе Оренбурге». В ней отмечалось обязательность ежедневных уборок улиц, поддержка санитарного состояния дворов при домовладениях, запрещалось «разливать по двору помои и разбрасывать кухонные отбросы и прочий мусор» [25, с. 4].

Активная пропаганда сохранения чистоты и поддержания санитарии на страницах местной периодической печати не случайна. На Южном Урале первая половина 1930-х гг. была отмечена острозаразными, инфекционными заболеваниями, особенно в летние месяцы. В Чкаловской области распространёнными являлись заболевания малярией в 1933 г. – 75 717 чел., к 1935 г. – уже 175 939 чел., то есть увеличилось в 2,3 р. В этот же период число заболевших дизентерией возросло в 1,8 р. или с 2 569 и до 4 570 соответственно, дифтерией в 1,4 р. или с 1 025 до 1 469 чел., коклюшем в 2,8 р. или с 2 284 до 6 320 чел. [8, л. 10]. По Челябинской области в эти же годы происходил рост таких заболеваний, как скарлатина с 52 до 730 заболевших, брюшной тиф с 46 до 76 чел., дифтерия с 225 до 212, но уже в 1936 г. количество заболевших выросло до 252 [1, с. 96–97].

Мероприятия, направленные на проведение необходимого обслуживания населения с сочетанием лекций, бесед далеко не единичны в 1930-е гг. Кроме пропаганды здравоохранения, выделяются мероприятия по улучшению бытовых условий. Государство, наряду с санитарно-просветительской работой, большое внимание уделяло расширению и укреплению системы здравоохранения, обеспечению медицинских учреждений специалистами на местах. Например, сравнение числа больничных учреждений к концу 1932 и 1937 гг. даёт следующие результаты: в Челябинской области их количество увеличилось с 120 до 178, в Чкаловской с 66 до 114, в Башкирской АССР со 112 до 147 соответственно [15, л. 3]. Возрастало число фельдшерских, фельдшерско-акушерских, венерологических, малярийных и трахоматозных пунктов. В 1932 г. их число в Челябинской области составляло 259, в Чкаловской области 95, в Башкирии 86, в 1937 г. – соответственно 374, 359, 670 [15, л. 19].

Изучая изменения в общественной жизни, произошедшие за 1920–30-е гг., нужно отдать должное деятельности органов здравоохранения и санитарного просвещения среди местного населения. Был сделан большой шаг в улучшении быта людей, отношении к здоровью, гигиене, росту количества медицинских учреждений. Санитарно-просветительская работа играла большую роль в борьбе с эпидемиями, социальными болезнями, оздоровлении

условий труда и быта в городе и селе, охране материнства и младенчества. Все представители здравоохранения и интеллигентного труда были привлечены к просветительской работе в виде лекций, бесед и т.д. Большое значение отводилось обеспечению населения необходимой медицинской помощью. За короткий промежуток времени на Южном Урале был организован ряд больниц, фельдшерско-акушерских пунктов. Широко вошло в практику прививание, снабжение медицинских учреждений специалистами.

Список литературы

1. Ажигулова А.И. Смертность на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. №1 (121). С. 94–98.
2. Ажигулова А.И. Эпидемические заболевания в Оренбургской деревне, повлиявшие на демографическое положение населения в 1930-е гг. // Клио. 2016. №3 (111). С. 124–128.
3. Ашурков Е.Д. В.И. Ленин и охрана здоровья народа // Советское здравоохранение. 1957. № 10.
4. Ашурков Е.Д. Вопросы гигиены и санитарной культуры в трудах В.И. Ленина // Советское здравоохранение. 1957. № 4.
5. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Медгиз, 1960. 400 с.
6. Виноградова Т.Н. Развитие здравоохранения Южного Урала в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2011. 26 с.
7. Волошина Л.А., Леонтьева Е.А. Повседневная жизнь населения страны во второй половине 1930-х годов // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. 113–118 с.
8. Государственный Архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1003. Оп. 3. Д. 865.
9. Каминский Г. Н. Задачи советского здравоохранения. Л., 1935. 164 с.
10. Клементьева Н.В. Здравоохранение Южного Урала: 1917–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2013. 26 с.
11. Инфлюэнца идет на убыль // Красная Башкирия. Уфа. 1926. 24 апр.
12. Лотова Е.И., Идельчик Х.И. Борьба с инфекционными болезнями в СССР. 1917–1967 гг. М.: Медицина, 1967. 432 с.
13. Прохоров Б.Б. Организация здравоохранения в России в XX веке // Россия в окружающем мире. Аналитический ежегодник. М.: МНЭПУ, 2001. С. 100–143.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 18. Д. 4.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 192.
16. Руководство по социальной гигиене и организации здравоохранения / под ред. Ю.П. Лисицына. Т. 2. М.: Медицина, 1987. 430 с.
17. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 655. Оп. 5. Д. 173.
18. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 194.
19. Селезнева В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству» // Советское здравоохранение. 1963. № 4.
20. Синенко С.Г. Белый щит: к восьмидесятилетию санитарно-эпидемиологической службы Республики Башкортостан. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2003. 111 с.
21. В очередь к врачу // Смычка. Оренбург. 1930. 4 янв.
22. Амбулатория на колесах // Смычка. Оренбург. 1930 г. 3 янв.
23. Горздрав волокитничает // Смычка. Оренбург. 1928. 1 янв.
24. Курсы оспопрививателей // Смычка. 1930. 4 марта.

25. О содержании в чистоте улиц, площадей, тротуаров и дворов в городе Оренбурге // Смышка. Оренбург. 1930. 9 янв.
26. Тревожные вести с фонда здравоохранения // Смышка. Оренбург. 1926. 11 янв.
27. Состояние здравоохранения и его задачи // Бюллетень Наркомздрава РСФСР. 1927. № 10.
28. Тюков Ю.А., Тарасова И.С. Исторические аспекты развития здравоохранения на Южном Урале // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2010. № 6.
29. Центр документации Новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Ф. 1014. Оп. 3. Д. 13.
30. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 18.
31. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 19.
32. ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 22.

Р.С. Байрамов, В.В. Коровин

Борьба с эпидемией сыпного тифа в ходе подготовки к Курской битве*

Поиск способов борьбы с массовыми заболеваниями значительно актуализируется в переломные моменты истории, в условиях глобальных вызовов человеческой цивилизации не только со стороны сил природы, но и от ее собственных представителей. Являясь свидетелями противостояния новой коронавирусной инфекции, мы не можем не обратиться к историческому опыту реализации противоэпидемических мероприятий, в том числе в годы военных потрясений. В данном исследовании предпринята попытка отразить комплекс мер по предотвращению распространения сыпного тифа накануне Курской битвы.

The search for ways to combat mass diseases is significantly actualized at the turning points of history, in the face of global challenges to human civilization, not only from the forces of nature, but also from its own representatives. As we witness the opposition to the new coronavirus infection, we cannot but refer to the historical experience of implementing anti-epidemic measures, including during the years of military shocks. This study is an attempt to reflect a set of measures to prevent the spread of typhus on the eve of the Battle of Kursk.

Ключевые слова: Курская битва, сыпной тиф, эпидемия, Великая Отечественная война.

Key words: Battle of Kursk, typhus, epidemic, Great Patriotic War.

В феврале 1943 г. войска Воронежского и Брянского фронтов приступили к осуществлению Курско-Белгородской наступательной операции в ходе, которой была освобождена от противника значительная часть оккупированной территории Курской области [1, с. 88]. Органы здравоохранения не имели возможности своевременно развернуть противоэпидемиологические мероприятия в освобождаемых районах, в связи, с чем учащались случаи заболевания сыпным тифом населения и военнослужащих [4, л. 202]. Сыпной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90001\20.

тиф являлся болезнью, которой была свойственна сезонная вспышка в зимне-весеннее время года. В условиях военного времени болезнь распространялась быстрыми темпами. Связано это было с большим скоплением людей в одном помещении, стремлением одеться в теплые вещи, затруднениями для гигиенических процедур. Указанные факторы облегчали появление насекомых, которые, в свою очередь, являлись переносчиками сыпного тифа [2, с. 164–165].

Значительное количество заболевших фиксировалось в Обоянском, Фатежском и Солнцевском районах Курской области. Кроме того, проблемы в проведении противоэпидемиологических мероприятий создавали некоторые войсковые части, располагавшиеся в Бесединском районе, а также в деревне Сапогово. Они занимали помещения, предназначенные для лечебных учреждений, отбирали имущество и транспорт, используемый в медицинских целях. В селе Афанасьеве Обоянского района был подготовлен изолятор для больных сыпным тифом, но в связи с тем, что воинские части заняли данное помещение, госпитализация и ликвидация очага болезни была сорвана. В целях предотвращения распространения сыпного тифа на территории Курской и Воронежской областей, командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин приказал запретить занимать помещения, предназначенные для лечебно-профилактических учреждений и немедленно освободить уже занятые на тот момент помещения, всецело содействуя местным органам власти в проведении противоэпидемиологических мероприятий [4, л. 202–203].

По информации председателя Курского облисполкома В.В. Волчкова о санитарно-эпидемическом состоянии области от 12 апреля 1943 г. все районы Курской области были поражены сыпным тифом, в 47 районах в феврале 1943 г. было зафиксировано 3 658 случаев заражения, в марте 1943 г. таких случаев было 4 696. Были развернуты 2 662 инфекционные койки, отремонтированы 81 баня и 71 дезинфекционная камера [4, с. 631–632].

Во всех населенных пунктах, находившихся в пределах 25-километровой прифронтовой полосы, проводились противоэпидемические мероприятия, которые включали в себя выявление среди населения инфекционных больных. Данное мероприятие проводилось силами санитарной службы с привлечением местного населения. Эвакуация инфицированного населения производилась отдельно от здорового гражданского населения, под непосредственным наблюдением санитарной службы. Семьи, в которых были как здоровые, так и инфицированные также отправлялись отдельно, предварительно, подвергшись санитарной обработке на месте, и в последующем отправлялись на 14-дневный карантин в пункте отселения.

Для эвакуации инфицированного населения был выделен отдельный транспорт, который после перевозки больных тщательно дезинфицировали. По прибытию на новое место жительства инфицированных больных и лиц, подозреваемых в инфицировании, помещали в специально оборудованные помещения (коллектор-изолятор). В соответствии с районами отселения

граждан для отселяемых больных в тех же районах были предусмотрены коллекторы-изоляторы. Для жителей Кореневского района было выделено 2 коллектора-изолятора в южной части Большесолдатского района, из Льговского района – 4 коллектора-изолятора в Ивановском районе, из Конышевского района – 3 коллектора-изолятора в восточной части того же района, из Дмитриевского, Михайловского и Троснянского районов – 5 коллекторов-изоляторов в Фатежском районе, из северной части В.-Любажского района – 2 коллектора-изолятора в южной части того же района, из Поныровского и Мало-Архангельского районов – 3 коллектора-изолятора в Золотухинском районе. Жилые помещения отселяемого населенного пункта подвергались дезинфекции. Солдатам было запрещено использовать средства личной гигиены, одежду и постельное белье отселяемого населения [6, л. 542].

В целях полного выявления инфицированных проводились подворные мероприятия по выявлению больных сыпным тифом. Так, к 1 мая 1943 г. было выявлено около 3 000 больных, подлежащих отселению. Но всего было отселено с последующим размещением в коллекторах-изоляторах 600–700 чел., так как большинство людей успело переболеть сыпным тифом в ожидании отселения [4, с. 212].

К борьбе с сыпным тифом среди населения пришлось подключиться действующей армии. Принимавшиеся меры в то время отражены в справке-докладе начальника военно-санитарного управления Центрального фронта генерал-майора медицинской службы А.Я. Барабанова начальнику тыла Центрального фронта генерал-лейтенанту Н.А. Антипенко. В документе содержалась информация о том, что санитарным управлением фронта для ликвидации очагов тифа в Конышевском районе было задействовано 7 расчетов обмывочно-дезинфекционной роты, состоявшей из 11 автодезкамер и 7 душевых установок с обслуживающим персоналом из 34 человек. Для санитарной обработки было отпущено 2,5 т хозяйственного мыла из фондов фронта [3, с. 111].

Вспышки сыпного тифа возникали не только у населения освобожденных территорий. Так, санитарной службой Центрального фронта было установлено, что территория воинских частей и тыловых учреждений, располагавшихся в Курске, находилась в крайне загрязненном состоянии. Командование большинства частей не организовало мероприятий, направленных на исправление ситуации, чем была вызвана угроза возникновения вспышек сыпного тифа. Некоторые подразделения были расквартированы в местах обнаружения инфекционных заболеваний. Рассадником инфекций являлась и антисанитарная транспортировка продовольствия, которая зачастую производилась подручными средствами.

Приказом по войскам Курского гарнизона № 04 от 27 марта 1943 г. устанавливался ряд мер по предотвращению распространения инфекционных заболеваний. Санитарная обработка личного состава должна была проводиться раз в 10 дней. Одновременно устанавливался контроль на наличие педикулеза. Бойцы, возвращавшиеся из командировок, отбывали 14-дневный

карантин. Инфекционных больных госпитализировали в ИГ-3575 г. Курска [5, л. 109].

В войсках Центрального фронта были приняты чрезвычайные меры по ликвидации сыпного тифа, Для этого во всех батальонах строились бани и дезинфекционные камеры, активно проводилась санитарная обработка бойцов. В результате завшивленность в войсках резко снизилась. В то же время, как показали события, районные органы власти оказались не совсем готовы собственными силами решить эту проблему в отношении гражданского населения, в результате чего наблюдался рост его заболеваемости [3, с. 111].

Подводя итог, следует отметить, что армейское командование своевременно предпринимало меры, необходимые для предотвращения распространения болезни. Но безответственное отношение к указанной проблеме некоторых командиров и представителей местных органов власти, отсутствие достаточного количества дезинфицирующих средств, а также пренебрежение санитарными нормами зачастую приводило к росту заболеваемости сыпным тифом с угрозой перерастания в эпидемию, противостоять которой в условиях военного времени было крайне затруднительно. Распространение же эпидемии непременно вело к подрыву боеспособности войск.

Список литературы

1. Коровин В.В., Манжосов А.Н. От Воронежа к Освобождению Курска // Сражение за Воронеж и его место в истории Великой Отечественной войны. Воронежский государственный педагогический университет, 2018. С. 88–100.
2. Маркова С.В. Борьба санитарных служб Воронежского фронта с угрозами эпидемий в июле 1942 – марте 1943 гг. // Вестник архивиста. М, 2015. № 1. С. 162–176.
3. Родионова Е.Н. Деятельность партийно-государственных структур и населения Курской области по оказанию помощи раненым в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. 183 с.
4. Суrowая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Часть III. Сборник документов. Курск. 2007. 880 с.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 427. Д. 2.
6. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 354. Д. 7.

Р.С. Колокольчикова

Санитарно-эпидемиологические последствия индустриального освоения Европейского Севера России в позднесоветский период

В статье речь идет о том, что индустриальное освоение Европейского Севера России сопровождалось наращиванием в регионе неэкологичных крупных градообразующих производств, технологические отходы которых относятся к 1 и 2 классу опасности, отличаются повышенной токсичностью. На конкретно-историческом материале рассматривается негативное воздействие этих производств на состояние живой и неживой природной среды, на процессы формирования здоровья и заболеваемости населения в зоне антропогенного воздействия изучаемых производств.

The article refers to the fact that the industrial development of the European North of Russia was accompanied by the build-up in the region of non-environmental large city-forming industries, the technological waste of which are on the 1st and 2nd class of danger, are highly toxic. The concrete-historical material considers the negative impact of these productions on the state of the living and non-living natural environment, on the processes of health formation and morbidity of the population in the zone of anthropogenic impact of the studied productions.

Ключевые слова: экологическая история, повседневность, экологический кризис, Европейский Север России, урбанизация, индустриализация.

Key words: ecological history, daily life, environmental crisis, European North of Russia, urbanization, industrialization.

В середине 1920-х гг. нашим выдающимся мыслителем и естествоиспытателем Владимиром Ивановичем Вернадским было создано целостное учение о биосфере. Согласно этому учению судьба человечества целиком зависит от биосферы, которая представляет собой живую и неживую природу Земли, тесно взаимодействующую друг с другом, составляющую единую систему. Полноценное существование биосферы – условие существования человечества. Однако исторически сложившийся антропоцентризм, как господствующее мировоззрение, до сих пор проявляющийся на различных уровнях, привел к тому, что биосферный подход во взаимодействии человеческой цивилизации и природы упорно игнорировался. Как следствие – нарушалось равновесие природных экосистем, экологические проблемы стали приобретать социальный характер. А со второй половины XX в. экологический кризис перешел в стадию глобального вызова современности.

Важнейшим фактором экологического кризиса явились модернизационные процессы, сопровождавшиеся наращиванием техносферы, урбанизацией. На территории Европейского Севера России в изучаемый период экологические проблемы проявлялись неравномерно. Наиболее отчетливо признаки экологического кризиса оформились в зоне антропогенного воздействия градообразующих предприятий индустриальных городов: Коряжмы, Новодвинска, Сегежи, Череповца, Мончегорска, Апатиты, Сокола и других. Эта, наиболее многочисленная типологическая группа городов региона, является символом его индустриального освоения. Это – моногорода, основанные на ресурсоемких, сложных, наукоемких производствах, крупнейших в своей отрасли. Речь идет о таких производствах как целлюлозно-бумажное, производство черных и цветных металлов, минеральных удобрений, химических производствах.

Эти отрасли экономики были названы в государственном докладе «Состояние природной среды в СССР в 1988 г.» в числе самых неэкологичных, вносящих самый весомый вклад в загрязнение технологическими отходами атмо-гидро-литосферы [14, л. 26]. Производственные отходы названных отраслей отличались повышенной токсичностью. Отдельные вещества, содержащиеся в отходах, относятся к первому и второму классу опасности.

В государственном докладе «Состояние природной среды в СССР в 1988 году» впервые был осуществлен анализ заболеваемости городского населения по отдельным нозологическим формам за 15-летний период. Анализ показал рост заболеваемости из расчета на 1 000 горожан. В докладе было подчеркнуто, что приведенные статистические данные – это следствие воздействия на человеческий организм всей совокупности социально-экономических и других факторов, оказывающих влияние на процессы формирования здоровья и заболеваемости человека, при этом значительная роль принадлежит качеству окружающей среды. В докладе отмечено, что структура заболеваемости населения во многом зависит от качественного состава выбросов и вида промышленности. Повышенный уровень заболеваемости сердечнососудистой системы зарегистрирован при воздействии выбросов предприятий цветной металлургии. А негативным влиянием на систему органов дыхания отличаются прежде всего выбросы производств черной металлургии. В районах расположения химической промышленности имеют более широкое распространение аллергические заболевания (дерматиты, бронхиты, бронхиальная астма). Установлен значительный рост специфических аллергических заболеваний, связанных с химическим и биохимическим загрязнением атмосферного воздуха [14, л. 58–59].

На Европейском Севере России имелся весь набор причин, вызывавших нарастание экологического кризиса в СССР. Это преобладавший тип массового экологического сознания, при котором экономические мотивы в поведении людей доминировали над экологическими. Это дефицит эффективных технологических решений, обеспечивающих безотходные технологии, в частности, в целлюлозно-бумажной, химической промышленности, черной и цветной металлургии, производстве минеральных удобрений. Это отсутствие норм предельно допустимых концентраций (ПДК) по большинству веществ в производственных отходах; отсутствие норм по объемам выбросов отходов производства; отсутствие действенной системы контроля за последствиями хозяйственной деятельности предприятий. Это игнорирование использования экономических методов регулирования природопользования и окружающей среды, неудовлетворительное финансирование природоохранных мероприятий и др.

Усугубляющий фактор обострения экологических проблем в регионе – это природно-климатические условия Европейского Севера, где природная окружающая среда отличается пониженной устойчивостью к антропогенным воздействиям, пониженными способностями к самовосстановлению и «самоочищению». Ресурсоемкие градообразующие предприятия региона, превратившиеся в изучаемый период в промышленные гиганты черной и цветной металлургии страны, химической и целлюлозно-бумажной промышленности, основываясь на технологиях с повышенной экологической опасностью, поглощали все увеличивающееся количество леса, воды, руды, угля и других природных ресурсов.

Рассмотрим санитарно-эпидемиологические последствия индустриального освоения региона на конкретно-историческом материале. Градообразующим предприятием для г. Сегежи стал построенный в 1938 г. целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК). Комбинат возвели на берегу Выгозера, одного из самых крупных озер Карелии. Одновременно в Сегеже в эксплуатацию был сдан лесопильно-деревообрабатывающий комбинат (ЛДК). В послевоенные годы, и особенно в 1960–1970-е, оба предприятия постоянно наращивали объемы производства [4, л. 65]. Сегежский ЦБК в конце 1960-х гг. стал крупнейшим производителем в СССР бумажной тары [6, с. 73–77]. В 1954 г. в Надвоицах – городе-спутнике Сегежи, была сдана в эксплуатацию первая очередь Надвоицкого алюминиевого завода (НАЗ), ставшего градообразующим для Надвоиц. В последующие годы НАЗ также постоянно увеличивал объемы производства [11, л. 91]. В конце 1980-х гг. это предприятие обеспечивало пятую часть бюджета КАССР.

Градообразующие предприятия Сегежи и Надвоиц с самого начала работали без очистных сооружений. Атмосферный воздух, бассейн Выгозера, озера Воицкого стали местом сброса технических отходов. Твердые отходы складировались на промплощадке рядом с промышленными корпусами, а также на территории г. Сегежи и его окрестностей. Санитарно-защитная зона между производственными корпусами и селитебной частью г. Сегежи отсутствовала, а локальные производственные очистные сооружения строились медленно. Неоднократно срывались плановые сроки ввода в эксплуатацию станции биологической очистки промстоков на ЦБК. Срок ввода станции был установлен Советом министров СССР еще в конце 1960-х гг. Однако первую очередь станции ввели в эксплуатацию только в 1977 г. [4, л. 51–52]. Выбросы производства на Сегежском ЦБК и НАЗе много раз пытались уменьшить за счет изменений в технологическом процессе, а также реконструкции очистных сооружений. Если до середины 1970-х гг. на Сегежском ЦБК и НАЗе постоянно увеличивалось водопотребление на технические нужды на единицу выпускаемой продукции, то со второй половины 1970-х гг. ситуация стала меняться. Водоемкие производства этих предприятий были включены в общесоюзную программу по внедрению систем оборотного водоснабжения в технологические процессы [5, л. 89]. В результате Сегежский ЦБК к середине 1980-х гг. сократил на одну треть расход воды на единицу выпускаемой продукции [16].

Однако заметного влияния на улучшение санитарной обстановки в зоне антропогенного воздействия градообразующих предприятий Сегежского промышленного узла не происходило: не обеспечивали полной и глубокой очистки отходов производства очистные сооружения, в том числе и станция биологической очистки, проявлялся человеческий фактор как причина залповых выбросов неочищенных технологических отходов в окружающую природную среду. В результате концентрация сульфатного мыла на выходе со станции биологической очистки промстоков Сегежского ЦБК во второй половине 1980-х гг. случалось превышала ПДК в сотни раз [17]. В атмосферу в

конце 1980-х гг. Сегежский ЦБК ежедневно выбрасывал 153 тонны загрязняющих веществ [16].

Очистные сооружения НАЗа также работали не эффективно. Во второй половине 1980-х гг. они были демонтированы. Но на новые средств не оказалось. Завод стал работать без очистных. Вредные вещества с отходами производства цветных металлов, многократно превышая ПДК, поступали в окружающую природную среду. Лишь в 2003 г. здесь были установлены совершенные фильтры сухой очистки выбросов производства.

Без очистки отходов производства десятилетиями работал Сегежский ЛДК. Каждый сутки ЛДК выбрасывал в Выгозеро 3562 куб. м загрязненных стоков. Особенно агрессивно в природном водоеме проявляли себя промстоки цеха древесноволокнистых плит (ДВП). Ежесуточный объем стоков составлял 1761 куб. м [4, л. 65]. Только в 1982 г. началось строительство локальных очистных сооружений для этого цеха [5, л. 58].

Экологические проблемы в Сегежском районе усугублялись тем обстоятельством, что ЦБК особенно во второй половине 1980-х – 1990-е гг. постепенно «съел» лес в районе города, решая таким «экономическим» способом сырьевые проблемы.

В конечном итоге, в зоне антропогенного воздействия градообразующих предприятий Сегежи и Надвоиц сформировалась катастрофическая экологическая ситуация – самая неблагоприятная в Карелии. «Карельским Чернобылем» в соседней Финляндии стали называть Сегежский район. В гидрохимическом режиме, ихтиофауне рек в бассейне озер Воицкого и Выгозера произошли глубокие, непоправимые изменения. Полностью биологически уничтоженным, превратившись в технический водоем, оказалось Выгозеро – третье по величине озеро Карелии.

Самая тяжелая экологическая ситуация в Вологодской области сложилась в зоне антропогенного воздействия градообразующих предприятий Сокола и Череповца. Река Сухона в результате деятельности ЦБК превратилась в самый загрязненный участок бассейна Северной Двины. Содержание в Сухоне органических веществ, фенолов в десятки раз превышало ПДК, а потребность в кислороде была выше нормы в 1970-е – 1980-е гг. в 40–45 р. Живописная Пельшма – приток Сухоны из-за деятельности ЦБК превратилась в «мертвую зону» [12, л. 119–120].

Следствием наращивания неэкологичных мощностей градообразующих производств в Череповце стало биологическое уничтожение притока реки Шексны – реки Серовки. Температура воды в Серовке зимой в изучаемый период составляла 20 градусов. В бассейне реки Шексны в природные водоемы в конце 1980-х гг. предприятиями градообразующего комплекса Череповца сбрасывалось 240 млн куб. м в год недостаточно очищенных сточных вод. Это приводило к тому, что превышение ПДК в Шексне по содержанию фенолов составляло 125 р, нефтепродуктов – 56 р, меди – 54 р. и т.д. [1, л. 1]. А Шексинские воды текли в Рыбинское водохранилище, а оттуда поступали в Волгу. А в атмосферу в конце 1980-х гг. череповецкие предприятия выбра-

сывали ежегодно более 600 тыс. тонн вредных веществ, из них 96% составляли выбросы Череповецкого металлургического комбината [1, л. 1].

Площадь поврежденных лесов выбросами комбината «Печенганикель» с 1975 по 1990 гг. увеличилась в 8 р, составив в 1990 г. 24,3 тыс. га. Из них 3 тыс. га – это погибшие и усохшие лесов. А площадь усохших лесов в районе Мончегорского комбината «Североникель» составила в конце 1980-х гг. 3,8 тыс. га. Преимущественно погибали хвойные деревья, береза в возрасте 50–60 лет. Повреждение лесных массивов проявлялось в существенном снижении прироста деревьев (до 37%), сокращении продолжительности жизни деревьев в 2–3 раза. Западная популяция оленя в Мурманской области из-за потравы ягельных пастбищ выбросами комбината «Печенганикель» сократилась к началу 1980-х гг. до 130 голов [13, л. 30; 15, л. 102–103]. Загрязнение почв выбросами гигантами черной и цветной металлургии привело к многократному превышению ПДК тяжелых металлов в ягодах и грибах, в продукции сельскохозяйственных предприятий, располагавшихся в зоне антропогенного воздействия градообразующих производств. Техническими водоемами на Кольском полуострове стали озера Большой Вудьявр, Сейд, Ноод, Сопча, река Белая. Рыбохозяйственное значение утратили губы Куреньга и Монча. Обозначилась тенденция к перераспределению ихтиофауны во всех природных водоемах Кольского полуострова в пользу менее ценных пород рыб.

Разрушение природных экосистем, как следствие индустриального освоения региона, сопровождалось ухудшением медико-экологической ситуации.

Ленинградским институтом гигиены и профзаболеваний у работников НАЗа с самого начала его истории ежегодно увеличивались случаи диагностирования заболеваний флюорозом. Эта болезнь рассматривалась медиками как профессиональное заболевание металлургов [8, л. 43; 9, л. 39; 10, л. 10]. Концентрация фтора, в результате выбросов промышленных отходов при производстве алюминия, увеличиваясь в атмосферном воздухе и питьевой воде, вымывая из костей человека кальций, другие структурные элементы, разрушает кости, зубы, поражает дыхательные пути. Со временем флюороз все чаще стал диагностироваться у детей. Проведенные в Надвоицах в 1989 г. научные исследования АНПО «Стоматология» дали ошеломляющий результат: пораженность надвоицких детей хронической фтористой интоксикацией – флюорозом – составила 93% [2]. А проведенные в 1991 г. комплексные исследования техногенного воздействия на окружающую природную среду производственной деятельности НАЗа и Сегежского ЦБК космозоогеологической экспедицией ПО «Аэрогеология» выявили высокую степень загрязнения атмосферы в Сегеже и Надвоицах. Полученные результаты показали, что даже в 5–10-километровой зоне вокруг Сегежи и Надвоиц ПДК вредных веществ в атмосфере в десятки раз превышали установленные нормы [2]. По причине загрязнения атмосферного воздуха и природных водоемов в 1988 г., по сравнению с 1980 г., число заболевших в районе увеличилось в два раза [3]. Исследованиями, проведенными в конце 1980-х гг. Ленинградским институтом общей и коммунальной гигиены им. А.А. Сысина в г. Коряжме и

г. Мончегорске, а также череповецкими органами здравоохранения совместно со Свердловским НИИ гигиены труда и профзаболеваний в Череповце, органами здравоохранения г. Сокола, было выявлено интенсивное отрицательное воздействие загрязненной окружающей среды на состояние здоровья горожан; на течение беременности и родов, репродуктивные возможности женщин, проживающих в зоне антропогенного воздействия градообразующих предприятий.

Список литературы

1. Вологодский государственный архив новейшей истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 121. Д. 366.
2. Козлова А. Сумрачный рассвет // Северный курьер. 1994. 19 янв.
3. Кудрявцев В.П. Зона жизни // Ленинская правда. 1988. 4 июня.
4. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 700. Оп. 22. Д. 1105.
5. НАРК. Ф. 700. Оп. 22. Д. 1407.
6. Патуров Л. А. Сегежа. Петрозаводск, 1981. 131 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 386. Оп. 1. Д. 389.
8. РГАЭ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 4439.
9. РГАЭ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 5472.
10. РГАЭ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 6556.
11. РГАЭ. Ф. 386. Оп. 2. Д. 661.
12. РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Т. 2. Д. 6072.
13. РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 14.
14. РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 80.
15. РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 389.
16. Хаккарайнен Н. От озабоченности к решениям // Ленинская правда. 1988. 12 янв.
17. Хаккарайнен Н. Право выбора // Ленинская правда. 1988. 29 янв.

Е.С. Богомякова

Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье в условиях COVID-19: постановка вопроса*

В статье поднимается вопрос о преобразованиях в повседневных практиках заботы о здоровье, ставших актуальными в условиях эпидемии COVID-19. Социальная изоляция и жесткий контроль межличностной коммуникации, обусловленные распространением вируса, сделали востребованными взаимодействие, опосредованное цифровыми технологиями, в том числе и в сфере поддержания и сохранения здоровья. Цифровизация здравоохранения, с одной стороны, обладая рядом достоинств, с другой – приводит к новым рискам и вызовам. Наиболее значимым среди них оказывается готовность современного человека брать на себя ответственность за собственное самочувствие и самостоятельно принимать решения по ряду медицинских вопросов. Проникновение инновационных технологий в область здравоохранения не вызвано пандемией COVID-19, однако текущая ситуация, безусловно, дает дополнительный толчок данному процессу.

* Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А, «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

The article raises the question of changes in everyday health care practices that have become relevant in the context of the COVID-19 epidemic. Social isolation and strict control of interpersonal communication caused by the spread of the virus have made interaction mediated by digital technologies, including in the field of maintaining and preserving health, in demand. Digitalization of healthcare, on the one hand, has several advantages, on the other – leads to new risks and challenges. The most significant among them is the willingness of a modern person to take responsibility for their own well-being and make decisions on a number of medical issues independently. The penetration of innovative technologies in the field of health care is not caused by the COVID-19 pandemic, but the current situation certainly gives an additional impetus to this process.

Ключевые слова: повседневность, цифровые технологии, здоровье, цифровое здравоохранение, COVID-19.

Key words: everyday life, digital technology, health, digital healthcare, COVID-19.

В 2020 г. повседневность современного человека проходит серьезную проверку на прочность. Мир, до недавнего момента бывший предсказуемым, рутинным и упорядоченным, превратился в хаотичный и неопределенный. Виной тому глобальная эпидемия COVID-19, продемонстрировавшая хрупкость и уязвимость социального порядка перед лицом новой опасности. По сути, мы являемся свидетелями и участниками гигантского эксперимента (в духе Г. Гарфинкеля), взламывающего привычный жизненный мир и проверяющего на прочность социальные институты. Государственные меры противодействия распространению вируса, страхи и опасения, пронизывающие все слои населения внесли и продолжают вносить существенный вклад в трансформацию рутинных социальных практик: переопределяются границы нормального, приемлемого и дозволенного поведения; проблематизируется логика публичного и приватного пространств (в некоторых случаях они даже меняются местами); возникают новые формы социального неравенства и дискриминации; и т.д. Однако, наибольшим изменениям подвергается сфера межличностной коммуникации. Карантинные мероприятия, режим самоизоляции, необходимость использовать индивидуальные средства защиты – маски и перчатки, а также соблюдать социальную дистанцию в буквальном смысле «ломают» традиционные практики взаимодействия лицом-к-лицу. Так, по данным ВЦИОМ [2], в 2020 г. в 1,5 раза снизилась доля россиян, приветствующих друзей и родных поцелуем (с 40% в 2019 г. до 27%). Также респонденты стали реже при встрече жать друг другу руки (с 50% до 38% в 2020 г.) и обниматься (с 55% до 42% в 2020 г.). Несмотря на безопасность такого способа приветствия, россияне стали меньше улыбаться при встрече с друзьями и родными (с 41% до 34% в 2020 г.) и кивать головой (с 23% до 17% в 2020 г.).

Еще в середине прошлого столетия, рассуждая о социальных последствиях эпидемий в своей работе «Человек и общество в условиях бедствий» (1942), П.А. Сорокин указывал на разрушительное воздействие социальной изоляции на эмоциональные и когнитивные аспекты поведения человека.

Неизбежно возникающая в случае массовых заболеваний [6], подобная эксклюзия является результатом кардинальной трансформации отношений между заболевшим и его социальным окружением. Будучи прежде активным участником социальной жизни и коммуникаций, субъект превращается в объект, которого все избегают, он фактически перестает быть частью общества [6, с. 23]. Для характеристики подобного состояния Сорокин использует метафоры «социального вакуума» и даже «социальной смерти». Безусловно, сегодня в наиболее уязвимом положении оказались пожилые, люди с ограниченными возможностями, одинокие – то есть те, чья жизнь и так не насыщена социальными контактами. Еще в 2017 г., по данным Левада-центра [4], каждый седьмой россиянин чувствовал себя «иногда» или «часто» изолированным (14%), а каждый восьмой – всеми покинутым (12%). Среди россиян старше 55 лет четверть опрошенных (суммарно) «иногда», «часто» или «очень часто» ощущали дефицит общения, в то время как среди 18–24-летних лишь 14% респондентов указывали на эту проблему. Также в возрастной группе старше 55 лет чувство покинутости и изолированности от социальной жизни «иногда», «часто» или «очень часто» ощущали 17% и 20% опрошенных соответственно, а среди лиц среднего возраста – почти вдвое меньше. Поскольку в ситуации глобальной эпидемии коронавируса социальная исключенность превратилась в обыденность фактически для всего населения, а не только для групп риска, полагаем, что обнаруженные тенденции лишь усилились. В результате жесткие ограничения межличностной коммуникации в физическом пространстве сделали востребованными иные формы взаимодействия, в частности, опосредованные цифровыми и интернет-технологиями. По данным ВЦИОМ [5], в условиях самоизоляции, предпринятой для защиты от распространения коронавируса, изменился ряд практик использования интернета. Так, в апреле 2020 г. по сравнению с февралем на 6 п.п. увеличилась доля россиян, использующих интернет для получения новостей о жизни в городе, стране или мире (89% vs. 83%). При этом доля пользователей Рунета, применяющих сеть для общения с близкими, родственниками или друзьями составила 89%, что больше на 10 п.п. по сравнению с 2018 г.

Не избежали аналогичных преобразований и практики заботы о здоровье, зачастую требующие участия другого – консультации врача/медицинского работника, советов тренера по физической подготовке, поддержки со стороны страдающего от аналогичного недуга в группах взаимопомощи, и т.д. В этой связи особую актуальность приобретает только набирающее обороты в нашей стране развитие «цифрового здравоохранения», обеспечивающего новейшие возможности в деле сохранения и поддержания здоровья для различных социальных групп. С 1 января 2018 г. в России вступил в силу закон, регулирующий взаимодействие в сфере телемедицины: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоро-

вья». Телемедицина, или электронное здравоохранение (e-Health), основана на логике интернета версии Web 1.0 и предполагает возможности телеконсультаций и персонального мониторинга здоровья пациента с помощью видео- и аудиоконтактов со специалистами, дистанционную запись к врачу, создание электронных медицинских карт. Однако, цифровизация сферы заботы о здоровье не сводится только к этому. Термин «цифровое здравоохранение» или d-health применяется к широкому кругу практик, ставших возможными в том числе благодаря появлению интернета версии Web 2.0. Речь в том числе идет о так называемом мобильном здравоохранении (m-Health), основанном на использовании мобильных устройств и беспроводных технологий в целях медицинской помощи, а также обеспечения здорового образа жизни человека. Таким образом, к d-Health, представляющему собой объединение e-Health и m-Health, относятся ставший рутинным поиск медицинской информации на электронных ресурсах; широко дискутируемое в публичном пространстве дистанционное взаимодействие врача и пациента на специализированных платформах; сбор больших объемов биометрических данных (big data); участие в онлайн-сообществах в сфере здоровья; онлайн-марафоны и блоги, посвященные здоровому образу жизни; практики селф-трекинга, и др. Д. Люптон [1] также причисляет сюда «цифровые игры, связанные со здоровьем и фитнесом», предполагающие создание виртуальных реальностей, вовлекающих пользователей в различные способы заботы о здоровье, а также «умные» объекты, позволяющие отслеживать геолокацию и физические перемещения людей, и служащие не только для личных, но и для общественных нужд.

В результате, наметившийся тренд цифровизации здравоохранения получил дополнительный толчок в ситуации распространения коронавируса. Изначально задачами подобных преобразований являлись повышение доступности медицинских услуг и качества оказания медицинской помощи; профилактика и превенция различных заболеваний; регулярный мониторинг здоровья на индивидуальном и групповом уровнях; координация деятельности социальных и медицинских служб; рост автономии пациента в вопросах сохранения и поддержания здоровья. Безусловно, замена традиционного посещения врача онлайн-консультацией, возможность получения любой интересующей человека информации медицинского характера в интернете, поиск поддержки в социальных сетях, цифровой самомониторинг здоровья, дистанционные тренировки и др. преобразуют рутинные практики заботы о себе, а также выступают знаком трансформации понимания того, что значит быть здоровым сегодня. Изменениям подвергается и сам институт здравоохранения. Так, например, распространение онлайн-консультирования по медицинским вопросам, с одной стороны, делает взаимодействие между врачом и пациентом более автономным и симметричным, а с другой – более безличным, исключая возможность установления личных связей и погружения в уникальный случай пациента, и не способствующим развитию

долгосрочных взаимоотношений [3]. В условиях пандемии, когда медицинская система оказывается перегруженной, обращение к новым способам поддержания хорошего самочувствия может носить вынужденный характер и получать все большее распространение. Однако, до сих пор отсутствуют систематические данные о вовлеченности различных социальных групп в практики сохранения здоровья, опосредованные цифровыми технологиями, а также о происходящих социальных трансформациях в медицинской сфере, что делает данную проблематику особенно актуальной.

В то же время цифровизация здравоохранения, внедрение инновационных технологий в практики заботы о здоровье предполагают и сопутствующие социальные изменения, а также требуют готовности всех участников медицинского процесса к ним. Возникают риски нового цифрового неравенства и цифровых разрывов, а также усиления традиционных форм – социально-экономических, региональных различий и т.д. Все острее осознается необходимость формирования новых цифровых компетенций – например, умения находить, оценивать и анализировать онлайн-медицинскую информацию и применять ее для решения проблем со здоровьем. Отдельной важной задачей является подготовка квалифицированных медицинских кадров, способных оказывать помощь в новых условиях – как офлайн, так и онлайн. Но, пожалуй, самым важным аспектом происходящих преобразований выступает перенос ответственности за собственное благополучие с социальных институтов на самого человека – сегодня поддержание здоровья становится его обязанностью, зоной его решений и личного выбора. Вопрос в том, насколько россияне сегодня готовы к подобным преобразованиям, которые в перспективе будут лишь усиливаться и все больше трансформировать рутинный мир повседневности.

Список литературы

1. Lupton D. M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society // *Social Theory & Health*. 2012. Vol. 10. № 3. P. 229–244.
2. В пандемию – без поцелуев. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-randemiju-bez-poceluev> (дата обращения: 14.12.2020).
3. Искандерова Л.В. Дискурсивные практики онлайн-взаимодействия врачей и пациентов (на примере медицинского интернет-форума «Health.mail.ru») // *Дискурс*. 2020. Т. 6. №5. С. 73–86.
4. К международному дню пожилых людей. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/26/k-mezhdunarodnomu-dnyu-pozhilyh-lyudej/> (дата обращения: 14.12.2020).
5. Сеть как спасение. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения: 14.12.2020).
6. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова; отв. ред. И.А. Федоров. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2012. 336 с.

Жизнь в условиях пандемии: попытка экзистенциального описания

В статье анализируется повседневный опыт личности в условиях пандемии. Постоянное нагнетание СМИ информации о коронавирусной инфекции COVID-19 и заболеваемость окружающих людей приводят к появлению экзистенциального страха. Его сила буквально парализует личность, оказавшуюся в замкнутых пространствах из-за карантинных ограничений. Выходом из ситуации является необходимость признания опасности заболевания и его последствий, соблюдение рекомендуемых правил, целенаправленное действие, ориентированное на жизнь.

The article analyzes the daily experience of an individual in a pandemic. The constant media escalation of information about the coronavirus infection COVID-19 and the morbidity of the people around them lead to the emergence of existential fear. His power literally paralyzes a person who finds himself in confined spaces due to quarantine restrictions. The way out of the situation is the need to recognize the dangers of the disease and its consequences, adherence to the recommended rules, purposeful action oriented towards life.

Ключевые слова: пандемия, коронавирусная инфекция COVID-19, виртуальная среда, одиночество, страх, смерть.

Key words: pandemic, coronavirus infection COVID-19, virtual environment, loneliness, fear, death.

Жизнь современного человека динамична, а среда его обитания агрессивна и манипулятивна. Но данные характеристики социальных пространств повседневности личность не замечает. Они приобретают флер мягкого прессинга, воспринимаясь в качестве привычного. Другое дело, ситуативность жизни. Она в своей конфликтности и драматичной поворотности помогает остро ощутить негативные моменты бытия, заставляя индивида встряхнуться от рутинного состояния, включиться в жизненный поток и осмыслить его. К числу подобных поворотных ситуаций можно отнести глобальную пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, затронувшую как общество в целом, так и каждого конкретного человека. Чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения приняла глубоко личный характер, обнажив экзистенциальные страхи, понимание хрупкости человеческого бытия, его конечности *вдруг* и ужас осознания смерти (Других/собственной). Пандемия сыграла роль (пока продолжающейся) пограничной ситуации, благодаря которой у большинства людей включился не только инстинкт выживания, но и активизировались интеллектуальные, эмоциональные и творческие способности. Рефлексивное отношение к *сейчас* заставило переосмыслить многие ценности и сделать акцент на значимости жизни в ее многообразных проявлениях. В связи с перечисленным, целью анализа представленной статьи является описание экзистенциальных состояний современной личности, живущей в ситуации пандемии, охватившей весь мир.

Первоначально известие о коронавирусной инфекции COVID-19 и пандемии не затронуло личность, привыкшую к разного рода информации о чрезвычайных ситуациях. Сегодня информация выполняет роль сенсационного события, направленного на привлечение внимания и поднятия рейтинга популярности каналу/изданию/персоне. Как заметил Ж. Батай, «мы живем в трагическом мире, в искусственной атмосфере, завершенной формой которой выступает "трагедия"» [1, с. 138]. Систематическое нагнетание СМИ новостей о пандемии с репортажами из стран бедствия, кадрами из *красных зон* по COVID-19 и приведением статистики заставили индивида обратить внимание на ситуацию, задуматься о безопасности собственной жизни и состоянии своего здоровья. Далее, в целях ограждения людей от заболевания большая часть населения была отправлена на карантин либо переведена на удаленный режим работы. Пропускной режим ограничил время пребывания вне дома, заперев людей в замкнутом пространстве. В условиях самоизоляции обнаружились как положительные, так и отрицательные моменты.

Повседневность современной личности неожиданно сменила свои пространства и темпоритмы. Ее отлаженность и размеренность были практически одномоментно разрушены появлением коронавирусной инфекции COVID-19: «повседневная свойскость подрывается», а присутствие в бытии оказывается «задето ударами судьбы» [4, с. 176, 181]. Последние приводят «к разорванности мира, непрестанному скольжению всех и вся в ничто» [1, с. 141]. Несмотря на внешнее сохранение графика работы, распорядок дня индивида трансформировался, превратившись из жесткого в текучий. Постоянное пребывание дома в окружении членов своей семьи с переключением на деятельность *online* сделало личность потерянной во времени и пространстве. Преобладающее время в новом графике из-за всеобщей самоизоляции стала занимать работа дома в виртуальной среде без непосредственного контакта с людьми. Весь рабочий и учебный процесс, вся коммуникация и деловой оборот были перенесены в сеть. Но взаимодействие в ней обнажило огромное количество симуляций, связанных с отчуждением людей друг от друга, их цифровым лицемерием, дробностью и прерывистостью контактов, нелогичностью информации. Каждому задумывающемуся над происходящим вокруг дистанционное взаимодействие показало парадоксальность ситуации, в которой проявилось *понимание без понимания, эмоциональность без эмоций, соучастность без (со)участия*. Общение приобрело массовый бессловесный характер, дезинтегрируя общественные связи. Взаимодействие в сети продемонстрировало бедность отношений между людьми, что доставляет нередко неосознаваемый дискомфорт. В условиях карантина высветилось обостренное ощущение монотонности повседневной жизни. В ней один день оказался похожим на другой, происходящее в замкнутых пространствах стало не происходящим, созерцание из окна пустых улиц и трасс навевало вселенский ужас.

Окружающая пустота, тишина при гуле коммуникации и страдания от ощущения безысходности в условиях карантина стали своеобразным Вызовом для личности, требующем Ответа. Безопасность пространств бытия индивида была нарушена, что сказалось на его психическом состоянии. Понимание одиночества человеческого бытия заставило личность сосредото-

чится на себе и своем внутреннем мире. Углубление в понимание Я привело к многочисленным вопросам и ощущению незнания, в том числе связанного с конечностью бытия: «откровение пустоты есть не что иное, как средство пасть еще ниже, в бездну отсутствия» [1, с. 135]. Пандемия разомкнула бытие, жестоко обнажив его направленность к смерти как единственной возможности: «смерть как возможное есть... бытийная возможность *присутствия*» [4, с. 222]. Индивид в ограниченных и даже замкнутых рамках новых условий жизни буквально заступил в полосу *возможности смерти*, ощутив ее *подступание-ближе* (М. Хайдеггер). В этом пространстве смерть «обнажается как такая, которая вообще не знает меры, никакого больше или меньше, знаменуя возможность безмерной невозможности экзистенции» [4, с. 224]. Кризисность жизни современного индивида была усилена жест(о)кой ситуацией реальности. Ежедневная манипуляция информацией о COVID-19 с места событий, статистика летальных исходов и визуализация перечисленного усугубили тревожность жизни, дав выход *страху*, нередко глубоко спрятанному в бессознательном. Научное и медицинское сообщества пока не нашли быстрых и эффективных мер борьбы с заболеванием, что обнажило ситуацию «*прогресса к смерти, смерти в результате прогресса как потери своего качества, самости, родовой тождественности*» [3, с. 10]. Ответ на Вызов и пути разрешения проблемы человечеством до сих пор не найдены, а финализация как «возможность безмолвствует, не угрожает, не проклинает» [1, с. 127]. В связи с этим личность остро ощутила свою беспомощность и уязвимость перед лицом инфекции COVID-19, ее непредсказуемых симптомов, пролонгированных последствий и летальных исходов. Бездушная статистика цифр явила предел возможного и финализацию индивидуального бытия. *Бесконечное казнение неведением* (Ж. Батай) в условиях пандемии и карантинных мер приобретает тягостный формат, заставляя испытывать ужас. Вследствие этого существование приобретает страхово-генный, напряженный оттенок, связанный с ожиданием опасности и угрозы для жизни. Как известно, «нужен аффект, катастрофа, чтобы вызволить из пустоты контур видения» [2, с. 9]. В итоге смысловые акценты повседневности сместились к пониманию предела человеческого бытия. Страх и ужас заставили личность понять направленность ее жизни к пределу, к финальной точке. Индивид в условиях пандемии ощутил собственное *бытие-к-смерти*, что стало истощать его жизненные силы и оказывать воздействие на психику. Как известно, «страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честолюбие», «подрывает уверенность в себе и душит воображение» [2, с. 7]. Это состояние заставило индивида почувствовать свою *брошенность* в мир и *озаботиться* своим бытием.

Страх как модус расположения в бытии обнажил три своих аспекта: *пред-чем страх, устрашенность* и *о-чем страх* [4, с. 168]. В качестве пред-чем страха выступила коронавирусная инфекция COVID-19, спровоцировавшая пандемию. Она явила собой *страшное в его страшности* (М. Хайдеггер), принявшего угрожающий характер. Вредоносная близость вируса сформировала страх перед ним, задев бытие индивида и открыв ему страш-

ность проникновения в тело (устрашенность). Заболевание коронавирусной инфекцией COVID-19 стало *страшащим существом присутствием* (о-чем страх). В итоге индивидуальное бытие-в-мире приняло форму *бытия-при-опасности-в-страхе*. Благодаря внушению СМИ информации о непредсказуемости поведения вируса в организме в бытии личности страх приобретает оттенок жути, *бытия-не-по-себе*, что оказывается новой «экзистенциальной возможностью сущностного расположения» [4, с. 171].

Страхогенность существования демонстрирует индивиду его рамки, тесноту в них и невозможность вырваться из этого плена, рождая ужас от осознания скованности, ограничения свободы и пределов бытия. Как замечает Ж. Батай, «край возможного является той точкой, в которой человек... не может уже пойти дальше» [1, с. 128]. Данный страх задевает личность в ее присутствии в бытии, поднимая из бессознательных глубин *Нечто родовое*, присущее человечеству. Ежедневное нагнетание катастрофичности последствий инфекции COVID-19 усиливает экзистенциальный страх, обнажая его *депрессивную бесчеловечность* (А. Демичев).

Следствием страхового модуса бытия оказывается (рас/по)терянность: индивид не знает в каком направлении двигаться, лишаясь своих защитных (эмоциональных/психологических/творческих/деятельных) ресурсов. Страх перед неизвестностью будущего усугубляется статистическими данными и информацией о летальных исходах. Это ставит личность в тупиковую ситуацию, связанную с вопрошанием: ради чего нужно что-то предпринимать, если конечный итог смерть? Индивид пронзает «собой пустую глубину, а пустая глубина пронзает» его, в итоге «самость и неизвестность переливаются друг в друга» [1, с. 151, 152]. Страх начинает заполнять пространства бытия, обнаруживая себя не только во внешнем, но и внутреннем мире личности. Страх буквально поглощает индивида, пребывающего в неподвижности в замкнутом пространстве. Время, проведенное на карантине и в условиях пандемии, демонстрирует индивиду «убегание всего, что казалось истинным» [1, с. 139]. Нарастающая волна страха буквально накрывает индивида, оказавшегося во власти его интенсивной силы.

В условиях объявленной во всем мире пандемии мир буквально рассыпался: «рушится само здание разума, в миг невысказанного мужества рассеивается вся его величественность; из этих руин поднимаются шаткие останки, им не успокоить чувства смятения» [1, с. 129]. Необходимость движения повергает индивида в панику: он не знает, в каком направлении продолжать путь. Жизнь приобретает угрожающий характер, рождая подозрительность к бытию, окружающим людям и состоянию своего здоровья. Появляются многообразные фобии, связанные с боязнью выхода из дома, проезда в транспорте, непосредственного контакта с людьми и пр. Особый ужас вселяют новые постройки инфекционных больниц: они напоминают безжизненные ангары, гаражи или временные бытовки. Олицетворяя своим внешним видом *деградацию архитектуры* (А. Макаров), они рождают пессимистические настроения.

Страх оказывается пусковым механизмом довольно разноплановых действий индивида. «Краю возможного предпологает смех, экстаз, трепетное

приближение смерти, предполагает заблуждение, тошноту, непрерывное брожение возможного и невозможного и в конечном итоге разбитое, однако желанное состояние казни, его медленное и постепенное поглощение отчаянием» [1, с. 128]. В зависимости от характера и жизненных обстоятельств человек становится «жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным» [2, с. 7]. Он либо подчиняется требованиям в социальном, связанном с карантинным режимом самоизоляции, либо идет против системы, нарушая правила и пускаясь во все тяжкие. Убаюкивая «себя надеждой избежать разрушений» [1, с. 152], личность либо мобилизует ресурсы, либо уповаает на счастливую участь, либо отдается во власть Бога. Нередко происходит и забывание себя, выдающее смятение личности, брошенной в ужас ситуации. Но любое подобное отклонение от ситуации оказывается *бегством от*, обнажая *бытие к смерти* [4, с. 196].

В заключении подчеркнем следующие моменты. Эпидемиологический Вызов современности приобрел философское измерение. Пандемия стала мощным водоразделом в бытии индивида, разделив жизнь на *до*, *во время* и *после*, на понимание ценности существования *до* (прошлое), затянувшегося страхового *во время* (настоящее) и предвкушение более насыщенной жизни *после* (будущее). Пандемия приобрела метафизическое измерение, поставив индивида в затруднительное положение перед своим мощным Вызовом, на который пока не найден достойный Ответ. Растерянность, пессимистические настроения и потеря жизненных опор, связанных с целенаправленным движением, усугубляют кризисность бытия современной личности. Пандемия играет роль продолжительного обряда инициации, знаменующую собой переход на иной этап развития. Именно пандемия, сыграв роль метафизического дара людям, повернула человека лицом к смерти, заставив осознать конечность бытия и пересмотреть свою жизнь, очистив ее от примеси лжи, характерной для современности. Карантинные меры вселили в личность ужас от замкнутых пространств и невозможности быть свободным. Единственным способом продолжить путь в мироздании оказывается осознание, что коронавирусная инфекция COVID-19 навсегда поселилась в социуме и ею переболеет все население земного шара. Рациональное понимание ситуации заставляет продолжить движение в бытии, сделав усилие над собой и построив планы на будущее. Реальное действие преодолевает вселенский страх и ужас, заставляя их (иллюзорно/временно) отступить. Особую роль в подобной ситуации играет надежда: в своей *обнадеженности* она буквально ведет *обнадежившего*, что нейтрализует страх и вселяет веру в будущее.

Список литературы

1. Батай Ж. Человек перед страхом смерти и пустоты // Ж. Делюмо, Ж. Батай. Пустота страха. М.: Алгоритм, 2019. С. 126–167.
2. Демичев А. Введение // Ж. Делюмо, Ж. Батай. Пустота страха. М.: Алгоритм, 2019. С. 7–9.
3. Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
4. Хайдеггер М. Экзистенция страха и бытие к смерти // Ж. Делюмо, Ж. Батай. Пустота страха. М.: Алгоритм, 2019. С. 168–229.

ДЕТИ, ОБРАЗОВАНИЕ И «ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ»

В.Н. Бенда, Н.Д. Козлов

К вопросу о проблемах воспитания в учебных заведениях в первой половине XVIII в.

В статье рассматриваются отдельные аспекты организации и результативности воспитательного процесса в учебных заведениях Российской империи, действовавших в первой половине XVIII в. В научный оборот впервые вводятся ранее неопубликованные и мало изученные источники.

The article discusses some aspects of the organization and effectiveness of the educational process in educational institutions of the Russian Empire that operated in the first half of the XVIII century. Previously unpublished and poorly studied sources are introduced into scientific circulation for the first time.

Ключевые слова: XVIII в., военные и гражданские учебные заведения, учащиеся, образование, воспитание, Сухопутный шляхетный кадетский корпус.

Key words: XVIII century, military and civil educational institutions, students, education, upbringing, land gentry cadet corps.

В ранее опубликованных работах нами уже рассматривались отдельные аспекты организации воспитательного процесса в учебных заведениях, организованных и действовавших в России на протяжении XVIII столетия [4; 5].

В данный период отчётливо прослеживалась взаимосвязь между такими понятиями как «образование и служба», «воспитание и дисциплина». Первостепенной задачей образования являлось привитие обучающимся умений и навыков, необходимых им при их дальнейшей службе государству на гражданском или военном поприще. Причём следует заметить, что важнейшим результатом образования не обязательно предусматривалось нравственное усовершенствование человека. Привитие обучающимся в военно-специальных и других учебных заведениях, каких-либо однообразных морально-нравственных норм, качеств и правил поведения было трудной задачей. В первую очередь, это сложно было предусматривать потому что ученики, поступая в школу, *должны были присягать, несмотря на то, что многие из поступающих не только не достигли совершеннолетия, но едва выходили из периода младенчества* (здесь и далее курсив наш – В.Б., Н.К).

По инструкции учителям нижегородских школ, данной в 1738 г., ученики и учителя должны были принести перед открытием школы присягу, что будут «...действовать вся в силе указов ЕИВ – безленно со всяким прилежанием, пренебрегая всякие свои угодия и успокоения и не притворяя себе никакого невежества и во всем поступать как доброму слуге и подданному принадлежит» [8, с. 193]. Заметим, что общие формы присяги на вернопод-

данство Анне Иоанновне были утверждены в 1730 и 1731 гг. Например, в соответствии с манифестом Анны Иоанновны, изданным 28 февраля 1730 г. повелевалось чтобы «...все верные наши подданные, как духовного, так и светские в Москве присутствующие и во всей нашей всероссийской империи обретающиеся в верности своей к нам, яко самодержавной государыне присягали, и на том слово и крест целовать и к оной подписываться» [1, л. 21].

Другим примером, подтверждающее вышесказанное, служит ситуация с контингентом обучавшихся в Московской артиллерийской словесной школе, в которой велась предварительная подготовка к дальнейшему обучению в арифметической школе (следующая ступень обучения – В.Б., Н.К.). В эту школу в период с 1736 по 1744 г. для обучения было принято 49 детей, из которых 1 ребёнок был в возрасте 7 лет, 5 детей в возрасте 8 лет, 3–9 лет, 14–10 лет, 3–11 лет, 11–12 лет, 4–13 лет, 2–14 лет, 4–15 лет и один в возрасте 16 лет [2, л. 652 об.].

Вряд ли можно говорить о какой-либо организации и результатах полноценного воспитательного процесса в образовательных учреждениях, когда ученики школ и других учебных заведений испытывали крайнюю нужду, как в пропитании, так и в наличии элементарной одежды. 10 июля 1724 г. Пётр I проходил по классам арифметики и геометрии в Санкт-Петербургской морской академии. То, чем он был поражён более всего, выразилось в следующем вопросе «...чего ради имеется в учении учеников не весьма много также и скудные (т.е. худо одетые)». Ему отвечали, что многие бедные ученики своего ничего не имеют, а жалование получают с недоимками, и то не деньгами, а товарами» [6, с. 53]. После посещения академии Петром I, мгновенно все ожило и поправилось. Петр I приказал провести расследование этого вопиющего факта, в результате которого было установлено, что 85 учеников «за босотою и не имением дневного пропитания» не ходили в школу 3, 4 и даже 5 месяцев, а из них 55 человек объявили, что «кормились вольной работой» [6, с. 53]. В данном случае, Коллегия приказала немедленно выдать всем, кому причиталось заслуженное жалование, и в этом вопросе был наведен должный порядок.

Также сложно было достигнуть однородности воспитательных мер. В зависимости от характера того или иного ведомства, в подчинении которого находилась та или иная школа, изменялись и воспитательные приёмы.

В духовном сословии, наиболее приближённом к условиям повседневной жизни населения империи, воспитательные меры были скопированы с тех порядков, которые были установлены древнерусской администрацией в провинциях. Например, в соответствии с инструкцией от 24 декабря 1738 г., данной «...по именному указу из Нижегородской архиерейской домовою консистории славяно и греко грамматических школ...» [9] предписывалось для надзора за учениками, для «...всегдашнего их страха и воспреещению самовольных худых поступков...» выбрать из них десятников и пятидесятников, и сотников, и старосту, людей добросовестных, иметь всегда крепкое смотрение» за соблюдением учениками учебной дисциплины и «...безчинного и за-

зорного жития, пьянства, лакомства и всякой игры, брани, драк, краж и обманов и прочих тому подобных... отнюдь никто не чинил» [9, с. 24]. Если же кто-то из учеников проявлял леность и нерачительность в учебе, самовольно покидал школу, совершал какие-либо проступки типа пьянства, брани, ссор и т.д., то, если сами учителя это не увидят или об этом не узнают – тогда следовало о замеченных проступках десятникам докладывать пятидесятникам, эти сотникам, сотники старостам, старосты – учителям [9, с. 24]. В таких случаях, учителям, после тщательного разбирательства с виновным в совершении того или иного проступка, предписывалось наказывать виновных: за легкие проступки, кроме краж и других тяжких проступков, *в первый и другой раз наказывать словесно*, чтобы в последующем виновные не проявляли лености, не нарушали учебную дисциплину и не совершали каких-либо проступков. *Если же школьник совершал проступок или продолжал нарушать дисциплину в третий раз, то в этом случае* – «...при собрании прочих учеников смирить шелепами (веревочный кнут с короткой рукояткой – В.Б., Н.К.), *в четвертый и пятый раз* – плетью и тюремным арестом на неделю. Если же такие меры наказания не могли вразумить нарушителя, то предписывалось таковых заковывать в кандалы на ногах и под охраной караула, за счет нарушителя доставлять в учреждение при епископе по управлению епархией [9, с. 24–25]. Если кто-то из учеников был уличен в краже или в совершении других тяжких проступков, то таких *даже в первом случае их виновности* необходимо было также в ножных кандалах под охраной караула доставлять в учреждение при епископе по управлению епархией к судье духовных дел для принятия им решения о наказании виновника [9, с. 25].

Система воспитательных мер и воздействия на обучающихся в военно-учебных заведениях была более действенной и результативной, чем в гражданских. *В военно-учебных заведениях организация воспитательной работы основывалась на установленном порядке взаимоотношений между военнослужащими русской армии и флота.*

В Санкт-Петербурге в соответствии с указом императрицы Анны Иоанновны от 29 июля 1731 г. [11, с. 519] был учрежден Сухопутный кадетский корпус, в штате которого предусматривалось обучение 200 детей российских, эстляндских и лифляндских дворян в возрасте от 13 до 18 лет (150 детей российских дворян и 50 детей эстляндских и лифляндских дворян и иностранцев, состоящих на русской службе – В.Б., Н.К.). В соответствии с Уставом кадетского корпуса от 18 ноября 1731 г. [11, с. 557–559] и штатным расписанием [12, л. 485–492 об.], воспитанники корпуса разделялись на две роты по 100 человек в каждой, во главе с ротным руководством (прапорщик, подпрапорщик, 4 капрала и 13 гренадер) [7, с. 4–5]. С тех пор, в этих заведениях ротная дисциплина поддерживалась так же, как и во всех строевых подразделениях. В соответствии с общим армейским уставом определялась градация низших чинов, т.е. кадет [8, с. 196].

Кадеты размещались в одном доме, который для них считался казармой, в которую они были собраны «дабы они меньше гулянием и непристойными

обхождениями и забавами напрасно время не тратили, но во всем как в учении, так и в прочем их состоянии и поведении над ними непрестанно иметь надзирание. Каждый класс при своих офицерах и надзирателях помещался в особых комнатах по 6–7 человек в каждой» [10, с. 9]. Надзирателям вменялось в обязанность наблюдать за поведением кадет и чтобы «лжи и неверности и прочие шляхетству непристойные пороки заранее у них весьма искоренены были» [10, с. 11]. В случае выявления нарушений установленных правил и норм поведения кадетами или другими служащими кадетского корпуса, а также при возникновении между ними конфликтных ситуаций, проводились специальные расследования. Например, в декабре 1741 г. в канцелярии третьей роты кадетского корпуса опрашивались сержант Полчеинов и кадет Скобелицин по поводу произошедшей между ними ссоры. Опрашивались как сами участники ссоры, так и свидетели этого конфликта [3, л. 6].

Любопытно ещё одно средство так называемого «надзора» или контроля за кадетами. Все деньги, которые присылали родственники кадетам, они обязаны были предъявлять начальнику корпуса и не расходовать их без его разрешения [10, с. 12].

В заключение отметим, что для той поры в вопросах воспитания было характерно то, что наказания, имевшие уголовную направленность или характер, не были предусмотрены никакими общими законами. Право определения тех или иных видов наказаний, было предоставлено администрации, которая в своих инструкциях определяла виды наказаний и порядок их применения на практике.

Список литературы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3285.
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 402.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 417.
4. Бенда В.Н. Нарушения дисциплины и правопорядка школьниками и кадетами в учебных заведениях России в XVIII в. // История повседневности: науч. журн. 2018. №1(6). С. 62–75.
5. Бенда В.Н., Козлов Н.Д. Зарождение и развитие теории и практики воспитательного процесса в военно-учебных заведениях России XVIII в. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Верременко. СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2018. Т. 2. С. 115–120.
6. Веселаго Ф.Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: б.и, 1852. 366 с.
7. Висковатов А.В. Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб.: Тип. Главного штаба Его императорского величества, 1832. 121 с.
8. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. I. Система профессионального образования (От Петра I до Екатерины II). Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1874. 332 с.
9. Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 17. М.: Университетская тип., 1853. 377 с.

10. Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства) / сост. полк. Н. Мельницкой. Т. 1–4. СПб.: Тип. Глав. штаба е. и. вел. по воен.-учеб. заведениям, 1857–1860. Т. 1. Ч. 1. 1857. 140 с.

11. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. (ПСЗ. Собр. 1). Т. VIII (1728–1732). СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 1014 с.

12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 7. Кн. 391.

Е.А. Калинина

Организация женских духовных училищ в XIX в. (на примере училища для девочек духовного звания в Олонецкой епархии)

Дочери российских священнослужителей до первой трети XIX в. ограничивались элементарным домашним воспитанием – приучением к рукоделию и домашнему хозяйству. Девочки чаще всего умели читать по букварю, часослову и подписывать свое имя и фамилию, получая навыки чтения и письма от отцов или братьев. На основе архивных и документальных материалов автор на примере Каргопольского училища для девочек духовного звания в Олонецкой епархии раскрывает особенности организации женских духовных училищ в XIX в. Эти учебные заведения давали первоначальное образование и открывали возможность работать учительницами в церковно-приходских школах, принося значительную пользу для женского образования в селах Олонецкой губернии.

Daughters of Russian clergymen until the first third of the 19th century. were limited to elementary home education – training in handicrafts and household chores. Girls most often knew how to read the ABC book, the book of hours and sign their first and last names, gaining reading and writing skills from their fathers or brothers. On the basis of archival and documentary materials, the author, using the example of the Kargopol school for girls of clerical rank in the Olonets diocese, reveals the peculiarities of the organization of women's religious schools in the 19th century. These educational institutions provided initial education and opened up the opportunity to work as teachers in parish schools, bringing significant benefits for female education in the villages of Olonets province.

Ключевые слова: женское образование, церковь, священнослужители, духовное училище, Олонецкая епархия.

Key words: women's education, church, priests, theological school, Olonets diocese.

Первоначально большинство женских духовных училищ учреждались при монастырях. Так, в 1830-х гг. в некоторых российских епархиях при женских монастырях стали возникать приюты для девочек-сирот из семей священнослужителей, которые создавались с благотворительной целью: дать «убежище неимущим, куда голову приклонить» [8, с. 27]. В них дочерей из семей духовного сословия обучали элементарной грамоте и навыкам рукоделия. Школы находились на полном содержании монастырей и под непосредственным надзором их настоятельниц. Несомненно, важную роль играло

бесплатное преподавание предметов и присмотр за ученицами монахинями и послушницами. Поэтому местные преосвященные ратовали за обустройство девичьих школ при женских монастырских обителях.

С 1840-х гг. в России стали открываться училища для девиц духовного звания. Одна из первых таких школ появилась в Москве, затем в 1843 г. в Царском Селе, в 1844 г. – в Самаре, в 1846 г. – в Ярославле, в 1851 г. – в Рязани, в 1853 г. в Казани, в 1854 г. – в Иркутске. Как указывает дореволюционный историк духовного образования И. Преображенский, в 1855 г. таких училищ было 24, в них обучались около 500 чел., к 1868 г. уже в 28 епархиях существовали подобные училища [6, с. 212]. Расширение сети женских духовных школ продолжилось и в 1860-е гг. Так, в 1861 г. открылось Виленское, в 1863 г. – Подольское, в 1864 г. – Полоцкое, Витебское и другие женские училища.

Организация и открытие духовных школ для девочек шло медленно из-за недостатка денежных средств, из-за отказов монастырей открывать у себя училища, а также нежелания духовенства отправлять своих дочерей в училища. В некоторых епархиях создание женских училищ затягивалось на длительное время. Например, духовенство Архангельской епархии по предложению преосвященного Варлаама (Успенского) в 1854 г. согласилось отчислять по 2% от жалованья и процентный сбор с церковью епархии на содержание женского училища при женском монастыре в Холмогорах. В этом же году были собраны первые денежные взносы. Однако назначение нового преосвященного в Архангельскую епархию Нафанаила (Савченко), который не имел особенного желания на открытие женского училища в Холмогорах, изменил ситуацию далеко не в пользу школы. Духовное училище для девиц духовного звания в Архангельске открылось только в октябре 1863 г. [7, с. 128–129].

Главной целью создания женских школ явилось дать образование и воспитание дочерям духовенства, чтобы они могли быть «достойными супругами служителей алтаря Господня и попечительными матерями, которые возвращали бы детей своих в правила благочестия и добронравия» [8, с. 27]. Девочек обучали религиозным и общеобразовательным предметам. В курс обучения также входили способы воспитания малолетних детей, основы медицины, ознакомление со свойствами лекарственных растений. Воспитанницы изучали основы домашнего хозяйства: стирать белье, подметать и мыть комнаты, готовить еду и шить белье. Во многих училищах имелись огороды, сады, скотные двора, птичники.

Инициатором открытия училища для дочерей священнослужителей Олонецкой епархии стал преосвященный Аркадий (Федоров). В 1851 г. он предложил его устройство при Каргопольском Успенском женском монастыре, который по сообщениям благочинного священника отличался от других обителей «по скудости способов в хозяйстве». Тем не менее настоятельница монастыря игуменья Эмилия в открытии школы не отказала: «монастырь рад содействовать во всем и готов предоставить каменный корпус по правую

сторону от соборной церкви, выстроенный в 1813 г. иждивением бывшего настоятеля Палеостровского монастыря игумена Иоасафа (Белоусова)» [1, с. 219]. Отметим, что окончательное решение об открытии женского училища было принято Олонецкой духовной консисторией в 1852 г. [2, л. 107].

«Проект устава училища женского пола, открытого при Каргопольском Успенском монастыре» было доверено составить протоиреям Ф.С. Рождественскому и А.И. Нечаеву, а также преподавателю Олонецкой духовной семинарии И.И. Другову [4, л. 1–13]. В проекте Устава были обозначены принципы устройства женского училища, способы его финансирования, программа обучения. В сентябре 1854 г. Устав был одобрен в Олонецкой Духовной консистории и отправлен в Святейший Синод [4, л. 40].

Утверждение проекта Устава для Каргопольского женского училища в высших духовных инстанциях проходило в течение нескольких лет. Первоначально с Уставом познакомился преосвященный Симбирской епархии Феодотий (Озеров), который дал ему положительную оценку и одновременно высказал некоторые замечания по поводу обустройства училища в монастырском доме и программы школьного обучения. По мнению преосвященного, помещение школы в здании монастыря было бы «стеснительно для монастыря и неудобно для самого училища... Полезно со временем приобрести для училища свой дом». Он также предложил включить в учебную программу изучение грамматики, прядение льна, шитье одежды, вязание чулок и перчаток, низание бисера. Занятия же домашним хозяйством: ухаживание за домашней скотиной, полевые, сенокосные и огородные работы, «сопряженные со многими неудобствами, известными вне училища без нарочитой науки могло и не входить в учение обязательное для воспитанниц» [5, л. 44].

30 декабря 1857 г. Святейший Синод разрешил открыть Каргопольское училище для девочек. В училище принимались сироты из священнических семейств от 7 до 10 лет (на суммы епархиального попечительства) и «девицы всех сословий, православные, единоверческие и раскольнические со всей епархии», имевшие родителей (на собственный счет) [4, л. 1]. Школьный бюджет составлял 292 р. 12 к. в год: на жалованье трем наставникам 250 р., на содержание училищного дома – 23,50 р., на свечи – 4,12 р., на поддержку здания и другие потребности по дому – примерно 14,50 р. [4, л. 15].

25 мая 1858 г. состоялось торжественное открытие девичьего училища в Каргополе. В школу поступило 16 девочек: 13 на казенное содержание (из них 7 сирот) и 3 своекоштных воспитанницы. Воспитанницы изучали чтение по церковной и гражданской печати, чистописание, арифметику, начатки христианского учения, нотное пение, счисление на счетах, отечественную историю, всеобщую географию, историю и географию Олонецкого края, историю раскола. Отметим, что программа Каргопольского женского училища соответствовала курсу обучения мужских уездных духовных училищ. Девочек также обучали рукоделию (прядению льна, выделке холста, шитью, вязанию, вышиванию шелками) и способам ведения домашнего хозяйства, огородничеству, полеводству, животноводству, птицеводству. Для сельско-

хозяйственных занятий в училище имелся огород. С 1867 г. в расписании Каргопольского женского училища появился новый предмет – педагогика.

Училище, располагавшееся в стенах Каргопольского женского монастыря, было в полном смысле монастырским – воспитанницы жили в кельях монахинь, спали на жестких кроватях, заправленных холщовым бельем, по будням ели из деревянных тарелок. Стол для них состоял из рыбы и других кушаний, употребляющихся в монастырях, говядина исключалась. Утро каждого дня, начало и окончание каждого дела освящалось молитвой. Занятия велись в первой половине дня: с 8 до 11 ч утра, а послеобеденное время посвящалось занятию рукоделием и домоводством. В воскресные и праздничные дни воспитанницы посещали церковь. В свободное время им дозволялось пение священнических духовных песен, а также прогулки по монастырю и его округе в сопровождении надзирательниц.

Первой начальницей училища стала игуменья Раиса. Вместе с ней в училище работали две надзирательницы. Священническая жена М. Аверкиева занималась хозяйственной частью по заготовке всего необходимого для содержания воспитанниц пищей, одеждой, и монахиня Аркадия обучала девочек рукоделию. Они не получали за свои труды никакого денежного вознаграждения. За поведением и прилежанием девочек наблюдали монахини, а общеобразовательные предметы воспитанницам преподавали каргопольские священники.

Финансирование училища предполагалось полностью на епархиальные средства: из местного попечительства о бедных духовного звания и из духовных капиталов Олонецкой епархии, а также привлечение благотворительных пожертвований. Судя по финансовому отчету о приходе и расходе сумм Каргопольского училища для девочек, составленному настоятельницей в 1858 г., в бюджет училища поступило 823 р. 64 к.: единовременное пособие из Святейшего Синода на первоначальное обзаведение – 100 р. 64 к., из Олонецкого епархиального попечительства на содержание воспитанниц пищей и одеждой – 350 р., на жалованье наставникам – 150 р., на содержание училищного дома – 30 р., а также пожертвования – 193 р. [5, л. 3–6]. Однако в последующие годы эта сумма значительно снизилась. Постоянного финансирования от Святейшего Синода не было, благотворительные пожертвования ограничивались сладкими подарками по праздничным дням, поэтому материальное финансовое положение училища полностью зависело от епархиальных средств, которые были скудны и непостоянны. Как правило, этих сумм хватало только на скромное содержание воспитанниц, а начальница, надзирательницы и учителя работали безвозмездно. Для улучшения материального положения школы преосвященный Аркадий (Федоров) постоянно обращался в Святейший Синод просьбами об оказании дополнительной материальной помощи женскому училищу, но эти просьбы оставались без внимания.

Ревизорские отчеты о состоянии учебно-воспитательной работы в девичьем училище и ежемесячные рапорта настоятельницы преосвященному иллюстрируют повседневную жизнь учениц. Первую ревизию училища провел

Ф.С. Рождественский уже через месяц работы, в конце мая 1858 г. Он отметил, что воспитанницы по классу арифметики кратко проходили понятия об арифметике, происхождении чисел, их изображения, выговаривали и складывали однозначные числа. По классу пения все воспитанницы приучались петь понаслышке. По классу чтения по сокращенному молитвослову прочли до тропарей кондаков и молитв, читали по складам. На чистописании писали в прописях [4, л. 139].

В сентябре 1858 г. училище обозревал игумен Александро-Ошевенского монастыря Нафанаил. Он экзаменовал учениц в знании молитв, символах веры, 10 заповедей, в изучении начальных правил арифметики, церковного пения и чтения по церковной печати. Кроме того, девочки рассказывали историю жизни той святой, которой носили имя. Подводя итоги ревизии, Нафанаил заметил, что успехи обучения учениц «очень замечательны», наставницы, «будучи проникнуты сознанием своего», дела способны и благонадежны [4, л. 146].

Отчеты ревизоров содержали не только описание проведения экзаменов, уровень знаний воспитанниц, но и предложения по дальнейшему развитию училища. Так протоирей Ф.С. Рождественский в своем отчете по итогам ревизии в октябре 1858 г. предложил добавить в расписание будничных дней училища завтрак: по утрам давать «легкий завтрак, например, хлеб с маслом, либо картофелем. По воскресным и праздничным дням его не подавать» [5, л. 158 об.]. Еще одно предложение ревизора касалось изделий, изготовленных руками воспитанниц на уроках рукоделия, которые он рекомендовал продавать, а «выручаемая сумма могла обратиться частью на поддержание занятий новых рукоделий и частью в общую сумму училища» [4, л. 158 об.].

Дом Успенского женского училища, первоначально казавшийся удобным, с увеличением численности учащихся оказался тесным. В связи с этим в 1858–1859 гг. было принято решение о строительстве второго этажа в училищном доме. Летом 1859 г. второй этаж для училища был построен. С 1860 г. численность воспитанниц в Каргопольском училище увеличилась. Если в 1859 г. в нем обучалось 25 девочек (19 сирот и 6 на содержании родителей), то в 1860 г. – 45 чел. Увеличение количества обучающихся девочек способствовало назначению постоянного финансирования училища со стороны Святейшего Синода. Так, с 1860 г. «по неимению у епархиального начальства средств... на большее число девиц сирот духовного звания» Синод определил ежегодное финансирование на содержание 20 воспитанниц в Каргопольском девичьем училище по 500 р. в год, а с 1863 г. повысил эту сумму до 970 р. в год из духовно-учебного капитала [3, л. 15 об.]. Тем не менее, несмотря на увеличение финансирования, материальное положение училища оставалось тяжелым. Важно отметить, что все ревизорские отчеты содержали просьбы о выделении дополнительных материальных средств училищу на его содержание и денежных вознаграждений начальнице, надзирательницам и учителям за их труд.

Несмотря на все трудности, Каргопольское женское училище для дочерей священнослужителей продолжало свое развитие. В нем обучались девочки из разных уездов Олонецкой губернии. Это было первое учебное заведение в Олонецкой епархии, где дочери священнослужителей и девочки, оставшиеся без попечения родителей, могли получить первоначальное образование. Многие из них впоследствии работали учительницами в церковно-приходских школах и внесли существенный вклад в дело народного просвещения Олонецкой губернии.

Список литературы

1. Кожевникова Ю.Н. Просветительская деятельность монастырей Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX вв. // Православие в Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008.
2. Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 25. Оп. 1. Д. 31/32.
3. НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 48/7.
4. НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 8/322.
5. НА РК. Ф. 25. Оп. 3. Д. 9/145.
6. НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 28/27.
7. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891. СПб., 1901.
8. Санакина Т.А. Православное духовное образование в Архангельской и Холмогорской епархии в XVIII – начале XX вв. Архангельск: Люция, 2015.
9. Семенов Д.Д. Епархиальные женские училища за первое 50-летие их существования // Русская школа. 1893. № 9/10. С. 27.

Е.В. Пономарев

Вызов революции 1905 г. и передовые учебные заведения России

В статье анализируется реакция преподавателей средней школы на события революции 1905 года. На основе историографического и архивного материалов сравнивается реакция классической и передовой средних школ Санкт-Петербурга на политические события революции 1905-1907 года. Рассматриваются последствия этих событий для преподавателей, а также для системы передовых средних учебных заведений страны.

The article analyzes the reaction of secondary school teachers to the events of the 1905 revolution. On the basis of historiographic and archival materials, the author compares the reaction of the classical and advanced secondary schools of St. Petersburg to the political events of the 1905–1907 revolution. The implications of these events for teachers, as well as for the system of advanced secondary educational institutions, are considered.

Ключевые слова: средние учебные заведения, протесты, революция 1905 г., свободная школа, школьная революция.

Key words: secondary educational institutions, protests, revolution of 1905, free school, school revolution.

События 1905 г. стали вызовом для всей педагогической системы. Однако разные части этой педагогической системы отреагировали на этот вызов по-разному. Современный исследователь Татьяна Ильинична Пашкова называет события 1905–1906 гг., произошедшие в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга «школьной революцией», отмечая, что «Фактически 1905/6 учебный год в Петербурге был сорван, вместо уроков в гимназиях и реальных училищах проходили многочасовые митинги учащихся, с которыми администрация ничего уже не могла поделать» [6, с. 136].

В своей статье «Учительский бунт (к истории волнений в Санкт-петербургском первом реальном училище в 1905–1906 гг.)» [7], анализируя решение преподавателей выразить недоверие к директорам, Т.И. Пашкова приходит к следующим выводам «данный эпизод свидетельствует о том, что в отличие от других педагогических коллективов, привычно рассудивших, что «начальству виднее» и покорно «взявших под козырек», учителя Первого реального училища впервые проявили строптивость» [7, с. 142].

Кроме того, Татьяна Ильинична указывает, что «История конфликта в Первом реальном училище – это уникальный случай солидарных действий части учительского коллектива против своего непосредственного начальства – директора и инспектора учебного заведения» [7, с. 142]. С этим сложно согласиться. Если для казенной школы, происходившее в Первом реальном училище действительно было казусом, то на примере прогрессивных учебных заведений мы наблюдаем совсем иное.

В подавляющем большинстве казенных образовательных учреждений реакцию на вызов событий 1905 г. была довольно типичной: администрация учебных заведений осталась лояльной правительству. Отдельные выступления учителей купировались их увольнением, а выступления целых педагогических коллективов являлись редким исключением. Характерно при этом, что все уволенные учителя, находили себе места в частных учебных заведениях. Так, например, уволенный А.А. Герке поступил в открывшуюся гимназию И.А. Смирнова и Л.Д. Лентовской [4, с. 66].

Однако, если изложенная схема была типичной для казенных заведений, то в «новых», передовых частных школах сложилась иная ситуация.

В отличие от сторонников экспериментальной педагогики, считавших, что «политическими мерами обществу не помочь, его спасет только воспитание новых людей» [8, с. 157], преподаватели передовых средних учебных заведений большое значение отводили политическим методам борьбы для достижения своих целей. К подобному выводу можно прийти на основе воспоминаний учеников таких передовых учебных заведений: «К Маю отдавали своих детей состоятельные, но числившие себя "в оппозиции к правящему режиму" люди» [10, с. 117].

В.А. Веретенко, на примере гимназии М.Н. Стоюниной подчеркивает оппозиционный характер преподавания: «сам подход к открытию гимназии ... predetermined оппозиционный характер учебного заведения как с точки зрения внешней организации учебного процесса, так и внутреннего его со-

держания» [2, с. 39]. Помимо этого, В.А. Веретенко указывает, что «эти внешние проявления «свободы» (безоценочность, связь семьи и школы – прим. авт.) находились в неразрывной связи с действовавшей внутри школы далеко выходящей за пределы допустимого свободы высказываний со стороны преподавательского состава» [1, с. 26].

Именно поэтому в передовых учебных заведениях с жаром отреагировали на события «школьной революции». Рассмотрим реакцию представителей передовых учебных заведений на эти события на примере Тенишевского училища и Гимназии М.Н. Стоюниной.

В фонде Тенишевского училища есть интересный документ: временно исполняющий обязанности председателя педагогического совета гимназии М.Н. Стоюниной В.А. Герд сообщил присутствующим на заседании педагогического совета, о принятом «в зале Тенишевского училища постановлении соединенного заседания педагогических советов следующих учебных заведений С. Петербурга: Женской гимназии Стоюниной, женской гимназии Л.С. Таганцевой, Гимназии Мая, 8-ми классного коммерческого училища в Лесном, Петровского коммерческого училища и Тенишевского училища, присоединиться к политической забастовке, вопрос которой был решен на митинге учителей средних и низших учебных заведений СПб, причем было указано на желательность присоединиться к этой забастовке Педагогических советов в их полном составе. Эта забастовка является выражением сочувствия политической забастовке железных дорог и всех профессиональных союзов» [11, л. 20].

Обратим внимание, представители учебных заведений, взятых для исследования, присутствовали на этом заседании педагогического совета. В фондах гимназии Стоюниной и фонде Тенишевского училища (где собственно и проходило это соединенное заседание) нет протокола этого собрания. Однако, восстановить примерную картину мы можем на основе резолюций педагогических советов учебных заведений.

В тот же день, 17 октября, заседание педагогического совета в присутствии М.Н. Стоюниной состоялось в ее гимназии: «По всестороннем обсуждении вопроса педагогический совет постановил: «что он присоединяется к политической» забастовке учителей Санкт-Петербурга и считает для себя обязательным постановление, сделанное при его участии на соединенном заседании педагогических советов вышеупомянутых учебных заведений 17 октября 1905 г. в зале тенишевского училища» [11, л. 20 об.]. И было принято решение «сообщить родителям учениц на соединенном заседании Совета с родителями» [11, л. 20 об.]. Примечательно, что по этому вопросу не было прений, а значит было принято единогласно. Не высказалась против такого решения владелица и основательница гимназии – М.Н. Стоюнина.

Поскольку забастовка была вызвана манифестом от 17 октября 1905 г., то «Педагогический совет перешел к обсуждению этого правительственного акта и пришел к заключению, что Манифест не дает никаких гарантий, чтобы

высказанные им положения были немедленно введены в жизнь, так как все правительственные акты уже не внушают доверия общества» [11, л. 20 об.].

Далее на заседании педагогического совета заявили, какие именно гарантии должна дать власть, чтобы вернуть утраченное доверие: «1. Амнистия всем политическим преступникам 2. Уничтожение усиленной охраны и всех исключительных законоположений» [11, л. 20 об.]. А после было решено создать резолюцию «Педагогический совет единогласно признает такое заявление желательным и уполномочил 3-х членов совета выработать редакцию такого заявления» [11, л. 20 об.]. Однако на следующем заседании было решено не возвращаться к ней, так как она «утратила интерес» [11, л. 22].

Предполагалось провести беседы с ученицами, но в ходе этих бесед планировалось сообщить не только причину перерыва занятий, но и «выяснение значения манифеста и всего освободительного движения в данный исторический момент. По всестороннем обсуждении этого вопроса признано желательным организовать соответственные беседы, применяясь к возрасту учениц ... а в младших классах этого вопроса совершенно не затрагивать» [11, л. 21]. Беседы с Ученицами провели В.А. Герд и М.Н. Стоюнина [11, л. 21].

Примечательно, что один из преподавателей обратил внимание на то, что «в этих вопросах мало затронуть ум, надо затронуть и чувство. ... Если гимназия имеет целью не только дать знания, но и духовное развитие, важно дать объяснения основательно, не жалея времени» [11, л. 21]. Таким образом мы видим – преподаватели данного частного учреждения действовали не только единодушно с администрацией гимназии, но и с ее владельцем – М.Н. Стоюниной.

Из фонда Тенишевского училища до нас дошло обращение педагогического совета к родителям: «Школа, желающая стоять на высоте своего призвания, в числе других своих задач должна брать на себя содействие в выработке учащимися правильного отношения к фактам политической жизни, принципиально отрицая при этом активное участие в ней самих учеников» [13, л. 100]. То есть преподаватели считали, что они не могут поступить иначе, поскольку любыми своими действиями косвенно влияют на учеников. А готовить учеников к будущей жизни – значит готовить к жизни в том числе политической.

Очевидно, что забастовка также стала ответом на манифест 17 октября: «Принимая во внимание, что крайне обострившаяся в последнее время политические обстоятельства требуют от всякого русского гражданина выражения своего активного отношения к совершающимся событиям, мы преподаватели тенишевского училища присоединились к всеобщей политической забастовке как единственному в настоящую минуту средству политического воздействия» [13, л. 100]. Забастовка продлилась до 24 октября, однако отдельные преподаватели продолжали забастовку и в декабре [3, с. 222].

Познакомимся с дневниками воспитанника Тенишевского коммерческого училища: «Сегодня утром урок географии был весьма интересен. Н<иколай>И<льич> рассказывал нам о быте каторжных на острове Сахалине, о царящем там произволе и о том, в какой вид приводятся естественные богатства острова и т.д. Картина поистине плачевная! И вообще, такова картина всей русской жизни. Бесстыдная эксплуатация, бесконтрольность, грубость, алчность и невежество – все это свило себе прочное гнездо в груди моей бедной родины, и нелегко ей будет освободиться от них» [3, с. 101]. Все это безусловно говорит о свободе высказываний преподавателей училища и подтверждает тезис, выдвинутый В.А. Веретенко [1, с. 25].

И подобная свобода преподавателей не могла не иметь должного эффекта. В октябре 1905-го Виктор Жирмунский записал в своем дневнике: «каждому мыслящему человеку стало ясно, что всероссийская революция коснется и нашей средней школы, что горячо бьющийся пульс общественной жизни создаст и среди нас партийную борьбу ... и вовлечет в стихийный водоворот борьбы» [3, с. 213]. Во время начавшейся «школьной революции» часть школьников не стала присоединяться к забастовке, потому что они были «ценящие в учителях их доброе к ученикам отношение и *верящие в их верность освободительному движению*» [3, с. 214].

Поскольку, на совместном заседании педагогических советов, где принималось решение о забастовке, присутствовали представители всех учебных заведений, которые были выбраны для исследования, а решение устроить забастовку было поддержано педагогическими советами, можно прийти к выводу, что стремление к политическим свободам являлось неотъемлемой частью взглядов тех преподавателей, которые поддерживали взгляды сторонников экспериментальной педагогики. Кроме того, в отличие от казенных заведений, где педагогические советы разошлись в вопросах забастовки с директорами [7, с. 142], в передовых гимназиях преподаватели действовали в единстве со своим руководством.

Остается спорным вопрос, как реагировали преподаватели передовых учебных средних учебных заведений Санкт-Петербурга на участие самих учащихся в «школьной революции». Т.И. Пашкова рассматривая этот вопрос на примере государственных школ отметила, что преподаватели «всеми возможными способами старались удержать ситуацию под контролем выработав соответствующие ответные решения» [5, с. 84]. Информация в фондах рассматриваемых учебных заведений скупа на этот счет. Но есть данные, что В.А. Герд, председатель педагогического совета гимназии М.Н. Стоюниной в 1905–07 гг. отметил, «что является сторонником аполитичности школы» [12, л. 8]. Поэтому можно предположить, что, бастуя, преподаватели передовых учебных заведений были против того, чтобы бастовали школьники.

Можно предположить, что подобные передовые частные учебные заведения с радостью распахнули свои двери для преподавателей пострадавших за свои политические действия в ходе революции. Подобный случай характерен для уже упоминавшийся гимназии И.А. Смирнова и Л.Д. Лентовской. В

только что открывшуюся гимназию приняли на работу еще пятерых преподавателей уволенных из казенных заведений. Причины увольнения двух из них известны – их уволили за поддержку всеобщей забастовки осенью 1905 г. [4, с. 66].

В результате, спустя восемь лет, консервативно настроенные современники назовут государственную школу в предисловии к учебнику «рассадником революции за казенный счет» [9, с. 5]. И если такое можно сказать о государственной, то о частных школах подобные выводы можно было сделать без особых усилий.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы. Реакция передовых учебных заведений и казенных оказалась различной. Если в государственных школах количество преподавателей, поддержавших забастовку в 1905 г. невелико, то в передовых частных учебных заведениях практически все преподаватели поддержали забастовку в единстве с руководством и владельцами гимназии. Это связано с тем, что преподаватели этих учебных заведений являлись сторонниками экспериментальной педагогики и как указывалось ранее, считали, что качественные изменения школьной жизни возможно произвести политическими мерами.

Можно выдвинуть гипотезу, о том, что первая русская революция стала катализатором для процессов, протекавших с конца XIX в. – для концентрации преподавателей, ориентированных на изменения школы, в том числе политическими методами, в частных учебных заведениях. Также можно предположить, что, бастуя, преподаватели передовых учебных заведений были против того, чтобы бастовали школьники.

Список литературы

1. Веремко В.А. Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX – начало XX века) // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. 23–24 апреля 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. Т. I. С. 21–27.
2. Веремко В.А. Пансионы в России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 33–39.
3. Жирмунский В.М. Начальная пора: Дневники. Переписка. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 400 с.
4. Пашкова Т.И. «Новая школа» И.А. Смирнова и Л.Д. Лентовской как альтернатива казенной гимназии начала XX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013 № 3 (78) С. 65–69.
5. Пашкова Т.И. Петиции и письма в газеты петербургских школьников 1905–1907 гг. как исторический источник // Актуальные проблемы социальных наук: Герценовские чтения, 2011. СПб., 2012. С. 83–87.
6. Пашкова Т.И. «Смерть бюрократизму!» Петербургские гимназисты о школьной реформе // Родина. 2011. № 12. С. 136–139.
7. Пашкова Т.И. Учительский «бунт (к истории волнений в Санкт-петербургском первом реальном училище в 1905–1906 гг.) // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (26). 2014. С. 132–142.

8. Пономарев Е.В. Общественные взгляды сторонников экспериментальной педагогики начала XX в. (по материалам периодической печати) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веремеенко. СПб., 2018. Т. 2. С. 153–158.

9. Пуришкевич В. Школьная подготовка второй русской революции. СПб.: Электропечатня К.А. Четверикова, 1913. 292 с.

10. Успенский, Л. Записки старого петербуржца Л.: Искусство, 1970. 537 с.

11. Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербург (ЦГИА СПб.). Ф. 148. Оп. 1. Д. 213.

12. ЦГИА СПб. Ф. 148. Оп. 1. Д. 239.

13. ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 7.

Н.К. Гуркина

Проблема кадрового обеспечения школ России в годы Великой Отечественной войны

В работе рассматриваются формы и методы школьной политики государства в годы Великой Отечественной войны, направленные на сохранение, пополнение и повышение квалификации педагогических кадров. Многие постановления конца 30–40-х имели долгосрочное значение и способствовали эффективной кадровой политике в системе образования.

The paper examines the forms and methods of the state's school policy during the Great Patriotic War, aimed at preserving, replenishing and improving the skills of teachers. Many resolutions of the late 30-40s had long-term significance and contributed to an effective personnel policy in the education system.

Ключевые слова: педагогическое образование, кадровая политика, Великая Отечественная война, повышение квалификации, общекультурный уровень учительства.

Key words: pedagogical education, personnel policy, the Great Patriotic War, professional development, general cultural level of teaching.

Система педагогического образования в России окончательно сложилась на рубеже XIX–XX вв. К 1917 г. в стране было 11 университетов и 40 школ университетского типа, выпускники которых могли преподавать в средней школе. Специальную педагогическую подготовку получали в нескольких учебных заведениях: в Санкт-Петербургском и Нежинском историко-филологических институтах, в 9 педагогических институтах и высших курсах [4, с. 5]. В 1916 г., по данным министра народного просвещения П.Н. Игнатьева, в некоторых регионах не хватало до 40% преподавателей как для общеобразовательной, так и для профессиональной средней школы «с соответствующим научным цензом», что тормозило рост народного образования и вело к «понижению уровня преподавания» [9, с. 352].

Учителей для начальной школы России готовили учительские институты (к 1917 г. – 47), учительские семинарии (к 1917 г. – 192), педагогические

курсы, женские гимназии, духовные семинарии, епархиальные женские училища и второклассные церковно-приходские школы [1, с. 54, 63, 81]. По подсчетам педагогической общественности, для заполнения учительских мест в школах страны в 1914 г. требовалось не менее 307 учительских семинарий, признававшихся наиболее приемлемой формой подготовки педагогов для начальной школы [6, с. 7]. Тем не менее, создание сети средних профессиональных педагогических учебных заведений с соответствующей системой образования и воспитания, привлечение в них и материальная поддержка (с последующей отработкой стипендии) выходцев из сельских сословий – крестьянства и духовенства, позволили динамично и достаточно эффективно решать проблему педагогических кадров для народной школы, заложили основу для более масштабной деятельности по осуществлению всеобщего обучения в годы Советской власти.

После 1917 г. многие педагогические учебные заведения (кроме духовных) продолжали существовать, хотя и были преобразованы в педагогические курсы, техникумы и училища, на базе учительских институтов и семинарий создавались педагогические институты. После многочисленных реорганизаций и экспериментов послереволюционного периода последовали постановления высших партийных и государственных органов 1930-х гг., направленные на создание регламентированной школьной системы с четкой структурой и внутренним распорядком, едиными формами организации учебного процесса и оценки знаний. Всеобщность и обязательность обучения, фундаментальность и преемственность в содержании образования, значимость воспитательной работы в школе потребовали роста численности учителей, повышения их образовательного уровня, упорядоченности системы педагогического образования. К концу 1930-х гг. система педагогического образования в СССР состояла из педагогических училищ с трехгодичным обучением, готовивших учителей для начальной школы, учительских институтов, готовившим на базе средней школы педагогов для семилетки, педагогических институтов и университетов, занимавшихся подготовкой преподавателей для средней школы и педагогических училищ. К 1940–41 уч. г. в стране насчитывалось 397 педагогических и учительских институтов и университетов, 199 – имели заочные отделения [7, с. 416]. В РСФСР в 1939 г. открылось 54 учительских и педагогических института, с 212 институтов на 1 января 1940 г. к 1 сентября их количество достигло 227 [8, с. 29].

Образовательная политика Советской власти, нацеленная на развитие страны и личности, привлекла на свою сторону значительную часть дореволюционных педагогов, особенно народных учителей. В 1920-е гг. в педагогику приходили новые поколения, росла численность учителей, но только в 1930-е гг. наблюдался «крутой подъем» – с 481 286 в 1930–31 уч. г. до 858 845 в 1936–37 уч. г. увеличилось число преподавателей средней школы [7, с. 350]. В школах РСФСР в 1940 г. работали 657,4 тыс. педагогов: 364,3 тыс. – в начальной школе, 236 тыс. – в 5–7 классах, 50,4 тыс. – в 8–10 классах, в спецшколах – 6,7 тыс.; 67,1% из них составляли женщины [5, с. 289].

Признавая огромную роль учителя в воспитании и образовании подрастающего поколения, государство приняло в эти годы эффективные меры для улучшения его материального положения, повышения статуса учителя в обществе и престижа педагогической деятельности. Неоднократно повышалась заработная плата учителей, было принято решение о возможности выхода на пенсию после 25 лет работы, открыты 24 дома отдыха и 5 санаториев для педагогов. Были разработаны система льгот для учителей, включающая бесплатные квартиры, топливо и освещение в сельской местности (в городе в новых домах выделялись специальные квартиры для учителей), меры по их снабжению промышленными товарами и продовольствием, по преимущественному поступлению учительских детей в дошкольные учреждения и учебные заведения. С 1936 г. устанавливается звание «Заслуженный учитель», учителя награждаются орденами и медалями. В 1937 г. более 100 учителей были избраны депутатами Верховного Совета СССР и Верховных советов республик [7, с. 351–353].

В чрезвычайно тяжелых условиях оказалась российская школа в годы Великой Отечественной войны. В 1941–1942 уч. г. школу не посещали 25% учащихся. Тысячи школьных зданий были разрушены, заняты под военные нужды. В декабре 1942 г. на 5 790 предприятиях и 1 300 стройках страны работали 1,2 млн подростков, учителя и дети школьного возраста участвовали в боях с оружием в руках. В эвакуацию только по РСФСР пришлось отправить до 600 школ с 63 тыс. учащихся. За годы войны в системе Наркомпроса были созданы 700 интернатов для школьников [2, с. 146, 149; 10].

Огромным вызовом для общеобразовательной школы стала проблема обеспечения педагогами. Призыв учителей в армию, массовая эвакуация, переход на другую работу привели к значительному сокращению численности педагогических кадров, к существенному изменению в их составе: увеличился процент женщин, появилось много слабо подготовленных работников. По мере восстановления школьной системы, с созданием школ рабочей молодежи (1943 г.), вечерних школ сельской молодежи (1944 г.) трудности с кадровой проблемой нарастали. Выпускники педагогических учебных заведений не могли полностью заменить погибших, ушедших на фронт, поменявших в силу разных обстоятельств работу учителей.

В первые годы войны в широком масштабе развернулась подготовка учителей на 6-месячных и 10-месячных педагогических курсах (с 1944 г. – только 10-месячные). С санкции Наркомпроса местные отделы народного образования организовали факультативную подготовку учителей начальных классов из числа учащихся 10 классов средней школы [5, с. 435]. В 1943 г. Совнаркомом СССР было принято постановление «О мероприятиях по укреплению системы заочного педагогического образования», направленное на повышение качества педагогических кадров, обязывающее всех, не имеющих соответствующего образования, получить его заочно, и предусматривающее различные льготы учителям-заочникам, в частности – оплаченную дорогу к месту обучения, освобождение от внеурочной работы в школе. Си-

стемой заочного обучения в педагогических вузах охватывалось 80 тыс. учителей [8, с. 201]. В постановлении 1945 г. «О заочном обучении» для обучающихся предусматривалась тридцатидневная установочная сессия, обеспечение общежитием, дополнительные консультации и ограничение – не более шести экзаменов в год [3, с. 86, 87].

В 1943 г. было принято постановление Совнаркома СССР о возвращении в школы учителей, работавших не по специальности [5, с. 434]. В приложении к Инструкции Наркомпроса по проведению Постановления о повышении заработной платы 1943 г. был опубликован список дореволюционных учебных заведений, окончание которых приравнивалось к педагогическим учебным заведениям советского периода. К окончанию педагогических училищ приравнивались учительские семинарии, церковно-учительские школы, женские гимназии и епархиальные женские училища с педагогическим классом, некоторые медресе. К общему среднему образованию приравнивались мужские и женские гимназии, епархиальные училища, духовные семинарии, к окончанию учительских институтов – дореволюционные учительские институты и различные педагогические курсы (15 наименований), в том числе – женские. Педагогами с высшим образованием являлись все закончившие до революции университеты, Петроградский историко-филологический институт, Педагогическую академию, Женский педагогический институт, Высшие женские курсы, Петроградский психоневрологический институт, институт Лесгафта, технические, медицинские, военные, сельскохозяйственные, художественные вузы, в том числе некоторые частные. Всего в последнем списке 55 позиций, под номером 1, в частности, значится «Все государственные университеты» [3, с. 195–198]. Таким образом, исключалась какая-либо дискриминация педагогов – выпускников дореволюционных учебных заведений, в том числе духовных. Выпускники духовных семинарий и епархиальных женских училищ – выходцы из духовенства, не только нашли себе место в системе образования, но и были удостоены в годы войны государственных наград.

В 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР свыше 5 тыс. учителей и руководящих работников народного образования были награждены орденами и медалями за «успешную и самоотверженную работу в школах РСФСР» [3, с. 216]. В 1943 г. 78 учителям, в 1944 г. 32 учителям было присвоено звание заслуженного учителя школы РСФСР [3, с. 437]. В 1943 г. был учрежден значок «Отличник народного просвещения». Совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1943 г. была повышена заработная плата учителей, зависящая от образования, стажа, педагогической нагрузки; надбавки предусматривались за классное руководство, за проверку письменных работ по математике и русскому языку, за работу в школах Севера и Дальнего Востока, за звание «Заслуженный учитель РСФСР».

Особое внимание в годы войны уделялось работе по повышению квалификации педагогических кадров. В районных педагогических кабинетах российских областей летом 1943 г. были проведены двухнедельные курсы –

семинары для молодых учителей. Сеть институтов усовершенствования учителей в РСФСР выросла с 33 в 1943 г. до 73 к 1945 г., в 1944 г. было проведено Всероссийское совещание директоров институтов по вопросам организации и содержанию работы по повышению квалификации учителей [5, с. 436]. Институты стали переходить к систематической работе с педагогическими кадрами, организуя летние курсы, семинары, лекции, беседы, консультации с привлечением научных работников.

С 1943 г. центром разработки научно-педагогических проблем стала Академия педагогических наук во главе с наркомом просвещения РСФСР в 1940–1946 гг. В.П. Потемкиным. В состав Академии вошли 6 институтов: теории и истории педагогики, методов обучения, психологии, дефектологии, школьной гигиены, педагогического образования. Наряду с разработкой теоретических проблем значительную практическую помощь оказывала Академия пришедшим в школу в годы войны молодым учителям. Были изданы методические пособия по многим предметам школьного курса, Педагогический словарь, серия книг – «Историко-педагогическая библиотека», «Библиотека учителя», «Библиотека школьной гигиены» и т.д., начали публиковаться «Детская энциклопедия», «Педагогическая энциклопедия» в 8 томах, в дополнение к журналам «Советская педагогика» и «Начальная школа» стал выходить журнал «Семья и школа».

В годы Великой Отечественной войны трижды – в 1943, 1944, 1945 гг. прошли Всероссийские совещания по народному образованию, обсуждавшие не только задачи школы военного времени, но и многие педагогические проблемы. Конференции, совещания, собрания руководителей разного уровня, учительства, где происходил плодотворный обмен опытом практической работы, намечались способы и методы совершенствования учебно-методической и воспитательной работы, являлись, по мнению наркома В.П. Потемкина, важным фактором развития народного образования («на них создается советская педагогика»). Выступления наркома на различных мероприятиях, его многочисленные статьи в прессе в годы Великой Отечественной войны играли важную роль в формировании методических основ преподавания гуманитарных дисциплин, в целом – мировоззренческих установок советского учительства, становились руководством к действию в обучении и воспитании школьников.

Неоднократно говорил нарком о ведущей, организующей роли учителя, педагогического коллектива в учебном процессе, в воспитании школьников, о повышении его авторитета, удовлетворении его профессиональных, культурных и материально-бытовых нужд. Важнейшим фактором повышения качества обучения и воспитания являлось, по мнению В.П. Потемкина укрепление порядка и дисциплины в школе: «Пусть установится известное единство требований, предъявляемых к учащимся. Побольше требовательности, поменьше интеллигентского либерализма, конец системе упрощения и уговаривания учеников...» [8, с. 164–165]. В 1943 г. СНК РСФСР утвердил «Правила для учащихся» из 20 пунктов, в которых были сформулированы морально-нравственные установки советского школьника и жестко регла-

ментировалось его повседневное поведение [3, с. 178–179]. В приказе Наркомпроса РСФСР 1944 г. «Об укреплении дисциплины в школе» подчеркивалась ведущая роль директора и учителя, обязанных постоянно совершенствоваться в вопросах теории и практики педагогики, организовывать «педагогическую пропаганду» для родителей, а главное – быть «умелым преподавателем» [3, с. 180–181].

Общекультурный и научный уровень многих молодых преподавателей (особенно после краткосрочных курсов) явно не дотягивал до того стандарта, к которому стремился нарком: «Для учителя школа есть средоточие его жизни и деятельности...учитель упорно, усердно трудится во имя культуры. Он любит и лелеет книгу, он чтит науку и искусства, внушает уважение своим ученикам к библиотеке и к памятникам старины... Советский учитель должен быть увлекающим, обаятельным примером для учащейся молодежи – всегда, всем, даже внешним обликом он должен вызывать у нашего юношества желание ему подражать» [8, с. 136, 176].

Свою роль в «поднятии общего культурного уровня» педагога играли все формы повышения квалификации, но без самообразования «духовный рост человека», по убеждению В.П. Потемкина, был невозможен. В «Учительской газете» в марте 1945 г. свой рассказ о формах самообразования студентов историко-филологического факультета Московского университета, которые не ограничивались лекциями Ключевского, Виноградова, Герье, Трубецкого и других корифеев науки, закончил призывом: «Учиться и учить» [8, с. 228].

В 1945 г. в школах республики работали около 600 тыс. учителей, сеть педагогических училищ и институтов составляла в 1944 г. 396, в 1945 г. – 437 учебных заведений [8, с. 246, 259]. Новые учебные планы, новые программы и учебники для педагогических учебных заведений, введенные в 1944 г., были нацелены как на усиление «профессионального элемента», так и на «поднятие общекультурного уровня будущего учителя и воспитателя молодого поколения». В тяжелейшие годы Великой Отечественной войны руководству страны удалось не только в основном сохранить и пополнить педагогические кадры, но и принять действенные меры для повышения их квалификации, что позволило завершить формирование отечественной модели школы, вобравшей все лучшее из дореволюционных традиций и советских достижений. Образовательная политика государства, нацеленная на развитие страны и личности, не только определяла характер изменений в системе образования и социокультурном облике советского учительства, но и осуществляла историческую преемственность поколений интеллигенции, вносила в их жизнь объединяющие духовные и цивилизационные начала.

Список литературы

1. Гуркина Н.К. Провинциальный учитель в дореволюционной России. СПб., 2014.
2. Гуркина Н.К. Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развития образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10.

3. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг.: сб. документов. Вып. 1, 2. М.-Л., 1947.
4. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.
5. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948.
6. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941. М., 1980.
8. Потемкин В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л., 1948.
9. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
10. Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. Историко-педагогическое исследование. М., 1984.

Р.Р. Хисамудинова

Школьная и досуговая повседневность сельских детей в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны (на материалах воспоминаний)

В статье на основе воспоминаний раскрывается школьная и досуговая повседневная жизнь сельских детей в условиях Великой Отечественной войны. Показано, что, несмотря на суровые условия жизни, в повседневной практике детей было место играм и праздникам.

The article reveals the school and leisure daily life of rural children in the conditions of the Great Patriotic War on the basis of memories. It is shown that, despite the harsh living conditions, there was a place for games and holidays in the daily practice of children.

Ключевые слова: школьная и досуговая повседневность, сельские дети, тыловые районы, Великая Отечественная война, воспоминания.

Key words: school and leisure everyday life, rural children, rear areas, the Great Patriotic War, memories.

Летом 1941 г. дети как обычно готовились к новому учебному году. Никто не мог подумать, что может начаться война, которая круто изменит их привычный образ жизни и заставит взрослеть не по возрасту, хотя разговоры об этом среди взрослых шли. Для изучения повседневной школьной и досуговой жизни детей были использованы воспоминания, собранные автором.

Пятнадцатилетняя Мария Яковлевна Дубская закончила 7 класс в селе Дедуровка Чкаловского района и приготовила все документы для продолжения учебы в 8 классе в соседнем селе Нижняя Павловка в 12 километрах от дома. Но жизнь распорядилась по-своему. В армию уходили трудоспособные мужчины, деревня обезлюдела. В этих условиях подросткам наравне с женщинами пришлось заменить мужчин. Мария стала отгружать зерно от комбайнов и возить его на лошадях на ток [1].

Дети стали главными помощниками своих матерей по дому, т.к. женщины работали допоздна в колхозных полях. Анне Егоровне Синильниковой было 13 лет, когда она стала воспитывать своих младших сестренку и брата: «Мама после нашего переезда с Дальнего Востока сильно заболела, а после того как сделали операцию, ей назначили постельный режим» [2]. В таких ситуациях многие не посещали школу, но были и другие причины, такие как: отсутствие теплой одежды и обуви, удаленность школы и отсутствие транспорта. Только за период второго полугодия 1940/41 гг. и начало нового учебного года 14 578 сельских детей Чкаловской области покинули школу [13, л. 1].

Даже в суровых условиях войны государство продолжало заботиться о детях. Центральной задачей советской школы было обеспечение всеобщего, поддержание на должном уровне качества обучения. Однако справиться с главной задачей – обеспечить всеобщее обучение детей школьного возраста – не всегда получалось. Основными причинами непосещения детьми школ Тоцкого района является ссылка на отсутствие одежды и обуви. РК ВКП (б) и Исполком Райсовета своими решениями обязали местную промышленность усилить выпуск детской одежды и обуви. За первое полугодие было выпущено: детских пальто – 44 шт., брюк – 132, платьев – 145, обуви – 68 пар, отремонтированной обуви – 130 пар. Есть сведения, когда мотивом отказа посещать школу служила ссылка на отсутствие средств у родителей. Районному отделу народного образования необходимо было проверять персонально каждого отсеявшегося из-за тяжелых материальных условий и через Исполком Райсовета и Исполкомы сельсоветов обязать колхозы оказывать немедленную помощь в приобретении одежды и обуви действительно нуждающимся и заставлять родителей обеспечить своих детей одеждой и обувью, которые могли это сделать. Но реальных шагов в этом направлении за первое полугодие 1941–1942 уч. года сделано не было [13, л. 110].

Зимой занятия проводились в неотапливаемых помещениях, поэтому дети занимались в верхней одежде. У них мерзли руки, чернила застывали в чернильнице-непроливайке, да и писать было не на чем. Из-за отсутствия тетрадей писали на газетах, обоях и на старых документах, которые правления колхозов отдавали школам (об этом почти в каждом воспоминании детей упоминается). Учебников тоже на всех не хватало, на три – четыре человека один учебник [3]. Приходковой Марии Петровне, когда началась война, было 11 лет, она училась в сельской школе. По её воспоминаниям, тогда школы представляли из себя обыкновенные большие одноэтажные дома. Они были разбиты на классы, в которых имелась печка-галанка. Дети, которые были постарше, топили печь, чтобы как-то согреться. Дрова снизу клали, а кизяк сверху. Школа была саманная, когда начинались морозы, окна так замерзали, что до весны не оттаивали. В классе света было мало, утром занимались с лампой. Она стояла на учительском столе. Писали кто на чем, в основном тетради – это сшитые обои [4]. В обед, хоть и редко, но кормили затирухой, лапшой, кашей, гуляшом.

Но не во всех селах Чкаловской области работали школы. Уход учителей на фронт и объединение малых школ способствовали сокращению педагогических кадров. Преподавателей не хватало, некоторые жители села становились учителями, не имея должного образования. В колхозе «Вторая Пятилетка» школа была закрыта. Иван Петрович Зимин, единственный учитель, в доме у себя организовал школу, обучал детей с 1 по 4 классы. Детей было мало, а учебников вообще не было [5]. Ситуацию спасали эвакуированные жители из Ленинграда, Москвы и других мест, охваченных войной, среди них были педагоги, которые восполняли нехватку кадров.

В докладной записке секретарю Чкаловского Обкома ВКП(б) Карякину от заведующего сектором кадров культуры просвещения Н. Акинфиева, дается описание состояния одной из школ Бугурусланского района. «Школа Пилюгинского сельского совета имеет непривлекательный вид: стены внутри имеют ободраный и грязный вид, печи все сильно потрескавшиеся, штукатурка отвалена, двери вываливаются, трубы неисправны, что грозит опасностью возникновения пожара, оконные рамы не промазаны, имеют большие щели, в которые дует ветер, большая часть окон плохо забита фанерой или совершенно не имеет стекла. Классные помещения выглядят мрачно, некультурно. Стены грязные, панели отбиты, двери расшатаны и закрываются плохо. Школа дровами была обеспечена на 1–2 дня в тот момент, когда дрова в количестве 75–100 кубометров находятся на расстоянии 5–6 км» [13, л. 2].

За годы войны в учебных планах средних школ произошли существенные изменения. По решению Наркомпроса РСФСР было увеличено время для военно-физической подготовки: на 412 учебных часов за счет сокращения некоторых общеобразовательных предметов – географии, физики, естествознания и др. Большое внимание уделялось истории, патриотическому воспитанию. Каждое утро в школе начиналось с информации с фронта. Учитель рассказывал все события, так как в семьях не было радио. На уроке музыки учителя разучивали с детьми военные песни, такие как «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой», «Враги сожгли родную хату» и другие [3].

В первые годы войны были созданы бригады и отряды под руководством учителей и старших пионервожатых. Ученики старших классов проходили 3-хмесячные курсы трактористов и комбайнеров, их обучали ремонту техники и учили водить сельскохозяйственные машины. К 1942 г. подростки начали заменять колхозников, которые ушли на защиту Родины. Ребята трудились добросовестно, домой приходили только на выходные, чтобы привести себя в порядок, а с начала недели снова возвращались на работу [15].

Четырнадцатилетняя Александра Ивановна Ротина вспоминала: «Курсы преподавал Цепков Александр Ефремович, который пришел с фронта раненый. Весь холод и дождь были наши, так как кабин у наших тракторов не было. Здоровье у меня было слабое, и меня поставили учетчиком-заправщиком. И я на телеге, запряженной лошадьми, ездила по полям и развозила горючее, керосин, который был в бочках, и заправляли трактора. Ке-

росин в бак заливали ведром. Если кто из девчат приболеет, то заменяла их и пахала поля на тракторе. Нормы были большие, но мы старались их выполнить, и за это нам начисляли трудовни» [7].

Учащиеся Краснохолмской средней школы все до одного вышли на сенокос, 17 учеников старших классов изъявили желание работать штурвальными на комбайнах. Инициаторами выступили комсомолки Мария Архипенкова и Анна Дацковская. Они помогали ремонтировать комбайн, изучая его детали в процессе работы, а потом вставали за штурвалы комбайнов [14, л. 20].

Дети вместе с учителями оказывали посильную помощь фронту. Собирали и отправляли посылки на фронт и даже получали ответы с благодарностью. Из дома приносили носки, варежки, рисовали открытки и писали письма солдатам, чтоб скорее победили врага и возвратились живыми домой.

Совместная учеба, совместная работа на колхозных полях, помощь фронту укрепляли дружбу между ребятами. Дружеские отношения завязывались у детей также в результате совместных походов в школу, благодаря соседскому проживанию на одной улице. В свободное время сельские дети ходили друг к другу в гости, старшие брали с собой младших братьев или сестреноч, т.к. присматривали за ними. Вспоминая о своей детской жизни в деревне, многие выделяли школу и клуб – как места проведения досуга. Особое место в своих воспоминаниях, дети военной пары отводят лесу, полям, речке – местам, где они проводили свое свободное время.

Несмотря на трудности военных лет, дети оставались детьми и продолжали играть и общаться. Среди детей не было гендерного различия в игровой среде. Мальчишки могли играть в классики, а девочки кроме игр в дочки-матери, бегали вместе с мальчишками, играя в «войнушки». Вероятно, это было вызвано отсутствием игрушек у сельских детей. Так, Любовь Михайловна Щецова вспоминала, как они сами делали куклы: «В тряпку набьем мокрой золой, скрутим голову, какой-нибудь веревочкой перевяжем, а потом туловище так же. А вместо ручек тряпки болтались. Играли такими куклами» [6].

Одиннадцатилетняя Приходкова Мария Петровна вспоминала, как зимой собирались человек 6–7 ребятшек и на салазках в лес за дровами. Санки деревянные делали широкие, чтобы большие веточки сухих положить на подкладку под кизяк. Возвращались затемно, смотрели, кто-то из родителей встречает, переживая, что поздно. Ну, а дети во все времена оставались детьми. «То побаловаться, то в сугроб толкнуть, то сани увязнут, а время-то идет». Была война, был холод, голод, но ребятам все равно хотелось поиграть, а вечером на санках на гору кататься, пока не разгонят родители [4].

Детям не хватало родительского внимания, т.к. отцы на фронте, а мамы целыми днями работали, поэтому они особенно ценили вечера, когда возвращались с полей их матери. Наталья Степановна Смирнова вспоминала о том, как они проводили вечера с мамой: «Мама учила меня вязать варежки, носки, крючком я вязала салфетки. Мама не разрешала мне сидеть допоздна, чтоб не испортить зрение» [8].

Несмотря на военные трудности, в воспоминаниях детей войны особое место занимают праздники, которые позволяли справиться со всеми невзгодами и укрыться от военных реалий. Самым популярным праздником среди детей был Новый год. В школах дети вместе с учителями наряжали елку, водили вокруг нее хоровод и пели песню «В лесу родилась елочка», читали стихи, было весело, празднично.

В домах также ставили елку или еловые ветки, дети сами изготавливали игрушки: делали бумажные гирлянды, вырезали снежинки, красили скорлупу яиц – это были елочные шары. Многие вспоминают, что как правило, подарков не делали и не получали, так как возможности на это не было, но если получали, радости не было предела. Евдокия Кузьминична Долженкова вспоминала один удивительный случай: «Однажды на Новый год мимо дома проезжал грузовик с сахаром, и один из мешков прохудился, и сахар просыпался на заснеженную дорогу. Голодные мы выбежали на дорогу и долго слизывали смешанный со снегом сахар. Сколько радости было!» [9].

Также отмечались государственные праздники, посвященные труду и Октябрьской революции. Обязательно проводились митинги и торжественные собрания, устраивались концерты.

В период войны отмечались и религиозные праздники, такие как Пасха, Рождество, Ураза-байрам, Курбан-байрам. Раиса Леонтьевна Романцова из села Октябрьское вспоминала: «Самое радостное для меня было, когда в нашем доме отмечались церковные праздники. Маленькая я, даже молитвы знала, помню, хоть икон в доме не было, ходили к соседям. Посадят меня на печку, я сижу и слушаю, как молятся. Еще помню, что в доме всегда было много народу. Пели, смеялись, шутили, несмотря на то, что трудно и не всегда сытно было на столе» [10].

Были среди респондентов, конечно, и те, кто говорил, что в годы войны было не до праздников, но в ходе дальнейшего разговора они вспоминали кратковременные празднества. Так, Мария Егоровна Лапыгина помнит праздник 8 марта, когда семье подарили два метра ситца, это было большой радостью [11].

Великая Отечественная война заставила маленьких детей узнать, кто такие инвалиды и калеки, впервые столкнуться с потерей близкого человека. Все дети мечтали, чтобы проклятая война скорее закончилась, и с фронта вернулись отцы и братья. С окончанием войны дети связывали свои заветные мечты: получить новые игрушки, красивые платья или просто каждый день есть досыта.

Самым важным и главным праздником для детей, да и для всех жителей села, стал праздник – День Победы, который отпечатался наиболее ярко в детской памяти. Анна Ивановна Большакова вспоминала, что в тот день, как раз прошел сильный дождь, и везде стояли большие лужи. Люди шли по улице, радовались и смеялись, никто не обращал внимания на лужи. Все обнимались и поздравляли друг друга – ведь это был настоящий праздник [12].

Таким образом, война внесла суровые изменения в жизнь сельских детей, которым пришлось не по возрасту взрослеть: помогать по дому, работать на колхозных полях, продолжать учиться, правда, некоторым ребятам пришлось забросить школу, так как на них возлагался труд – вести домашнее хозяйство, заботиться о младших братьях и сестрах, помогать колхозу. Кроме школьной и рабочей повседневности у детей была еще и досуговая. Дети оставались детьми, и в их жизни было место играм и праздникам.

Список литературы

1. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Дубской Марии Яковлевны, 1928 г.р., с. Дедуровка, Оренбургский р-н, Оренбургская область.
2. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Синильниковой (Бородиной) Анны Егоровны, 20.07.1928 г.р., с. Изобильное, Соль-Илецкий р-н.
3. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Чаплыгиной (Капраловой) Елены Игнатьевны, 18.08.1929 г. р., с. Приютово, Оренбургский р-н.
4. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Приходковой Марии Петровны, 1930 г.р., с. Дедуровка, Оренбургский р-н.
5. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Овчинниковой Марии Ивановны, 1935 г.р., к-з Вторая пятилетка, Чкаловская область.
6. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Щецовой Любви Михайловны (Шпагиной), 1936 г.р. с. Городки, Троицкий район.
7. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Ротиной Александры Ивановны, 1928 г.р. с. Дедуровка, Оренбургский р-н.
8. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Смирновой (Хотеновой) Натальи Степановны, 08.09.1929 г.р., село Новоилецк, Соль-Илецкий р-н.
9. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Долженковой Евдокии Кузьминичны, с. Дедуровка, Оренбургский р-н.
10. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Романцовой Раисы Леонтьевны, 1938 г.р., с. Октябрьское, Октябрьский р-н.
11. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Интервью с Лапыгиной (Мищенко) Марией Егоровной, 12 июля 1931 г.р, с. Кардаилово, Илекский район.
12. Архив Хисамутдиновой Р.Р. Воспоминания Большаковой Анны Ивановны, 12.12.1928 г.р., село Мертвецовка, Соль-Илецкий район.
13. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 5. Д. 298.
14. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 5. Д.229.
15. Хисамутдинова Р.Р. Трудовой подвиг детей и подростков уральского села в годы Великой Отечественной войны // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 362–371.

О.В. Сидорова

**Повседневная жизнь студентов Санкт-Петербургских вузов
в условиях кризисных явлений 1991–1999 гг.
(по материалам периодических изданий:
«Санкт-Петербургский университет», «Политехник», «Лесгафтовец»)**

В статье анализируются публикации периодической печати Санкт-Петербургских вузов 1991–1999 гг., посвященные повседневной жизни студентов вузов. Показано, как в этих публикациях освещается повседневная жизнь студентов вузов, а также на какие аспекты повседневной жизни студентов делались акценты.

The article analyzes the publications of the periodical press of Saint Petersburg universities in 1991–1999, devoted to the daily life of universities students. It is shown how these publications cover the daily life of universities students, as well as what aspects of student's daily life were emphasized.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Политехнический университет, университет физической культуры и спорта им. П.Ф. Лесгафта, периодическая печать, повседневная жизнь студентов.

Key words: Saint Petersburg University, Polytechnic University, P. F. Lesgaft University of physical culture and sports, periodical press, daily life of students.

Период «лихих 90-х» для многих современных жителей Российской Федерации отзывается разным спектром эмоций. Для кого-то это время стало самым счастливым и беззаботным, а для кого-то – периодом глубочайшего кризиса, царившего не только в стране, но и в квартирах и общежитиях.

Общее положение студенчества в период 1990-х гг. характеризуется исследователями в основном негативно, отмечается, что студентов крайне волновал вопрос о том, каким образом возможно обеспечить себе достойное материальное положение, бытовые условия жизни и свою безопасность [4, с. 42]. Данные вопросы, волновавшие студентов, освещались на страницах периодической печати университетов.

В данной статье рассматриваются главные периодические издания вузов Северной столицы: Санкт-Петербургского государственного университета («Санкт-Петербургский университет», издается с 1927 г.), Санкт-Петербургского государственного политехнического университета («Политехник», издается с 1912 г.), Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта («Лесгафтовец», издается с 1940 г.).

Стоит отметить, что повседневная жизнь студентов в освещении периодической печати отображалась в нескольких направлениях: бытовые условия жизни в общежитиях, материальные вопросы (стипендии, заработной платы), досуга (участие студентов в университетских и внеуниверситетских мероприятиях, политическое участие в жизни города) и морально-психологического состояния студентов.

В периодической печати вузов неоднократно отмечалось, что условия жизни в студенческих общежитиях являлись неудовлетворительными. Так, издание Санкт-Петербургского университета публиковало статью о том, как в здании общежития на первом этаже было открыто казино, в котором любой желающий мог провести время, и, по словам периодического издания «Санкт-Петербургский университет», помешать нормальной жизни студентов путем неоднозначных предложений в сторону студенток со стороны мужской части посетителей казино, и не только. В периодической печати Санкт-Петербургского университета отмечалось, что в общежитии проживало очень много иностранцев, что превращало общежитие в «восточный базар», «только вот проститутки – наши российские дурочки, в основном

молоденькие пэтэушницы и очень дешевые. Пользуется ими в большинстве случаев все тот же восточный базар» [15].

Отмечалось, что бытовые условия жизни студентов также являлись неудовлетворительными, что подтверждают многочисленные статьи, опубликованные в различных изданиях Санкт-Петербургских вузов. Так, в «Лесгафтовце» отмечалось, что студентам жилось недостаточно уютно, поскольку отсутствовало отопление в университете в начале 1993 г.: и в коридорах, и в аудиториях, и в душевых.

В конце 1990-х гг. описание условий жизни студентов в общежитиях не изменилось: «...те же мистические-внезапные исчезновения света и горячей воды, те же изголодавшиеся тараканы. Конечно, тех пресловутых комнат-пеналов, в которых вместо карандашей и ручек были люди и примусы, в современных общежитиях нет, но битва за место под солнцем без соседа идет та же. Многие, естественно, стремятся покинуть этот «второй дом», воспринимая его как промежуточную станцию. Но разница между платой в общежитии (около 60 000 в год для российского студента-бюджетника) и платой за однокомнатную квартиру чересчур существенна» [7].

По мнению корреспондентов издания Санкт-Петербургского университета, типичной ситуацией для проживавших в общежитиях студентов были кражи. Так, с мая по декабрь 1991 г. были совершены кражи общей стоимостью на 461 149 р. Несмотря на то, что по правилам общежитий предельная стоимость имущества, находящегося в комнате, должна была составлять около 100 р., у некоторых студентов в комнате хранилось имущество на 85 с лишним тысяч рублей [6].

Зато о том, в каких условиях жил город, писалось много больше. «В России царит разгул бандитизма и организованной преступности, только в Санкт-Петербурге в период 1995–1998 гг. бандиты убивали около 900 человек в год. Генофонд нации нарушен пьянством и наркоманией, проституцией поражено более 30% молодежи, число разводов молодых семей растет, а число заключенных браков, так же, как и рождаемость в стране, сокращается, количество же самоубийств среди молодых людей уже достигло такой катастрофической величины, что церковь стала разрешать отпевать самоубийц» [3].

В газете «Санкт-Петербургский университет» за 1994 г. указывался размер стипендии и то, на что на неё можно приобрести: «как известно, на сегодняшний день размер подачи, называемой почему-то стипендией, составляет 7 620 р. в месяц. Этой суммы едва хватает на проездную карточку или 3–4 раза в месяц пообедать в студенческой столовой» [10]. Более интересным является расчет того, хватает ли стипендии на еду, если вычесть все обязательные траты, столь необходимые для студента: «все радовались, восторгались её (стипендии) размером – 32 595 р. Для первокурсников студенческий билет и зачетная книжка обошлись в 2 500 р., месячная проездная карточка стоит чуть больше 10 000 и, наконец, жизнь в «общаге» – 625 р.

Остается примерно 20 000. 1 кг картошки стоит 500 р., буханка хлеба – около 600. В принципе, жить можно, заедая первый хлеб вторым» [1].

Студентов 1996 г., по мнению периодической печати, продолжал волновать вопрос о том, на что и как жить: «что может себе позволить обыкновенный среднестатистический студент? Предположим, что это такой студент, который получает стипендию размером 75 000 р., покупает проездной билет за 40 000 р., после чего у него остается 35 000 р. Предположим также, что он подрабатывает или, скажем, получает дотацию от родителей в размере 100 000–150 000 р. (в среднем – 125 000 р.). Если мы приплюсуем эти деньги к остаткам от стипендии, получим 160 000 р. Таков, выходит, месячный доход среднестатистического студента. В общем получается, что, ничего-то он себе позволить и не может, потому что на 160 000 по нынешним временам и джинсы-то себе приличные не купишь. С другой стороны, студенту обязательно надо питаться – какая же учеба на голодный желудок. Поэтому вопрос «Что себе может позволить студент?» трансформируется в «Что себе может позволить поесть студент?» [11].

Также в периодической печати описывалось участие или же присутствие студентов при важнейших политических событиях в истории страны и города. Так, аспирантка Политехнического университета являлась свидетелем августовских событий 1991 г., ставших резонансными для жителей страны и Санкт-Петербурга в частности: «мы с моими домашними так растерялись! Позвонили друзьям, на всех тоже напало какое-то оупение, никто ничего не понимает. Бросилась на улицу, а там вроде всё, как и прежде: обычные лица, насторожило одно лишь – километровая очередь за водкой да закрытые газетные киоски. К 3 часам добралась до Мариинского дворца. Было малоллюдно, человек 200–300. Но постепенно народу стало заметно больше. Состоялось выступление А.А. Собчака. Появилась надежда. Кроме того, уверенность в благополучный исход вселяли стоящие рядом ленинградцы: возмущенные, решительные. Со мной даже конфуз вышел, напала зря на достойного человека. Спросила одного военного, полковника, не собираются ли они в мирных людей стрелять. Видели бы вы, как он на меня глянул и так тихо-тихо отрезал; «В армии служат не одни болваны». Однако напряженность сохранялась, над площадью пронесся слух, что к городу от Пскова идет танковая колонна» [2].

В начале 1995 г. в периодической печати появились сообщения-призывы молодых людей на войну в Чечне. Публиковалось интервью с одним из тех, кто был назначен на отправление в горячие точки из числа студентов. Молодой парень, которому только исполнилось 18 лет, практически был поставлен перед фактом того, что его внесли в приказ на отправление на Кавказ. При этом, молодой человек был не в курсе того, что происходит в Чечне [8]. Рядом с этой статьей опубликован небольшой призыв, взывающий к совести студентов Санкт-Петербурга, которые были против войны: «...в Чечне льется кровь, гибнут мирные жители, гибнут вооруженные чеченцы, отстаивающие свою свободу, гибнут российские солдаты, посланные убивать и умирать не-

известно за что... Выстрелы в Грозном – это первые выстрелы новой гражданской войны в России! Если мы не остановим ее сейчас – рано или поздно она придет в наш дом. Наши митинги проводятся каждое воскресенье в 13.00 у Казанского собора» [5].

В периодической печати нередко публиковались различные социологические опросы, проводимые либо студентами, либо преподавателями университетов. Данные опросы помогают в определении морально-психологического состояния студентов, поскольку можно наглядно увидеть, какие именно вопросы волновали студентов больше всего.

На страницах газеты Санкт-Петербургского университета были опубликованы результаты опроса, дающего представление о том, что больше всего студентов волновали низкие доходы (70,5% опрошенных), проблема трудоустройств (40,2%) и будущее страны (34,4%). При этом 43,8% студентов не могли обходиться без приработки (при этом у 58,3% студентов подработка не соответствовала специальности и у 54,6% мешала учебе) и 70,9% не могли обойтись без помощи родителей [14].

Между тем, по мнению периодической печати, сами студенты жили не благочестиво. «Высок уровень асоциального поведения в студенческой среде: воровство (7–10 процентов), пьянство (48 процентов регулярно, не менее одного раза в неделю, употребляют спиртное), проституция (8–12 процентов студенток занимаются ею, 62 процента студентов-мужчин не осуждают проституцию), наркомания (4–8 процентов регулярно употребляют наркотики). В целом 41 процент студентов считают, что в бизнесе нет и не может быть каких-либо нравственных ограничений. Для 56 процентов студентов допустимо применение насилия против личности для доказательства своей правоты и для достижения своих целей» [9].

Этот опрос показывает, в каком состоянии находилось студенческое общество. Пьянство, алкоголизм, проституция в студенческой среде неблагоприятно влияли на состояние студентов, в том числе приводили к различным негативным последствиям.

Достаточно активно в студенческой прессе обсуждалась проблема студенческого досуга. «Никто не станет отрицать тот факт, что бесполезное времяпровождение и неиспользованная энергия молодежи не приводят, как правило, ни к чему хорошему. Но что делать? Занятия в университете на дневном отделении заканчиваются самое позднее к 17 часам, на вечернем – начинаются в это время. Таким образом, и у дневников, и у вечерников, почти полдня остаются свободными. А как часто бывают «окна» в расписании, во время которых вообще непонятно куда себя деть. Факультетские буфеты слишком малы, в курительной комнате тоже не посидишь комфортно. Что остается студентам? Бесцельно болтаться по улицам, убивая свободное время, и уехать домой, «забив» на остальные занятия. Так что студентам негде собраться, чтобы просто пообщаться или решить какой-нибудь организационный вопрос, негде посидеть, почитать, перекусить, поучить что-нибудь, и так далее. Ведь ребята сейчас даже практически не справляют праздники со

своими сокурсниками, все стремятся поскорее разбежаться по домам» [13]. «Отсидев лекции, студенты-эпикурейцы издают победный клич и мчатся... тут уж их пути, надо признать, расходятся. Согласно результатам проведенного мной опроса, любителей клубов и дискотек среди студентов куда больше, чем любителей театров и музеев. «Sandyman» посещается гораздо чаще Мариинского театра (хотя цены на билеты сопоставимы). Впрочем, ведь на то она и молодость, чтобы самим танцевать, а не смотреть на танцующих. Наконец, есть и такие студенты, которые, не жалея зубов, вгрызаются в неподатливый гранит науки. Их после лекций можно найти в читальном зале, дома за письменным столом, или тет-а-тет с компьютером. Студенты заметно охладели к голубым экранам, не смотрят ни сериалы, ни ток-шоу, а лишь иногда, включая какой-нибудь музыкальный канал в качестве фона, скажем, во время переписывания конспектов» [12].

Таким образом, повседневная жизнь студентов в условиях кризисных явлений 1990-х гг. в освещении периодической печати местных вузов характеризовалась следующим образом:

а) условия жизни студентов в общежитиях являлись неудовлетворительными, часты упоминания о малом метраже комнат, большом количестве студентов, погромах и кражах;

б) денег студентам не хватало, в частности, размер стипендии был недостаточно высоким, вследствие чего студенты пользовались материальной помощью родителей или же устраивались на работу;

в) досуг студенты предпочитали проводить вне университета, в основном собирались в компаниях, гуляли по улицам города, ходили в клубы, меньшая часть студентов проводила свой досуг за чтением книг и в музеях.

Список литературы

1. «Марс» наоборот // Санкт-Петербургский университет. 1994. № 19. 21 окт. С. 6.
2. В армии не одни болваны служат // Политехник. 1991. № 20. 23 сент. С. 2.
3. В противостояние беспределу – и нашу лепту // Лесгафтовец. 1999. № 6. 6 апр. С. 3.
4. Зоркая Н.А. Массовые представления о наиболее острых проблемах российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 6. С. 42.
5. К Питерским студентам. Обращение общественного комитета «Руки прочь от Чечни!» // Политехник. 1995. № 4. 21 февр. С. 4.
6. Кражи в общежитиях // Санкт-Петербургский университет. 1992. № 4. 6 марта. С. 4.
7. Люди и примусы // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 10. 25 апр. С. 26.
8. Надо, чтоб душа окаменела??? // Политехник. 1995. № 4. 21 февр. С. 4.
9. О социальных настроениях студентов Российской Федерации // Политехник. 1992. № 12. 16 апр. С. 1.
10. Обещанного три года ждут. Прошел год. // Санкт-Петербургский университет. 1994. № 8. 15 апр. С. 7.
11. Пришел. Увидел. Пообедал... // Санкт-Петербургский университет. 1996. № 24. 28 окт. С. 19.
12. Сказка о свободном времени // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 24. 11 дек. С. 20.
13. Стол, диван, буфет, – и привет!... // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 10. 25 апр. С. 27.

14. Студентов университета волнуют будущее страны и социальная защита преподавателей // Санкт-Петербургский университет. 1992. № 10. 22 мая. С. 2.

15. Там «чудеса», там леший бродит... Почему студенческий дом превратился в публичное общежитие // Санкт-Петербургский университет. 1992. № 7. 3 апр. С. 4.

Л.И. Щербич

Коронавирусная пандемии как «вызов» системе очного образования

Статья посвящена проблемам образования в условиях пандемии коронавируса, ставшего вызовом очному образованию. В ней рассматриваются положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения. Отмечаются проблемы здоровья обучающихся. Делается попытка краткого анализа ситуации в российском и зарубежном образовании.

The article is devoted to the problems of education in the context of the coronavirus pandemic, which has become a challenge to full-time education. It examines the positive and negative aspects of distance learning. Health problems of students are noted. An attempt is made to briefly analyze the situation in Russian and foreign education.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, очное образование, положительные и отрицательные стороны дистанта.

Key words: coronavirus, pandemic, full-time education, positive and negative aspects of distance learning.

2020 г. – новая веха в истории не только России, но и всего мира. За предыдущие два столетия вряд ли можно найти столь грандиозные события в мире, которые обусловлены не революционными и освободительными движениями народов за свои права, а обстоятельствами иного характера. Драйвером, генератором всех происходящих изменений в экономике стали биологические и информационные причины, среди которых объявленная в начале 2020 г. ВОЗ (WHO) «пандемия» коронавируса COVID-19.

Объявление ВОЗ пандемии коронавируса подняло бурные волны информационных сообщений в официальных СМИ. Их было настолько много, что 74% респондентов, отметили перенасыщенность такой информацией. Только каждый четвертый (23%) отметил, что новостные сообщения подаются в достаточном количестве. (Данные репрезентируют опрос онлайн-аудитории России в возрасте старше 18 лет в городах с населением более 100 000 человек по полу, возрасту, Федеральному округу и размеру населенного пункта [7]).

Пандемия COVID-19 отразилась практически на всех сферах общественной жизни, включая систему образования. Среди главных средств и способов сдерживания коронавирусной инфекции, избранных правительством России, как и правительствами многих страна мира, были признаны социальная изоляция и перчаточно-масочный режим. Не вдаваясь в обсуждение последней из указанных мер, остановимся на проблеме социальной изоляции. Социальная изоляция потребовала частичного или полного закрытия образовательных учреждений и сопутствующей им инфраструктуры.

Весной 2020 г. впервые был осуществлен перевод школьников и студентов на дистант в обучении. При некоторых плюсах такого дистанта, заключающегося в предупреждении роста числа инфицированных, повышении мер по охране здоровья населения, и в первую очередь пожилых и детей, дистант поставил ряд кардинальных вопросов о целесообразности столь жестких мер для школьников и студентов.

Целый ряд специалистов и педагогов заявили о вреде дистанта для психического и физического здоровья. Так, к Генпрокуратуре и ФСБ с предупреждением об опасности «дистант-обучения» обратился президент «Лиги пациентов», эксперт РАН, член Экспертного совета при Правительстве РФ Александр Саверский. Он опубликовал открытое письмо на личной странице в соцсети Facebook. При этом А. Саверский опирался на данные исследований по проблеме, одно из которых под названием «Самочувствие школьников при дистанционном обучении в период эпидемии COVID-19» было проведено НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России. Оно проводилось с 27 апреля по 26 мая 2020 г. Согласно результатам исследования, у 80% школьников были обнаружены неблагоприятные психические реакции в результате дистант-обучения. И это несмотря на то, что уроки на дистанте были короче, чем при очном обучении в школе, и количество их было сокращенным. Только 13,4% детей смогли адаптироваться к дистанту без вредных последствий для здоровья [4]. Не в лучшем положении оказались и студенты очной формы обучения.

Опасение за здоровье детей и подростков выразилось и в претензиях целого ряда родительских организаций к введению дистанта для школьников, с трудом адаптирующихся к сложностям обучения через компьютерные сети МЭШ (московская электронная школа) и РЭШ (российская электронная школа). Причин тому несколько: мало того, что МЭШ и РЭШ порой дают сбой в работе, но они устроены так, что вместо полноценных уроков проводятся презентации и тесты, а иногда работа в них сводится к отправке педагогами заданий для самостоятельного освоения. Оценки выставляют без какой-либо проработки учебного материала и работы над ошибками [3].

Некоторые учителя и вовсе категоричны в оценке работы этих электронных школ. Так, по мнению учительницы русского языка и литературы О. Скворцовой, «МЭШ и РЭШ – это, по сути, помойка: там в хаотичном порядке собрано огромное количество учебного материала, который не проходит никакой экспертной проверки. Педагогов заставляют регулярно грузить в базу учебный материал, многие закачивают туда все подряд, только чтобы отвязаться» [3].

И хотя более удобными для учеников/студентов и преподавателей являются такие системы связи, как Skype или Zoom, но и они подвергаются критике из-за случающихся сбоев и задержек включения, а также из-за дороговизны их использования.

Студенты ряда вузов выступили с заявлениями о снижении платы за обучение в связи с невозможностью посещать занятия в вузах очно. Кроме того, часть студентов так и не смогла приноровиться к обучению через Интернет. В складывающихся обстоятельствах государственные власти, руко-

водители учреждений образования, преподаватели вынуждены спешно адаптироваться к новым условиям обучения, осваивая различные форматы удаленного взаимодействия.

Все это тем более тревожно потому, что еще совсем недавно специалисты спорили о том, как и когда цифровые технологии изменят облик современного образования, как они повлияют на общие представления об обучении, и, конечно, о том, каким будет отклик действующей системы образования на цифровой вызов. И еще не успев выработать никаких четких рекомендаций, специалисты лицом к лицу столкнулись с таким вызовом.

Следствием закрытия учебных заведений на дистант стал грандиозный кризис в сфере образования. Он достиг крупнейших масштабов в середине апреля 2020 г. «В период с 16 по 19 апреля школы и вузы были закрыты в более чем 190 странах, что непосредственно отразилось на жизни 1,57 миллиарда детей и молодых людей, то есть на более чем 90 % учащихся» [6]. Результаты глобального мониторинга, проведенного ЮНЕСКО после закрытия образовательных учреждений в 59 странах, показали, что «только 58 % стран с низким доходом располагают платформами для онлайн-обучения. 64 % преподавателей независимо от уровня их доходов, а также 80 % родителей и 48 % учащихся» заявили, что не обладают достаточными навыками в области ИКТ, позволяющими использовать обучение по Интернету [6].

Школы и вузы в большинстве случаев сталкиваются с проблемами общего характера, обусловленными неравными возможностями обучающихся и отчасти преподавателей в доступности каналов связи, недостатком оборудования и программного обеспечения, дороговизной телекоммуникационных услуг. К сожалению, не все преподаватели смогли в полной мере освоить методику и технику обучения в онлайн, так как не задумывались об овладении знаниями компьютерной техники и технологии. Такие примеры есть не только в регионах, но и в мегаполисах, которыми являются Москва и Санкт-Петербург.

По данным ЮНЕСКО, даже страны-лидеры в области цифровизации экономики (США, Китай и Япония) испытывают значительные трудности при организации онлайн-обучения, хотя образование в этих странах опирается на достаточно широкий спектр имеющихся технологий [5].

Специалисты ЮНЕСКО в связи с этой проблемой разработали классификацию инструментов организации дистанционного обучения, среди которых ресурсы, обеспечивающие психосоциальную поддержку участников образовательных отношений в условиях пандемии; освоение системы управления цифровым обучением (Google classroom, Moodle, Blackboard, Canvas), приложения для обучения на базе мобильных устройств, программы с расширенной офлайн-функциональностью и др.

Конечно, сложившаяся ситуация радикально меняет устоявшиеся модели социального взаимодействия. Между людьми разных поколений разрываются существующие социальные связи, общение между учениками и учителями переходит в новый формат. В семьях, где к процессу обучения приходится подключаться всем их членам, растет напряженность. Особенно большие сложности испытывают многодетные семьи, для которых покупка даже одного компьютера финансово затруднена. К тому же в многодетных

семьях нередко стесненные жилищные условия, и при наличии нескольких детей среднего и школьного возраста эти условия являются препятствием для занятий нескольких детей одновременно. Еще более сложным дистант становится для семей, когда родители также работают онлайн на удаленке.

Несмотря на некоторые положительные черты онлайн-обучения, заключающиеся в пробуждении интереса к самообучению через онлайн-сервисы крупных издательств, а также к учебным материалам в цифровом формате, удаленка вовсе не положительное явление. По мнению известного специалиста в области IT И.С. Ашманова, удаленка в образовании неэффективна. И если продолжать обучать в том же духе, случится катастрофа. «Отличники останутся отличниками, хотя и получают значительно меньше знаний, а отстающие вообще перестанут учиться в принципе» [1]. По мнению И.С. Ашманова, «всем стало ясно, что учиться на “удаленке” профанация» [1]. Подобное мнение выразил и американский исследовательский Pew Research Center, проводивший весной 2020 г. масштабное исследование по проблеме влияния дистанционного обучения на качество образования среди нескольких тысяч родителей и учителей. Центр «Пью» также назвал «дистант» образовательной катастрофой, чреватой превращением США в страну людей, не владеющих элементарной грамотностью [8].

Беспокойство за будущее образование выразили в своих выступлениях участники круглого стола по теме «Концепция возрождения образования и науки в России», состоявшегося 30 сентября 2020 г. в Санкт-Петербургском Доме ученых. Педагоги, ученые, общественные деятели, представители родительских организаций обсудили проблемы и пути выведения образования и науки – этих важнейших областей жизни и развития страны – из неблагоприятного, противоестественного состояния, в котором они оказались.

В выступлениях участников круглого стола подчеркивалось, что перевод школ и вузов на «дистанционное обучение» увеличивает зависимость школьников и студентов от компьютеров и «цифровизации», а также способствует социальной сегрегации учащихся по имущественному признаку, так как состоятельные семьи имеют финансовые возможности нанять репетиторов, а большинство детей оказываются лишены доступа к полноценному образованию [2].

Обеспокоенность учащихся, родителей, преподавателей обучением на удаленке обусловлена также действиями чиновников, поскольку эти действия дают все основания полагать, что дистант – мера не временная. «Эксперты и родители считают, что онлайн-обучение может остаться с нами навсегда и стать частью очередной масштабной программы оптимизации российского образования» [3].

Полагаем, что другим тревожным сигналом ситуации в образовании является не только процесс обучения, но и процесс воспитания детей, подростков и молодежи, которые попадают совсем в иную культуру раньше, чем прежде. Известно, что, являясь способом «очеловечивания» человека, культура дополняла функции социализации и адаптации, включая его в структуру социума, делая его носителем определенных социальных ролей и обществен-

ных отношений. Благодаря культурному коду формировалась индивидуальность личности, с одной стороны, сочетавшая в себе черты, присущие культурным особенностям индивидов в данном обществе, а с другой – предполагавшая возможность выбора и усвоения жизненных ценностей социального окружения. В этот выбор были включены не только семья, но также образовательные учреждения всех уровней. Они являлись так называемой «зоной ближайшего развития».

В образовательной среде (в процессе учебных занятий и в перерыве между ними) при непосредственном общении со взрослыми и ровесниками у ученика/студента проходил процесс интериоризации норм коммуникации, вырабатывались внутренние качества личности, предпочитаемые ею стратегии и тактики поведения. При цифровизации обучения (за которое так ратуют и которое так усиленно продвигают Г.О. Греф и его сторонники) эти возможности для формирования личности человека (посредством социализации, воспитания и самовоспитания) затрудняются, так как усложняется сам процесс формирования представлений об образцах внутренней и внешней коммуникации в социальной среде образовательного учреждения.

Обучение через онлайн-уроки не позволяет достигать такого результата, который давало очное образование. Разрыв общения между учащимися, а также между учащимися и учителями (преподавателями), несомненно, отразится на эффективности коммуникации во взрослой, самостоятельной жизни человека.

Список литературы

1. Ашманов И. Начинается какая-то чудовищная антиутопия в реальности // Деловая электронная газета БизнесONLINE. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485833> (дата обращения: 10.12.2020).
2. Деятели науки и образования выступили против цифровых экспериментов над будущим // Официальный сайт движения Народный собор. URL: <https://narodsobor.ru/2020/11/01/deyateli-nauki-i-obrazovaniya-vystupili-protiv-czifrovyyh-eksperimentov-nad-budushhim/> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Дистант как оптимизация российского образования // Октагон. 2020. URL: https://octagon.media/istorii/distant_kak_optimizaciya_rossijskogo_obrazovaniya.html (дата обращения: 12.12.2020).
4. «Дистант опасен для здоровья детей». Эксперт РАН обратился в Генпрокуратуру и ФСБ // РВС. URL: <https://rvs.su/novosti/2020/distant-opasen-dlya-zdorovya-detey-ekspert-ran-obratilsya-v-genprokuraturu-i-fsb> (дата обращения: 10.12.2020).
5. Зенков А.Р. Образование в условиях пандемии: что показывает кризис? // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/obrazovanie-v-usloviyah-pandemii-cto-pokazivaet-krizis/> (дата обращения: 15.12.2020).
6. Мировой кризис в сфере образования // Курьер ЮНЕСКО. 2020. № 3. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2020-3/mirovoy-krizis-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 07.12.2020).
7. Россияне назвали главные минусы самоизоляции // РИА Новости. URL: <https://rskrf.ru/news/kachestvo-zhizni-vo-vremya-pandemii/> (дата обращения: 05.12.2020).
8. Центр Пью: дистанционная школа – это катастрофа образования // РИА Катюша. URL: <https://narodsobor.ru/2020/11/01/deyateli-nauki-i-obrazovaniya-vystupili-protiv-czifrovyyh-eksperimentov-nad-budushhim/> (дата обращения: 15.12.2020).

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

М.С. Трезубова

Мужчины-дворяне в бессловном мире: эмоциональный опыт

В статье, на основании источников личного происхождения дается описание «эмоциональных тревог» мужчин-дворян во второй половине XIX – начале XX в. Экономическая ситуация после отмены крепостного права изменили повседневную жизнь дворянства. Хотя, как правило, «мужские переживания» не были напрямую связаны с изменением правового или социального статуса, но большинство вопросов, волновавших дворян, все же определялись именно новыми обстоятельствами. Автор характеризует такие причины «мужских тревог» как: адаптация к новой обстановке, сложности профессиональной реализации и многочисленные материальные трудности. Высокий эмоциональный фон предопределил недовольство дворянства «новым миром» и своим местом в нем.

In the article, based on sources of personal origin, a description is given of the "emotional anxieties" of male nobles in the second half of the 19th – early 20th centuries. The economic situation after the abolition of serfdom changed the daily life of the nobility. Although, as a rule, "male experiences" were not directly related to a change in legal or social status, most of the issues that worried the nobles were nevertheless determined by new circumstances. The author characterizes such reasons for "male" worries as: adaptation to a new environment, difficulties professional realization and numerous material difficulties. The high emotional background predetermined the dissatisfaction of the nobility with the "new world" and their place in it.

Ключевые слова: мужчины-дворяне, переживания, эмоциональный мир, вызов, повседневность.

Key words: noble men, experiences, emotional world, challenge, everyday life.

Повседневность включает всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания [7, с. 9].

Одним из аспектов изучения культуры повседневности являются чувства и эмоции. Без изучения человеческих эмоций, чувств, переживаний и побуждений картина исторического прошлого не может считаться полной, а исследование повседневности сводится просто к изучению быта [7, с. 110].

Вопрос о сущности эмоций относится к числу тех вопросов, в которых право на истину бесконечно оспаривают друг у друга исследователи природы и исследователи культуры [7, с. 90].

«Великие реформы» ускорили процессы модернизации в России, решающим образом повлияли на повседневную жизнь дворян и разрушили их привычный мир. Негативное отношение к процессам модернизации, повышенный уровень социальной нестабильности и стал источником новых социальных потрясений [2, с. 12].

После освобождения крепостных государство лишило дворянство большей части его правовых привилегий, как гражданских (личные и имущественные), так и политических [1, с. 21].

Важно обратиться к источникам личного происхождения, которые могли бы пролить свет на особенности мира чувств и переживаний российского дворянства, а именно – мужской его части.

В качестве главного источника по данной теме выступают мужские воспоминания представителей дворянского сословия второй половины XIX – начала XX в. На примере представленных биографий можно раскрыть эмоциональные особенности свойственные мужскому миру того времени.

Целью данной статьи является выявление причин эмоциональных переживаний у мужчин-дворян в бессловном мире.

Большая часть авторов при изучении повседневности исследуют проблемы истории детства, брачно-семейных отношений, приемы и методики воспитания и образования, этим аспектам посвящены монографии и статьи В.А. Веремченко [5; 7; 12]. Условия выбор профессиональной деятельности дворянами исследует М.В. Смахтина [10]. Особенности социального и правового статуса представителей первенствующего сословия раскрыты в труде С. Беккера [1]. На данный момент отсутствуют специальные исследования, посвященные эмоциональному миру определенной социальной группы. Выбранная тема только начинает разрабатываться историками. Из представленных работ только одна статья О.И. Лисициной раскрывает чувственный мир и особенности дворянской ментальности [4].

Изменение привычного уклада жизни вызывало у мужчин определённые тревоги. На основании мемуарных источников можно выявить несколько причин эмоциональных переживаний свойственных мужчинам-дворянам: 1) адаптация к новой обстановке; 2) профессиональная реализация; 3) многочисленные экономические трудности.

Различный характер учебных заведений, их материальное обеспечение, строгость правил и распорядка, и прочие особенности оказывали значительное влияние на жизнь детей, оторванных от своего дома [3, с. 165]. Так, военачальник и генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский (1868–1939), при переводе из Симбирской военной гимназии в Полтавскую вспоминал: «Голова моя была полна мыслей о том, что меня ожидает в новой гимназии: какие товарищи, какие порядки, какое начальство. Спать я не мог» [10, с. 90].

Выход во взрослую жизнь иногда начинался с поступления в высшее учебное заведение. В этот период мужчина должен был самостоятельно существовать сам и определить свою дальнейшую жизнь. Для общественного деятеля, земского статистика, князя Владимира Андреевича Оболенского (1869–1950) окончание частной гимназии и поступление на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета стало глубоким психологическим переворотом: «Между тем окончание гимназии и поступление в университет ощущалось мною как внутренний революционный

переворот с внезапным переходом от неполноправного состояния к самостоятельной свободной жизни. Это ощущение происшедшего в сознании переворота давало радость и счастье, по сравнению с которыми казались ничтожными мелкие жизненные неудачи и неприятности» [13, с. 65].

Особое внимание в воспоминаниях мужчин-дворян уделено вопросам «профессиональной занятости». С ростом профессионализации в ходе модернизации к концу XIX в. произошло изменение восприятия в среде дворянства творческих профессий, с помощью которых можно было зарабатывать себе на хлеб. В результате обезземеливания и оскудения дворяне вынуждены были искать оплачиваемые должности [14, с. 182].

Уже упомянутый автор В.А. Оболенский описывал, как тревожился при выборе карьеры после окончания университета: «Нужно избрать какую-то определенную деятельность, в которой можно, в соответствии со своими способностями, принести наибольшую пользу. Давно уже думал об этом, но пугался ответственности решения и отсрочивал его. Помню, как я желал, освобождения от воинской повинности, которая дала бы мне возможность еще на год отсрочить вступление в практическую жизнь» [13, с. 95].

Схожие тревоги разделял известный предприниматель барон Николай Егорович Врангель (1847–1923). Этими эмоциями он поделился со своим братом: «Я не ищу не карьеры, ни денег, я хочу одного – быть полезным Родине. Я хочу служить государству, куда мне поступить?» [5, с. 80].

Дворянская семья переживала во второй половине XIX века серьезную внутреннюю трансформацию, вызванную как значительными экономическими проблемами, так и формированием новых «интеллигентских» общественно-политических идеалов [4, с. 362].

Важным эмоциональным моментом в жизни мужчины были заботы о самостоятельном финансовом содержании себя и своей семьи. Например, известный политический деятель, историк и публицист Павел Николаевич Миклюков (1859–1943) после смерти отца взял на себя заботу о содержании семьи: «Ввиду нашего обеднения я уже в конце гимназического курса стал давать частные уроки. Семья осталась без всяких средств, и нужно было что-нибудь придумывать. Держать за собой квартиру было явно невозможно. Прежде всего надо было озаботиться относительно средств существования на лето. У меня были уже довольно доходные уроки, и я мог до весны помогать матери и брату» [12, с. 76].

А для военного журналиста и общественного деятеля Александра Васильевича Давыдова (1881–1955) помощь матери в содержании поместья стала следствием самостоятельности: «Мать сообщила мне, что дела наши вследствие трудностей военного времени и некоторых неудач пришли в упадок и что им даже грозит серьезная опасность. Матери трудно было в непривычных для нее условиях одной нести ответственность за наше состояние. Знакомство с крупными деловыми людьми и с банковскими сферами и, наконец, привычка самому защищать свои интересы, дали мне не только опыт и знания, но и приучили меня к самостоятельности» [6, с. 125].

Министру финансов и действительному тайному советнику Владимиру Николаевичу Коковцову (1853–1943) пришлось срочно решать вопрос с трудоустройством, чтобы как можно скорее помочь семье: «Как скончался скоропостижно мой отец, и вся наша многочисленная семья оказалась в очень трудном материальном положении. Мне пришлось отказаться от моего желания и пойти по обычной для того времени, для всех окончивших курс лица, дороге, – искать поступления на государственную службу» [8, с. 3].

Князь, общественный и политический деятель Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925) в своих воспоминаниях сообщает о сложных условиях жизни в новом мире, повлиявших на его личность: «Мы вступили в борьбу с трудностями новой жизненной обстановки и отстаивали свою семейную культуру и достоинство, не прибегая к искательству, не полагая надежд на потомственные преимущества и привилегии и милости свыше. Мы вытерпели многие тяжелые годы. Чувствуя, что надвигается неизбежная катастрофа, что жить нам вот-вот будет нечем, брат решился на героический шаг вышел из гимназии и принял на себя все хозяйственные семейные дела. Я ясно сознавал, что получаю образование только благодаря брату и это ставило передо мною определенные задачи. Надо было получить диплом, выполнить долг семейный, помочь брату и самому стать на ноги» [10, с. 50].

На примере мемуарных источников можно сделать вывод, что эмоциональные переживания были свойственны мужчинам наравне с женщинами. Стоит заметить, что в воспоминаниях дворян отсутствуют сюжеты, связанные с изменением их правового и социального статуса. В данный исторический период у мужчин было несколько причин для переживаний. Адаптация к новой обстановке предполагала изменение привычного уклада жизни. В связи с новым экономическим положением мужчинам приходилось выбирать определённую сферу деятельности. Многие авторы рассуждали о сложностях профессиональной реализации. Особо тревожным в эмоциональном мире мужчин были задачи по решению финансовых проблем. Но несмотря на все тревоги и волнения в дальнейшем представленным авторам удалось реализоваться в профессии и приспособиться к новым экономическим отношениям.

Список литературы

1. Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 344 с.
2. Веремenco В.А., Тропов И.А. Российское дворянство в условиях модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 4. С. 7–13.
3. Веремenco В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.: моногр. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
4. Веремenco В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2016. С. 361–370.

5. Врангель Н.Е. Воспоминания: (от крепостного права до большевиков). М.: Слово, 1924. 512 с.
6. Давыдов А.В. Воспоминания, 1881–1955. Париж.: Альбатрос, 1982. 286 с.
7. Капкан М.В. Культура повседневности: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.
8. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж, 1933. 504 с.
9. Лисицина О.И. Эпистолярные наследные русской провинции как источник изучения эмоционального мира дворянства конца XVIII – середины XIX в. // Культурное наследие русской провинции: материалы II Межрегион. науч. конф. 2019. С. 110–118.
10. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 89–130.
11. Львов Г.Е. Воспоминания. М.: Русский путь, 1998. 376 с.
12. Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. М.: Эксмо, 2015. 960 с.
13. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. СПб.: Умса-press, 1988. 754 с.
14. Смахтина М.А. Трудовая этика российского поместного дворянства в XIX веке: представления об интеллектуальном и физическом труде (по литературным произведениям и мемуаристике) // Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2 ч. Ч. II. С. 180–183.

О.С. Мутиева

Обретение женщинами навыков защиты своих прав в контексте реорганизации правовой системы Дагестана (вторая половина XIX в.)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией правового положения женщин в контексте реорганизации правовой системы Дагестана. Под влиянием российского законодательства женщины приобретали опыт защиты своих прав. Делается вывод, что реорганизация правовой системы Дагестана в пореформенный период определила эволюцию правового положения дагестанской женщины.

The article discusses issues related to the evolution of the legal status of women in the context of the reorganization of the legal system of Dagestan. Under the influence of Russian legislation, women gained experience in protecting their rights. It is concluded that the reorganization of the legal system of Dagestan in the post-reform period determined the evolution of the legal status of the Dagestani woman.

Ключевые слова: Дагестан, буржуазные реформы, реорганизация, трансформация, правовое положение, защита прав.

Key words: Dagestan, bourgeois reforms, reorganization, transformation, legal status, protection of rights.

Обретение женщинами навыков защиты своих прав наиболее рельефно проявилось в пореформенный период. В условиях реорганизации правовой системы Дагестана происходила трансформация социального и правового положения дагестанской женщины. Отличительной особенностью правовой практики Дагестана было сосуществование адата и шариата, имевших разные сферы применения. Так, например, по адатам разбирались дела гражданские

и уголовные, которые касались владения, пользования и распоряжения землей. По шариату регулировались дела, связанные с наследованием, семейными взаимоотношениями, религией и пр. В пореформенный период нормы адатного права и законы шариата были соотнесены с Российским законодательством. Надо заметить, что данная правовая система уже была закреплена Уставом 1822 г., где были прописаны особенности управления народами национальных окраин Российской империи [3]. В частности, адаты дагестанских народов были скорректированы и соотнесены с российским законодательством. Заметим, что адатам уделялось особое внимание как существенному регулятору повседневной жизни народа. Нормы адатов регулировали все имеющиеся спорные вопросы: общественные и семейные конфликты, имущественные коллизии.

Существенным образом гражданское законодательство отразилось на имущественном положении дагестанской женщины. В некоторой степени ослабили патриархальные пережитки, которые ущемляли права женщин в вопросах наследования имущества, развода и последующего раздела имущества и др.

По нормам адатов у дагестанских народов особенно явно проявлялась дискриминация женщин в вопросах наследования имущества. Как правило, наследниками отцовской доли были сыновья, и только по их волеизъявлению, сестра могли наследовать небольшую часть отцовского имущества.

В новых реалиях развод, который проходил по инициативе жены сопровождался разделом нажитого совместного имущества. Вместе с тем, было бы неверным утверждать, что суды удовлетворяли все иски женщин в наследовании имущества. Но и отрицательный опыт, это опыт – женщины приобретали навык защиты своих прав.

Надо заметить, что практически у многих дагестанских народов это были существенные обстоятельства, при которых инициатива женщин удовлетворялась.

Под влиянием перемен, вызванными общероссийскими реформами происходило изменение женского самосознания. Ярким тому свидетельством являлись обращения женщин с исками в окружные суды. Так, например, апеллируя российскими законами, женщины стали самостоятельно инициировать защиту своих прав в судах. Характер исковых заявлений показывает, что причины были самые разные – произвол мужа, жалобы на побои, инициатива развода, раздел имущества и т.п.

Отмечая участвовавшие иски женщин в суды, А.П. Берже отмечал, что они пользуются защитой суда наравне с мужчинами [1, с. 16]. Заметим, что такая практика противоречила устоявшимся гендерным стереотипам.

Под влиянием российского законодательства происходили изменения и в семейно-брачных отношениях, в частности, пресекался неограниченный произвол мужа в семье. По сведениям А.П. Берже, женщины получили право обращаться в суды с жалобами на притеснения мужей [1, с. 16].

Несмотря на то, что в традиционном обществе жестокое обращение мужа с женой никогда не оставалось безнаказанным для мужчины, произвол нередко имел место в семейном быту. Жестокость мужа, получившая огласку в обществе, могла стать объектом общественного порицания. Кроме того, по нормам адатного права к мужу могли применить разного рода наказания. Заметим, что и законы шариата в отдельных историко-этнографических областях Дагестана также отличались жесткой регламентацией семейных взаимоотношений [2, с. 113].

Что касается российского законодательства, то к мужу стали применять меры административной ответственности, ограничивая нормы адата и шариата. Так, по сведениям известного дагестанского ученого-кавказоведа Б. Далгата, под влиянием российских законов претерпели изменения семейные взаимоотношения: ослабла власть мужа над женой, как следствие происходило ограничение его прав [2, с. 113].

Таким образом, в условиях реорганизации правовой системы Дагестана, женщины приобретали опыт защиты своих прав в судебных инстанциях. Это являлось свидетельством эволюции сознания и гражданско-правового положения женщин в исследуемый период.

Прослеживается динамика позитивных изменений имущественного и правового положения женщины, как следствие нового содержания ее повседневной жизни. Безусловно, традиционные стереотипы порой оказывались сильнее внедряемых правовых норм российского законодательства, что создавало дополнительные трудности в реализации судебных дел.

Список литературы

1. Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859.
2. Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала. С. 77–144.
3. Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 38, № 29126. СПб., 1903. С. 394–416.
4. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX вв.). М.: Наука. 1983. 265 с.

Т.И. Сидненко, О.Р. Сиренко

Управленческие вызовы в формировании высшего медицинского образования женщин в России. Повседневность и модернизация

Статья является результатом компаративного анализа документов и исследований специфики и форм становления медицинского образования женщин в России. Авторами проведено исследование роли военного ведомства в формировании высшего медицинского образования женщин в России. Результаты представлены в контексте концепции модернизации повседневности. Тенденции трансформации стереотипов, культурных типов проанализированы на базе исторического материала и современной отечественной исто-

риографии. Авторы выявляют факторы и условия формирования общих и индивидуальных особенностей восприятия «нового» в повседневной жизни. Рассмотрение концептуальной конструкции модернизации повседневной практики получения образования проводится авторами в контексте изучения трансформации повседневности в периоды реформирования институтов власти. Используются методы феноменологии, исторической психологии и военно-исторической антропологии.

The article is the result of a comparative analysis of documents and studies of the specifics and forms of formation of women's medical education in Russia. The authors conducted a study of the role of the military Department in the formation of higher medical education of women in Russia. The results are presented in the context of the concept of modernization of everyday life. Trends in the transformation of stereotypes and cultural types are analyzed on the basis of historical material and modern Russian historiography. The authors identify the factors and conditions for the formation of General and individual characteristics of the perception of the "new" in everyday life. The authors consider the conceptual design of the modernization of the daily practice of education in the context of studying the transformation of everyday life in the periods of reforming the institutions of power. Methods of phenomenology, historical psychology and military-historical anthropology are used.

Ключевые слова: повседневность, стереотип, историография, историческая психология, модернизация, военное просвещение, медицинское образование.

Key words: everyday life, stereotype, historiography, historical psychology, modernization, military education, medical education.

На современном этапе исследований вопросов, связанных с изучением пластов «повседневности» в условиях модернизации социально-политических и институциональных структур периода реформирования все более захватывает умы отечественных и зарубежных историков. И это не случайно. Опираясь на уже классическую концепцию модернизации А. Инкелеса и Д. Смита, следует расширить предметный и методологический поиск тех критериев и индикаторов изменений, которые сопровождают и выявляют процесс изменений в обществе. Речь идет, прежде всего, о тех необратимых изменениях, по которым можно судить о начале новых этапов как в социально-экономическом, политическом, правовом контексте, так и в плане культурных параметров: социальных, институциональных, межличностных связей, духовных характеристик.

В рамках настоящей статьи, представлены результаты исследования эволюции военного просвещения в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Акцент сделан на знаковых изменениях в системе образования и воспитания дворянских детей. В условиях сословного, гендерного неравенства и финансовых диспропорций во многих семьях из военных кругов воспитанием подрастающего поколения и начальным образованием занимались непосредственно крепостные няньки-кормилицы (мамки). Предпочтительнее были женщины из «дворовых людей», которые были личными слугами помещиков. Со второй половины XIX в. «институт» «мамок» и «дядек» отходит в прошлое, в том числе, и в связи с отменой крепостного права. Родители, зачастую, нанимали гувернера, чаще – из иностранцев. Гувернёр должен был

привить воспитаннику стереотипы поведения, хорошие манеры, знание иностранного языка. В 1820–1830-х гг. была мода на гувернеров из военнопленных армии Наполеона, которые остались в России и нередко позиционировали себя как дворяне, пострадавшие от революции. Однако, чаще всего, на родине они были лакеями, конюхами, парикмахерами и т.д. Часто гувернерами были и англичане, шотландцы, швейцарцы, у которых репутация была лучше. Вместе с тем, в имениях гувернёры были на положении слуг. Со второй половины XIX в. феодальный этикет в семейных отношениях стал утрачивать свое значение, отношения между детьми и родителями стали более близкими. Стало придаваться значение и образованию девушек. Хотя, по-прежнему, женское образование во многом было чисто прикладным – умение читать и писать по-русски, считать, музицирование, умение танцевать, также знание французского языка, чтобы общаться в «свете». Если женщина интересовалась чем-то сверх этого, она становилась «белой вороной». Так, А.Я. Бутковскую, которая интересовалась историей Рима, считали «ученой дикаркой» [2, с. 609].

Существенным прорывом в направлении получения образования женщинами стали реформы 2 половины XIX в. Так, назначенный в 1861 г. военным министром, Д.А. Милютин проявил настойчивость и провел серию структурных преобразований в армии, под его руководством был проведен ряд мероприятий, направленных на повышение уровня образованности среди офицеров. Во второй половине XIX в. в России значительно возросло число военно-учебных заведений. Важным рубежом в становлении женского образования в Российской империи стал 1861 год, когда советы 4-х из 6-ти российских университетов (в том числе и Санкт-Петербургского), на запрос Главного управления училищ о возможности совместного обучения мужчин и женщин, «дали утвердительные ответы» [6, с. 8]. И уже через 3 года впервые в Российской империи «... было подано прошение о допущении женщины на медицинский факультет» [4, с. 808].

Следующим значимым рубежом стал 1868 год, когда на имя ректора Санкт-Петербургского университета поступило прошение с сотнями подписей о разрешении во внеурочное время профессорам читать лекции женщинам. «В числе подписавшихся были жена и дочь военного министра Д.А. Милютина, графиня А.И. Толстая, графиня В. Ростовцева и другие известные в столице высокопоставленные дамы» [6, с. 9–10]. Занятия курсов начались 20 января 1870 г. Курсами руководил А.Н. Бекетов, занятия проходили в вечернее время, их проводили профессора Ф.В. Овсянников, И.М. Сеченов, другие, многие – бесплатно. «В первый же год на курсы записалось около 900 человек, в том числе 800 представительниц «слабого пола» [6, с. 10].

Решающие события в формировании женского высшего медицинского образования в России произошли в 1870–1872 гг., когда при поддержке военного министра Д.А. Милютина, президент Медико-хирургической академии, главный инспектор военно-медицинского департамента, доктор Н.И. Козлов

«...внёс в медицинский совет докладную записку: «Об образовании женщин по врачебной части» [4, с. 810], к которой был приложен проект акушерских женских курсов. В итоге Совет министров империи согласился с организацией курсов. «Важным событием, сыгравшим не последнюю роль в их открытии, явилось щедрое пожертвование, сделанное Лидией Алексеевной Родственной, супругой генерала А.Л. Шаняевского. 20 февраля 1872 г. она передала 50 тысяч рублей на содержание будущих курсов» [6, с. 13]. 10 июля 1872 г. приказом по Военному министерству было введено в действие «Временное положение об особом женском курсе при Императорской медико-хирургической академии для образования учёных акушерок». Таким образом, очевидно, что именно Военное министерство стало локомотивом высшего медицинского образования для женщин в России.

Из 130 поданных прошений к вступительным экзаменам было допущено 109 претенденток. «Принятых в число студенток оказалось 86 лиц» [4, с. 816] (вместо 70), большинство из которых были петербурженки («Для большинства студенток местом родины и воспитания был Петербург» [4, с. 818]), представительницы интеллигентных семей, в том числе – семей военных. Курсы открылись 1 ноября 1872 г. «Первую лекцию читал А.Е. Голубев по гистологии. «...Кроме него преподавателями первого курса были профессора Ф.П. Ландцерт (анатом), К.Е. Мерклин (ботаник), А.П. Бородин (химик) и приват-доцент Петербургского университета Бобелев (физик)» [6, с. 22]. Для решения организационных вопросов жизни слушательниц, контроля за ними были созданы должности инспектрис, которые, опять же, часто занимали дамы из семей высшего офицерского состава, например «...фрейлина, дочь генерал-адъютанта, Назимова, вдова генерал-майора Мария Григорьевна Ермолова ...» [5, с. 32].

Учёба была платной, вместе с тем, слушательниц из обеспеченных семей было не много и это накладывало свой отпечаток на образ жизни девушек: дни, вечера, иногда, и ночи, они посвящали учёбе, если получалось, подрабатывали в лечебных же учреждениях, а некоторые даже успевали посещать занятия на других курсах: «...они добивались попасть на Владимирские (существовавшие уже тогда в Петербурге и теперь преобразованные в Бестужевские)» [4, с. 824]. В какой-то степени проблему оплаты учёбы, проживания, быта слушательниц из малообеспеченных семей решали благотворительные пожертвования, в том числе и со стороны их обеспеченных сокурсниц; в марте 1873 г., с целью сбора средств для курсов, был организован первый студенческий концерт, в котором участвовали «... русские певцы, музыканты консерватории. ... В каждой песне говорилось о женщине, о женском вопросе и даже – о женщинах медиках» [4, с. 834]. Никто из слушательниц не был отчислен за неоплату учёбы.

В 1876 г. в деятельности курсов произошли значимые изменения. Военный министр Д.А. Милютин поддержал мнение преподавательского состава о целесообразности продления срока обучения слушательниц на 1 год с це-

лью подготовки их, как полноценных врачей и 2 марта представил императору ходатайство по этому вопросу. В результате приказом по Военному ведомству от 6 июля 1876 г. было объявлено: «1) Открытые с 1872 года Женские врачебные курсы отделить от Императорской Медико-хирургической академии и с этою целью с начала предстоявшего учебного 1876/77 года все занятия слушательниц перенести в Николаевский военный госпиталь с возложением непосредственного заведывания курсами, независимо от надзора инспектрисы и ее помощниц, на главного врача госпиталя под руководством Главного Военно-медицинского инспектора... 2) Срок обучения слушательниц установить вместо 4-х летнего 5-ти летний ... » [6, с. 30].

В обновлённом статусе была откорректирована программа курсов; в том числе, слушательницы обучались и военно-полевой медицине. Это было беспрецедентное явление, так как эта сфера медицины считалась исключительно мужской. Тем не менее, слушательницы старших курсов очень достойно проявили себя, приняв участие в войне Сербии и Черногории с Османской империей в 1876 г. «Среди получивших опыт работы на перевязочных пунктах и в госпиталях Сербии были не только слушательницы пятого курса С.И. Болбот, Е.А. Маркова, Н.П. Яновская, В.А. Петрова, В.П. Матвеева, Ю.А. Курвуазье, А.Н. Подрезан, П.А. Быстроумова, но и две студентки четвёртого курса и даже одна – третьего» [6, с. 32].

После начала Русско-турецкой войны в 1877 году вопрос об участии слушательниц в медицинском обеспечении боевых действий встал и по причине необходимости большего числа квалифицированных специалистов, и по причине желания слушательниц быть полезными Отечеству. Через несколько лет после победы выдающийся русский хирург профессор Н.А. Вельяминов так оценил вклад слушательниц: «Здесь-то впервые русская женщина сумела доказать, что в деле врачевания она может идти рука об руку с мужчиной с успехом исполняя все возлагаемые на неё обязанности» [6, с. 41]. Важным профессиональным результатом участия слушательниц в войнах было, фактическое признание мужчинами-врачами их врачебного статуса: «...многие из врачей, прежде сомневавшихся в медицинской способности женщин, признали теперь в них своих товарищей по делу и покойный государь удостоил их благодарности» [4, с. 841].

Так, «вызов» времени, государственная и повседневная необходимость расширения не только сферы подготовки квалифицированных кадров врачей, но и степени осознания необходимости перемен создали необходимые предпосылки к изменению системы образования женщин в России. С 1878 г., после успешных выпускных экзаменов курсов, начался следующий этап борьбы, на этот раз – за полноценную самостоятельную врачебную практику женщин-врачей. Выпускницы курсов работали «...в земских больницах и на врачебных участках, при детских приютах и в родильных покоях... Несколько выпускниц остались при курсах в качестве ассистентов. ...в женских отделениях военных госпиталей...» [6, с. 47–48].

По примерным сведениям, собранным на курсах в 1883 г., судьба 185 выпускниц сложилась следующим образом: «...находятся на службе в земстве – 62; состоят при клиниках и больницах – 54; занимаются частной практикой – 46; при женских врачебных курсах состоят в качестве ординаторов и ассистенток – 12...» [5, с. 17].

Вместе тем, уже в течении первых лет после выпуска, в российской печати, вопреки мнению недоброжелателей женского образования, стали публиковаться научные и научно-популярные работы женщин-врачей, бесспорно демонстрировавшие способность женщин и к научной медицинской деятельности. «В «Военно-медицинском журнале», «Врачебном вестнике», журналах «Здоровье», «Женское образование» и других изданиях за 1877–1882 гг. были опубликованы статьи В.Т. Бедняковой, Е.П. Вельяминовой, Е.Н. Идельсон, М.П. Капустиной, С.М. Крапивиной, Т.М. Красиной, Р.А. Павловской, Э.К. Пименовой, А.Е. Поповой, П.Н. Тарновской, А.Н. Шабановой, А.И. Эккерт и ряда других воспитанниц Женских врачебных курсов» [6, с. 48]. Несмотря на все, казалось, очевидные достижения, целесообразность Женских врачебных курсов, после гибели императора Александра II и последовавшей отставки Д.А. Милютина, новый военный министр П.С. Ванновский своим распоряжением 5 августа 1882 г. приём на курсы прекратил (слушательницам младших курсов была предоставлена возможность их закончить).

Целесообразность, необходимость возрождения женского врачебного образования была настолько очевидна широким кругам общественности, что даже не имея решения властей, частные лица, общественные организации стали вносить средства на восстановление Женских врачебных курсов. «В 1888 г. крупный вклад – 50 тысяч рублей – сделал золотопромышленник и меценат И.М. Серебряков, в 1889 г. по завещанию скончавшегося в том же году С.П. Боткина поступило 20 тысяч рублей. Свыше 50 тысяч рублей внесли известный общественный деятель А.Л. Шанявский и его жена» [6, с. 62]. Российской обществом рублём голосовало за женское образование. В 1897 г. результатом движения за возрождение женского врачебного образования в Российской империи стало открытие в Санкт-Петербурге, Женского медицинского института.

Таким образом, следуя логике рассмотрения исторического материала, мы выявили определенные этапы становления медицинского образования женщин в России в контексте рассмотрения различных нюансов форм и способов социализации, адаптации общества, отдельных групп, сообществ к новым культурным ценностям и порядкам периода реформирования.

Список литературы

1. Бокова В.М. Отроку благочестие блюсти... как наставляли дворянских детей. СПб., 2010.
2. Бутковская А. Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 12.
3. Бутовский Н.Д. О способах обучения и воспитания. СПб., 1886.
4. Некрасова Е. Женские врачебные курсы в Петербурге // Вестник Европы. СПб., 1883. № 12.

5. Сущинский П.П. Женщина-врач в России. Очерк десятилетия женских врачебных курсов 1872–1882 год. СПб., 1883.
6. Шабунин А.В. Женские врачебные курсы при Медико-хирургической академии и Николаевском военном госпитале. СПб., 1997.

В.В. Коровин

Миссия женщины-партизанки в условиях сопротивления оккупантам (по материалам Курской области)*

На основе архивных материалов в статье раскрываются основные формы участия женщин Курской области в сопротивлении немецко-фашистским оккупантам в составе партизанских отрядов. Особое внимание уделено разведывательно-диверсионной деятельности партизанок. Отмечена специфика гендерного подхода при отборе партизанских кадров.

Based on archival materials, the article reveals the main forms of participation of women in the Kursk region in the resistance to the German-fascist invaders as part of partisan detachments. Special attention is paid to the intelligence and sabotage activities of partisans. The specificity of the gender approach in the selection of partisan cadres is noted.

Ключевые слова: Курская область, партизанский отряд, женщина, разведывательное задание, диверсия.

Key words: Kursk region, the guerrilla group, the woman, a reconnaissance mission, a diversion.

Вторая мировая война стала одним из наиболее значимых гуманитарных вызовов человеческой цивилизации в XX столетии, поставившим под вопрос дальнейшее существование значительной ее части. Противостоять угрозе массового истребления населения порабощаемых германским фашизмом стран необходимо было единым фронтом, стиравшим национальные, возрастные, гендерные различия.

Если пребывание женщин на фронте в качестве военнослужащих различных родов войск и вспомогательного персонала стало типичным явлением военной повседневности и характеризовалось массовым представительством уроженок самых разных регионов СССР, то в партизанской борьбе с врагом принимали участие, как правило, лишь жители оккупированных территорий.

Формирование партизанских отрядов в Курской области началось в августе 1941 г., еще до начала оккупации ее территории. В каждом районе, находившемся под угрозой вторжения войск противника, отбирались добро-

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

вольцы из числа бойцов истребительных батальонов и местного партийно-хозяйственного актива [7, с. 103].

В доокупационный период личный состав будущих партизанских отрядов был представлен, прежде всего, мужчинами. Списки лишь 2 из 30 созданных отрядов содержали фамилии женщин, число которых не превышало пяти человек в каждом. Указанная тенденция сохранялась и на начальном этапе оккупации Курской области. Только в трех вновь созданных отрядах значилось несколько женщин [11, с. 60].

Впоследствии, в условиях массовой мобилизации в действующую армию мужского населения призывного возраста, основным источником пополнения партизанских кадров становились молодые люди. Причем, предпочтение отдавалось девушкам, которые вызвали меньше подозрений у представителей оккупационных властей. Но при отборе кандидатов для прохождения специальной подготовки сотрудники органов госбезопасности сталкивались с их нежеланием отправляться в тыл противника. Только в ноябре 1941 г. при плановом наборе 300 чел. из незанятых врагом районов области было направлено на обучение лишь 17 комсомолок, из которых осталась учиться в спецшколе всего одна девушка [4, л. 145].

Типичным мотивом для отказа выполнять задания в тылу противника являлось опасение не справиться с порученным делом и страх за собственную жизнь. «Я не пойду, потому что я никогда не испытывала трудностей и мне кажется, что я не перенесу их. Я жила в хороших условиях, и мне не хочется подвергать опасности свою молодую жизнь. Лучше я пойду, поработаю дома», – объясняла свою позицию одна из комсомолок [3, л. 33; 7, с. 287].

Зачастую мобилизация молодежи для организации борьбы в тылу противника сопровождалась превышением полномочий со стороны ответственных за ее проведение должностных лиц. Например, инструктор обкома ВЛКСМ А.В. Агейченко вызывал на собеседование молодых жителей Новоскольского района, перед которыми поставил вопрос о любви к Родине и необходимости встать на ее защиту. Всем, кто не был готов ответить моментально, грозило исключение из рядов ВЛКСМ. Подобная насильственная мобилизация партизанских кадров привела к тому, что только 33 девушки из 45 изъявили желание пройти обучение в спецшколе УНКВД, а в пункт сбора прибыли лишь 8 из них. Половина пришедших отказалась от данного ранее согласия [13, л. 3–4; 7, с. 288].

О стремлении должностных лиц, занимавшихся вербовкой партизанских кадров, достичь выполнения плановых показателей любой ценой свидетельствуют и другие факты. Так, член ВКП(б) К.Е. Демичева просила освободить ее от выполнения разведывательного задания в оккупированном Белгороде, ссылаясь на преклонный возраст (51 год), частые сердечные приступы, сопровождавшиеся тахикардией, сильную близорукость [4, л. 31].

Отказ отдельных жительниц области выполнять боевые задачи в тылу противника не носил массовый характер. После оккупации северо-западных районов Курской области ряды партизан стали пополняться женщинами,

добровольно решившими принять участие в борьбе с врагом. В их числе оказались плановик Дерюгинского сахарного завода М.М. Вавилкина, учителя Е.П. Балабанова и П.Г. Гукина [11, с. 60]. Первые партизанки отличились при выполнении разведывательных заданий и выводе из окружения военнослужащих Брянского фронта.

Девушки, вступавшие в партизанские отряды, чаще всего, становились разведчицами. Хотя опытные партизанские командиры, как вспоминали ветераны, неохотно соглашались принимать молодежь на должности, связанные с постоянным риском для жизни, стремясь оставить их на вспомогательной работе. Тем не менее, молодые разведчицы регулярно доставляли командованию разведывательную информацию о немецких гарнизонах, дислоцировавшихся в крупных населенных пунктах. Вспоминая партизанские будни, осенью 1983 г. бывшая разведчица Ольга Дмитриевна Бобкова рассказывала автору данной статьи о том, как в летнее время в дальнюю разведку на расстояние 100–150 км от базы Дмитриевского отряда, девушки ходили босиком, стремясь максимально сохранить свою обувь.

Благодаря сведениям о противнике, своевременно доставленным Е.П. Балабановой, осенью 1942 г. был предотвращен разгром Троснянского партизанского отряда. Она распространяла листовки и проводила разъяснительную работу среди населения. В сентябре 1942 г., попав в опасное положение при разведке гарнизона в г. Льгове, Екатерина Прохоровна смогла избежать ареста и уйти от преследования, доставив необходимые данные [8, с. 327–329].

Разведчица Крупецкого партизанского отряда А.А. Зайцева дважды переходила линию фронта, доставляя во 2-ю гвардейскую стрелковую дивизию ценные сведения о противнике. В марте 1942 г. по доносу предателя она была схвачена и казнена в районном центре Крупец [11, с. 62].

Осенью 1942 г. при выполнении задания командования была арестована 18-летняя разведчица Дмитриевского партизанского отряда В.М. Терещенко. После продолжительных допросов, сопровождавшихся пытками, 16 октября 1942 г. ее повесили в городском сквере города Дмитриева. Та же участь постигла 19-летнюю разведчицу Михайловского партизанского отряда В.М. Диканову [11, с. 62–63]. Обе девушки, по воспоминаниям очевидцев, в последние минуты жизни проявили исключительное мужество и самообладание.

Женские разведывательно-диверсионные группы отличались и в подрывной деятельности. Так, 12 октября 1942 г. партизанки А.А. Филина, С.П. Гладышева и В.И. Сабитова успешно заминировали участок железной дороги Курск – Воронеж в районе станции Отрешково. В результате диверсии был подорван вражеский эшелон, разбиты паровоз, 24 вагона, 4 танка, погибло более 100 вражеских солдат [9, с. 183–184].

Оперативное управление партизанскими силами, действовавшими на северо-западе Курской области, стало осуществляться гораздо эффективнее после того, как Брянский штаб партизанского движения командировал радистку Тамару Тарасову (Морозову). С 15 сентября 1942 г. по март 1943 г. она проходила службу в штабе 1-й Курской партизанской бригады, обеспечивая

устойчивую радиосвязь с командованием. За образцовое выполнение боевых заданий она была награждена орденом Красной Звезды [12, с. 41, 104–108].

Не менее значимой деятельностью в партизанских отрядах занимались женщины, имевшие медицинскую подготовку. Весной 1942 г. в отряд им. Чапаева была принята на должность санинструктора 16-летняя Е.О. Мымрикова. В бою за с. Лемешевка Сумской области она спасла от гибели раненого партизана Игомбердиева. В июне 1942 г. в бою с карателями у села Новониколаевка повела в атаку партизанскую группу, но была смертельно ранена [9, с. 76–79].

В апреле 1942 г. в бою с немецким гарнизоном в с. Пигоревка Сумской области медсестра партизанского отряда им. Боженко А.М. Бояринцева вынесла с поля боя трех раненых партизан с оружием [5, л. 47; 11, с. 63]. К началу 1943 г. в этом отряде служили 15 медсестер и санитарок. В целом, во 2-й Курской партизанской бригаде, куда входил отряд им. Боженко, отношение к медицинскому обслуживанию бойцов и командиров было более профессиональным. Это объясняется не только преобладанием в рядах этого соединения кадровых военнослужащих, но и наличием среди них военных медиков.

Иначе складывалась ситуация в 1-й Курской партизанской бригаде, состоявшей преимущественно из местных жителей. Здесь на отряды численностью 500–600 чел. приходилось всего по одному медицинскому работнику [1, л. 3–82; 2, л. 1–44]. Санитарной службой бригады руководила военврач Ф.Б. Закгейм, сумевшая вылечить около 60 раненых партизан. Осенью 1942 г. в условиях отсутствия медикаментозных средств она успешно противодействовала распространению эпидемии сыпного тифа [10, л. 37; 11, с. 64].

Сохранившиеся в фондах Государственного архива общественно-политической истории Курской области именные списки личного состава партизанских отрядов свидетельствуют о том, что количество женщин в них не превышало 10 % от общего числа бойцов и командиров [11, с. 64]. Средний возраст женщин-партизанок составлял 18–25 лет. По социальным признакам преобладали выходцы из крестьянской среды, бывшие учителя, младшие и средние медработники, учащиеся. В основном, девушки занимали рядовые должности в отрядах или выполняли хозяйственные функции (повара, кухонные рабочие, прачки). Осуществляемое ими бытовое обслуживание и удовлетворение повседневных потребностей партизан надежно обеспечивало боеспособность отрядов.

Необходимо упомянуть и самоотдачу женщин из числа гражданского населения, помогавших партизанам решать проблемы бытового характера. Настоящей базой снабжения Дмитриевского партизанского отряда стали поселок Первоавгустовский и прилегающие села. Так, местная активистка Е.И. Абрамова организовала сбор теплых вещей для партизан, подключив к этой работе других женщин. В некоторых квартирах поселка женщины вязали для бойцов варежки, перчатки, носки. В Дмитриевский партизанский отряд через Е.И. Абрамову переправлялись продовольствие, боеприпасы, медикаменты, собранные населением [7, с. 305].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1946 г. орденами и медалями были отмечены 40 бывших партизанок Курской области [б, л. 45–57]. Таким образом, женщины-курянки внесли достойный вклад в борьбу с оккупантами. Использование их преимущественно в разведывательно-диверсионной работе было обусловлено спецификой этого вида деятельности, требовавшего привлечения минимального внимания со стороны охраняемых подразделений противника.

Список литературы

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143.
2. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 147.
3. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 205.
4. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 238.
5. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 382.
6. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 386.
7. Коровин В.В. Поднимались воины народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941–1943 гг.: моногр. Курск: Славянка, 2007. 512 с.
8. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов / ред. комис.: Т.И. Архипова (пред.) [и др.]; предисл. канд. ист. наук В.М. Плотникова. Т. 1. Курск: Кн. изд-во, 1960. 487 с.
9. Народные мстители: Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков / введ. В.Г. Морозова; отв. ред. Т.И. Архипова. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. 263 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 41. Д. 117.
11. Твой путь я разделю как верная подруга... (женщины Курской области в Вооруженных Силах Советского Союза и добровольческих военизированных формированиях в 1941–1945 гг.): моногр. / В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев, Н.Н. Пожидаева. Курск: МУП «Курская городская типография», 2006. 132 с.
12. Федосюткин А.Д. На земле железной. (Записки комиссара Первой Курской партизанской бригады): Курские мемуары. Науч.-ист. журн. № 1. Курск: ЮМЭКС, 2006. 127 с.
13. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 229. Оп. 213. Д. 41.

И.В. Богдашина

«Доставание» продуктов питания и приготовление пищи как женская забота в нестоличном советском городе в 1950–1960-е гг.*

В статье приготовление пищи рассматривается как важнейшая сторона повседневной жизни горожанок крупного нестоличного региона Нижнего Поволжья. Обращение к эго-документам позволило выявить особенные черты в женских повседневных бытовых практиках и определить исключительные для региона способы «накармливания» семей. В условиях дефицита товаров жительницы сталкивались со многими трудностями (лишения, очереди, нехватки), но традиционно продолжали нести бремя домашних дел. Выступая

* Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ 19-09-00191.

первоочередной необходимостью, каждодневные пищевые практики превращались для женщин в вынужденную форму проведения свободного времени.

In the article, cooking is considered as the most important aspect of the daily life of urban women in a large non-capital region of the Lower Volga region. An appeal to ego-documents made it possible to identify special features in women's everyday life practices and to determine the methods of “feeding” families that are unique for the region. In conditions of a hidden shortage of goods, residents faced many difficulties (deprivation, queues, shortages), but traditionally continued to bear the burden of household chores. Acting as a primary necessity, everyday food practices turned into a forced form of spending free time for women.

Ключевые слова: повседневная жизнь, пищевые практики, период «оттепели», домашний труд, женская забота.

Key words: daily life, food practices, the «thaw» period, domestic work, women's care.

Приобретение продуктов питания и приготовление пищи до сих пор является важнейшей стороной во многом именно женской повседневной жизни. Оставаясь традиционно женской сферой, все вопросы, связанные с пищевыми практиками потребления становились еще более насущными в условиях проживания в крупном, но нестоличном и разрушенном до основания в годы войны городе Сталинграде (Волгограде). Именно в 1950–1960-е гг. государство впервые предпринимает меры по облегчению женского домашнего труда, однако горожанки нестоличного региона продолжали принимать вызов времени и приспосабливаться к реальным условиям жизни, которые были полны забот, лишений и переживаний.

Тема женских бытовых практик впервые была затронута социологами еще в те же 1950–1960-е гг. [1, с. 160–161; 25, с. 28]. О необходимости расширения сети общественного питания заговорили сами женщины-ученые, которые призывали к «устранению остатков неравенства женщин в быту» [3, с. 242; 2, с. 25–26]. Проблема неравенства признавалась, но на практике и в 1980-е гг. недостаточное развитие сети торговли и общественного питания продолжало «сдерживать процесс сокращения затрат труда» женщин на домашние дела, значительную часть среди которых занимало приготовление пищи [24, с. 3; 23, с. 122, 129]. В 1990–2000-е гг. ученые переосмыслили события советского периода и пришли к выводу о том, что неравенство полов породила двойная нагрузка на женщин (дома и на работе). Ключевые исследовательские задачи тогда наметила Н.Л. Пушкарёва, которая предложила изучать привычное и повторяющееся, отметила «важность воссоздания бытового антуража», который возможно реконструировать, обратившись к материалам устной истории [29, с. 33; 30, с. 172]. Однако проблема распределения гендерных ролей в сфере, касающейся потребления продуктов питания и всего, связанного с ежедневными пищевыми практиками, остается исследователями до сих пор не затронутой. Данный аспект повседневности наиболее полно может быть раскрыт на региональном архивном материале, а также путем привлечения сведений эго-документов (дневники, устная история).

Несмотря на положительную статистику, которая показывала рост товаров народного потребления, предприятий торговли и общественного питания, в реальной жизни, обстановка в регионе на протяжении 1950–1960-х гг. оставалась крайне напряженной [26, с. 25, 209–211]. В условиях массового дефицита товаров, женщины были вынуждены прибегать к различным способам «доставания» продуктов для себя и своих семей.

подавляющую часть продуктов питания горожанки приобретали в государственных магазинах, неотъемлемым атрибутом которых являлись очереди. Например, врач З.С. Седельникова описывала в дневнике стояние в очередях, как привычную составляющую своей повседневной жизни: «Успела прибраться и сесть за книгу, как хозяйка сказала, что в магазине продают сахар – в 11 ч. я с книгой в руках ушла в очередь, к 2-м подошел и папа, и вместе купили 7 кг сахара» [4, л. 76 об.]. И за редким исключением было время, когда удавалось купить товар «совсем без всякой очереди» [7, л. 121]. Походы по магазинам отнимали у горожанок немало времени, а запас продуктов являлся не только «большим делом», но и «проблемой» [8, л. 157; 11, л. 133]. В устных рассказах женщин также немало воспоминаний о том, как приходилось стоять в очередях за самыми необходимыми продуктами [28: Н.П., Н.В., А.И., А.Д.].

Изобилие товаров, как правило, наблюдалось в предпраздничные дни, особенно хлопотные для женщин. На их плечи ложилась не только подготовка к праздничному столу, но и нечастая возможность запасти продукты впрок: «Сходили в манс. магазин № 8, за хлебом и мукой 3 кг на двоих по талону к празднику по 41 коп.» [15, л. 71]. Нередко за необходимый товар (пока он есть в магазине) горожанки не только отдавали последние деньги, но и занимали у знакомых, настолько велик был страх того, что самое нужное может исчезнуть в один момент: «Сегодня в магазинах продают муку и мы купили 9 кг крупчатки по 4.80 и 11 кг пшеничной по 2.80. Деньги заняли» [4, л. 145; 5, л. 112 об.]. Чуть ли не ежедневной заботой именно женщин, а не мужчин были мысли о том, как и где выгодно приобрести продукты питания.

Казалось бы, иначе дело обстояло для женщин, занятых в сфере торговли, ведь они имели более широкие возможности в получении (зачастую незаконным путем) желаемых продуктов. При этом остальные горожанки не желали мириться с многочисленными нарушениями сотрудниц торговли. Жалобы в горком партии, а также материалы рейдовых проверок партийно-государственного контроля свидетельствуют о массовых нарушениях со стороны работниц торговли и общественного питания [31, л. 179–181]. Например, в 1963 г. буфетчица столовой № 26 была уличена в крупной растрате, при этом проверкой было отмечено, что «такие акты в тресте столовых не единичны» [16, л. 18]. Сотрудницами продуктовых магазинов в подавляющем своем большинстве являлись именно женщины. Так, по результатам выборочной рейдовой проверки продуктовых магазинов в 1965 г. было отмечено, что «до сих пор в ряде магазинов не изжиты факты обвеса и обвеса покупателей. Из 20 проверенных магазинов обман покупателей установлен

в 11 магазинах» [17, л. 35]. Именно для того, чтобы накормить семью, женщины поступались моральными принципами и шли на столь отчаянные и рискованные действия. Однако далеко не все нарушительницы подвергались наказаниям, что провоцировало массовость данного явления.

Выгодные знакомства играли не последнюю роль в снабжении продуктами питания, а дефицитные товары привозили из других регионов, о чем вспоминают респондентки: «У нас одна знакомая работала на мясокомбинате, воровала колбасу с комбината и мы у неё покупали, а некуда деваться было. Друзья из Москвы привозили конфеты. В свободной продаже шоколадных конфет не было, только по знакомству»; «Я через школу доставала мясо и сосиски, вместе с общим заказом и мне заказывали» [28: А.Д., Н.В.].

Рынки, которые были призваны восполнить дефицит государственного торгового, также не удовлетворяли запросы покупательниц. Цены на продукты завышались, а потому многие продолжали отстаивать очереди в государственных магазинах в надежде купить товар по более низкой цене, но расплачиваясь за это драгоценным временем: «После обеда Дуся еще раз сходила в ларек и через пару часов принесла еще 5 кг яблок, за всю осень первая покупка фруктов по государственной цене, кроме арбузов, а на рынке очень дорого для нас» [6, л. 80]. Случалось и так, что необходимые для рациона мясопродукты, было практически невозможно купить ни на рынке, ни в магазине, о чем с негодованием написала в 1964 г. женщина-врач в дневнике: «Зашла было в магазин “Сельхозпродукты”, но шагу за дверь некуда ступить – от очередей за мясом! На рынке то же самое! С мясом плохо» [14, л. 38].

Именно женщины сталкивались с каждодневными трудностями, простаивая в очередях и высчитывая каждую копейку, они умудрялись приготовить вкусные блюда не только из самых простых, но и порой низкого качества продуктов. Дорогие товары часто залеживались в магазинах, а полуфабрикаты нередко становились причиной пищевого отравления: «Вчера съела магазинную котлету, по видимому непропаренную, они большие и жесткие и через пол часа желудок дал о себе знать» [4, л. 120; 12, л. 159 об.].

Общественные столовые, в которых еда зачастую была «однообразной и невкусной», должны были обеспечить население готовой продукцией, освободив тем самым женщин от необходимости каждодневного приготовления домашней пищи [7, л. 139 об.]. Но в большинстве случаев предприятия общепита находились в ненадлежащем состоянии, об этом свидетельствуют материалы проверок народного контроля, которые изобилуют примерами злоупотреблений и нарушений, антисанитарного состояния помещений, а «приготовление пищи низкое по своим вкусовым качествам» [18, л. 5; 19, л. 10]. Например, в столовой № 108 в 1963 г. продавали «сырники сырые, блины горелые» – едва ли хорошая хозяйка пожелала бы приобрести такую продукцию для того, чтобы накормить домочадцев [20, л. 8].

Не только общественные, но и заводские предприятия не справлялись со своими задачами, так, в столовой Тракторного завода были «посторонние

предметы в блюдах» [21, л. 3]. Продукция низкого качества, предлагаемая общепитом, заставляла хозяек переходить исключительно на домашнюю пищу, как единственно верный способ обеспечения родных и близких пропитанием. Подсобные хозяйства выступали еще одним средством пополнения семейных запасов. На собственном участке выращивали фрукты и овощи, втихую содержали и скот [28: Н.П., М.П., Н.А.]. Дачные хозяйства во многом обогащали домашнее питание, ведь у хозяйки, делающей «всегда очень много закруток» можно было отведать «свои консервированные фрукты и овощи, особенно вкусный компот» [28: Т.А., Л.Д.; 13, л. 107].

Каждая женщина должна была уметь вкусно готовить, что поддерживалось устной семейной традицией, обучали девочек этому важному занятию и в школе. Сфера питания традиционно являлась женской прерогативой, а средства массовой информации во многом ее формировали. В телевизионной передаче 1958 г. сообщалось, что введенные впервые уроки домоводства в школах, должны были помочь «девочкам познать бытовой труд». Так, в одной из школ пятиклассницы умело накрывали стол, а семиклассницы помогали поварам на кухне [28: Л.Д., А.И., Л.В.; 22, л. 99–100]. Практически в каждом доме имелись такие книги, как «Домоводство» или «О вкусной и здоровой пище», советы брали из журналов «Работница», «Крестьянка» и «Здоровье» [28: Т.А., Л.Д., Е.В., Т.М., Т.В., Г.Ю., Н.П.].

Домашнее приготовление пищи влекло за собой такую насущную проблему, как сохранение продуктов, ведь для большинства волгоградских семей приобретение холодильника являлось все еще несбыточной мечтой. Многие респондентки отметили, что отсутствие холодильника влекло за собой каждодневную практику не только приготовления, но и приобретения продуктов [28: Н.П., М.П., И.В., Е.В.]. Женщины были вынуждены переживать о том, не пропадет ли приготовленная пища, «ведь летом в жару ничего не купишь», поэтому «покупали понемногу и ели сразу» и с большой досадой выкидывали пропавшие продукты [28: И.В., Н.П., А.Д.; 10, л. 17]. Покупка холодильника явилась важным событием в жизни женщины-врача, которой удалось его приобрести в 1958 г., о чем она с восторгом, но и не без доли сожаления написала в дневнике: «Очень рада, что летом не придется страдать с продуктами от жары. И снова долгу более 1500 р. да еще неделю надо жить до полочки, а денег нет» [9, л. 75]. Для большинства семей региона такие расходы оказались бы непосильным обременением.

К практике приготовления домашней пищи приучали, прежде всего, девочек, мужа и сыновья традиционно оставались в стороне от этих дел. Горожанки отмечают, что мамы и бабушки с детства учили их готовить, ведь они являлись чуть ли не единственными для них помощниками [28: Т.А., Л.В., Т.М., С.В.]. Лишь узкий слой обеспеченной интеллигенции мог себе позволить найм домработницы, но и тут сфера влияния в вопросах управления выступала женской прерогативой. Например, бездетная врачиха имела финансовую возможность содержать помощницу, о которой взамен приходилось заботиться (кормить и одевать) [4, л. 65]. Сетования женщин на домаш-

ний труд были нередкими, потому как даже средства массовой информации признавали приготовление пищи «наиболее трудоемкой домашней работой» [27, с. 34–35].

Именно в годы хрущевской «оттепели» изменилась не только общественно-политическая ситуация, но и отношение к частной жизни людей. Однако многие нововведения, касавшиеся облегчения женского домашнего труда с большим опозданием внедрялись в быт провинциальных горожанок. Все заботы, связанные с «накармливанием» семей традиционно продолжали оставаться сферой женского влияния, выступая прямой необходимостью в списке многих других домашних дел.

Список литературы

1. Араловец Н. Женский труд в промышленности СССР. М.: Профиздат, 1954. 176 с.
2. Белова В.С. Подлинное равноправие. М.: Знание, 1965. 40 с.
3. Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. М.: Гос. изд-во полит. и науч. лит., 1959. 264 с.
4. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13.
5. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14.
6. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15.
7. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 16.
8. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 17.
9. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 22.
10. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 23.
11. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25.
12. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 26.
13. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 28.
14. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 30.
15. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 31.
16. ГАВО. Ф. Р-6869. Оп. 1. Д. 14.
17. ГАВО. Ф. Р-6869. Оп. 1. Д. 24.
18. ГАВО. Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 57.
19. ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 186.
20. ГАВО. Ф. Р-6753. Оп. 1. Д. 6.
21. ГАВО. Ф. Р-6753. Оп. 1. Д. 32.
22. ГАВО. Ф. Р-6174. Оп. 3. Д. 13.
23. Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983. 222 с.
24. Кузнецова Л.Н. Женщина на работе и дома. М.: Политиздат, 1980. 231 с.
25. Куприн О. Быт – не частное дело. М.: Госполитиздат, 1959. 70 с.
26. Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 263 с.
27. Никольская Е. Время и домашний труд // Служба быта, 1966. № 7. С. 34–35.
28. ПМА 1 – Полевые материалы автора. г. Волгоград. Апрель–декабрь 2019 г. (информанты – М.П. 1933 г.р.; И.В. 1937 г.р.; Н.В. 1938 г.р.; Н.П. 1941 г.р.; Н.А. 1942 г.р.; А.Д. 1943 г.р.; Е.В. 1944 г.р.; А.И. 1948 г.р.; Л.Д. 1948 г.р.; Т.М. 1950 г.р.; Г.Ю. 1951 г.р.; Т.А. 1954 г.р.; Л.В. 1956 г.р.; С.В. 1960 г.р.).
29. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Вестник Этнографического института сербской академии наук и искусств. 2005. № 53. С. 21–34.

30. Пушкарева Н.Л. Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 172.

31. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 28. Д. 43.

Н.А. Мицюк

Интересы государства и права женщин: модели контроля рождаемости в истории России*

Публикация посвящена изучению перехода от религиозно-нравственного и правового контроля рождаемости к биополитической модели в истории России. Концептуальной основой исследования явились теория медикализации и биополитики. Были использованы исторические источники XIX – начала XX в.: законодательные акты, судебная статистика, медицинский дискурс, отчеты родильных клиник и женские эгодокументы. Были выделены три модели контроля рождаемости: религиозно-нравственная, законодательная (уголовная), биополитическая. Переход к биополитической модели был вызван усилением государственных институтов и неэффективностью предыдущих моделей контроля рождаемости. Декриминализация абортов отражала интересы государства.

The authors studied various models of birth control in the history of Russia. the conceptual basis of the study was the theory of medicalization and biopolitics. Historical sources of the XIX – early XX centuries were used: legislative acts, judicial statistics, medical discourse, reports of maternity clinics and women's egodocuments. Three models of birth control were identified: religious and moral, legislative (criminal), and biopolitical. The transition to a biopolitical model was caused by the strengthening of state institutions and the inefficiency of previous birth control models. The decriminalization of abortion reflected the interests of the state.

Ключевые слова: история абортов, история деторождения, история акушерства, медикализация, биополитика, контроль над рождаемостью, родильная клиника.

Key words: history of abortion, history of childbearing, history of obstetrics, medicalization, biopolitics, birth control, maternity clinic.

Понятия «контроль рождаемости», «аборт» появились в научном обороте чуть более 100 лет тому назад, в то время как практики контроля рождаемости – глубоко укорененные и традиционные, существовавшие во все времена и во всех обществах. Актуальность темы в современном обществе обусловлена рядом факторов. Советская Россия оказалась первой в мире страной, легализовавшей аборты в 1920 г. постановлением народного комиссариата юстиции «Об искусственном прерывании беременности». Вопреки внедрению новых принципов планирования семьи, мер, направленных на повышение рождаемости – наша страна продолжает лидировать по количеству

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)» (№ 19-09-00191).

абортов. Социальная политика в области контроля рождаемости в России и мире противоречива и неоднозначна. Попытки властей Польши ограничить права женщин на аборт встретили яростное сопротивление общественности. В России различными нормативно-правовыми актами, инструкциями, регламентами насаждается контроль рождаемости в интересах государства, а не женщин (фактически отсутствие программ полового воспитания в учебных заведениях, отсутствие программ профилактики нежелательной беременности, новые правила лицензирования медцентров, программа «маршрутизации беременности», закрытие родильных домов в условиях борьбы с Covid-19 и др.).

Цель представленного исследования состоит в изучении этапов формирования биополитической модели контроля абортов в России, сложившейся к 1920 г. Актуальными явились подходы феминистской антропологии и гендерной истории, ориентированные на пересмотр исторического материала относительно потерь и приобретений для женщины. Концептуальными рамками исследования составили теории биовласти и биополитики, получившие классическое выражение в работах М. Фуко, а также теории социального контроля и медикализации, развиваемые Э. Фрейдсоном и П. Конрадом. Сущность фукольдианской теории биополитики [18] состоит в том, что с развитием медицинской науки – ставшей источником повседневных представлений о нормах и патологиях, государство, наравне с другими социальными институтами (право, судебная система) обратилось к медицине как средству управления, подавления и дисциплинирования тел.

Анализ российских исторических исследований по теме ограничения рождаемости демонстрирует доминирование описательного и консервативного подходов: этнографы изучают традиционные практики абортирования в крестьянской среде [1; 2; 12], историки медицины фокусируются исключительно на развитии научного акушерства. Новаторскими выглядят исследования зарубежных историков, которые под влиянием подходов феминистской антропологии, гендерной истории ставят новые исследовательские вопросы относительно истории репродуктивной политики и контроля над рождаемостью [23; 25; 26; 28; 30]. Теория биополитики, как одного из способов социального контроля часто привлекается в исследованиях современных социологов, занимающихся изучением социальной политики в области женской репродукции [16; 29]. В то же время исследовательский фокус социологов исторически ограничен советским и постсоветским периодом, крайне редко используется более ранние исторические источники.

Исследование основано на нескольких группах источников: статистические данные (медицинские отчеты, данные судебной и полицейской хроники), экспертные дискурсы (медицинский, юридический), опубликованные в профильных журналах и на страницах научной литературы, эгодокументы. В качестве методов использовались дискурсивный анализ, гендерная экспертиза статистических источников, сравнительно-исторический анализ.

До XVII в. существовала религиозно-нравственная модель контроля рождаемости. «Плодоизгнание» в России, независимо от регионов, осуждалось и считалось тяжким грехом в соответствии с христианским представлением о зарождении человека. Женщина, «сгубившая» дитя, постригалась в монахини; на нее накладывалась многолетняя епитимья. В то же время «вытравление плода» было основным способом контроля над числом и временем рождений, способом рационализации сексуальности, сложившимся в различных местностях России [10].

С развитием государственных институтов, обществ буржуазного типа, урбанизации усиливался властный контроль над телом человека [18]. Стала формироваться модель законодательного регулирования и контроля рождаемости, происходила криминализация проводимых «плодоизгнаний». В России этот процесс был обусловлен не столько развитием капиталистических отношений, сколько появлением с XVII в. абсолютистских тенденций и имперской политикой. Контроль над репродуктивным поведением населения стал осуществляться через государственные институты. В 1649 г. Соборное уложение вводило смертную казнь за прерывание беременности. Основным аргументом М.В. Ломоносова в пользу борьбы с «плодоизгнанием» был рост населения, ведущий к «величию» государства. В XIX в. «плодоизгнание» стало квалифицироваться в качестве преступления против личности. Впервые в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» появились подробные определения того, кого привлекать к ответственности, а также меры смягчения и ужесточения наказания [4, с. 96–99]. Деторождение было отнесено к обязанности женщины, которую рассматривали как ее «воинскую повинность» [6, с. 33].

Однако новая модель контроля репродуктивного поведения населения оказывалась малоэффективной, что подтверждает анализ судебных статистических материалов, а также изучение юридического дискурса. Реальные сроки по обвинению в «плодоизгнании» получало ничтожное число женщин. Аборт мог быть представлен в виде выкидыша, мертворождения, несчастного случая, последствий «самопомощи» [5, 40–41]. Суммируя все обстоятельства, суды присяжных зачастую оправдывали обвиняемых или привлекали их к аресту на несколько дней, реже месяцев [3, с. 281]. В условиях нелегальности абортивных практик фактически происходила легитимизация их присяжными заседателями. Зарождалась квалификация действий, связанных с «плодоизгнанием», в то время, как закон не предусматривал такой возможности. Существовавшие драконовские законы в отношении тех, кто совершал «плодоизгнание» на практике оказывались слишком формальными, что не позволяло государству эффективно контролировать репродуктивное поведение.

С процессами промышленной модернизации, урбанизации наблюдался устойчивый процесс роста числа выкидышей и мертворождений среди горожанок, что на практике означало возросшее число практик абортирования [8]. При официальном запрете на аборты женщины поступали в медучреждения в тяжелом состоянии после самостоятельных попыток прервать беремен-

ность [7]. В медицинских картах в этом случае записывалось «мертворождение» или «преждевременные роды». Врачи подчеркивали, что за 65 лет число выкидышей возросло в России в 49 раз [15, с. 15]. Данный процесс в России начался на 40–50 лет позже, чем в США и Англии, что было связано с замедленными темпами экономической модернизации, повлиявшей на вовлечение женщин в общественное производство, урбанизацию, разрушение патриархальных норм, женскую эмансипацию и актуализацию проблем контроля рождаемости. Тенденция роста числа криминальных абортотворений была характерна не только для столичных, но и для провинциальных городов [11].

С конца XIX в. стала оформляться биополитическая модель контроля рождаемости. Она началась с легитимации абортов в медицинских учреждениях, а продолжилась бурным развитием медицинского дискурса. Успехи в научном акушерстве сделали к концу XIX в. процесс абортирования сравнительно легкой операцией, в связи с чем горожанки стали чаще обращаться именно к профессионалам. С появлением микроскопа, использованием рентгеновских лучей медицинская наука, в особенности эмбриология, разрушала традиционные представления об аборте как детоубийстве [10]. Клиническое пространство становилось местом, где искусственное прерывание беременности приобретало легитимность в глазах общественности. Врач по факту наделялся условным правом определять показания к аборту. Грань между нормой и патологией была условной, о чем говорят показания к искусственному прерыванию беременности [6, с. 22; 21, с. 54]. Несмотря на запрет, аборты зачастую производились под видом оперативной помощи при преждевременных родах и выкидышах, а также при медицинском подтверждении физиологических особенностей (узкий таз), слабости здоровья беременной (сердечно-сосудистые заболевания, чахотка, воспаления легких, нефрит и др.). Складывались юридический и медицинский казусы. Уголовный закон никак не дифференцировал аборт, в то время как в медицинском дискурсе сформировался корпус показаний к прерыванию беременности.

Проникновение медицины в сферу репродукции отразилось на терминологии. Вместо народных («выкинуть», «пустить кровь», «душегубство сотворить», «вытравить плод», «извести плод во чреве») и юридических терминов («плодоизгнание», «преступный выкидыш», «намеренный выкидыш») искусственное прерывание беременности стало квалифицироваться, прежде всего, как медицинская операция – «аборт». Для разграничения производимых оперативных вмешательств была введена новая терминология: искусственный выкидыш и преждевременное вызывание родов. Не существовало унифицированных требований к производству аборта. Врачи экспериментировали в применении различных способов искусственного прерывания беременности, что усиливало их научный авторитет, давая им возможность «вписывать» свое имя в историю науки.

Врачебный дискурс начала XX в. по проблеме аборта имел важнейшее значение для появления модели биополитического контроля женской репродукции. В отличие от своих западных коллег, которые с 1870–80-х гг. наста-

ивали на ужесточении законодательства об абортах, медицинские ассоциации развернули целую кампанию против распространения абортотв и контрацепции [28, с. 11–13; 30, с. 30–38], в России либеральные врачи заняли иную позицию. Общественное обсуждение темы абортотв достигло апогея в медицинском дискурсе в 1910-е гг. Дискуссия вышла за рамки обсуждения медицинских показаний к абортотв, выдвигались предложения ввести социальные показания к прерыванию беременности [6, с. 40–45; 14]. На пути противостания абортотв врачи предлагали системные изменения: внедрить новые принципы полового воспитания, бороться с патриархальной моралью, распространять средства искусственной контрацепции [20]. Либеральные российские врачи пропагандировали средства контрацепции, в то время как их коллеги из США призывали усиливать уголовное преследование за распространение контрацептивов. Наиболее радикальные мнения предполагали полную легализацию абортотв.

Принципиальная разница с вовлечением абортотв в сферу биополитического контроля в России состояла в том, что в США и Англии обсуждение легализации абортотв взяли на себя не врачи, а представительницы феминистского сообщества (Э. Гольдман, М. Сэнгер, М. Деннет, С. Браун, М. Стоулс), вовлеченные в так называемые «абортные войны» [22, р. 46] против тенденциозной экспертной позиции мужчин. В России феминистский дискурс на проблему контроля рождаемости был встроен в медицинский, так как большинство женщин, выступавших за легализацию абортотв, были врачами (М.И. Покровская, К.Н. Бронникова Л.М. Горовиц, Е. Кулишер). Российским феминисткам, в отличие от американок, не удалось сформировать ассоциации по продвижению «свободного материнства» и права женщин на самостоятельный контроль деторождений. В США в 1915 г. была образована Национальная Лига по контролю над рождаемостью [27, р. 55–59].

Несмотря на позицию либерально настроенных врачей, выступавших за легализацию абортотв, в имперский период принятие закона о декриминализации абортотв и утверждение новой модели биополитического контроля над рождаемостью было затруднено из-за сильной позиции консервативного крыла (Г.Е. Рейна, Г.А. Раухфуса, А.А. Редлиха), настаивавшего на расширении социальной политики в области охраны материнства и младенчества, что современные социологи квалифицируют как «широкую семейную политику» [19].

После революционных событий 1917 г. и утверждения власти Советов, ставка была сделана на утверждение модели биополитического контроля рождаемости. Принятое в 1920 г. решение о легализации абортотв стало логическим завершением дискуссии о контроле над рождаемостью, развернувшейся с конца XIX в. В условиях социалистической идеологии равенства возможность репродуктивного контроля над поведением человека при помощи медицинских институтов представлялась более эффективной, чем правовая. Зарождавшаяся система здравоохранения отражала социалистические идеи равенства и всеобщей доступности услуг. Вводя систему государствен-

ной медицины, пытаясь стандартизировать предлагаемые услуги, необходимо было решить вопрос, связанный с искусственным прерыванием беременности. Наиболее оптимальным выглядел способ легализации с целью усиления контроля над репродуктивным поведением женщины. То, что данный шаг был осуществлен скорее в интересах государства, чем в интересах женщин, доказывает слабая продуманность и плохая обеспеченность реализации закона. Не женщины, а специальные комиссии выносили решение о возможности производства бесплатного аборта. Тем, кому было отказано в операции, все также прибегали к нелегальным услугам. Ставка была сделана на «абортную индустрию», а не на распространение политик предупреждения беременности и доступности средств искусственной контрацепции (то, что сегодня относится к сфере планирования семьи и в большей степени соответствует интересам женщин).

Список литературы

1. Безгин В.Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне // Право и политика. 2010. № 5. С. 972–977.
2. Васеха М.В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119.
3. Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: Тип. Московского университета, 1911.
4. Канторович Я.А. Законы о женщинах. СПб.: Издание Канторовича, 1889.
5. Линденберг В. Детоубийство и плодоизгнание в Витебской губернии. Юрьев: Тип. Маттисена, 1910.
6. Личкус Л.Г. Выкидыш с судебно-медицинской точки зрения. Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16–19 декабря 1911 г. в С.-Петербурге). Вып. I. СПб.: Тип. Орбита, 1912.
7. Мицюк Н.А. Отказ от материнства как жизненная программа. Об умонастроениях женщин в России на рубеже XIX–XX веков // Человек. 2015. № 2. С. 77–96.
8. Мицюк Н.А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. Вып. 14. С. 49–68.
9. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX века // Женщины в Российском обществе. 2016. № 3. С. 73–89.
10. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. У истоков медиализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 4. С. 515–530.
11. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л., Остапенко В.М. Зарождение профессионального родовспоможения в Смоленской губернии в XIX в. – начале XX в. // История медицины. 2017. № 4. С. 420–436.
12. Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (вторая половина XIX – 30-е годы XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147–160.
13. Отт Д. Оперативная гинекология. СПб.: Государственная типография, 1914.
14. Покровская М.И. О влиянии жилища на здоровье, нравственность, счастье и материальное благосостояние людей. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896.

15. Рейдлик А.А. Война и охрана материнства и младенчества. Петроград: Тип. Орбита, 1916.
16. Темкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321–336.
17. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
18. Фуко М. Власть и тело. М.: Праксис, 2002.
19. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.
20. Чубинский М.П. Вопрос о выкидыше в современном праве и желательная его постановка // Журнал акушерства и женских болезней. 1914. № 4. 462–458.
21. Шредерс К. Учебник акушерства. СПб.: Издание К. Риккера, 1888.
22. Alesha E.D. Opposition and Intimidation: The Abortion Wars and Strategies of Political Harassment. University of Michigan, 2007.
23. Beer D. Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca, London: Cornell University Press, 2008.
24. Brodie J.F. Contraception and Abortion in Nineteenth-Century America. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1997.
25. Critchlow D. The Politics of Abortion and Birth Control in Historical Perspective. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1996.
26. Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca, London: Cornell University Press, 1992.
27. Gordon L. The Moral Property of Women: A History of Birth Control Politics in America. University of Illinois Press, 2002.
28. Reagan L.J. When Abortion Was a Crime: Women, Medicine, and Law in the United States. Los Angeles: University of California Press, 1996.
29. Rivkin-Fish M. Women's Health in Post-Soviet Russia: the Politics of Intervention. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2005.
30. Weingarten K. Abortion in the Imagination. Before Life and Choice, 1880–1940. New Brunswick: Rutgers University Press, 2014.

Н.Л. Пушкарева

Два вызова российскому женскому движению в социальной памяти его активисток (конец 1980-х – 2000-е гг.)*

В последние годы советской истории, которые именуют годами стагнации, в стране возникло независимое женское движение, вынужденно принявшее в конце 1980-х – начале 1990-х гг. первый вызов – горбачевской «перестройки». Благодаря ориентации на западную либеральную идею, в стране были созданы независимые женские организации, первый форум которых в Дубне 1991 г. показал стремление к консолидации. На протяжении 1990-х гг. в СССР, а затем в России формировались, укреплялись и развивались многочисленные женские НКО, часть которых поддерживались западными фондами. На рубеже 1990–2000-х гг. им пришлось принять на себя второй вызов – новой смены идейных ориентиров. Часть женских организаций предпочла встроенность в систему. Меньшинство продолжало отстаивать идеалы феминизма в его западном понимании, но помощь из-за

* *Поддержано: РФФИ (19-09-00191), планом НИР ИЭА РАН и Программой «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие».*

рубежа сократилась, а после закона об иностранных агентах (2004) прекратилась вовсе. В последние 20 лет женское движение в России представлено незначительным числом активисток, убеждения которых различаются от право-либеральных (поддерживаемых президентскими грантами) до радикальных (действуют в сети Интернет, в социальных сетях и на блог-платформах).

In the last years of Soviet history, which are called years of stagnation, an independent women's movement emerged in the country, which was forced to accept in the late 1980s and early 1990s. the first challenge is Gorbachev's "perestroika".

Due to the orientation towards the Western liberal idea, independent women's organizations were created in the country, the first forum of which in Dubna in 1991 showed a desire for consolidation. Throughout the 1990s. in the USSR, and then in Russia, numerous women's NGOs were formed, strengthened and developed, some of which were supported by Western funds. At the turn of the 1990–2000s. they had to take on the second challenge – a new change of ideological guidelines. Some of the women's organizations preferred to be integrated into the system. The minority continued to defend the ideals of feminism in its Western understanding, but aid from abroad declined, and after the law on foreign agents (2004) it stopped altogether. In the past 20 years, the women's movement in Russia has been represented by a small number of activists whose convictions vary from right-liberal (supported by presidential grants) to radical (they operate on the Internet, in social networks and on blogging platforms).

Ключевые слова: гендер, женское движение, Россия, перестройка, некоммерческие организации, идеология, феминизм.

Key words: Gender, women's movement, Russia, perestroika, non-profit organizations, ideology, feminism.

История женского движения в нашей стране насчитывает более двух веков. Начавшись в 1812 г. созданием первой на русской почве женской организации – Женского патриотического общества – женское движение в нашей стране прошло долгий и сложный путь определения своего места в политической палитре. Исторически первыми задачами нашего женского движения было обеспечение женщинам доступа к оплачиваемому труду и образованию, что отчасти было достигнуто еще в первые годы XX в., когда на первый план вышла цель добиться избирательного права для женщин. Эта цель была достигнута летом 1917 г., когда под давлением либерального женского движения Временное правительство предоставило российским женщинам всю полноту избирательных прав. На протяжении первых десятилетий Советской власти российское и советское женское движение существовало в формах, лояльных новой власти (делегатское движение, женсоветы, в годы Великой Отечественной войны с сентября 1941 г. – Антифашистский комитет советских женщин, переименованный в 1956 г. в Комитет советских женщин, КСЖ).

КСЖ был призван являть миру и зарубежным деятельницам женского движения глянцевою картину достижений и доказательства решенности «женского вопроса» в СССР. Вся деятельность его членов (имена которых не были известны почти никому из рядовых гражданок СССР) была нацелена вовне: на установление контактов с женскими организациями разных стран,

борьбу за мир, демонстрацию солидарности с борцами за улучшение положения женщин и счастье детей в других странах, на пропагандистскую работу за рубежом [4; 9]. Между тем, о несоответствии заявлений о решенности женского вопроса и реального положения женщин в стране говорить в самом СССР решались лишь диссидентки. Созданная ими на рубеже 1970-х – 1980-х гг. первая феминистская группа, начавшая издавать женский политический журнал «Мария», была нацелена именно на опровержение тезиса о достижениях страны в плане обеспечения реальной (а не формальной) эмансипации, обнажала неудовлетворенность женщин своим «неравным равенством» и потребность в самозащите прав и интересов в обстановке экономической стагнации [1; 12, с. 61–81].

В последние годы советской истории, которые именуют годами стагнации, независимое женское движение, как и КСЖ, вынужденно приняла в конце 1980-х *первый вызов* – горбачевской «перестройки». Вместе с коллапсом СССР, распадом социалистической системы и обесцениванием завоеваний социализма (который дал женщинам свободный доступ в университеты и сферу науки, к мужским профессиям, доступность детсадов, яслей, бесплатность школьного обучения детей, стремление к полному равенству в зарплатах на одной и той же должности и т.д.), в России, обновленной «перестройкой», в буквальном смысле возродилась возможность честно говорить о женских чаяниях в перестроечной стране.

От имени женщин, имевших много вопросов к властям, объявившим женский вопрос решенным еще за полвека до тогдашних событий, решилось говорить обновленное и ожившее женское либеральное движение. Как и за сто лет до того, оно охватило (как это было в XIX в.) образованную часть российских горожанок [11]. Опять же, как и в XIX в., это возрождение развернулось под влиянием идейного влияния западноевропейской, в особенности американской интеллектуальной мысли, – феминисток, заявивших себя лидерами феминистского движения в мире и призвавших перестать критиковать капитализм как источник гендерного неравенства. Вместо капитализма главным врагом ими был объявлен *патриархат*.

С начала 1990-х и на протяжении более, чем 15 лет, женское движение в обновленной России оказывало влияние на государственную политику, позволив заново поставить и сам «женский вопрос», и сформировать думскую фракцию «Женщины России», и создать целый консорциум возникших на основании низовой инициативы женских организаций (их было свыше 1000, в том числе и общероссийские) [6; 10]. Их первый форум в Дубне 1991 г. и последующие встречи на конференциях показали стремление к консолидации. На всем протяжении 1990-х гг. в СССР, а затем в России формировались, укреплялись и развивались многочисленные женские НКО, часть которых поддерживались западными фондами.

На рубеже 1990–2000-х гг. им пришлось принять на себя *второй вызов* – новой смены идейных ориентиров. Часть женских организаций предпочла встроенность в систему. Как и когда-то, и в начале XX в. (когда «равноправки» пытались создать общероссийскую женскую организацию) никакого единства взглядов у деятельниц женского движения в постсоветской России

не оказалось. Не было общей идеи, объединяющей женщин всех регионов страны и всех социальных слоев [2]. Быстро стало ясно (в условиях второго вызова), что в стране нет устойчивой традиции женского представительства от разных социальных групп и вообще представительства всего спектра общественных интересов в сфере управления. Российская партийно-управленческая система никогда к такой представленности не стремилась и не ставила задач реальной инклюзии. Даже объединяясь в женские группы, клубы или союзы, россиянки (в силу общей неподготовленности и пробелов в образовании) не вполне понимали основы работы демократических структур, задействованных в принятии решений, деятельности ветвей власти, а также механизмов законотворчества. Стоит помнить, что основные надежды в знаменитые «гендерные 90-е» возлагались на финансовую поддержку со стороны крупных западноевропейских грантодателей [8, с. 8–43; 7, 2003]. Следствием этого эффективное участие женщин в партийной жизни (построенной в нашей стране к тому же в сильной зависимости от сложившихся традиций и «понятий») оставалось редким, как и получение опыта и квалификации, необходимых для выполнения руководящих функций в партии или в вышем аппарате управления страной.

Вот почему в условиях второго вызова начала 2000-х не подпитываемое финансово зарубежными фондами и мировой женской солидарностью, независимое либеральное женское движение в России, по сути, захлебнулось, уступив место тем организациям, которые продвигали не либеральные идеи в их западноевропейском и американском прочтении, но идеи, созвучные государственным интересам Российской державы. Это доказал Второй всероссийский женский съезд 2008 г., созданный через 100 лет после первого (1908 г.) и явивший серьезное идейное размежевание его участниц [3, с. 349–356; 5, с. 465–484].

В последние полтора десятилетия женское движение в стране остается малозаметной политической силой, хотя отдельные акции вызывают подчас живой отклик в обществе. Меньшинство продолжает отстаивать идеалы феминизма в его западном понимании, но помощь из-за рубежа сократилась, а после закона об иностранных агентах (2014) прекратилась вовсе.

Вместо финансовой подпитки западных фондов и программ, женские НКО имеют возможность участвовать в ежегодных конкурсах президентских и региональных грантов, поддерживающих различные женские организации. Благодаря таким общим усилиям власти и женских НКО решаются текущие вопросы в регионах, в том числе направленные на укрепление семейных связей и отношений. Однако многие критические действия, на которые женщин подвигают отдельные активистки либерального толка (в том числе протестуя против декриминализации домашнего насилия, запретов на усыновление детей иностранцами, а также поддерживаемой отдельными религиями практики калечащих операций на женском теле), часто встречают непонимание то властей, то глав разных конфессий, то сторонников сохранения устоев и духовных скреп, побуждая к алармистским призывам и обращению к зарубежному общественному мнению. Неопатриархат и попытка найти устойчивость через обращение к традиционализму, устоям – черта текущего момента не

только в России, но и во множестве европейских стран. Повышение статуса женщин в российском обществе, нелинейный характер изменений на этом пути отражают сложную и противоречивую историю взаимоотношений женской части населения страны и тех, кто считает себя идеологами «женского вопроса» – как тех, кто представляет право-либеральные (поддерживаемые президентскими грантами) взгляды, так и радикальных (обнаруживаются в сети Интернет, в социальных сетях и на блог-платформах).

Список литературы

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Benson, Vermont. Khronika Press, 1984.
2. Великая Н.М., Овчарова О.Г. Феминизм в информационном пространстве современной России // Гендерные отношения в современном мире. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 25–32.
3. Воронина О.А. Съезд всех съест // Гендерные исследования. 2008. № 18. С. 349–356.
4. Галкина Г.Н. Комитет советских женщин: Страницы истории (1941–1992). М.: Тончу, 2013.
5. Гапова Е.И. Итоги съезда // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 465–484.
6. Женские неправительственные организации России и СНГ: справочник. М.: Эслан, 1998.
7. Жеребкина И.А. Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003.
8. Кон И.С., Жеребкина И.А., Пушкарева Н.Л. и др. Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР // Гендерные исследования. Вып. 5. Харьков, 2000. С. 8–43.
9. Курсковская Е.И. Комитет советских женщин. М.: Политиздат, 1981.
10. Лахова Е.Ф. Женское движение в годы реформ: проблемы и перспективы. М.: Информатик, 1998.
11. Мельникова Т.А. Женское движение России в политических процессах современного общества. М.: СИМС, 1999.
12. Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный. ЦНСИ. СПб.: ЕУ СПб., 1996. С. 61–81.

С.В. Сиражудинова

Гендерные особенности адаптации к «вызовам»: женская активность и женская девиация (радикализация) на Северном Кавказе*

В статье исследуется особенность женского реагирования на «вызовы». В случае экстраординарных событий женщины часто реагируют всплеском активности, не характерной для них в повседневной жизни. Некоторые же, наоборот, проявляют склонность к девиации. Варианты адаптации женщин колеблются от активной роли в решении проблем, до радикализации, в зависимости от характера, условий, среды, особенностей социализации.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31371 «Социальная активность женщин в общественно-политических процессах в республиках Северного Кавказа в контексте развития гражданского общества».*

This article examines the peculiarity of women's reaction to "challenges". In the case of extraordinary events, women can either surge of activity that is not typical for them in everyday life. Some women, on the contrary, show a tendency to deviate. Women's adaptation options range from an active role in solving problems to radicalization. This reaction is depending on the feature of character, conditions, environment, and socialization characteristics.

Ключевые слова: гендер, женщины, Северный Кавказ, женская активность, женский радикализм.

Key words: gender, women, North Caucasus, women's activism, women's radicalism.

В последние годы женщины Северного Кавказа все чаще и чаще сталкиваются с новыми вызовами.

Они пережили смену идеологии, государства, перестройку, экономически кризис, войны, процесс неотрадиционализации и стремительной реисламизации общества.

Вышеперечисленные трансформации, комплексно и болезненно нанесли свой удар именно по женщинам.

И женщины не остались в стороне. Они, как могли, реагировали на вызовы, проявили наибольшую степень адаптивности к произошедшим трансформациям, не растерялись.

Таким образом, женщины приняли на себя значительную часть удара от новых «вызовов».

Первым и длящимся вызовом стал экономический вызов.

Так, женщины не сдались и зачастую взяли на себя ведущую экономическую функцию, став добытчиком в семье в сложный период перестройки.

Роль женщины в некоторых определенных сферах значительно трансформировалась, а в отдельных остается неизменной. Так, женщине позволили стать основным добытчиком в семье, обстоятельства вынудили ее проявить активность в сфере организации и ведения малого бизнеса. В условиях трансформаций мужчина отдал женщине сферу, не престижную для него самого. «Мужчина лучше будет лежать на диване, чем займется непрестижной работой. А женщине деваться некуда. Нужно кормить семью и детей» [3, с. 55].

Другим трагическим вызовом, потребовавшим женской активности стала война в Чечне.

В данный период женщины активно самоорганизовывались, проявляли активность, создавали организации. Все это совмещалось с тяжелым трудом, заботой о семье, исключительно трудными и невыносимыми условиями и постоянным риском.

И вновь по стечению обстоятельств, по мнению ученых, проводивших интервью с женщинами, пережившими войну, «женщины стали главными кормильцами своих семей. Возросшее осознание женщинами своей роли в обеспечении благополучия своих семей и общин придало им новые силы и создало чувство солидарности и ответственности, выходящее за рамки их домашних хозяйств» [8].

Проявившие в то период активность продолжают приносить пользу своему обществу до сих пор, стараясь решать уже иные, актуальные на настоящий момент проблемы.

Так, проводившая интервью с активистами, работающими на Северном Кавказе, и защищающими права человека в регионе В. Коган считает, что «в целом женщины, как правило, более активны, чем мужчины, и именно они добиваются правосудия за серьезные злоупотребления в отношении родственников мужского пола. В группах гражданского общества по всему региону, независимо от их тематической направленности, как правило, доминируют женщины» [7, с. 501].

Следующим вызовом для женщин стал рост этнического самосознания, сопровождающийся возрождением, а точнее созданием новых и опасных для женщин традиций. Стремительно стала распространяться практика «убийств чести» [1; 4], усилился контроль над женщинами (их одеждой, поведением), были созданы новые обычаи и даже обряды (трансформировались свадьбы, были введены нового образца одежда для женщин и т.д.).

Женщины столкнулись с новыми вызовами, требующими вновь усиления их активности.

Но на настоящий момент помощь женщинам оказывают немногочисленные организации и еще меньшее число местных организаций и активистов.

Проблемами женщин занимается «Правовая инициатива», «Центр исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие», некоторые местные адвокаты и их организации, и немногочисленные активистки-правозащитницы и журналистки, оказывающие непосредственную помощь женщинам (Светлана Анохина).

В то же время, выступая против домашнего насилия, в неотрадиционализованном обществе, местные активистки, открыто заявляющие о своей позиции и работе, подвергаются непрерывным и бесконечным угрозам [5] со стороны членов общества [2].

В настоящий момент в феминизме видят угрозу и вызов для существования сложившегося порядка.

С усилением исламского влияния в регионе, проникновением и стремительным распространением новых радикальных течений, жизнь многих женщин в регионе заметно изменилась.

Женщины стали все активнее вовлекаться в радикальные структуры. Кто-то вынужденно, и приспособившись к обстоятельствам. Кто-то намеренно. Участие женщин в радикальных структурах стало более заметным, широким, активным.

Увеличился процент женщин-участниц экстремистских сообществ в стране.

Женщины вынуждены адаптироваться к новой среде, которая не дает им защиты (точнее предоставляет лишь эфемерную защиту религиозными положениями, которые в местном обществе на настоящий момент не работают).

Так женщины столкнулись с новыми проблемами.

Традиционный институт семьи встретился с новым и разрушающим вызовом. Трансформировались отношения, семейные связи, феномен биологического «старшинства» утрачивает силу.

Женщины и дети стали более уязвимыми.

В регион проникла полигамия, дискриминирующая женщин, лишаящая их прав (в том числе и имущественных), психологического спокойствия и уверенности в завтрашнем дне.

Усиление проблем, патриархатности, для некоторых женщин являются причиной радикализации и ухода в девиантные группы с демонстративной поддержкой и единством, а для некоторые являются поводом для формирования нового внутреннего протеста и на настоящий момент скрытой, внутригрупповой активности.

Список литературы

1. Антонова Ю., Сиражудинова С. Убитые сплетнями – 2. 2020. 54 с. URL: <https://xn--80abdnmdd8ddg3d.xn--p1ai/upload/iblock/61e/61ef364180bc006866db301c76b21941.pdf>

2. Журналистка Светлана Анохина покинула Дагестан из-за угрозы убийством. 20.09.2020. URL: https://dag.aif.ru/society/zhurnalistka_svetlana_anohina_pokinula_dagestan_iz-za_ugrozy_ubiystvom

3. Сиражудинова С.В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе // Женщина в Российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 53–61.

4. «Убитые сплетнями». Убийства женщин по мотивам «чести» на Северном Кавказе. Отчет по результатам качественного социологического исследования в республиках Дагестан, Ингушетия и Чечня (Российская Федерация). М., 2018. URL: https://www.srji.org/upload/iblock/681/Pravovaya_initsiativa_Otchet_UBITYE_SPLETNYAMI_2018.pdf

5. «Убийства чести» на Кавказе. От кого и почему авторы расследований получают угрозы? 13.12.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46557892>

6. Юнусова А.Б. Женщины в экстремистских сообществах // Научный журнал. 2017. №1 (14).

7. Kogan V. Protecting Human Rights Defenders in the North Caucasus: Reflections on Developments from 2009 to the Present // Journal of Human Rights Practice. 2013. Т. 5. №. 3. С. 500–511.

8. Szczepanikova, Alice. Chechen women in war and exile: changing gender roles in the context of violence // Nationalities Papers 43.5 (2015): 753-770.

«ВЫЗОВЫ» ЭТНИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А.В. Тихонова

Конфликтные ситуации с участием иностранцев: картинки провинциальной жизни николаевской эпохи

В статье рассматриваются конкретные конфликтные ситуации, произошедшие с иностранцами в российской провинции в эпоху Николая I. Конфликты были связаны с передвижениями, оценкой профессиональной деятельности, реакцией на общественно-политические события и религиозные представления. На основе архивных документов из Российского государственного исторического архива, Государственного архива Смоленской области, Национального исторического архива Беларуси в г. Минске автор приводит примеры открытых и скрытых конфликтов с участием иностранцев, отмечая, что последние (в большинстве случаев) оставались в России в независимости от того, было ли для них разрешение ситуации положительным или нет. Исключение составляли конфликты, приводившие к преступлениям и высылке иностранцев из Российской империи.

The article deals with the specific conflict situations with foreigners in the Russian province during the *reign* of Nicholas I. The conflicts were related to movements, evaluation of professional activity, reactions to socio political events and religious perceptions. The author gives examples of open and hidden conflicts with the participation of foreigners on the basis of archival documents from the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Smolensk Region, the National Historical Archives of Belarus in Minsk. The author notes that in most cases the foreigners stayed in Russia. Their decision was not influenced positively or negatively for them the conflict was resolved. The exceptions were conflicts that led to the commission of crimes and the expulsion of foreigners from the Russian Empire.

Ключевые слова: иностранцы, конфликты, конфликтные ситуации с участием иностранцев, российская провинция, Россия при Николае I, 1820–1850-е гг.

Key words: foreigners, conflicts, conflict situations with the participation of foreigners, Russian province, Russia under Nicholas I, 1820–1850s.

В качестве своеобразного «вызова» можно рассматривать некоторые конкретные конфликтные ситуации, так как их возникновение было спровоцировано несоответствием между реальностью и представлениями отдельной личности или группы людей об окружающей действительности. Для иностранцев, оказавшихся в российской провинции в 1820–1850-х гг., в самой встрече с реалиями Российской империи был заложен потенциал для возможных конфликтов, так как опыт, культурно-исторические установки иностранных подданных часто не соответствовали их ожиданиям.

Уже в путешествии в российскую глубинку можно было получить не только приятные впечатления, но и встретиться с дорожными опасностями. Из документов канцелярии смоленского губернатора, например, известно, о грабеже на большой Смоленской дороге (из Варшавы в Москву) в лесу под Вязьмой француза Петра Александрова Ламберта, который в результате

нападения на него неизвестных в 1826 г. лишился своего имущества и документов. Смоленский губернатор И.С. Храповицкий вошел в положение и выдал несчастному вид на проезд до Вильно, предупредив об этом своего коллегу [1, л. 518 об. – 529]. Губернатору приходилось также восстанавливать справедливость по отношению к проезжавшим иностранцам, требуя от местной полиции возвращения незаконно изъятого у них имущества. Именно такое предписание губернатор Н.И. Хмельницкий дал в 1831 г. дорогобужскому городничему, который «при проходе ... через Дорогобуж» уроженца Пруссии подмастерья «столярных дел» Иоганна Фердинанда Апцподина забрал у иностранца (по уверению последнего) деньги, галстук, английский несессер и породистую легавую собаку [3, л. 65].

Были случаи, когда инициатором конфликта мог стать и сам иностранец. Так, курьер испанского чрезвычайного посланника Аениас на почтовой станции Васино Дорогобужского уезда в 1826 г. нанес смотрителю станции губернской секретарю Бердяеву серьезные телесные повреждения («разрубил саблюю голову»). Судебная тяжба затянулась, но справедливость все же торжествовала: через 5 лет из жалования обидчика были удержаны деньги с учетом курса и почтовых расходов в размере 107 р. 92 к. ассигнациями, которые должны были быть вручены пострадавшему под расписку [3, л. 796–796 об.].

Главной причиной приезда в Российскую империю для многих европейцев была надежда на выгодное трудоустройство, а потому поводами для возникновения конфликтных ситуаций становились условия работы и оплаты труда. Четкая фиксация их в письменном договоре, заключаемом между нанимателем и работником, давала возможность в случае возникновения проблем решать их в предусмотренном законом порядке. В исследовании швейцарского ученого М. Бёрмана, посвященном музыкальной жизни швейцарцев в России первой половины XIX в., упоминается история учительницы музыки Марии Витвер, работавшей с 1841 г. в семье генерала В.Д. Иловайского в Новочеркасске. По договору помимо предоставления жилья и питания иностранка получала жалование в размере 1 тыс. р. в год. Кроме того, по устной договоренности, данной в присутствии свидетелей, швейцарка за дополнительную плату с 1843 по 1845 г. преподавала своей воспитаннице французский и немецкий, а также давала племяннику генерала уроки игры на фортепиано. Однако при увольнении иностранки ей не оплатили дополнительные занятия. Так как условия не были зафиксированы письменно, не помогла и жалоба, поданная в январе 1846 г. швейцарскому почетному консулу в Петербурге И. Боненблусту [19, с. 226–227].

Наличие контракта у арендаторов-иностранцев тоже не являлось гарантией выполнения условий соглашения со стороны землевладельца. Так, в 1844 г. трое швейцарских сыроделов Д.С. Кунц, Х. Кунц и С.И. Гадорн заключили в бернской нотариальной конторе договор с черниговским помещиком А.П. Черкасовым о работе в течение шести лет в его имении в качестве скотоводов и сыроделов, но когда в 1846 г. землевладелец умер, ситуация для иностранцев изменилась к худшему. Если А.П. Черкасов исправно выполнял

условия договора, то его наследники, проживавшие на Смоленщине, перестали это делать, вынудив швейцарцев в 1846 г. несколько раз обращаться с жалобами к исполнявшему должность смоленского гражданского губернатора А.Н. Хитрово [4, л. 2–4 об.]. Чем завершился конфликт, осталось неизвестным, но с большой долей вероятности, можно предположить, что иностранцы вынуждены были поменять место своей работы.

Любопытно, что в случае скрытого конфликта поводом к его выявлению могла стать не возможность наказания, а, напротив, – получения награды... Когда в августе 1848 г. смоляне обратились с просьбой к гражданскому губернатору поощрить доктора французского происхождения Ф.И. Валь за самоотверженную помощь больным во время эпидемии холеры в 1831 и 1848 гг., выполнение сложнейших операций и бескорыстное лечение бедняков [7, л. 4–5], то Смоленская врачебная управа в своей переписке с губернатором пыталась воспрепятствовать инициативе горожан [7, л. 5–9]. Начальник губернии встал на сторону смолян, тем более, что Ф.И. Валь был известен в городе и губернии как талантливый доктор и добрый, искренний человек. Об этом свидетельствовали и формулярный список врача [5, л. 1 об. – 8], и многочисленные мемуарные источники [13, с. 58–59; 18, с. 72–73; 15, с. 3]. В результате губернатор предписал Смоленской врачебной управе сообщить французскому медику о том, что ему, по представлению министра внутренних дел от 31 января 1849 г., объявлена «признательность начальства» [7, л. 9 об.].

Негативное отношение коллег по профессии и местной администрации могло заставить иностранца решиться на переезд. В документах дирекции училищ Могилевской губернии сохранилось «Дело о подозрении в поджоге гимназического флигеля при Могилевской гимназии учителя французского языка Вейля» за 1848 г. [11]. Как удалось узнать из формулярного списка Карла Людвиговича Вейля, он, будучи иностранцем, вступил в русское подданство в 1817 г. в Виленском губернском правлении, преподавал французский в Бобруйском уездном училище (1825–1827 гг.), а также школе юнкеров и подпрапорщиков (1825–1830 гг.) [12, л. 33 об. – 34]. В последней Вейль работал безвозмездно и в 1830 г. был награжден за это золотыми часами, «по представлению Его Императорского Высочества генерал-инспектора инженерной части» [12, л. 34 об. – 35]. В 1833–1834 гг., «по поручению начальства», иностранец учил и немецкому языку в высших классах Бобруйского училища и в 1835 г. получил в качестве поощрения единовременное денежное вознаграждение, а с 12 сентября 1839 г. служил младшим учителем французского языка в Могилевской губернской мужской гимназии [12, л. 34 об. – 35]. В 1848 г. К.Л. Вейлю было 54 года, он имел чин титулярного советника, был награжден знаком беспорочной службы за XV лет. Многочисленное семейство Вейля состояло из жены, четырех сыновей, из них Проспер и Иосиф учились в Санкт-Петербургском университете, а Константин, служивший в Могилевской палате государственных имуществ [11, л. 3–5], и младший 12-летний Юлий, а также дочери Розалия 26 лет и Эмилия 15 лет жили при родителях [12, л. 35 об. – 36].

Июль 1848 г. оказался несчастливым для К.Л. Вейля: 22 июля сгорел деревянный флигель при гимназии, где учитель проживал вместе с семьей, и ему была предоставлена квартира в другом деревянном флигеле. Вейль, еще не распаковав вещи, первым делом вызвал трубочиста, чтобы удостовериться все ли в порядке на новом месте. Но уже 27 июля 1848 г. и в этом флигеле произошел пожар, в связи с этим возникло подозрение в поджоге, в котором обвинили К.Л. Вейля. По распоряжению начальника Могилевской губернии была создана заседавшая в помещении городской полиции следственная комиссия [11, л. 5–5 об.]. В ее состав в качестве депутата «со стороны Министерства народного просвещения был назначен Директором народных училищ Могилевской губернии [В.С. Покровским] старший учитель надворный советник Гартц» [11, л. 7]. Любопытно, что Федор Карлович Гартц, как выяснилось, благодаря его формулярному списку, являлся сыном обывателя Минского иностранного общества, окончил в качестве кандидата юридический факультет Московского университета и преподавал в Могилевской гимназии историю [12, л. 43 об. – 45].

Комиссия 11 августа уже начала работу и пыталась выяснить все обстоятельства дела, опрашивая всех, кому могло быть что-либо известно, но особенно тщательно – семейство Вейля, каждого в отдельности и с проведением очных ставок. Допросы Вейля с сыновьями продолжались до 2 ночи, и подозреваемые даже ночевали в полиции, что объяснялось необходимостью провести без их присутствия допрос домашних, включая прислугу. Сам Вейль пытался оправдаться в своих двух письмах на французском языке, которые затем были присланы Могилевскому губернатору вместе с отношением начальника III отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии и шефа жандармов А.Ф. Орлова. Учитель объяснял, что на чердак, где начался пожар, мог пробраться злоумышленник через большие окна. Ф.К. Гартц сделал копии писем Вейля и отослал их директору гимназии В.С. Покровскому, потому как «г. Вейль самым грубым образом очернил особу Вашу пред Высшим начальством, не говоря о том, что безграмотностью их бросает не выгодную тень на самую гимназию, честь которой для нас дороже всего» [11, л. 13–13 об.]. В рапорте гимназическому директору 19 октября 1848 г. Гартц сообщил, что комиссия пришла к заключению: в поджоге «падает некоторое подозрение на учителя Вейля и его семейство», а «за неимением поруки» они «отданы полицейскому надзору впредь до решения дела судебным порядком» [11, л. 18–18 об.]. В отношении Могилевского губернского правления директору народных училищ В.С. Покровскому от 12 ноября 1848 г. был указан факт передачи дела в суд и отъезда семейства Вейля из Могилева при сохранении за ними полицейского надзора [11, л. 36–36 об.]. Упоминание в деле Вейля III Отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии, конечно, неслучайно, именно оно занималось контролем над иностранцами и политическим сыском. Тем более, что поджоги в Могилеве пришлись на революционный во Франции 1848 г. и принятие российским правительством запрета на въезд в страну иностранных учителей [16, с. 184–185].

III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии получало от местных властей и добровольных осведомителей информацию об «образе мысли» иностранцев. Конфликты с участием последних позволяли выявлять «состояние умов». В феврале 1831 г. смоленский, витебский и могилевский генерал-губернатор князь Н.Н. Хованский был обеспокоен сведениями о том, что 25-летняя дочь прусского капитана, повивальная бабка Каролина Штелер в доме местного живописца Федотова в Ельне «обнаруживала... особенную приверженность свою к бунтующей Польше, отзываясь худо о правительстве русском» [9, л. 2]. Эти «вредные мысли» были высказаны в ходе Польского восстания 1830–1831 гг. и, по мнению Хованского, требовали жесткой реакции властей. Своим секретным отношением 16 августа 1831 г. генерал-губернатор предписал смоленскому губернатору Н.И. Хмельницкому «немедленно учинить зависящее распоряжение о высылке в Смоленск из города Ельни тамошней городской повивальной бабки, с тем, чтоб явилась она ко мне для объяснений по некоторому нужному делу» [9, л. 1]. Вероятно, результатом этой встречи стало прошение иностранки в III-е отделение. Каролина объяснила, что «недавно в ссоре с женою живописца Федотова, выведенная ругательствами над Поляками и ею из терпения, в пылу гнева, непомня самую себя, она имела безумие сказать, что нелюбит ни Русских, ни Русскаго Государя, что безразсудные слова ее дошли до сведения местного начальства и Ваше Сиятельство в предписании к Смоленскому Гражданскому губернатору признавая ее преступницею в оскорблении Его Императорского величества, изволили приказать поступить с нею по всей строгости законов, – просила представить Государю Императору искреннее ее разкаяние в произнесении помянутых слов, как следствия безумного гнева от сделанного ей личного оскорбления» [2, л. 489]. Николай I начертал резолюцию: «Велеть оставить, прекратив дело» [2, л. 489 об.]. Благодаря великодушию государя, иностранка осталась работать в Ельне и через 10 лет в июле 1841 г., при уходе со службы по собственному прошению получила аттестат об исполнении должности «с усердием» и «при хорошем поведении» [6, л. 6 об.].

О настроениях и высказываниях своих слуг и учителей-иностранцев нередко сообщали в III Отделение наниматели таковых. Например, черниговский помещик Миклашевский в 1854 г. счел необходимым указать на то, что взятая им в дом швейцарская гувернантка Жаке имеет, при несомненных своих знаниях, «своенравный в высшей степени характер и предубеждение ко всему Русскому, следовательно к тому краю, под покровительством коего она находится и получает изобильное свое существование». Поэтому помещик не давал гувернантке возможности читать «иностранные журналы во избежание превратных толкований. А так как подобный характер может иметь большое влияние на моральное воспитание детей, поручаемых ей надзору» [14, л. 2–2 об.]. Миклашевский дал иностранке расчет, а узнав, что она намеревается ехать в Москву, решил предупредить о ее «неблагонадежном образе мыслей» [14, л. 2–2 об.]. Дальнейшие поездки Жаке в Москву, а затем в Юрбург Ковенской губернии находились уже под пристальным вниманием

III Отделения, которое поручило местным властям вести за иностранкой негласный надзор [14, л. 8].

К острому конфликту помещика и иностранца, как свидетельствуют документы, могла привести личная неприязнь в сочетании с религиозной нетерпимостью. В числе жалоб, поданных в 1832 г. на имя генерал-губернатора Смоленской и Белорусских губерний Н.Н. Хованского, было обращение мекленбуржца И.К. Гаазе, жившего в одном из имений Люцинского уезда Витебской губернии [10, л. 1 об.]. Иностранец вместе со своим взрослым сыном занимался устройством мельниц в дворянских поместьях и имел похвальные аттестаты о высоком качестве выполняемых работ. 25 марта 1832 г. И.К. Гаазе с сыном поехал к знакомому кузнецу-финну, чтобы забрать у него отремонтированную повозку, но выяснил, что ремонт еще не закончен и решил помочь его завершить. В это время приехал работник, присланный местным помещиком, с требованием не работать в праздничный день. Так как уже почти все было сделано, Гаазе с сыном стали собираться в обратный путь. Вдруг явился сам рассерженный помещик, грозивший отстегать провинившихся кнутом, но после возражений об отсутствии какого-либо права на это, вынужден был уехать. Однако его люди схватили иностранцев по дороге, связали, два дня продержали в избе в поместье, а затем пешком отправили в Люцин, где отец и сын Гаазе были допрошены исправником и отпущены.

И.К. Гаазе просил генерал-губернатора разобраться в допущенной несправедливости, но присланный чиновник принял сторону помещика. В своем донесении начальнику офицер писал, что иностранцы-лютеране работали в православный праздник Благовещения Божией Матери, что им и запрещали это делать дважды, а пешком вели со связанными руками, чтобы предотвратить побег. К 1 октября 1832 г. дело было решено в местном уездном суде, а прогонные деньги, выданные чиновнику, требовалось взыскать с виновного [10, л. 21–28]. Несмотря на отсутствие упоминания в документах судебного приговора, можно предположить, что виновным признали И.К. Гаазе, а не землевладельца.

Приведенные примеры конфликтных ситуаций с участием иностранцев показывают, что эти конфликты, как правило, были стихийными, открытыми или скрытыми, касались экономической сферы, политических и религиозных убеждений [17, с. 19]. Они давали конкретным людям, втянутым в противостояние, определенный опыт выхода из сложной жизненной ситуации в чужой для них стране. При этом даже тогда, когда достигнутый результат не был позитивным, он обычно не приводил иностранцев к решению покинуть Россию. Конечно, были случаи конфликтов, повлекших за собой задержание и высылку иностранца из страны (если его действия были признаны преступлением, в соответствии с российскими законами [16, с. 122–123, 130, 132–133, 149, 185, 187; 8, с. 295–308]). Но это являлось скорее исключением, подтверждающим правило. Если иностранный подданный отправлялся в Российскую империю для длительной профессиональной деятельности, он принимал на себя и ответственность за возможные риски, связанные со своим решением.

Список литературы

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г.
2. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. 1831 г.
3. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г.
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 131. 1846 г.
5. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. 1853 г.
6. ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 148. 1841 г.
7. ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. 1848–1849 гг.
8. Мильчина В.А. «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 488 с.
9. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5536. 1831 г.
10. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 6090. 1832 г.
11. НИАБ. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 157. 1848 г.
12. НИАБ. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 311. 1848 г.
13. Отрывки из дневника А.А. Лесли 1851–1875 гг. // Лесли в войне 1812 года / авт.-сост. О.Н. Лесли. Смоленск: Маджента, 2005. С. 55–115.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 10. Д. 306. 1854 г.
15. Смоленские воспоминания 1855 года // Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 год. Смоленск: Тип. губ. правления, 1855. Ч. II. С. 3–5.
16. Тихонова А.В. «Надлежаще смотреть...» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). Смоленск: Свиток, 2013. 256 с.
17. Чернова Г.Р., Сергеева М.В., Беляева А.А. Конфликтология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 203 с.
18. Щеховской Н.А. Воспоминания, мысли, признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина // Русская старина. 1895. Т. 83. № 6. С. 61–106.
19. Bärmann M. Wiener Klassik und russisches Musikleben im alemannischen Rückspiegel // Alemannisches Jahrbuch 2013/2014. Freiburg, 2015. S. 225–291.

О.В. Ерохина

Проблема немецкого землевладения в «думских баталиях» Российской империи

Вопрос о переделе земли постоянно поднимался на заседаниях Государственной думы с первого по четвертый созыв. Его решение за счет земель немецких колонистов было предложено правыми депутатами только IV созыва. Однако не все поддержали предлагаемые ими меры. На основе анализа стенограмм заседаний Государственной думы автор попытался показать, какие аргументы за и против проведения такой политики приводили депутаты.

The question of land redistribution was constantly raised at the meetings of the State Duma from the first to the fourth convocation. Its solution at the expense of the lands of the German colonists was proposed by the right-wing deputies only of the IV convocation. However, not everyone supported their proposed measures. Based on the analysis of the transcripts of the State Duma meetings, the author tried to show what arguments for and against the implementation of such a policy were given by the deputies.

Ключевые слова: немецкое землевладение, Государственная Дума, немецкие колонисты.

Key words: German land ownership, State Duma, German colonists.

Вопрос о «черном переделе» земель в Российской империи был поднят еще в первом созыве Государственной Думы. Однако тогда не звучали призывы к ограничению или ликвидации землевладений немецких колонистов, потому что основное внимание было сосредоточено на помещичьих землях.

Перед началом Первой мировой войны ситуация меняется. В Думе четвертого созыва депутаты стали обращать внимание на земли, принадлежавшие российским немцам. Одним из ярых проводников этой кампании был князь Р. Мансырев, который впервые в 1913 г. поднял вопрос о немецких колонистах Прибалтики. Его поддержал профессор Императорского Новороссийского университета П. Левашов, заподозрив одесских немцев в возможной измене российскому государству в случае войны с Германией [1, стб. 470–471].

Их призывы вынудили немецких представителей Думы перейти к защите немцев. Например, барон Г. Фелькерзам обратил внимание на тот факт, что 6 247 немецких колонистов были переселены из Волынской губернии в Прибалтику на основании закона от 1912 г. [1, стб. 1812–1819].

Однако с началом военных действий все чаще стали раздаваться призывы к ликвидации «немецкого землевладения» и обвинения в нерешительности правительства. А.Н. Хвостов обрушился на немецких колонистов с обвинениями в том, что «с воцарением Вильгельма II в Германии пронесся лозунг – немецкий дух имеет мировое владычество... и весь немецкий народ двинулся к всемирному завоеванию ... германские политические круги обратили внимание на эти (*немецкие – О.Е.*) колонии. Стали посылаются туда странствующие учителя, объединяющие их с их родиной – Германией; колонии эти ... стали занимать подходы к нашим крепостям, стали принимать участие в политической жизни» [3, стб. 361–367]. Его призыв был поддержан газетой «Новое время», которая отмечала, что данная речь «с удивительной меткостью обрисовала сложившееся положение, при котором России приходится вести войну не только на фронте, но и в тылу» [7, с. 40].

Правительство вынуждено было реагировать на эти нападки. Министр внутренних дел Н.Б. Щербатов выступил 3 августа 1915 г. с заявлением, что «правительство ... не закрывает глаза на то чрезвычайно тяжелое положение, которое создано в России в связи с немецким землевладением» [2, стб. 435]. Вместе с тем, глава МВД полагал, что «теперь приходится думать не только о том, каким образом ограничить их (*немецких колонистов – О.Е.*) землевладение (это был вопрос второстепенный), а о том, чтобы население было действительно ассимилировано». Одновременно Н.Б. Щербатов обратился к Думе с просьбой «помочь прекратить травлю всех лиц, носящих немецкую фамилию», так как «многие семейства... сделались за 200 лет совершенно русскими» [2, стб. 436–437].

В ответ на его призыв 3 августа 1915 г. в Государственную думу орловским депутатом А.Н. Хвостовым было внесено предложение об образовании Комиссии по вопросу о борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни [3, стб. 360]. 12 августа она была образована из 33 депутатов во главе с председателем Г.В. Скоропадским [5, л. 1], несмотря на то что против были социал-демократы и трудовики [2, стб. 513–514].

Но некоторые члены Государственной Думы видели угрозу в благополучии российских немцев. Харьковский депутат Б.И. Каразин в ноябре 1915 г. «открыл» антирусскую особенность «немецких денег»: «...немецкий капитал и германские деньги никогда не ассимилируются той страной, где они действуют, и не руководствуются никогда ее интересами» [3, стб. 599]. Он обвинил немцев в том, что они занимают доминирующие места в российской экономике, контролируя и ее политику; захватив всю торговлю, «банки с немецким капиталом поставили свои коммерческие интересы выше интересов нашей родины» [3, стб. 600].

Трудовики в лице А.Ф. Керенского считали подобные предложения «самой плохой и вредной демагогией» и советовали «поостеречься с немецким засильем», так как эта тема «слишком опасна». При этом ими отмечалось, что крики о «немецком засилье» всего лишь стремление отвести глаза народа в сторону от истинных виновников всего происходящего [3, стб. 426–434].

Депутат от Закавказья М.И. Скобелев поддержал трудовиков. Он обращал внимание на то, что думские правые силы постоянно ищут виновников бедствий русского народа. И если раньше в этом обвиняли евреев, то теперь «вопросом о немецком засилье желают покрыть все вопросы о действительном засилье». Однако М.И. Скобелев считал, что в «основе причин нашей дороговизны лежит, несомненно, наша хозяйственная отсталость... за целый ряд десятилетий накануне войны, причиной которой было медленное развитие наших производительных сил. Война лишь вскрыла эту основательную причину» [2, стб. 401–404].

Против проведения политики ликвидации немецкого землевладения выступали депутаты от Саратовской губернии А.М. Масленников и Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии И.Н. Николаев. Они отвергали обвинения немецких колонистов в замкнутости и обособленности, видя в этом результат правительственных мер. Ими обращалось внимание на лояльность и преданность немецких колонистов Российской империи, на их вклад в создании и развитии отраслей перерабатывающей промышленности.

А.М. Масленников, характеризуя положение немцев Поволжья, говорил о том, что они «...пошли на зов нашего Правительства, осели в означенных для них землях, пережили невзгоды первых лет колонизации». И.Н. Николаев отмечал, что в «... Кубанской области немецкие колонисты совершенно обрусели и слились с местным населением» [5, л. 81].

Газета «Новое время» в своих публикациях обвиняла депутатов, защищавших немецкие землевладения, в желании уклониться от обсуждения вопроса о «системе германского экономического захвата». Следует отметить,

что русские помещики в борьбе с немецким землевладением надеялись получить хоть какой-то шанс решить аграрную проблему, оттянуть на возможно более долгий срок постановку вопроса о перераспределении в той или иной форме находящихся в их руках десятков миллионов десятин земли.

Несмотря на сопротивление думской оппозиции правым 2 февраля и 13 декабря 1915 г. Николаем II были подписаны указы, ограничивавшие землевладения и землепользование иностранных выходцев в Российской империи, включая и российских немцев.

После принятия в феврале и декабре 1915 г. законов о ликвидации земельной собственности колонистов председатель Совета объединенного дворянства А.П. Струков с думской трибуны заявил: «...эта мера обеспечит русских помещиков на сто лет от аграрных беспорядков» [2, стб. 347]. Однако лидер кадетов П.Н. Милюков ему возразил: «Вы ошибаетесь, колонистских земель мало, и тот, кто начнет с колонистских земель, непременно кончит вашими землями» [2, стб. 396].

В середине февраля 1916 г. на заседании фракции октябристов было принято постановление: признать закон от 13 декабря 1915 г. несовершенным и подлежащим изменению, создать особую комиссию при Думе для разработки нового закона о немецком землевладении. Они считали, что законы были направлены на ликвидацию земель немцев поселян-собственников, а не отдельных помещиков. Ими обращалось внимание на то, что «многие из помещиков-немцев, происшедшие из колонистов, с точки зрения государственной безопасности должны быть считаемы еще более вредными, нежели рядовые члены колонии» [6, с. 70].

Также предлагалось подвергнуть немцев, проживавших на территории Европейской России, Финляндии, Кавказе, Ставропольской губернии, Центральной Азии и южных уездах Сибири, имущественным ограничениям без каких-либо льгот, если они приняли подданство Российской империи после 1 июля 1870 г. Некоторыми депутатами были высказаны пожелания внести изменения в законы об утрате российского подданства, чтобы облегчить выход из него немецких колонистов, желавших покинуть пределы российского государства.

Наиболее реакционно настроенные депутаты указывали на обособленность немецких колонистов от русского населения и их сплоченность. Для ликвидации подобного положения они предлагали расселить немцев по русским селениям или, в крайнем случае, изменить методы и формы управления колониями.

Насколько быстро правые хотели решить этот вопрос свидетельствует следующий факт. 15 июня 1916 г. депутат Виленской губернии Г.Г. Замысловский предложил обсудить на заседании законопроекты об ограничении немецкого землевладения от 1915 г., а 16 июня уже состоялось рассмотрение этого вопроса.

Против их инициативы выступили трудовики, заявлявшие: «Мы считаем законопроект одним из вопиющих по тем принципам, которыми он весь

наполнен и которые состоят в ограблении земель у трудящихся маленьких людей» [4, стб. 3450]. Они указывали также на нарушение принципа частной собственности и гражданских прав.

Социал-демократы были с ними солидарны, выступая против обсуждения законопроекта о немецком засилье. При этом предупредили, что если все-таки депутаты примут решение рассматривать проект, то они «...не прочь объясниться по вопросу лишения гражданских прав определенной категории российских граждан и о необходимости конфискации земель у некоторой части российских граждан» [4, стб. 3467].

Представители буржуазного лагеря пытались повлиять на черносотенцев, указывая, что «неудачные приемы борьбы с немецким засильем повели пока лишь к сокращению площади посевов и к разорению хозяйственной жизни в отдельных местностях» [4, стб. 3024]. При этом они язвительно отмечали, что правые «как только коснутся до сущности настоящего момента в народной жизни, так сведут к борьбе с немецким засильем» [4, стб. 3017].

Несмотря на разумные доводы, которые приводили депутаты, сопротивлявшиеся принятию «ликвидационных» законов в отношении немецкого землевладения и имущества, думское большинство продолжало вносить поправки, касающиеся их применения на отдельные регионы страны вплоть до 1917 г. Последние поправки были приняты в январе 1917 г., когда рассматривался вопрос о ликвидации земельной собственности меннонитов.

Только 20 марта 1917 г. Временное правительство утвердило постановление об отмене вероисповеданий и национальных ограничений: «Все установленные действия узаконений ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются» [8, стб. 400].

Список литературы

1. Государственная Дума. Созыв IV Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. 4. Пг., 1913.
2. Государственная Дума. Созыв IV Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. 1. Пг., 1915.
3. Государственная Дума. Созыв IV Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. 2. Пг., 1915.
4. Государственная Дума. Созыв IV Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. 2. Пг., 1916.
5. Журнал заседания комиссии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 455.
6. Линдемман, К.Э. Прекращение землевладения и землепользования крестьян-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние южной России. М.: Тип. К.Л. Меншова, 1917.
7. Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. № 70.

**Общая характеристика положения российских немцев
Новгородской губернии в период Гражданской войны 1918–1922 гг.
(на основе опубликованных источников)**

В статье приводится общая характеристика положения немецкого населения Новгородской губернии в период Гражданской войны в России, в социально-экономическом, политическом и морально-психологическом плане, описываются проблемы, с которыми столкнулись российские немцы в годы Гражданской войны, анализируются некоторые причины недоверия немцев Новгородской губернии к новым властям.

The article provides a general description of the situation of the German population of the Novgorod province during the Civil war in Russia, in socio-economic, political and moral-psychological terms, describes the problems that Russian Germans faced during the Civil War, analyzes some of the reasons for the distrust of the Germans in the Novgorod province to new authorities.

Ключевые слова: немецкое население, российские немцы, антинемецкая кампания, большевики, Новгородская губерния, Гражданская война, национальная политика.

Key words: German population, Russian Germans, anti-German campaign, Bolsheviks, Novgorod province, Civil war, national policy.

Период революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны являлся переломным моментом Отечественной истории и крайне тяжёлым испытанием для всех народов, проживавших на территории распавшейся Российской империи, в том числе и для национальных меньшинств. Гражданское противостояние, неотъемлемой частью которого были военные действия, тотальное переустройство социально-экономической и политической системы страны привели к существенным изменениям в образе жизни людей. Это был настоящий вызов для всех слоёв общества, которое было политически и психологически дезориентировано, расколото, отчасти деморализовано. Одних впечатляли перспективы светлого социалистического будущего и построения справедливого общества, других пугали разрыв со старыми традиционными постулатами, обычаями, традициями и ценностями.

Немецкие колонисты стали заселять Северо-Западный регион с середины 1760-х гг., когда Екатерина II издала манифест, которым призвала иностранцев селиться в России. Первоначально заселялись только территории Петербургской губернии, но по мере роста населения и расширения колоний возникли проблемы нехватки земли. Поэтому с середины 1830-х гг. при активном участии графа Аракчеева на территориях бывших военных поселений в Новгородской губернии стали возникать первые немецкие колонии, преимущественно в Новгородском уезде. Самые крупные из них были Ново-Николаевская, Александровская и Гореловская [18, с. 13–14]. Немецким колонистам предоставлялись разного рода преимущества и привилегии. Переселявшиеся в Новгородскую губернию колонисты получали по 50 десятин

земли на двор. Каждой семье предполагалось построить дом с надворными сооружениями «по плану, собственно ими проектированному». Для первого посева колонисты получали семена хлеба и картофеля, а также деньги в сумме 300 руб. на семью для пропитания в течение первого года. Переезд на новое место жительства осуществлялся за казенный счет с выплатой по 50 р. на семью. Кроме этого, колонисты получали льготы на 10 лет по выплате податей [18, с. 13–14]. Как мы видим из вышеизложенного, немецкие колонисты получали ряд значительных преимуществ перед коренным русским населением, которые должны были обеспечить им превосходные условия существования.

Положение немецкого населения Новгородской губернии, как и всего немецкого населения России в целом начинает меняться в период участия России в Первой Мировой войне 1914–1918 гг. На данном этапе государство проводит по отношению к немецкому населению весьма недружественную политику. Так, в 1915 г. в Российской империи закрываются все немецкие школы, в результате дети российских немцев практически полностью лишились возможности получать образование [18, с. 24–25]. Кроме того, по естественным причинам коренное русское население начало негативно и с недоверием относиться к немецкому населению. Основных причин вышеуказанного было две. Первая была связана с тем, что немец в массовом сознании коренного населения стал ассоциироваться с врагом, национальным антагонистом русского народа, с которым страна ведёт непримиримую войну. Вторая причина была связана с довоенными привилегиями и преимуществами российских немцев и, как казалось русскому крестьянину, более высоким уровне жизни и благосостояния по сравнению с коренным населением, что частично имело место быть. Российский немец в сознании многих российских крестьян выступал как мелкий помещик или зажиточный крестьянин, у которого всегда была самая лучшая и плодородная земля, продуктивное и относительно богатое хозяйство с красивым домом [5, с. 47–48].

Ещё со второй половины XIX в. наблюдались значительные противоречия и среди самого немецкого населения Новгородской губернии. Источником этих противоречий являлось так называемое майоратное право. Это когда немецкий домохозяин – отец семейства передавал в наследство всю землю и всё имущество старшему сыну, а остальным сыновьям не доставалось ничего. Таким образом, при помощи майоратного права российские немцы пытались избежать типичного для российского крестьянского хозяйства того времени дробления земли и чересполосицы [5, с. 46–47]. Однако данная система породила ряд существенных антагонизмов. Многие немецкие семьи Новгородской губернии традиционно являлись многодетными. Старший сын, получал в наследство от отца всю землю и имущество, после этого получая статус домохозяина и право участвовать в волостном собрании. Его же младшие братья не получали равным счётом ничего и у них было несколько вариантов как жить дальше: 1) уходить из колонии и искать землю в других районах губернии или страны; 2) уходить в города и устраиваться ра-

бочими на фабрики и заводы; 3) получать дом без земли на окраинах колоний – такие люди зачастую для заработка или пропитания были вынуждены арендовать землю и устраиваться на работу к своим же старшим братьям или родственникам, они получали статус недомохозяев и лишались права участвовать в волостном собрании, так как не имели собственной земли [5, с. 48–49]. Всё вышеуказанное вызвало некоторые противоречия среди немецкого населения Новгородской губернии, которые впоследствии выявили себя.

Приход к власти большевиков в 1917 г. и начало гражданского противостояния в стране ознаменовали новый этап в жизни немецкого населения Новгородской губернии. В первую очередь, прекратилась дискриминация немецкого национального меньшинства со стороны центральных и местных властей, которая имела место в период Первой Мировой войны. Новая власть стала проводить интенсивные преобразования во всех сферах жизни общества [18, с. 25]. Однако, теоретические воззрения большевиков и попытки осуществить их на практике шли вразрез с традиционно-религиозным миропониманием немецкого населения. Поэтому, несмотря на весьма благожелательную и снисходительную политику большевиков по отношению к российским немцам, установление Советской власти в стране многими представителями немецкого меньшинства Новгородской губернии было встречено с явным недоверием [3, с. 39–40].

Местные органы власти и население немецких колоний нередко саботировали или игнорировали декреты и распоряжения центральных и губернских властей, предпочитая решать свои насущные вопросы традиционно, через волостные собрания [3, с. 39–40]. Такая тенденция характерна не только для немецкого населения губернии, но и для коренного. В некоторых деревнях российские крестьяне тоже предпочитали решать важные дела на сельских и волостных сходах обходя местные Советы, с чем большевикам приходилось активно бороться, иногда путём полного запрета на такие собрания [19, л. 197–198].

Тем не менее актуальные проблемы социально-экономического, политического, хозяйственно-административного и культурно-просветительного характера требовали своего скорейшего решения, особенно в области образования. Так, 15 июля 1921 г. была организована немецкая секция при Новгородском губернском отделе народного образования [4, с. 44–45], а в 1922 г. немецкая секция появилась при Новгородском губернском комитете РКП(б) [10, с. 56–58]. Немцы Новгородской губернии всё-таки пытались решать свои проблемы путём своего активного участия в местном самоуправлении, что позволяло в некоторых случаях грамотно сопротивляться политике большевиков, либо смягчать её последствия для себя.

Изменения коснулись и социально-экономической стороны жизни немецкого населения Новгородской губернии, особенно, наиболее важного для немцев земельного вопроса. Связано это было, в первую очередь, с провозглашённой большевиками политики уравнительного землепользования [2, с. 19], что шло вразрез с принципами майоратного права [1, с. 108]. Земель-

ные наделы стали требовать бывшие солдаты, пришедшие с фронтов Первой Мировой [6, с. 102] и Гражданской войн [7, с. 114]. Требования подобного характера также исходили от бывших арендаторов земли и тех, кому она не досталась по наследству. Так, младшие братья стали оспаривать право старших на единоличное владение землёй и имуществом [8, с. 210], а граждане, арендовавшие землю для работы на ней у более зажиточных родственников и односельчан, требовали её к себе в надел [13, с. 110–111]. Такое положение дел вполне устраивало тех, кто когда-то из-за майоратного права был материально обделён и не устраивало тех, кто до прихода большевиков к власти владел землёй и имуществом единолично.

Характерной чертой, свойственной немецкому населению, являлись разнообразные попытки уклониться от уплаты необоснованных налогов и исполнения разного рода повинностей, в том числе, связанных с продовольственной развёрсткой [18, с. 33–34]. Такие попытки обычно осуществлялись легальным путём, через написания прошений в местные волостные Советы об освобождении от развёрстки продуктов питания, сена, коров и лошадей. Предлоги были самые разные. Например, таковыми могли быть нехватка продуктов питания и инвентаря, необходимость прокормить и обеспечить инвентарём и товарами первой необходимости собственное население колоний [12, с. 159–160], или необоснованностью введения тех или иных налогов, сборов и повинностей [14, с. 160–161]. В целом социально-экономическое положение немецкого населения Новгородской губернии мало чем отличалась от аналогично положения коренного русского населения.

Значительные проблемы у немцев Новгородской губернии возникли в области образования, ставшие следствием «антинемецкой кампании», которая проявилась в том числе в закрытии немецких школ правительством Российской империи в 1915 г. [18, с. 25]. Так, согласно статистике 1896–1897 гг. в Ново-Николаевской волости, на две колонии, в которых проживало 1 080 жителей обоего пола, приходилась одна земская школа, где обучалось 44 мальчика и 33 девочки. После её закрытия ситуация в области образования немцев этих колоний заметно ухудшилась [9, с. 7]. Немецкое население Новгородской губернии столкнулось с нехваткой школ и библиотек, тотальным дефицитом педагогических кадров и учебного материала, что не могло не сказаться на уровне его грамотности, который с 1915 года стал значительно снижаться.

Местные большевики указывали на сложность культурно-просветительной работы среди немецкого населения, ошибочно связывая эту проблему с его неграмотностью, что, возможно, не являлось главной причиной вышеизложенного. Проблему образования немецкого населения губернии пытались решать как местные губернские и уездные органы власти и коллективы РКП(б), так и немецкая секция при губернском отделе народного образования. Открывались и возобновляли работу новые школы, библиотеки, образовательные и культурно-просветительные кружки, деятели немецкой секции и преподаватели немецких школ даже освобождались от военной службы [4, с. 44–45].

Тем не менее, ситуация в области образования в немецких колониях оставалась весьма сложной. Продолжал наблюдаться недостаток в педагогических кадрах и учебном материале. Кроме того, порой немцы Новгородской губернии из-за недоверия к Советской власти или из-за необходимости ведения хозяйства, не пускали детей в школы [10, с. 60–61].

Многие немцы являлись верующими людьми, поэтому религия занимала особое и очень значимое место среди немецкого населения Новгородской губернии [16, с. 357–358]. Антирелигиозная политика большевиков, и связанная с ней пропаганда атеизма являлась, возможно, одной из основных причин недоверия российских немцев к Советской власти. Тем не менее, жители колоний пытались преодолеть перегибы антирелигиозной политики путём создания коллективов верующих и их участием в местном самоуправлении, а также взятием на учёт церковного имущества и земель верующими колонистами [17, с. 355–356]. Чтобы избежать реквизиций церковных земель и имущества, церковные приходы передавали их в распоряжение верующих граждан колонии [15, с. 359]. Возможно, именно благодаря вышеперечисленному, на территориях немецких колоний, по крайней мере в период Гражданской войны, со стороны местных властей не осуществлялось активной антирелигиозной деятельности.

Таким образом, Великая русская революция и Гражданская война в России стали переломным моментом в жизни немецкого населения Новгородской губернии и очень серьёзным испытанием для него, которое заключалось в нарушении традиционного, общинного уклада жизни российских немцев. Установление Советской власти было встречено многими представителями немецкого населения Новгородской губернии с высокой степенью недоверия, основными причинами которого являлись антирелигиозная политика большевиков, а также политика уравнительного землепользования, что нанесло значительный удар по традиционным для немцев нормам майоратного права. В связи с закрытием ещё царским правительством немецких школ существовали значительные проблемы в области образования немецкого населения. Всё вышеперечисленное поставило российских немцев Новгородской губернии в совершенно непривычные для них условия существования. В целом, положение немцев было практически схоже с положением коренного крестьянского населения, но благодаря большому уровню организованности и грамотности, тяготы и невзгоды Гражданской войны российские немцы перенесли легче, чем русское население Новгородской губернии.

Список литературы

1. Акт ревизии Ново-Николаевского волземотдела, составленного инструктором-ревизором по землеустройству Новгородского губземотдела Чирковым. 11 сентября 1919 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 108–110.
2. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле. 8 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 17–20.

3. Доклад сотрудников Новгородского губисполкома Дмитриева и Московцева в отдел управления губисполкома о результатах ревизии Ново-Николаевского волысполкома. 25 февраля 1919 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 39–42.

4. Доклад о деятельности немецкой секции Новгородского ГубОНО с 15 июля по 1 ноября 1921 года. 2 ноября 1921 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 44–45.

5. Доклад заведующего немецкой секции Новгородского губкома РКП(б) А. Конрада «По истории жизни немцев колонистов Новгородской губернии и уезда, в частности Ново-Николаевской колонии». 18 ноября 1921 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 46–55.

6. Заявление жителей Александровской колонии в Селищенский волысполком с просьбой выделить им земельный надел. 25 апреля 1918 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 102.

7. Заявление бывшего красноармейца Е. Отго в Ново-Николаевский волземотдел с просьбой наделить его общественной землей. 18 апреля 1921 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 114.

8. Заявление гражданина Верхней половины Ново-Николаевской колонии Петра Севастьяновича Паля в Ново-Николаевский волземотдел с просьбой наделить его частью имущества отца, которой единолично владеет его брат Христиан. 5 сентября 1921 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 210.

9. Нормальные сети школ Новгородской губернии при введении всеобщего обучения (по данным за 1896–1897 учебный год). Новгород: Губернская типография, 1899. С. 2–20.

10. Отчет о деятельности немецкой секции Новгородского губкома РКП(б) в комиссию по обследованию работы секции при губкоме РКП(б) со дня организации по 1 апреля 1922 г. 8 апреля 1922 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 56–58.

11. Отчет о работе немецкой секции подотдела нацмен Новгородского ГубОНО за первую квартиру нового бюджетного года. 3 января 1924 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 60–63.

12. Протокол № 1 общего собрания граждан Ново-Николаевской волости о выполнении наряда на картофель. 25 января 1920 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 159–160.

13. Протокол № 7 очередного собрания Ново-Николаевского волысполкома о вопросах землеустройства. 21 февраля 1920 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 110–111.

14. Протокол общего собрания граждан Ново-Николаевской волости о взыскании подоходного налога. 28 марта 1920 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 160–161.

15. Постановление членов Ново-Николаевского церковного прихода о наделении церковной землей граждан колонии, исполняющих религиозные обряды. 3 июля 1921 г. //

Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 359.

16. Список верующих Александровской колонии. 1920 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 357–358.

17. Список церковного имущества, взятого на учет коллективом верующих Ново-Николаевской колонии. 6 марта 1919 г. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 355–356.

18. Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX – первой половине XX в. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–39.

19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 142. Оп. 6. Д. 237. Л. 197–198.

В.Н. Шайдуров

Цыгане СССР и землеустройство во второй половине 1920-х гг.*

В середине 1920-х гг. в СССР на повестке дня оказался вопрос о землеустройстве различных групп цыган. Одним из основополагающих документов стало Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 1 октября 1926 г. «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни». В разных регионах его реализация имела специфические черты. Теория и практика перехода цыган к оседлости будет рассмотрена на примере Северо-Западного, Центрально-азиатского и Сибирского регионов.

In the mid-1920s in the USSR, the issue of land management of various groups of Gypsies was on the agenda. One of the fundamental documents was the Resolution of the CEC and the SNK of the USSR of October 1, 1926 "On measures to facilitate the transition of nomadic Gypsies to a sedentary working lifestyle". In different regions, its implementation had specific features. The theory and practice of the transition of Gypsies to settlement will be considered on the example of the North-Western, Central Asian and Siberian regions.

Ключевые слова: цыгане, национальная политика, оседлость, кочевой образ жизни, артель, колхоз.

Key words: the Gypsies, national policy, the sedentary, the nomadic way of life, the artel, the collective farm.

Советскому государству в наследство от Российской империи досталось непростое наследство в национальном отношении. Несмотря на предпринятые шаги, оставались нерешенными еврейский, цыганский вопросы. Нужно было проводить мероприятия по более глубокой экономической и социокультурной интеграции советских немцев в Поволжье, Сибири, на Украине.

* *Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №20-09-00092 «Цыганские сообщества России: формирование, этнокультурные особенности, взаимодействия с обществом и властью».*

Федерализм Советского Союза в первые годы его существования затрагивал разные вопросы. Не был исключением и национальный вопрос. В середине 1920-х гг. он оказался в центре внимания высших советских органов власти: Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР. В данном случае мы будем рассматривать вопросы, связанные с очередной попыткой Правительства превратить цыган в оседлое население.

В 1926 г. со стороны властей РСФСР был инициирован проект Постановления, который должен был на местном уровне регламентировать процесс наделения во внеочередном порядке цыган, «желающих перейти к оседлому образу жизни и занятиям сельскохозяйственными промыслами или ремеслами, землей из свободного земельного фонда» [9, л. 13]. На них предполагалось распространить те же льготы, которые получали переселенцы в сельскую местность, включая налоговые, по призыву на обязательную военную службу и пр.

Позиция руководства РСФСР была аргументирована в записке управделами СНК РСФСР В.А. Смольянинова, направленной 24 мая 1926 г. в СНК СССР. В ней, в частности, отмечалось, что «кочевание цыган ... имеет место во всех частях СССР», а потому закон следовало принять «от имени общесоюзных органов» [9, л. 25].

В обсуждении проекта принимали участие как союзные ведомства, так и руководящие органы республик. Анализ мнений по этому вопросу позволяет сделать вывод, что проект выявил различные представления о необходимости и путях решения цыганского вопроса. В некоторых случаях прозвучало не только одобрение, но были сделаны конкретные уточнения. Например, представители Госплана СССР предлагали учитывать низкий уровень материального благосостояния цыган, а потому для переселения предлагалось создать специализированные (переселенческие) общества, которые координировали этот процесс. Ими же были предложены в качестве основных мест землеустройства цыган Северный Кавказ, Крым и другие южные районы [9, л. 14].

Представительство БССР высказалось против предложенного «внеочередного порядка» наделения цыган землей. По его мнению, цыгане должны были получать земельные наделы на тех же основаниях, что и прочие лица, имевшие право на льготное землеустройство [9, л. 14 об.].

Однако прозвучали и критические замечания, которые исходили от представителей Туркменской ССР и ЗСФСР. Первые обратили внимание на факт отсутствия фонда свободной земли в республике. К тому же было акцентировано внимание на необходимости обеспечения землей аборигенных кочевников, которые составляли ок. 6% населения [9, л. 14]. Представители же Закавказья выразились более конкретно, заявив, что не видят «оснований издавать настоящее постановление в общесоюзном масштабе» [9, л. 14 об.]. Данные проект может быть принят властями РСФСР, а прочие республики могут принять свой закон аналогичного содержания, если для этого будут экономические и бытовые условия.

Отсутствие консенсуса не позволило принять законодательный акт на общесоюзном уровне. Но все же было принято Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 1 октября 1926 г. «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни», которое носило рекомендательный характер. Документ предлагал республиканским органам власти осуществлять «первоочередное» наделение цыган землей и распространять на них все льготы, которыми пользовались переселенцы. Все остальные вопросы, связанные с практической реализацией, были отнесены к компетенции союзных республик [9, л. 9].

В РСФСР были предприняты дальнейшие шаги, способствовавшие отказу цыган от кочевого образа жизни. Правда, сами цыгане далеко не всегда положительно реагировали на действия властей. Их позиция во многом была связана с историческим прошлым той или иной группы цыган.

С конца XIX – начала XX в. в России оказались многочисленные таборы цыган, пришедших из-за границы, в первую очередь, из Австро-Венгрии. Первая мировая война и последовавшие за ней события в Европе не позволили многим из них вернуться на родину. Одной из главных причин являлось их тотальное обнищание. Так, в 1928 г. на территории Лужского округа Ленинградской области силами местного краеведческого общества был обследован табор, расположившийся в Заречной части Луги. Краеведы отметили важный момент: «хотя революция принесла цыганам большое улучшение их правового положения, но она больно ударила по источникам средств существования – торговле, нищенству...» [11].

Аналогичные замечания были сделаны корреспондентом газеты «Ленинградская правда» Е. Катерли в ходе визита в табор сербских цыган, стоявших лагерем в Озерках в 1928 г. [10]. Из его беседы со старостой Михо следовал один вывод: эти цыгане не хотят оседать на земле.

Некоторые сибирские газеты конца 1920-х гг. публиковали материалы, в которых упоминались местные цыгане. Однако эти материалы носили преимущественно негативный характер, ибо касались они судебной хроники. Конокрадство [1], воровство дров [2] – основные темы заметок. Местные власти отстранились от решения вопроса землеустройства цыган, заявив лишь о том, что у последних есть возможность получить земельный надел [6].

Но были и цыгане, которые либо вели преимущественно оседлый образ жизни (например, некоторые группы в Центральной Азии), либо еще в конце XVIII – первой половине XIX в. стали сельскими и городскими жителями в результате реализации ряда кампаний царским правительством.

Одним из регионов традиционного проживания цыган в России с середины XVIII в. стала Псковская земля. В первой половине XIX в. цыганские семьи были водворены как в казенных селениях, так и приписаны к купеческим гильдиям некоторых псковских городов (например, Гдов). Но оставались, разумеется, те, кто сохранял традиционный образ жизни.

Уже в 1927 г. одна из местных газет поместила на своих страницах небольшую заметку, в которой отмечалось, что 10% от 2 тыс. псковских цыган были наделены землей и перешли к земледельческому труду [4].

Однако эти данные вызывают некоторое сомнение. Причиной тому может служить помещенная в той же газете еще одна заметка, в которой приводятся иные данные о численности цыганского населения на территории бывшей Псковской губернии. Так, в ней отмечается, что числится 711 цыган, из которых 110 (18 семей) уже землеустроены. Еще 31 семья (ок. 180–190 чел.) ожидает свои земельные наделы. Только четверть цыган, проживавших в 1927 г. в сельской местности отказалась от земли [3]. В основном цыгане получали землю в Бежаницком, Опочецком, Порховском, Пушкиногорском районах Псковского округа Ленинградской области [5], где они проживали в течение многих десятилетий.

Активная работа по землеустройству цыган велась и в Великолукском округе Ленинградской области. Однако здесь изначально пошли по пути создания цыганского коллективного хозяйства – артели, что было обусловлено отсутствием собственного инвентаря, жилых и хозяйственных построек. Для ее обустройства требовалось, по мнению очевидца, от 800 до 1000 р., которые должен был выделить, в соответствии с действовавшим законодательством, местные органы власти [12].

В Центральной Азии земельный вопрос был одним из самых острых. Проживавшие здесь цыгане люли являлись одной из самых бедных групп местного сообщества. Не имея собственных земельных наделов они вынуждены были заниматься изготовлением решет, детских барабанов, деревянных корыт из тополя. Уже в первые годы Советской власти в Ташкенте местной секцией нацмен поднимался вопрос о наделении цыган землей, однако до конца 1920-х гг. этот вопрос так и не был решен [8].

Для цыган центрально-азиатских республик СССР земельный вопрос был решен лишь с началом массовой коллективизации. Одним из центров возникновения цыганских хлопководческих колхозов стала Кугайская степь, где они соседствовали с узбекскими и киргизскими хозяйствами [7].

Таким образом, в 1926 г. была предпринята очередная попытка превратить цыган в оседлое население. Принятые нормативно-правовые акты носили преимущественно рекомендательный характер. Это привело к тому, что в разных регионах СССР данная кампания реализовывалась с учетом местной ситуации. В результате поставленная цель – наделить цыган землей – не была достигнута.

Список литературы

1. А.А. Цыганский табор // Рабочий путь. Омск. 1927. № 262 (16 нояб.).
2. Без автора. Без названия // Красное знамя. Томск. 1928. № 163 (15 июля).
3. Без автора. Землеустройство цыган // Псковский набат. Псков. 1927. № 297 (25 дек.).
4. Без автора. Кончили бродяжить. Цыгане переходят на оседлость // Псковский набат. Псков. 1927. № 265 (18 нояб.).

5. Без автора. Наделение цыган землей // Псковский набат. Псков. 1928. № 117 (22 мая).
6. Без автора. Содействовать землеустройству цыган // Забайкальский крестьянин. Чита. 1928. № 45 (11 нояб.).
7. Васин Н. Шумит Кугаи // Правда Востока. Ташкент. 1929. № 197 (26 авг.).
8. Глозман Г. Очават – цыганский квартал // Правда Востока. Ташкент. 1928. № 243 (21 окт.).
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 106. Д. 4178.
10. Катерли Е. Бродячее племя // Ленинградская правда. Ленинград. 1928. № 174 (28 июля).
11. Н.К. Цыгане в прошлом и настоящем // Крестьянская правда. Луга. 1928. № 128 (13 нояб.).
12. Член артели. Цыганской артели нужна помощь // Наш путь. Великие Луки. 1928. № 70 (16 июня).

Е.П. Мартынова

Вызов 1990-х: выбор экономических стратегий коренными народами Севера

В фокусе внимания автора оказались повседневные микроэкономические практики коренного населения Северного Приобья, стихийно возникшие в сельской местности в начале 1990-х гг. и сохраняющиеся до настоящего времени. В условиях рынка экономическая активность коренного населения нацелена на получение доходов от занятий традиционными отраслями хозяйства, что можно оценивать как «этнический ренессанс». Микроэкономические практики, спровоцированные необходимостью выживания в новых рыночных условиях, вылились в различные виды неформального предпринимательства, связанного в основном с рыболовством. Статья основывается на подходах экономической антропологии, что позволяет рассмотреть способы реализации продукции рыболовного промысла, а также выявить социальные связи, возникающее в процессе сбыта.

The author focuses on everyday microeconomic practices of the indigenous population of the Northern Ob region, which appeared spontaneously in the beginning of 1990s and exists now in rural areas. The economic activity of the indigenous population in the market conditions is aimed at generating income from traditional branches of economy. It can be named as an "ethnic Renaissance". Microeconomic practices were triggered by the need to survive in the new market conditions and resulted in various types of informal entrepreneurship, mainly related to fishing. The article is based on the approaches of economic anthropology, which allows us to consider ways to sell fishing products, as well as to identify social connections that arise in the process of marketing.

Ключевые слова: Северное Приобье, коренные малочисленные народы Севера, традиционное хозяйство, рынок, микроэкономические практики.

Key words: Northern Ob region, indigenous peoples of the North, traditional economy, market, microeconomic practices.

В работе будут рассмотрены особенности встраивания в рыночную экономику коренных народов Северного Приобья (ненцев, хантов). Автор про-

водила полевые исследования в этом регионе в период 1991–2017 гг. Основными методами сбора эмпирических данных были интервьюирование и включенное наблюдение. Информантами выступали представители коренных малочисленных народов Севера, занимающиеся традиционными отраслями хозяйств, прежде всего – рыболовством, опрашивались также работники администраций муниципальных образований, сотрудники отделов по работе с коренным населением в районах.

В сельской местности переход на рельсы рыночной экономики породил стихийные механизмы самовыживания. Экономическая активность коренного населения в основном была нацелена на получение доходов от занятий традиционными отраслями хозяйства, что можно оценивать как «этнический ренессанс». С другой стороны, микроэкономические практики, спровоцированные необходимостью выживания в новых рыночных условиях, вылились в различные виды неформального предпринимательства, связанного в основном с двумя сферами традиционного природопользования: рыболовством и оленеводством.

Понятие неформальной экономики (*informal economy*) введено в научный оборот К. Хартом, изучавшим городские рынки труда в Африке. Его эмпирические наблюдения за предпринимательской деятельностью населения африканских столиц обнаружили несоответствие с существовавшими на Западе представлениями о хозяйственном развитии. Он определил неформальную экономику как совокупность видов деятельности, не отражаемых в официальной отчетности и (или) формальных контрактах [13, с. 58]. По мнению М. Кастеля и А. Портеса, «все виды деятельности, которые связаны с получением дохода и регулируются не государством, а социальной средой» можно считать неформальными [7; 9]. Е. Фейге включает в это понятие «действия хозяйственных агентов, которые не вписываются в установленные институциональные правила или лишены институциональной защиты» [11, с. 990]. Такое толкование разделяют С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев [1; 2]. Несмотря на плюрализм мнений относительно неформальной экономики, к ней можно отнести разнообразные хозяйственно-экономические практики, нерегулируемые государственными законами и неподдающиеся финансово-статистической отчетности.

В Северном Приобье наиболее прибыльным было и остается занятие рыбной ловлей (прежде всего, речь идет о селениях, расположенных по берегам Оби, Обской, Надымской и Тазовской губ). Жители признают, что рыба не только привычный ежедневный продукт питания, но и главный источник доходов, поскольку на продукцию всегда есть спрос. Информанты не раз подчеркивали, что в 1990-е гг. выживали только благодаря рыбалке. Торговым эквивалентом, как в досоветские времена, была рыба муксун, которую называли «сибирской валютой», на нее приобретали лодочные моторы и даже автомобили. По воспоминаниям рыбаков, 1 бочка бензина стоила 15–18 муксунов, лодочный мотор – 10–30, машина «Жигули» обходилась в 80–100 рыбин [6].

Единственным легальным способом получения доходов от сбыта рыбы с 1990-х гг. и до сегодняшнего дня является заключение контрактов. «Законно» можно сдать на предприятия АПК, в общины или частным предпринимателям (руководителям малых предприятий), предварительно подписав договор. Можно говорить о плановом характере таких трансакций. Рыба принимается по установленным предприятием ценам, которые в значительной степени определяются дотациями, получаемыми из бюджета округа. Можно говорить о том, что поставщики продукции, реализуя её через предприятия АПК, в конечном итоге имеют дело с государством в лице окружных и районных департаментов. Цена при такой реализации рыбы обычно бывает ниже рыночной и потому не устраивает продавцов – рыбаков. К тому же общины и руководители малых форм хозяйствования не могут принимать рыбу в больших объемах из-за существующей системы квот, а потому не могут обеспечить прием продукции от всех желающих, поскольку связаны различными обязательствами и планами.

Гораздо большие масштабы приобрел нелегальный сбыт рыбы. В основном это торговые операции по купле-продаже рыбы (реже пушнины) через так называемых «коммерсантов». Улов при таких сделках никак не планируется и не регистрируется. Пик торговли приходится на зимний период, когда действуют «зимники», по которым большегрузные машины могут добраться до глубинки и вывезти рыбу в замороженном виде. По общему мнению, сдавать продукцию таким «бизнесменам» гораздо выгоднее, чем на предприятия, поскольку они принимают по «более приемлемым» ценам. Удобно и то, что коммерсанты зимой нередко приезжают в деревню сами, а для сдачи по официальным каналам нужно тратить деньги на бензин. Расчёт при этом происходит сразу в момент продажи, а не после окончания сезонной путины, как на предприятиях. Кроме того, они часто привозят товары, пользующиеся спросом у местного населения, т.е. сделки могут быть бартерными. Неудобства информанты видят в нерегулярности такой торговли, поскольку она активизируется в зимний период.

В подобных экономических операциях торговые партнеры действуют далеко не на равных. М. Салинз заметил, что «подходя к взаимодействию с единственной установкой сорвать куш, начинающая сторона или обе стороны имеют своей целью получение незаслуженной прибыли» [8, с. 179]. Антрополог считает, что в таком бартере выражена экономическая сущность «негативной реципрокности» – наиболее обезличенной формы обмена. «Участники обмена вступают во взаимодействие как носители противоположных интересов, и каждый из них стремится достичь максимальной выгоды за счёт другого» [8, с. 179]. Важно отметить, что при таких трансакциях стороны, хотя и не налаживают постоянно действующих партнерских связей, но обмен не бывает полностью обезличенным, поскольку некоторые предприниматели или их агенты ездят в одни и те же северные поселки на протяжении многих лет.

Еще одним распространенным способом микроэкономической деятельности коренного населения является самостоятельный сбыт рыбы. Представители коренного населения освоили частную выездную торговлю. Рыболовы из поселков и деревень на собственных снегоходах зимой или лодках летом доставляют продукцию в районные центры и крупные поселки. С товаром располагаются у рынков, супермаркетов, где больше покупателей. При такой мелкорозничной торговле товар продается по приемлемым для продавцов ценам, выгодных и покупателям. Распространена такая практика преимущественно в зимний период, т.к. по зимникам проще выбираться из глубинки, да и рыба не портится. С юридической точки зрения такая торговля является незаконной, ибо продавцы не регистрируются как частные предприниматели и поэтому не платят налоги с продажи. Обычно выездная торговля приурочивается к праздникам (Новый Год, 23 февраля, 8 марта, День оленевода).

Нужно отметить, что появление у северных аборигенов собственного транспорта (прежде всего снегоходов) существенно изменило их жизнь, приблизив к городу. Раньше жители удаленных северных селений были зависимы от так называемого общественного, а по сути, государственного, транспорта, который ходил по расписанию и довольно редко, иногда не каждый день. В XXI в. собственные снегоходы стали доступным и обыденным средством передвижения, что привело к определенной независимости от муниципальных рейсов. Теперь рыболовы в любое удобное для них время могут добраться до города или крупного поселка. Один из рыбаков рассказывал: «Я почти круглогодично рыбачу на продажу. Сам отвожу и сдаю в Полновате. Сейчас щука хорошо идет зимой. За один раз могу вывезти мешков 10, выходит приблизительно 12 000 рублей. Язь дешевле идет. Его тоже можно сбыть. Муксуна и нельму, если поймал, конечно, можно сбыть в Белоярском нелегально, эту рыбу хорошо берут. Бензина у меня за месяц уходит на четыре заправки, одна заправка стоит 1300 руб., ее хватает на неделю. Вот и считайте доход. В целом на жизнь хватает. Сейчас все лари для заморозки рыбы накупили. Они большие, мешков 8 рыбы вмещают и даже больше» [6]. По словам другого, «в Полновате можно реализовать рыбу приезжим. У нас все налажено. Документов никаких не требуют. Они даже сами звонят на мобильник и говорят, что приедут с деньгами, а вы привозите рыбу» [6]. Таких примеров очень много.

Можно сказать, что представители коренного, да и всего местного населения, приобрели опыт в рыбном «бизнесе». Большинство имеет регулярные отлаженные со временем контакты с покупателями или торговцами-перекупщиками из разных регионов страны. Многие говорят, что такая торговля служит основным источником доходов семьи. Типичное высказывание информантов: «Рыбачат все в основном для сдачи предпринимателям. Или сами продают. Сейчас любой может в город вывести рыбу, не то, что раньше». Нельзя сказать, что рыбакам нравится такая нелегальная торговля. Один из них заметил: «Раньше мы назывались рыбаками, а теперь стали браконье-

рами». От информантов можно было услышать: «В соседних Пашторах всю рыбу забирает рыбокомбинат. Пашторские рыбачат по договору легально, у них плашкоут стоит рядом с деревней. А у нас не ставят, потому что мы далеко. Вот мы и нелегальщики». Иногда рыба может сбываться с отсрочкой платежа: «У меня один мужик взял рыбу в феврале в долг, а деньги отдал только в апреле» [6].

Знакомство с такой системой сбыта рыболовной продукции промыслов обнаруживает систему персональных контактов, которую выстраивают рыбаки. Приведу примеры: «Мы договариваемся, как можно рыбу продать. Друг в Березово есть, он служит посредником. Есть постоянные клиенты. Они могут позвонить, сказать, что нужна, например, нельма. Сегодня у меня на 2 тыс. сырка взяли, а завтра могут заказать язя» [6]. Клиентализация является одной из характерных черт «базарной экономики», которую изучил К. Гирц на примере восточного базара [12]. Анализ отношений «рыболов – покупатель» показывает, что стороны устанавливают относительно постоянные связи, распространяют информацию о времени доставки рыбы заказчикам или приезда машин за рыбой, ценах, об опасностях и рисках (рейдах рыбоохраны), а также способах их преодоления. Такая торговля формирует гибкую модель неформальных личных связей. При базарном обмене преимущество вытекает из способности окружить себя относительно лучшими коммуникативными связями [12, с. 59]. Клиентские отношения можно рассматривать как систему реципрокных связей – рыбаки привязаны к своим постоянным покупателям, так же как и «коммерсанты» к ним.

Описанные выше экономические практики сбыта рыболовной продукции в основном ориентированы на «черный» рынок. Рыболовный процесс в нашей стране регулируется специальным законодательством. Для аборигенного, как, впрочем, и всего местного населения самой актуальной проблемой является квотирование добычи рыбы. Применительно к Северному Приобью она детально рассмотрена Е.А. Пивневой [5]. Заметим, что местные и региональные власти осведомлены о наличии браконьерского лова, так же как и о нелегальных практиках сбыта рыбы. Тем не менее, браконьерству пока не поставлены действенные заслоны, а стихийная торговля не подвергается ни учету, ни упорядочиванию. Видимо, представители администрации понимают, что принятие жестких мер по пресечению такой деятельности может привести к падению и без того невысоких доходов сельского населения, что вызовет негативную реакцию и может спровоцировать конфликт.

Микроэкономические практики по добыче и реализации продукции традиционных отраслей по-разному оцениваются исследователями. Так, Е.А. Пивнева полагает, что рыболовство наряду с другими традиционными отраслями можно рассматривать как адаптивную стратегию коренного и местного населения в современных условиях рыночной экономики и высокого уровня безработицы [5, с. 89]. В.Н. Давыдов анализирует неформальное природопользование на севере Бурятии в рамках концепции «свободных пространств», существующих параллельно с установленными законом нормами

[10, с. 385; 4, с. 79]. Такие свободные от институализированного государственного контроля места существуют в локальном контексте, обеспечивая жителям возможность реализации повседневных практик, которые не всегда блокируются администрацией и контролирующими органами [4, с. 79–80].

Список литературы

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
2. Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99–111.
3. Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 54–61.
4. Давыдов В.Н. Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 76–88.
5. Пивнева Е.А. «Сколько весит рыбий хвост?»: этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 86–102.
6. ПМА 2017 – Полевые материалы экспедиции автора в Белоярский, Березовский. Октябрьский районы ХМАО- Югра, июль 2017 г.
7. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 34–53.
8. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
9. Castells M., Portes A. World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy // The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries / ed. by A. Portes, M. Castells, and L. A. Benton. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press. 1989 Pp. 11–37.
10. Davydov V.N. 2014. Fishery in “free spaces”: non-compliance with fishery regulations in a northern Baikal Evenki village. Polar Record 50 (4). Pp. 379–390.
11. Feige E. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // World Development. 1990. Vol. 18. No. 7. P. 989–1002.
12. Geertz C. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing / C. Geertz // American Economic Review. 1978. Vol. 68. №2. Pp. 28–32.
13. Hart K. The Informal Economy // Cambridge Journal of Anthropology. 1985. Vol. 10. No. 2. Pp. 54–58.

Е.А. Пивнева

Город как вызов и возможность: вариативность адаптационных стратегий народов Севера России в условиях урбанизации*

В докладе рассматриваются адаптационные стратегии северных народов и их культур к относительно новым для них условиям города. Особое внимание уделено гендерным и возрастным особенностям урбанизации, а также роли образования в процессах адаптации хантов и манси к городскому образу жизни. Отмечается незавершенность формирования городской идентичности у представителей северных сообществ. Делается общий вывод о гетерогенности социокультурных процессов в городе.

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

The report examines the adaptation strategies of northern peoples and their cultures to relatively new urban conditions. Particular attention is paid to the gender and age characteristics of urbanization, as well as the role of education in the processes of adaptation of hunts and mansi to the urban lifestyle. The incomplete formation of urban identity among representatives of northern communities is noted. A general conclusion is made about the heterogeneity of socio-cultural processes in the city.

Ключевые слова: город, вызовы и возможности, народы Севера России, адаптационные стратегии, социальная стратификация.

Key words: city, challenges and opportunities, peoples of the North of Russia, adaptation strategies, social stratification.

Основная проблема доклада может быть сформулирована как выявление специфики адаптационных стратегий северных народов¹ и их культур к относительно новым для них условиям города. Доклад базируется на полевых материалах автора, собранных в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, главным образом в городе Ханты-Мансийске (далее – ПМА). В качестве основного метода применен анализ «жизненных историй» хантов и манси – представителей разных возрастных и социальных групп. Эти материалы содержат пласт информации, позволяющий на личностных примерах проследить основные тенденции и проблемы социокультурной адаптации к городским условиям малочисленных народов Севера.

Фактические данные, полученные в результате полевой работы, рассмотрены в русле концепции многовариантного саморазвития, которая предполагает использование разных подходов в отношении различных социальных групп аборигенного населения. Она учитывает невозможность обеспечения в современном мире приемлемых условий социального существования только на базе традиционной модели и необходимость овладения аборигенным населением модернизационными жизненными стратегиями [12].

С позиций классической этнографии культурные комплексы коренных народов Севера принято рассматривать как варианты оптимальной адаптации к суровой природе. Основой жизнедеятельности северян был т.н. присваивающий тип хозяйства (охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, отчасти – кочевое скотоводство). И сегодня одну из главных особенностей этих народов видят в сохранении традиционных систем жизнеобеспечения, прежде всего особых форм хозяйственной деятельности, связанных с природой².

¹ Термины «северные народы», «северные аборигены», «народы Севера», «малочисленные народы Севера», «коренные народы Севера», «КМНС» используются как синонимы.

² По принятому в 1999 г. Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» таковыми в Российской Федерации считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

Между тем, в современной действительности город все больше расширяет свои границы, становясь новой средой жизнедеятельности северных аборигенов. Их массовое переселение в города и поселки городского типа называют одним из глобальных процессов, происходящих на территории Севера России во второй половине XX в. Урбанизация ставит перед аборигенами сложные задачи. Как говорят их представители, «проблема серьезная – выживание народов Севера в городских условиях. Мы как бы и здесь не стали своими, в городской среде не приспособились, и уже утратили то, что в деревне имели. Вот и оказались в таком положении» (ПМА 2006). Многие из них оказались перед выбором – сохранять и развивать свою уникальную культуру или отказаться от нее и жить как подавляющее большинство граждан страны [13, с. 181].

Активно протекающие в северных регионах процессы урбанизации стали своеобразным вызовом не только для проживающих там народов, но и для этнологов/антропологов, пытающихся осмыслить новые процессы и явления: «Эти городские пространства являются стимулирующим и проблематичным исследовательским полем, поскольку сталкивают нас с чем-то необычным, что требует выработки новых теоретических и практических ответов» [2].

Одна из основных тем этнографии / антропологии города – трансформация этничности в ходе освоения городского образа жизни. Сегодня важно понять, как проявляет себя этничность в этих условиях. Каковы ее значение и место в жизни городского сообщества, в маркировании культурного пространства современного города, в формировании внутригородских культурных границ, а также на уровне отдельного человека.

Помимо сугубо научного интереса изучение горожан и городского образа жизни имеет большое прикладное значение, поскольку способствует выявлению и устранению «болевых» точек в процессах социокультурной адаптации северных аборигенов. Здесь у антрополога открывается широкое исследовательское поле, включающее значительный спектр вопросов – начиная от выяснения причин переезда в город и заканчивая психологическими аспектами адаптации различных категорий аборигенного населения [5–8; 14 и др.].

Проведенные к настоящему времени исследования показали, что процесс исключения этих народов из отраслей традиционного хозяйства и миграция (порой вынужденная) в крупные поселки и города привели к резкому расслоению данной категории населения и сложению различных адаптационных стратегий и практик, которые, в свою очередь, связаны с различными сроками проживания в городе.

Новый (городской) слой у народов Севера поначалу формировался за счет небольшого числа людей (1930–1940-х г. г.), окончивших средние специальные и высшие учебные заведения (педагоги, медицинские работники, работники культуры и др.). При этом новая городская среда стала естественной, а со временем и традиционной, для их детей и внуков, родившихся и выросших уже в городе.

Мощные миграционные потоки начались со второй половины XX в. Они были обусловлены развитием в регионе нефтяной и газовой промышленности, заставившей многих представителей народов Севера покидать свои «этнические территории» и переселяться в город, где условия труда и быта были далеки от считающегося для них традиционным образа жизни.

В последние десятилетия причины переездов обусловлены в основном экономической ситуацией, связанной со спадом производства в традиционных отраслях хозяйства и ростом безработицы, а также субъективными установками, среди которых могут быть брачные мотивы или желание дать полноценное образование своим детям. Отрицательной стороной этих миграционных процессов является подчас принудительный характер переселений, когда под влиянием промышленного освоения люди вынуждены покидать свои родовые угодья в поисках новых, еще не затронутых освоением мест. Наиболее подготовленные адаптируются к новым условиям и становятся городскими жителями, остальные возвращаются обратно.

Полевые материалы, подкрепленные статистикой, свидетельствуют о том, что женщины из числа народов Севера участвуют в процессах урбанизации активнее и успешнее, чем мужчины¹. Один из моих информантов из числа манси так объяснил этот феномен: «женщины, они... ну, больше думают о жизни. Они как бы стремятся. Потому что если бы они не стремились, то манси вообще, наверное, исчезли бы все... Они раньше выходили за русских, за украинцев там. А сейчас другая тенденция идет – они за мусульман выходят – за турков, за таджиков. Потому что те не пьют, дети здоровые рождаются, и есть влияние мужчин. Не пьют и не бьют их... Позволяют ребенка воспитывать в традиционной культуре, у них есть понимание на сей счет» (ПМА 2010).

У женщин из числа коренных малочисленных народов Севера более высокий, чем у мужчин, уровень образования. С этим, в свою очередь, связана потенциальная возможность найти в городе приемлемую работу и устроить свою судьбу. Надо сказать, что получение высшего образования становится сейчас одним из основных способов социальной адаптации северных аборигенов, в том числе к условиям города [9, с. 6].

Особого внимания в этой связи заслуживает вопрос об адаптации и интеграции в городе учебных мигрантов из числа КМНС, на что обращают внимание многие исследователи [1; 3; 10]. Молодежь из числа малочисленных народов Севера, приезжающая в город на учебу, поставлена перед необходимостью овладения новыми нормами, ценностями, представлениями, правилами и пр. В посвященной этой теме работах студенты-северяне рассматриваются как группа, самоорганизующаяся на основе общих компонентов «традиционного мировоззрения», культурных паттернов и нарративов, а также стимулирующего воздействия внешней, «чужой» для них социокуль-

¹ Согласно переписи 2010 г., в городах проживают 6 760 женщин и 5 119 мужчин из числа хантов, 3 913 женщин и 3 115 мужчин – из числа манси.

турной среды. Адаптироваться к городской среде менее болезненно и с меньшим риском позволяют родственные и земляческие отношения [1].

Не менее актуальна, чем в случае с молодежью, проблема адаптации к городским условиям пожилых людей. Сегодня жизненные ситуации в ряде случаев заставляют их покидать свои родные места (в основном по состоянию здоровья) и переезжать к проживающим в городах родственникам. Однако городская среда оказывается непонятной, а подчас и агрессивной, для «людей природы». Чем старше человек, тем труднее проходит привыкание к новым для него условиям жизни. Очень важной, но трудноразрешимой для переехавших в город стариков проблемой, становится их желание быть похороненными согласно традиции.

Сегодня все более очевидно, что интересующее нас городское население неоднородно и состоит из множества разнообразных страт (=подгрупп), при этом границы между ними могут строиться на самых разных основаниях (образование, профессия, благосостояние и пр.). Если брать за основу этнокультурные характеристики, среди городских жителей можно выделить тех, кто сохраняет фольклорно-бытовые и обрядовые элементы культуры (так называемые носители культуры), проявляет интерес только к профессиональным ее формам, наряду с широким общекультурным кругозором. Они могут также различаться в способах получения этнокультурной информации – путем непосредственного межличностного контакта (традиционный способ) или с помощью средств массовой коммуникации и книг (так называемые внеконтактный способ) [12, с. 152–153].

Сами северяне сетуют на то, что урбанизированные ханты и манси утрачивают связь с «корнями». В то же время мы подчас наблюдаем, как этнический фактор увеличивает свою роль в жизни городского сообщества. На волне т.н. «этнического возрождения» у северных аборигенов сформировался устойчивый интерес к своему историко-культурному наследию, культурным и бытовым традициям, практическому использованию народных знаний и умений. В городах зародился также целый пласт новых форм культуры, которые выступают уже не только своеобразными «маркерами» коллективной и персональной идентичности, но и важными мобилизационными ресурсами, а также товарами или торговыми марками (брендами).

Трансляция и потребление элементов аутентичной культуры в условиях города происходит в основном через посредничество сети культурных учреждений: музеев, библиотек, учебных заведений, всевозможных сценических площадок, теле- и радиопередач и пр. При этом горожане, находясь в условиях мультикультурности, практикуют свою этничность на основе свободного выбора и избирательности, а для самоопределения современной молодежи этничность часто является символической ценностью.

Полевые материалы свидетельствуют также об отсутствии четкого «городского» самосознания у значительного числа городских аборигенов: «...по менталитету я не стал городским. Я в городе не могу долго жить. Мне надо выехать... Командировка – это тоже как бы разрядка. А если все время в го-

роде находиться, агрессия начинается. Городские люди – очень агрессивные... Хантам и манси нужна земля, природа... Дача, там, рыбалка. Если этого не будет, они захиреют» (ПМА 2017).

В заключение можно констатировать, город стал для северных аборигенов как своеобразным вызовом, влияющим на трансформацию традиционного образа жизни, так и дополнительной возможностью для развития новых форм культуры. В городском пространстве в настоящее время формируется специфическая социокультурная среда, включающая представителей разных диалектно-этнографических групп. Они заняты в различных сферах деятельности, имеют свои ценности и предпочтения. Неоднородность городской этнической группы усиливается тем, что она сформирована из мигрантов разных «волн». С различными сроками адаптации к городским условиям, в свою очередь, связаны широкие вариации черт образа жизни социальных подгрупп и гетерогенность социокультурных процессов в городе [6; 7]. Результаты исследования выявляют корреляцию успешности адаптации к городу с полом (женщины в этом смысле более адаптивны) и возрастом (чем старше человек, тем труднее проходит привыкание к новым условиям). В качестве важнейшей особенности городских аборигенных сообществ можно отметить их промежуточное (переходное) этнокультурное состояние и незавершенность формирования у них городской идентичности.

Список литературы

1. Давыдов В.Н. Студенты-северяне в крупном городе: проблема адаптации, социальные связи и взаимодействия, этнокультурная аутентичность // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Вып. 1. Красноярск: КГПУ, 2005. С. 58–66.
2. Коуп Б. Форум: Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 86–93.
3. Куликова А.Н. Проблемы адаптации эвенкийской молодежи в городской среде на примере Нерюнгринского и Алданского районов Республики Якутия // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 49–55.
4. Логинов В.Г., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение. Екатеринбург, 2009. С. 34–35.
5. Новикова Н.И., Яптик Е.С. Город как память, мечта и площадка выбора (жизненные истории российских аборигенов Севера) // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 15–17 февраля 2018 г.). Петрозаводск, 2018. С. 171–182.
6. Пивнева Е.А. «Но дискомфорт мы все-таки ощущаем»: обские угры в процессах социокультурной адаптации к условиям города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21(4). С. 104–129.
7. Пивнева Е.А. Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 225–238.
8. Поворознюк О.А., Функ Д.А. (ред.) Урбанизация и аборигенные культуры на циркулярном Севере и в Сибири // Этнографическое обозрение. 2016. № 1.
9. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В.А. Тишкова. М.: СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.

10. Сазонова О.К. Современные подходы в понимании проблем социально-психологической адаптации студентов – представителей коренных и малочисленных народов // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7. С. 132–135.

11. Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова. М.; Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004.

12. Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Л.: Наука, 1987. 174 с.

13. Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 228 с.

14. Хаховская Л.Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.

П.Д. Миничкин

Глобализация как вызов этническим компонентам культуры

Этнические культуры в процессе развития претерпели разнообразные трансформации. Становление любой государственности связано с подчинением общей доктрине понимания мира. Периоды моральной разрозненности связаны с поиском общего героя в прошлом народа в понимании государства и народа в понимании культуры. Глобализация стирает культурный код стран, страны в свою очередь уничтожают этническую принадлежность.

Ethnic cultures have undergone various transformations in the process of development. The forming of any state is associated with the subordination of the general doctrine of understanding the world. Periods of moral disunity are associated with the search for a common hero in the past of the people in the understanding of the state and the people in the understanding of culture. Globalization erases the cultural code of countries, and countries in turn destroy ethnicity.

Ключевые слова: глобализация, этническая культура, миф, творчество.

Key words: globalization, ethnic culture, myth, creative work.

Эпоха глобализма порождает агрессивную среду для существования этносоциального компонента повседневности. Стремление к адаптации выработанной предшествующими поколениями структуры выражается в интегративных процессах, способе уклонения от злой повседневности, в уходе в мифическую, отождествленную с мифом модель мира. Социальная обобщенность людей, отождествляющих себя с прошлым и настоящим и видящим себя в будущем, составляет основную доминанту в созерцании реализации коллективного бессознательного, поскольку модель морального, физического адаптируется под запрос сознательного выбора в поиске развития себя – мира – целого сознательного.

Этнические культуры в процессе развития претерпели разнообразные трансформации. Были этапы остановки и этапы прогрессивного поступатель-

ного движения, стремительные попытки ограждения или, наоборот, заимствования. Этническая культура во все исторические периоды сохраняла свои доминанты в социальном контексте путем адаптации чужой культуры, ее видов и апробации новых визуальных, духовных практик. Жизнь любого этноса протекала в зависимости от сельского хозяйства, продовольствия, быта, духовной сферы, а значит, и от торговых путей, экономических связей. Происходил процесс изменения визуальной формы понимания, повествования окружающего мира, пространства, окружающего человека, как реального, так и потустороннего.

Процесс взаимопроникновения этносов часто выражался в агрессивной форме, реже в миролюбивом сотрудничестве, шел от частного к общему (поселения объединялись в города, города в княжества, страны), к своего рода уплотнению социального сознания. Происходил и отток населения из исконных мест, изменение ландшафта как экономического, материального, так и духовного.

Многие племена, описанные ранее, сейчас почти неуловимо остались в прошлом; лишь народная память сохраняет в образе мифических сказаний обрывки прошлого. Становление любой государственности связано с подчинением общей доктрине понимания мира. В Московском княжестве такой путь был связан с христианизацией, в Российской империи – с сохранением и усилением идеи «Москва-Третий Рим», идеи Русского Мира, в СССР – с идеалом человека труда. Современная Россия провозгласила равенство всех перед экономикой, доктрину личного обогащения, что в свою очередь внедряет в сознание обывателя идеалы глобализма, потребления без границ, где потребление есть моральная норма, количество есть качественный показатель индивида. Исчезновение понимания такой нормы, как род, память семьи на многие поколения назад, позволяет сталкивать новое успешное с плохим прошлым, а значит, уничтожать границы культуры, государств. Примеры пагубного влияния указанных процессов наблюдаются повсеместно: отчуждение от личного и принятие общего потребляемого, глобальное общее для всех с центрами локального бунта духа, с последующим их завоеванием посредством создания мифов на современном уровне моральной подготовки к отчуждению.

Периоды моральной разрозненности связаны с поиском общего героя в прошлом народа в понимании государства и народа в понимании культуры. Отождествление с прошлым есть момент всецелого воплощения духа народа путем осознания своей этнической идентичности и обобщения героев прошлого в качестве идеала борьбы и стойкости с чуждыми образами мысли как военного вторжения, так и культурного засилья. Образы русских богатырей, их ярчайшие подвиги позволяют проецировать на конкретные временные промежутки необходимость таких героев, как Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич (идеал противостояния духа), Александр Невский (идеал стойкости в отстаивании территориальной целостности) и др. В каждой этнической группе можно найти сходные примеры, работающие по тем

же образам и манерам, но соответствующие этнической морали. Один из них – женский образ мокшанской царицы Нарчатки, который в 2011 г. стал вполне осязаем как памятник [5]. Первые герои отождествлены с русским народом, это духовный уровень обобщения, в то время как локальные герои представители этнической памяти. «Главные герои былин – богатыри. Все в их деяниях величаво, крупно, удивительно. Богатыря отличает огромная физическая сила: он и ест, и пьет как существо необыкновенное – выпивает единым духом чару в полтора ведра. Богатыри бьются с недругами – рубятся «по двенадцати дней, не пиваючи, не едаючи», орудуют в бою тяжелой палицей налево и направо, так что враги валятся, как подкошенная трава. Гиперболично, то есть с преувеличением, изображаются враги Руси – Тугарин Змеевич, Идолице Поганое, Соловей Разбойник и другие. Так народ выказывал свое отношение к чужеземным захватчикам» [6, с. 2–4].

«Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer» («Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать»), – говорил Вольтер в «Послании к автору книги о трех самозванцах» [1]. В соответствии с этой идеей интерес к былинным героям, деятелям прошлого неуклонно возрастает. Постановка культурных событий с этими героями создает представление о том, кто мы, я, они, определяет процесс очерчивания морально-нравственной границы.

Глобализация стирает культурный код стран, страны в свою очередь уничтожают этническую принадлежность. Происходит процесс всеобщего поглощения, поэтому стремление противостоять внутри страны глобализму вырабатывает свой моральный код, установку на мировосприятие через духовное единство, не столько обусловленное территорией проживания, сколько общей исторической судьбой.

В одних культурах доминируют технические знания, для других важен достаток (в денежном эквиваленте), для третьих – вероисповедание [7].

Творческий процесс связан с аккумуляцией энергии в ручном труде и воплощением образов, мыслей в творческой работе. Образы, работающие на восприятие, разнообразны, их трактовка зависит от уровня восприятия, однако общая идея угадывается настолько просто, что позволяет выстраивать личную интерпретацию увиденного. Техники исполнения, работающие на разных уровнях повествования, дают возможность разными образами донести свое видение: будь то живопись, кино, музыка, керамика, архитектура, мода и т.д. Удачные телевизионные проекты иллюстрируют подобные механизмы, например, фильмы, сериалы об успешном прошлом, желательном до христианского периода, поскольку христианский период связан с глобализацией вначале по духу, а потом и по государственному строительству. Смешанные жанры как историческая мистерия ярко иллюстрируют стремление к природной власти, магии, волхвам. В этом усматривается попытка не столько сопоставить силу добра и зла, поскольку это условность в рамках данной идеи, сколько сопоставить нас как знающих силу и их как рабов своих идей. Примерами могут служить резонансные и финансово успешные фильмы «Викинг» (с точки зрения идеи), «Властелин колец», сериалы «Викинги», «Игра престолов».

Свободная манера интерпретации позволяет выявить отношение локального и глобального, где глобальное не есть отчуждение, но есть доктрина способа ощущения мира, мысли, локальное же есть манера мыслить личностно-исторически обобщенно. Таким образом, свободная манера выявляется в поиске основной модели выживания путем модернизации мышления в обеих плоскостях. Поиск происходит за счет коллективного, общего и личного, «ибо в этом соотношении эти вечные «образы» и «образцы» обнаруживают новые свои грани, новые сокровища своего бесконечного содержания; более того: в этом творческом процессе рождаются новые «образы» и «образцы», пополняющие базисный фонд культурной традиции. Так, с помощью культуры человек, живущий в потоке истории, не растворяется, не «аннигилируется» в нем без остатка, но сохраняет тождественность себе, соотнося свое индивидуальное «я» со всеобщим «Я» культуры, человечества, совершенствующего себя в соответствии с принципами истинного, доброго и прекрасного» [3, с. 54–55]. Процесс приспособления является фактором отождествления с нужной эпохой прошлого, чтобы направить себя, общество или в позитивное русло, или в негативное, заведомо проигравшее. Отсюда следует, что сравнение с героем прошлого – лишь момент времени. Манера поиска ответа субъективна, но вот манера адаптации есть та основа, о которой мы говорим.

Миф – это категория понимания мира, которая работает не на реальность восприятия, но на эмоциональную условность происходящего. Можно сказать, что при создании мифа о мифе получается серое представление о нынешнем времени. Как итог, яркость прошлого, мифического параллельного отражает стремление найти выход в ту среду путем погружения как окружения, так и лично себя. Вырабатывается коллективное мнение о важности происходящего, осуществляются сравнение, замена и подмена знаний и методов анализа ситуации, культурных событий, культуры в целом, ведь культура и есть то общее и целое, которое содержит в себе разнообразные представления, практики. «Строгие повторяющиеся мифологические структуры, вскрытые при посредстве новых методов анализа, вряд ли попросту привнесены в древние мифы современными структуралистами. Мифология представляет собой систему, которая объединена определенным способом моделирования мира, и этот способ оказывается вполне логичным» [2, с. 123].

Чем глубже процессы глобализации проникают в национальные культуры, тем активнее народы стараются охранять такие внутренние компоненты, как культура, традиции, язык, религия. То есть в период глобальных трансформаций обостряются проблемы национальной идентичности, связанные со стремлением народов к самобытности и к самоопределению в настоящем мире, с попытками отстоять и сохранить свою идентичность [4].

Локальный ответ на глобальные процессы нацелен прежде всего на уменьшение пагубного влияния внешних факторов. Инструментарий в подобных ситуациях очень вариативен: от попытки понимания, адаптации до

полного отчуждения, замыкания. Различные практики сферы искусства являются буферной зоной духовной, материальной культуры, нацеленной на созерцание, выбор стойких визуальных элементов в культурном коде и его интерпретации.

Используя вариативную часть традиционной локальной культуры, можно снизить пагубную силу внешней общей, глобальной культуры, культуры потребления, лейблов и брендов, адаптировав ее к местной культуре. Однако происходящее при этом снижение культурного понимания вызовет проблему понимания и изучения того, каким образом адаптировать всю часть исторического прошлого, нужно ли это и так ли необходимо производить консервацию живой традиции в духовной сфере. Происходящие при этих вариантах изменения в любом случае затрагивают культуру, искусство, этнический код как народов, так и этносов.

Закрытие культуры от глобального позволяет сохранить часть наследия, однако при этом происходит снижение запросов и у этноса, в личном его культурном коде, как принадлежности к территории, истории и обрядовой традиции, и у народа как совокупности этнического начала и доминирования государственности над этничностью. Обратный процесс, связанный с открытыми границами межкультурного взаимодействия, позволяет быстрыми рывками развиваться духовной жизни, материальному началу, однако процесс становления новой доминанты нередко сопровождается с уничтожением старого образа, понимания или его забвением. Задача его сохранения и обогащения связана с идеями этнического начала, поэтому эпоха агрессивного глобализма и его внедрением в частную жизнь вызывает столько противоречивых точек зрения: от идеи общего дома, планеты Земля, до попытки сохранения своей идентичности путем навязывания своего культурного кода стороннему наблюдателю.

Уничтожение самоидентификации с самобытной культурой пагубно влияет как на этнос-народ-государство (здесь мы приводим взаимосвязь от меньшего к большему, но не по важности культурного основания). Происходящие процессы ассимилирования с отсутствием культурного наследия приводят к деградации. Примеры такого рода можно наблюдать в странах бывшего «восточного партнерства», где путь самоидентификации претерпел значительный *decadent*.

Процесс проникновения отрицания своего этнического исторического с приобщением себя к народной ипостаси позволяет аннулировать привязанность к личностному индивидуальному, обобщение себя с множественным числом среднего показателя в свою очередь декларирует лишь поверхностное понимание общего личностного исторического в контексте современного и простого, предполагает движение от усложнения к упрощению, описательный характер представителя не столько этноса, сколько народа. Заблуждение относительно понятий этноса и народа позволяет игнорировать события, памятники исторического наследия. В итоге – уничтожение, создание новой

мифологии как выгодного инструмента пользования общим культурным кодом и манипулирование взрывным пропагандистским характером парадигмы.

Уничтожение, низложение неточно воспроизведенного события ведет к отрицанию своего родства или же, наоборот, к соотношению себя с неким прошлым. В обоих случаях прошлое – отгороженное настоящее с новыми образами и отсылками порой к парадоксальным периодам, победам и поражениям, общая работа над популяризацией неверного факта и создание на этом основании факта, столь правдивого для своего времени, что не обсуждается ни его применение, ни наследие, ни точность.

Составление личного мнения, основанного на владении исторической информацией, позволит скрыть общие негативные тенденции и сохранить исторический капитал путем изменения временного способа отбора по принципу важности и второсортности механизмов восприятия общего, частного, общинного путем реабилитации многосложного восприятия в личном. «Подлинные достижения культуры – те, что выходят за рамки породившей их эпохи, наследуются иными эпохами, «изымаются» из кратиловского потока времени и становятся достоянием всего человечества, всей его культурной традиции» [3, с. 59].

Список литературы

1. 15 афоризмов Вольтера. URL: <https://eksmo.ru/interview/15-aforizmov-voltera-ID3864535/> (дата обращения: 15.11.2020).
2. Гуревич А.Я. Пространственно-временной «континуум» «Песни о Нибелунгах» // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 112–127.
3. Давыдов Ю.Н. Культура – природа – традиция // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 113–127.
4. Культурная идентичность в контексте глобализации. URL: <https://articlekz.com/article/7916> (дата обращения: 16.11.2020).
5. Мордовская царица Нарчатка. URL: <http://mordvapnz.ru/index.php/istoriya/43-mordovskaya-tsaritsa-narchatka> (дата обращения: 15.11.2020).
6. Орлова Н.Г. Герои русских былин. М.: Изд-во «Белый город». 2005.
7. Унификация всех культур: глобализация стирает границы. URL: <https://mentamore.com/socium/unifikaciya-vsex-kultur-globalizaciya-stiraet-granicy.html> (дата обращения: 16.11.2020).

Е.А. Сорокина

Шведский опыт преодоления эпидемии коронавируса

В статье анализируется ряд особенностей шведской практики преодоления эпидемии коронавируса COVID-19. Традиционные, исторически сложившиеся нормы самосознания и поведения шведов, восприятия ими действительности находят свое отражение и в современности. Реализация «мягкой» противоэпидемической политики стала возможна при условии доверия жителей страны к властям. Начало появления некоторых новых форм социального взаимодействия в обществе в период эпидемии.

The article analyzes a number of features of the Swedish practice of overcoming the COVID-19 coronavirus epidemic. The traditional historically established norms of self-awareness and the Swedes, their perception of reality are reflected in the present. The implementation of a "soft" anti-epidemic policy became possible subject to the country's trust in the authorities. The beginning of some new forms of social interaction in society in the epidemic.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, Швеция, особенности шведского подхода и повседневность.

Key words: pandemic, covid-19, sweden, features of the swedish approach and everyday life.

Повседневная жизнь с ее реалиями и особенностями является отражением актуальных социальных, экономических и общественно-политических процессов, проходящих в любой стране. Во всех странах 2020 г. проходил, безусловно, под знаком преодоления эпидемии коронавируса COVID-19. Под тяжелым давлением мировой пандемии весь мир находится практически на протяжении целого года. Опасный вирус чрезвычайно быстро получил широкое распространение во всем мире, когда быстрыми темпами росло число инфицированных (на начало декабря 2020 г. в мире зафиксировано уже более 70 млн чел.) [3]. До сих пор существуют значительные сложности как в лечении заболевших пациентов, так и возможных осложнений коронавируса. В таком контексте является вполне закономерным, что широкое общественное внимание в самых разных странах мира привлечено к многочисленным аспектам эпидемии коронавируса, ее разнообразным последствиям – чисто медицинским вопросам лечения и профилактики, экономическим, социально-общественным, бытовым. Сейчас внимание людей и средств массовой информации привлекает не только сама эпидемия, т.к. в настоящее время специалисты все же выработали некий определенный алгоритм применения медицинских средств, который предлагают использовать национальные медицинские службы. Надо подчеркнуть необходимость понимания не только текущих, но и вероятных перспективных, зачастую неожиданных и негативных, человеческих, медицинских, социальных последствий пандемии и, как следствие, экономических локдаунов и потерь.

В Швеции на начало декабря 2020 г. было зафиксировано уже около 320 тыс. инфицированных и более 7 тыс. скончавшихся [3]. По количеству жертв коронавируса Швеция, к сожалению, лидирует по сравнению со своими скандинавскими соседями. Осуществление практической работы и реализация противоэпидемических мероприятий, конечно, предполагало и введение ряда определенных запретов и ограничений, хотя в целом карантинных и иных мер в стране не вводилось. Эти ограничения касались, главным образом, запретов на посещения обитателей домов престарелых. Поначалу (в марте и апреле 2020 г.) именно там фиксировалось наибольшее число заражений и жертв коронавируса [7]. По мнению специалистов, важным шагом для сокращения распространения инфекции стало введение разрешения невыхода на работу (до 7 дней) тех сотрудников из постоянно

работающих социальных служб и организаций, которые почувствовали недомогание и температуру. Ранее (еще весной, в первую волну эпидемии) сотрудники социальных организаций и патронажных служб, работающие по уходу и в домах престарелых, выходили на свою работу вне зависимости от своего состояния здоровья. И это зачастую имело самые негативные последствия, и даже могло способствовать распространению инфекции. Тяжелое положение в этих социальных учреждениях признавали власти и сами специалисты-эпидемиологи [9].

Еще весной власти страны ввели ограничения на возможные коллективные мероприятия – в них могло принимать участие не более 50 человек. Осенью в связи ростом числа инфицированных, власти страны ввели новые ограничения и рекомендовали теперь собираться вместе не более 8 чел. Также с конца ноября временно прекратили работу кинотеатры [11]. С начала весны и почти до конца декабря 2020 г. власти закрыли внешние границы Швеции для всех тех, кто не является гражданами Евросоюза (и нескольких других стран).

Весной были также введены некоторые ограничения для работы кафе и ресторанов. Для продолжения их работы было необходимо соблюдать социальную дистанцию между посетителями (около 1.5–2 метров между столиками). Старшеклассники и студенты университетов и различных высших школ еще весной были переведены на дистанционное обучение. Так же как и в других странах, в Швеции многие работники и сотрудники различных компаний и организаций, были переведены на удаленную работу. Жителям районов предлагалось без крайней необходимости не покидать районы своего постоянного проживания. Но продолжали работать детские садики и начальная школа. Продолжали работать и не закрывались магазины.

Важным для шведской практики преодоления эпидемии коронавируса было то, что власти не вводили прямые запреты и ограничения для основной массы жителей на какие-либо действия, передвижения и прочее. Все профилактические меры существовали в виде рекомендаций властей, которые касались разных сторон жизни страны. Были рекомендации, связанные с тем, что при отсутствии крайней необходимости, жителям предлагалось временно не совершать дальних поездок. При этом продолжал функционировать общественный транспорт, авиасообщение. Сведения, полученные по данным биллинга сотовых операторов, продемонстрировали, что жители страны прислушались к рекомендациям властей и резко сократили свои передвижения [2].

Отметим, что на фоне развития эпидемии и увеличения числа заболевших, граждане страны стараются соблюдать предлагаемые им властями и специалистами меры профилактики и социального дистанцирования. Надо подчеркнуть, что в целом по своему содержанию меры, принимаемые в Швеции, по борьбе с COVID-19 не отличались от тех, что осуществлялись во многих других странах Европы и мира. Избранный в Швеции так называемый «мягкий» путь преодоления эпидемии коронавируса не получил в стране

единогласной поддержки всех специалистов – вирусологов, эпидемиологов, врачей. В ряде крупнейших газет страны были опубликованы письма и обращения с призывами к властям ввести более жесткие карантинные меры, вплоть до прямых ограничений передвижений людей и прочее. Такие письма и статьи публиковались и весной, и летом [5; 6].

В общем и целом, в Швеции на протяжении всего времени основную стратегию и тактику преодоления эпидемии COVID-19 определяют и вырабатывают специалисты из Управления общественного здравоохранения (*Folkhälsomyndigheten*) и непосредственно Андерс Тегнелл (Anders Tegnell), главный эпидемиолог страны. Предполагалось, что осуществляемые в Швеции «мягкие» бескарантинные методы борьбы с эпидемией не должны были иметь резких негативных последствий ни для людей, ни для экономики в целом. А. Тегнелл считал, если закрыть на карантин школы, детские сады, разнообразные предприятия и фирмы, оставить людей дома, то это могло бы практически затормозить экономику страны, иметь негативные психологические и иные последствия для людей в целом. По его мнению, необходимо воспользоваться той стратегией борьбы с эпидемией коронавируса, которую можно применять на протяжении достаточно длительного времени, т.к. эпидемия еще будет определенное время существовать [12].

Швеция, как и все другие страны, переживает нелегкое время в связи с эпидемией коронавируса. В стране отмечается падение уровня экономического производства (хотя и несколько меньшее, чем в других странах Евросоюза) [10]. Также очевидно, что очень напряженно работает вся система медицинского обеспечения и, в том числе, больницы. Тем не менее, такая во многом непростая и чрезмерная по издержкам современная жизнь, дает и некоторый новый социальный опыт. Нынешнее неординарное и в чем-то даже экстремальное время вызвало к жизни, в частности в Швеции, некоторые новые формы контактов в социальной жизни. Широко известны многие традиционные черты характера шведов, которые зачастую определяют и их общественное поведение. Можно отметить сдержанный характер шведов и их добропорядочность, ответственное отношение к труду и обязательность, независимость и осмотрительность, а также уступчивость, терпимость, вежливость по отношению к другим людям. Сдержанное восприятие шведами событий внешнего (по отношению к ним) мира, безусловно, оказывает определенное влияние и на добросовестное исполнение ими различных административных распоряжений властей. Шведы относятся с большим доверием к действиям властей, что находит отражение и в результатах социологических опросов [4].

Именно те черты, которые лежат в основе характера самих шведов (личная ответственность за исполнение законов и действующих общественных норм и т.д.) позволили шведским властям во многом достаточно либерально, без применения жестких карантинных мер, избрать «мягкую» тактику преодоления эпидемии коронавируса на протяжении значительной части текущего года. В стране не вводился карантин и многие прямые запреты, известные по опыту других стран.

Традиционно, шведы стараются не проявлять излишнего любопытства и интереса к частной жизни других людей и своих соседей, в частности. На фоне существующей действительности в период эпидемии, когда особенно непросто приходится пожилым и одиноким людям (число одиночных домохозяйств в Швеции достигает почти 50%), стали появляться и некоторые новые формы социальных контактов в повседневной практике, к примеру, среди жителей домов. Так, молодые и активные жители стали писать объявления в подъездах и предлагать свою помощь пожилым соседям в самых обычных повседневных житейских делах: выгул собак, покупка и доставка продуктов, иная помощь и содействие. Прежде таких объявлений в домах обычно не появлялось. Таким образом, в контексте повседневной жизни в период эпидемии коронавируса начинают возникать новые коммуникативные возможности и связи.

Исследователи отмечают, что распространение эпидемии коронавируса имеет также свои особенности, нередко связанные с культурными и даже национальными традициями тех или иных групп населения. Так, известно об опыте сомалийской общины в одном из пригородов Стокгольма. Как правило, здесь в пригородах, где компактно проживают многие мигранты, люди живут достаточно близко друг от друга, в одном районе, и нередко – несколько поколений проживают вместе в одной квартире. Если заболевает кто-то один из членов семьи, то в соответствии с культурными традициями, считается совершенно необходимым и обязательным посещение заболевшего всеми родственниками. Очевидно, что таким образом, вирус получает быстрое распространение (в том случае, если заболевший инфицирован коронавирусом). Власти и социальные службы нашли свои методы профилактической работы с национальными диаспорами. В районах наибольшего проживания мигрантов стали вывешивать памятки и информации о необходимости санитарной обработки и профилактике на языке тех диаспор и общин, которые проживают в данном районе [8].

В заключение отметим, что даже такой тяжелый и опасный опыт как эпидемия COVID-19, дает свои, возможно и неожиданные, проявления в иных, зачастую новых формах, социальной активности жителей, в изменениях и корректировке повседневной жизни в соответствии с требованиями сложной ситуации. Безусловно, еще рано говорить об успехе или провале той или иной стратегии преодоления эпидемии COVID-19 в разных странах. Процесс как распространения эпидемии коронавируса, так и ее преодоления, еще не завершен и продолжается и, судя по всему, закончится нескоро. На сегодня главной задачей для любой страны, для национальных руководителей и жителей, является максимально успешное преодоление не только самой эпидемии, но и ее многообразных последствий. Очевидно, что последствия пандемии коронавируса COVID-19 можно отметить практически во всех сферах социально-экономической, культурной и политической жизни различных стран мира. И Швеция в этом смысле не является исключением.

Швеция демонстрирует своеобразный подход к решению многих проблем преодоления эпидемии COVID-19. Основания для этого находятся не только в теоретической концепции шведских эпидемиологов, но и в шведских социально-политических традициях поиска действенных и компромиссных решений, в особенностях шведской социально-политической культуры в целом. Каждая из стран, переживающих эпидемию коронавируса, ищет свои решения и проходит свой непростой путь. И никто пока не может сказать, что все проблемы полностью и до конца разрешены и преодолены. Шведская тактика и практика борьбы с эпидемией COVID-19 отражает то, что было предложено специалистами в результате тщательного анализа многих факторов, в том числе и особенностей конкретной страны.

Безусловно, в данной ситуации не существует универсальных рецептов и каждая страна вынуждена приобретать свой уникальный опыт по преодолению эпидемии коронавируса COVID-19 и его последствий.

Список литературы

1. Белов В.Б. COVID-19 – GAME CHANGER европейской экономики / Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3. С. 4–12.
2. Коронавирус: шведская модель борьбы с эпидемией. Социально-экономический портал Exrus.eu. URL: <https://ru.exrus.eu/Koronavirus-shvedskaya-model-borby-s-epidemiye-id5e8716770bf04049f009ea08>.
3. Коронавирус COVID-19. URL: <https://news.mail.ru/coronavirus/stat/msk> (дата обращения: 12.12.20).
4. Плевако Н., Карлбек Х. Вирус и шведская модель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 125.
5. Anders Tegnells forganger: Sverige har muligvis valgt den forkerte strategi – Danmark fortjener ros. Berlingske. 26.05.2020. URL: <https://www.berlingske.dk/internationalt/anders-tegnells-forgaenger-sverige-har-muligvis-valgt-den-forkerte>.
6. Folkhälsomyndigheten har misslyckats – nu måste politikerna gripa in. Dagens nyheter. 14.04.2020. URL: <https://www.dn.se/debatt/folkhalsomyndigheten-har-misslyckats-nu-maste-politikerna-gripa-in>; <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/forskare-kritiska-til-fhm-lat-politikerna-ta-over>.
7. Krisinformation. Besöksförbud inom äldreomsorgen förlängs. URL: <https://www.krisinformation.se/nyheter/2020/july/nationellt-besoksforbud-inom-aldreomsorgen-forlangt>.
8. Riskgrupper ska erbjudas evakueringsboende. SVT.se. URL: <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/stockholm/staden-ska-erbjuda-evakueringsboende-for-riskgrupper?fbclid=IwAR1F3O4vmyhOrcJZdPuNF33ZstdEIDu6qEPaWWXUU6ZNq8f4yIW8Rpp-MU>.
9. Schwedens Corona-Todesfälle schaffen politische Unruhe. 06.05.2020. Neue Zürcher Zeitung. URL: <https://www.nzz.ch/international/schweden-corona-todesfaelle-schaffen-politische-unruhe-ld.1555044>.
10. Swedish Jobless Rate Climbs Amid Brewing Political Storm. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-25/swedish-jobless-rate-climbs-to-7-9-amid-brewing-political-storm?srnd=premium-europe&oref=fgHqaWRV>.
11. Teckenspråkstolkad: Digital pressträff med statsministern Stefan Löfven 17 november 2020.
12. Tegnell: «Mycket av det vi har sett är inte hållbart. Svenska Dagbladet. 03.05. 2020. <https://www.svd.se/tegnell-mycket-av-det-vi-har-sett-ar-inte-hallbart>.

ЛИЧНОСТЬ И «ВЫЗОВЫ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Л.П. Заболотная

Частная жизнь чужестранки: семейная жизнь Марии (Лупу) Радзивилл*

Статья посвящена молдавской княжне Марии (Лупу) Радзивилл (1625–1660), дочери молдавского господаря Василя Лупу (1634–1653), выданной замуж за Януша Радзивилла (1612–1655) – выдающегося государственного и военного деятеля Речи Посполитой, великого гетмана литовского, воеводы Виленского. За годы своего замужества в Речи Посполитой, несмотря на высокую статусность мужа, Мария (Лупу) Радзивилл сумела бросить вызов устоявшимся традициям в обществе и стала одним ярких женских персонажей своей эпохи – меценатом православных монастырей и церквей, покровительницей образования, благотворительницей приютов для бедных и т.д.

The article is dedicated to the Moldavian Princess Maria (Lupu) Radziwiłł (1625–1660), daughter of the Moldavian ruler Vasile Lupu (1634–1653), married to Janusz Radziwiłł (1612–1655), who was an outstanding statesman and military leader of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Grand Hetman of Lithuania, the voivode of Vilna Voivodeship. During the years of her marriage in the Polish-Lithuanian Commonwealth, despite the high status of her husband, Maria (Lupu) Radziwiłł managed to challenge the traditions established in society and became one of the striking female characters of her era, a patroness of Orthodox monasteries and churches, of education, a benefactor of the poor, and so on.

Ключевые слова: Мария (Лупу) Радзивилл, Василий Лупу, Молдавское княжество, Януш Радзивилл, Речь Посполитая, меценат.

Key words: Maria (Lupu) Radziwiłł, Vasile Lupu, Principality of Moldavia, Janusz Radziwiłł, Polish-Lithuanian Commonwealth, patron.

Мария (Лупу) Радзивилл (1625–1660), дочь молдавского господаря Василя Лупу (1634–1653) получила известность в большей степени, как жена Януша Радзивилла (1612–1655) – выдающегося государственного и военного деятеля Речи Посполитой, представителя крупнейшего литовского магнатского рода Радзивилл, великого гетмана литовского, воеводы Виленского. Данный матримониальный союз был заключен 1645 г. и носил явный политический контекст в системе молдо-польско-литовских династических отношений. В исторической литературе, образ Мария (Лупу) Радзивилл чаще всего рассматривался на фоне выдающихся отца и мужа.

Опираясь на документальный материал (письма частного и хозяйственно-административного характера, описи, завещания), новые междисциплинарные методы исследования и подходы *женской истории*, нам удалось показать, что несмотря на высокую статусность мужа, Мария (Лупу) Радзи-

* Работа выполнена в рамках проекта «Музейное наследие и историческая память: исследование, интерпретация, презентация (20.80009.0807.43)».

вилл сумела бросить вызов устоявшимся традициям в обществе и стала одним из ярких женских персонажей своей эпохи. Она была удивительная женщина, просвещенная, знавшая несколько иностранных языков и ведущая активный социальный образ жизни.

Образование и продвижение грамотности было одной из приоритарных видов ее деятельности. На протяжении 15 лет, проведенных в Речи Посполитой, она проявила себя как щедрый меценат, поддерживала и вкладывала свои личные деньги на открытие новых школ для девочек и мальчиков в городах Заблудов, Кедайняй, Слуцк, Вильно, патрониовала действующие школы и великодушно помогала, особенно вдовам, обучать своих детей в школах и университетах. Не имея собственных детей, Мария (Лупу) Радзивилл проявляла любовь и заботу о своей приемной дочери Анне Марии, с которой была неразлучна до смерти мужа (1655). Помимо этого, она посуществляла безвозмездную заботу о бедных, особенно детях-сиротах и больных. В своем завещании она просила душеприказчиков, *«остаток денег из возвращенных долгов... чтобы были обращены на разные больницы... за прощение у Господа за душу мою... больницы в Вильне – 1000 злотых, а Заблудовской больнице соответственно – 500»* [11, с. 79–101].

На протяжении всей своей семейной жизни в Речи Посполитой, Мария (Лупу) Радзивилл оставалась глубоко набожной, преданной православию и не изменила свои религиозным убеждениям. В частности, документы эпохи свидетельствуют, что Мария (Лупу) Радзивилл, будучи замужем за кальвинистом, сохранила приверженность к православию и никогда даже не делала попытки изменить своей вере. На протяжении всей своей жизни в Речи Посполитой, она осуществляла многообразную деятельность по поддержке православных монастырей и церквей, а также принимала активное участие в строительстве и основании новых православных храмов. Ее супруг, Януш Радзивилл, никогда не возражал против вероисповедания жены и даже не пытался перевести ее в свою веру. Помимо всего, он уважал благотворительную деятельность супруги и благодаря его поддержке, особенно финансовой, она основала православные храмы в Кедайняй и Заблудове [1, с. 135, 154].

В 1650 г. Великий гетман литовский Януш Радзивилл, взяв приступом Киев, получил две частицы мощей от перстов и от ребра святой Варвары. Часть реликвии Святой Варвары (от перстов) досталась его жене и вильнюсскому епископу Войшнарвичу (Wojsznarowicz) [4, с. 179, 279; 5, с. 15–17].

Через семь лет семейной жизни, в 1652 г., Мария (Лупу) Радзивилл вместе с супругом поменяли место жительства и переехали в Кедайняй [8, с. 17–19]. В этом же году, осенью, благодаря стараниям Марии (Лупу) Радзивилл и финансовой поддержке Януша Радзивилла, в Кейданах было закончено строительство православного монастыря (начатое еще в 1648 г.), в котором изначально поселились два монаха [9, с. 293]. Православная церковь в Кедайняй вошла в диоцезию вильнюсского монастыря Святого Духа [10, с. 8].

Строительство православных церкви и монастыря свидетельствовало о высокой религиозной толерантности и терпимости Януша Радзивилла к сво-

ей супруге. Большинство церковной утвари было привезено Марией Радзивилл, а затем значительную помощь оказал и ее отец, молдавский господарь Василий Лупу. О том, что церковь была построена усилиями Януша Радзивилла, а церковные принадлежности и предметы церковного обихода привезены из молдавского княжества свидетельствуют документы юридического характера – *Описи вещей Богуслава Радзивилла и его дочери Людвиги-Каролины* [6; 7 21v-22].

Помимо этого, в последствии, Януш Радзивилл, в знак уважения к своей супруге, пожертвовал свои личные деньги на ремонтные работы в церкви, на ее иконостас и на два колокола, а также пообещал построить более крупный православный храм, но, к сожалению, не смог сдержать своего слова из-за скоропостижной смерти [3, с. 35–36; 4, с. 179, 279; 2, с. 18]. Изначально, церковь была построена из дерева и освящена как *Храм Преображения Господня*. При церкви было несколько монахов и монастырь. Сюда бежали староверы, преследуемые московским патриархом. В церкви находилась уникальная церковная утварь: деревянная икона Божьей Матери, работы византийских мастеров и две иконы, написанные на полотне, итальянской школы. С 1798 по 1825 гг. церковь была брошена и в запустении. Впоследствии, в 1825 г. церковь была перенесена в другое место и там построена по копии деревянной из камня [8, с. 18].

В настоящее время на мемориальной доске церкви написано: «Возникновение православия и православного прихода в Кедайняй восходит к 1652 г., когда владелец города Кедайняй, князь Януш Радзивилл, на площади Книпавос, для своей жены Марии Лупул (Лупу – Л.З.), основал Свято-Андреевскую церковь и мужской Спас-Преображенский монастырь. Первые монахи и священники прибыли из Вильнюсского Свято-Духова монастыря. В 1853 году владелец города Кедайняй граф Мариёнас Хуттен-Чапскис (pol. Marian Hutten Czapski) подарил православной общине каменный дом на улице Пилюс (теперь – улица Гедеминаса). По проекту архитектора С. Иконникова дом перестроен под церковь, которая в 1861 году была освящена в честь праздника Преображения Господня. В 1889–1911 гг. активным членом Кедайняйского православного прихода являлся политик и реформатор России Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911)».

О том, что Мария (Лупу) Радзивилл вела активную филантропическую и благотворительную деятельность в области поддержания православной церкви, строительства новых монастырей (женских и мужских), говорится так же и в ее завещании. Согласно завещанию, большую часть своего состояния, а также личных церковных принадлежностей, она пожертвовала именно на церковь – 200 000 злотых на монастырь Святого Духа в Вильне, 150 000 в Заблудов. Отдельную сумму, в 150 000 польских злотых она распределила на десятки православных монастырей, церквей, капелл, храмов и часовень, находящихся в Литве, в имениях Радзивиллов [11, с. 79–101].

Как свидетельствуют документы, всю свою семейную жизнь Мария (Лупу) Радзивилл, самостоятельно владела своим имуществом, особенно

привезенным приданным (согласно семейно-имущественному праву своей страны), вела активную хозяйственную жизнь, имела полную экономическую независимость от мужа и сама лично занималась административными и финансовыми делами. Однако, данное статуйное положение было у нее только при жизни мужа, Януша Радзивилла. После смерти супруга, она 5 лет безуспешно боролась за то, чтобы вернуть свое имущество, которое было узурпировано Богуславом Радзивиллом (двоюродным братом Януша Радзивилла). В данной ситуации, в борьбе за свое имущество и в отстаивании своих правовых гарантий на него, Мария (Лупу) Радзивилл, проявила невиданную смелость, отвагу и решительность. Она писала письма во все инстанции, включая Сейм и короля. Польский король ответил ей лично на несколько писем, в которых заверял, что окажет Марии (Лупу) Радзивилл всякое содействие и участие, подчеркивая к ней свое уважение и почтение. К сожалению, ни ее многочисленные письма и запросы, ни ее неоднократные попытки лично встретиться с Богуславом Радзивиллом не увенчались успехом. Тяжелая, неизлечимая болезнь (туберкулез) прервали ее жизнь в расцвете сил, когда ей не было еще и 40 лет.

Однако и в этой, казалось бы обреченной и безысходной ситуации, она нашла мудрое и рациональное решение, которое так же ее характеризует, как мужественную, сильную и волевою женщину. Мария (Лупу) Радзивилл, оставила завещание, в котором обязала Богуслава Радзивилла, как своего опекуна, выполнить ее волю, а душеприказчикам проследить, чтобы все было исполнено. В завещание детально расписано назначение практически каждого польского злота, до мельчайших подробностей, как должны быть использованы *ее деньги и ее имущество* на благотворительность и пожертвования. Таким образом, она целесообразно и дальновидно разрешила проблему, которую не могла решить при жизни.

Список литературы

1. Kotłubaja Ed., Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857. 558 с.
2. Lelekauskaitė R., Baroko moters reprezentacija: Marijos Lupu Radvilienės atvejis, Baigiamasis darbas menotyros magistro laipsniui įgyti Vadovė: dr. Tojana Račiūnaitė. Vilnius, 2017. 98 с.
3. Mindaugas P., Mecenatystės reiškiny s XVII a. LDK // *Bažnytinių architektūros tyrimai*. Vilnius: VDA leidykla, 2003. С. 35–36.
4. Paliušytė A., Jonušo Radvilos mecenatyste. // *Lietuvos kultūros tyrinėjimai*, I tomas. Vilnius, 1995. С. 163–279.
5. Paliušytė A., Jonušo Radvilos mecenatystė iz klientas // *Menotyrs*, Nr.1, Academia. Vilnius, 1996. С. 11–17.
6. Registr rzeczy które są w skarbnicy Bogusława Radziwiłła koniuszego WXLit gubernatora generalnego X-a Pruskiego. 1657. Królewic (79 stron). Вильнюс: Библиотека вильнюсского университета. Отдел Рукописей.
7. Registr skarbnice albo rzeczy Radziwiłłowny koniuszanki WXL która posyła z Królewca. 1670, Królewic (56 stron), str.(p.) 21v-22. Вильнюс: Библиотека вильнюсского университета. Отдел Рукописей.
8. Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i Innych Krajów Słowiańskich. Pod red. Bronisława Chlebowskiego, Zeszyt 37, Tom IV. – Warszawa, 1883. С. 17–19.

9. Wasilewski T., Walka o spadek po księżnej Marii Wołosze, wdowie po Januszu Radziwiłłе, w latach 1660–1690 // *Miscellanea Historico-Archivistica*, t. III, Radziwiłłowie XVI–XVIII wieku: w kręgu polityki i kultury. Warszawa- Łódź, 1989. С. 289–308.

10. Wisner H., Janusz Radziwiłł. 1612–1655. Wojewoda Wileński, Hetman Wielki Litewski. Warszawa, 2000. 269 с.

11. Zabolotnaia L., Testament of Moldavian Princess Maria (Lupu) Radziwill from 1659 // *Tyragetia*. 2019. s.n. XIII/2. С. 79–101.

С.В. Зайцева

Взлет и падение в карьере детского врача В.О. Губерта в дореволюционном Петербурге

В статье рассматривается история разрушения карьеры успешного детского врача В.О. Губерта в дореволюционном Петербурге. Основной причиной послужили раскрывшиеся подлог документов и злоупотребления на постах председателя ряда городских комиссий. После окончания судебного разбирательства врачом была прекращена практическая деятельность и научная разработка вопросов педиатрии.

The article discusses the history of the destruction of the career of a successful children's doctor V.O. Hubert in pre-revolutionary St. Petersburg. The main reason was the revealed forgery of documents and abuses while he was the chairman of some city commissions. After the end of the trial, the doctor stopped practical activities and scientific development of pediatrics issues.

Ключевые слова: В.О. Губерт, детская смертность, охрана материнства и младенчества, медицина, судебное разбирательство.

Key words: V.O. Hubert, child mortality, maternity and infancy care, medicine, legal proceedings.

Во второй половине XIX – начале XX в. бурными темпами развивалась медицина, в том числе педиатрия. Вопросы о детской смертности, грудном кормлении, болезнях, развитии и воспитании детей в целом неоднократно становились темой многочисленных дискуссий врачей и общественных деятелей, а также научных разработок и практической их реализации. Владислав Осипович Губерт, принимавший активное участие в обсуждении и решении этих вопросов, считается одним из основоположников петербургской педиатрической школы.

Главным направлением научной и практической деятельности В.О. Губерта стало оспопрививание. В 1887 г. он перевел книгу основателя оспопрививания Эдварда Дженнера «О происхождении (начале) прививания вакцины», в последующие годы написал значительное количество работ по развитию этого направления медицины в России, а также с 1901 г. заведовал Городским Оспопрививальным институтом в Санкт-Петербурге.

Важную роль в карьере врача стала занимать также детская медицина. После переезда в Петербург в 1893 г. В.О. Губерт поступил в Императорский

Воспитательный дом, где прошел все должности от младшего до главного врача [6]. Постепенно В.О. Губерт стал известным в городе детским врачом, доктором медицины, приват-доцентом при кафедре детских болезней Императорской Военно-Медицинской Академии, постоянным членом, а затем и председателем Русского общества охранения народного здоровья [4, с. 34]. Во всех этих учреждениях он активно занимался вопросами оспопрививания детей и борьбы с детской смертностью.

В 1901 г. по инициативе В.О. Губерта и на его средства при Оспопрививательном институте был открыт приют для недоношенных детей, а также организована бесплатная выдача коровьего и козьего молока для искусственного кормления нуждающихся в нем детей (как отмечали многие медицинские и общественные деятели того времени, это было первое подобного рода учреждение в Петербурге, затем по инициативе В.О. Губерта была создана и «Городская Капля Молока», финансируемая из городского бюджета) [1, с. 3].

Однако высокая детская смертность сохранялась в условиях антисанитарии и бедности рабочих семей не только для младенцев, но и для детей более старшего возраста. Обратив на это внимание, В.О. Губерт предложил применить существовавшую уже в течение длительного времени при Воспитательных домах практику питомничества, т.е. помещение детей в крестьянские семьи за отдельную плату, для детей из бедных рабочих семей. Для лечения и оздоровления ослабших детей предлагалось отправлять их в детские лечебные колонии [4, с. 35–36].

Наибольшей известности и успеха В.О. Губерт достиг, участвуя в качестве члена или председателя в работе городских комиссий по разным направлениям: Городской санитарной комиссии, Комиссии по борьбе с жилищной нуждой, Комиссии по борьбе с неурожаем и голодом, Комиссии по борьбе с холерой и чумой и т.д. Активная работа и успехи по разработке методов и средств оспопрививания, охране здоровья детей, пропаганде достижений медицины, были отмечены: так, В.О. Губерт был награжден золотой медалью Александра II, золотой медалью имени Дженнера и премией 1 000 фунтов стерлингов, орденом Почетного легиона [4, с. 37].

Но стремительно развивавшаяся карьера одного из самых успешных педиатров столицы внезапно прекратилась в 1912 г.

20 апреля 1912 г. Ревизионная Комиссия Общественного управления г. Санкт-Петербурга обратилась в Городскую управу с прошением о возбуждении судебного дела против В.О. Губерта и устранения его от всех занимаемых им должностей в городском общественном управлении. В документе, поданном на имя городского головы, сообщалось об обнаружении Ревизионной комиссией ряда подложных документов, связанных с порядком расходования кредитов, отпущенных Городской Думой на содержание в 1909 г. «Городской Капли Молока» при приюте для недоношенных детей и в 1908 и 1909 гг. на содержание и эксплуатацию городских кипяtilьников. Указанные кредиты проходили через В.О. Губерта, который в те годы занимал ряд

должностей: заведовал Городским Оспопрививальным институтом, приютом для недоношенных детей, где была организована бесплатная выдача молока, а также руководил «эксплуатацией городских кипятильников по бесплатной раздаче чая во время холерной эпидемии в 1908 и 1909 гг.» [7, л. 1].

Подложными документами, по мнению Ревизионной комиссии, являлись счета на поставку молока для «Капли молока» при приюте для недоношенных детей в 1909 г. от молочной фермы «Куокалла» Киркяйнена на сумму 4 370 р. 64 к. Подлинность данных документов вызывала сомнения потому, что на 1912 г. такой фермы уже не существовало, место нахождения фермы и сам владелец не могли быть обнаружены, а ветеринарные удостоверения о здоровье коров, являвшиеся необходимым документом при осуществлении поставок молока в медицинские учреждения, не сохранились. Кроме того, по словам одной из фельдшерниц приюта для недоносков О.И. Арно, молоко доставлялось в августе 1909 г. из хозяйства Пуговишниковой, а не фермы Киркяйнена.

Также в качестве подложного документа рассматривался счет фирмы Крутикова на поставку сахара в «Каплю Молока» в период с мая по декабрь 1909 г. на сумму 392 р. 70 к., поскольку «фирма Крутикова, по запросу Ревизионной Комиссии, удостоверила, что сахара, означенного в этом счете, из магазина никогда не отпускалось, что такого счета фирма никогда не выдавала, что денег по этому счету никто из доверенных фирмой лиц не получал и что среди служащих фирмы “Монякин”, расписавшийся на счете в получении денег, никогда не состоял» [7, л. 1–1 об.].

Помимо указанных документов были обнаружены счета по поставке чая и сахара от торговых домов «П.А. Золотов» и «И. Гусев» на общую сумму 8 848 р. 40 к. Правильность этих счетов была удостоверена подписью В.О. Губерта, но указанные торговые дома признали подложность данных документов. В самих материалах дела и личных объяснениях обвиняемого указывалось, что В.О. Губерт производил расходы из собственных средств, а затем представлял оплаченные счета в Городскую санитарную комиссию с ходатайством о возмещении произведенных расходов.

В прошении Ревизионной комиссии были отмечены также показания заведующей городской «Каплей молока» А.В. Поповой: «В.О. Губерт предложил мне для сохранения получившейся экономии по смете, около 2 000 р., на следующий год, подписать счета на молоко, которое на самом деле не поставлялось, но у В.О. Губерта имеется, по его словам, какой то чухонец, который согласится дать фиктивные счета на эту сумму; в случае непредставления этих счетов кредит на следующий год может быть сокращен на 2000 р. От этого предложения я отказалась» [7, л. 1 об.].

11 апреля 1912 г. на заседании Ревизионной комиссии В.О. Губерту был дан недельный срок для представления объяснений, что не было им сделано по причине «болезненного состояния». Вопрос о рассмотрении дела и привлечении доктора к судебной ответственности по признакам статьи 362 Уложения о наказаниях был передан в Городскую управу (в соответствии с

указанной статьей в качестве наказания могло последовать «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и отдача в исправительные арестантские отделения на время от четырех до пяти лет» [5, с. 93]).

Не дожидаясь окончания решения, Владислав Осипович Губерт подал 25 апреля 1912 г. личное прошение городскому голове о сложении с себя всех обязанностей, возложенных на него Городской Думой «вследствии взводимого на меня городскою Ревизионною Комиссиею обвинений, подрывающих доверие ко мне, как общественному деятелю и гражданину». Прошение было удовлетворено, 19 мая 1912 г. В.О. Губерт был уволен со всех занимаемых им должностей [7, л. 3–4].

Однако, делу, запущенному Ревизионной комиссией, был дан ход. Поскольку с юридической точки зрения непредставление Губертом объяснений в Ревизионную комиссию не являлось равносильным отказу дать объяснения и, кроме того, подобное требование должно было исходить от непосредственного начальства, каковым для обвиняемого Ревизионная комиссия не являлась, то было принято решение направить все имевшиеся материалы непосредственно в Городскую управу, от имени которой также следовало запросить у Губерта объяснения, после чего необходимо было все документы передать на рассмотрение Городской Думы [7, л. 5].

14 мая 1912 г. В.О. Губерт представил объяснение, которое, по мнению юриконсульта Городской управы, «не содержит самого существенного, именно: объяснения фактов, содержащихся в докладе ревизионной комиссии» [7, л. 24]. Подложность всех выявленных документов врачом опровергалась. Так, в отношении счетов молочной фермы Киркяйнена В.О. Губерт предлагал обратиться к свидетельствам лиц, которые могли подтвердить существование и ведение поставок молока и телят с фермы. Особенно, по его словам, врача поразили обвинения А.В. Поповой, которые он назвал клеветой и ложным доносом и объяснил возможной личной неприязнью со стороны заведующей «Капли молока». Подложность счетов торговых домов Губерт объяснил возможным мошенничеством и плохим ведением финансовых документов в самих компаниях. Кроме того, он попытался понять и мотивы своего возможного преступления: «Неужели меня, старого общественного деятеля, всецело отдавшего многотрудному делу, посвятившему всю свою жизнь на служение науке и обществу, можно заподозрить в подлогах? Для всякого преступления необходим мотив. Какой же мотив к совершению подлогов мог быть у меня? Присвоение 13 000 рублей. Но материально я достаточно обеспечен. Занимаю известное общественное положение. При таких условиях решиться на совершение служебных подлогов можно, либо находясь в ненормальном состоянии умственных способностей, либо будучи прирожденным преступником. Глубоко убежден, что ревизионная комиссия не имела достаточно оснований в награду за мою многолетнюю службу городскому общественному Управлению преподнести мне 362 ст. уложения о наказаниях» [7, л. 22–23].

Данное объяснение не удовлетворило Ревизионную комиссию и Городскую управу, дело было передано в Городскую Думу. Однако, в июне 1912 г. Ревизионная комиссия отправила в Санкт-Петербургскую Городскую управу новое прошение с извещением об обнаружении новых фиктивных документов, составленных и подписанных Губертом, на сумму уже около 60 000 р. и просьбой обсудить вопрос о мерах по взысканию с В.О. Губерта «неправильно израсходованных им сумм» [7, л. 48].

12 сентября 1912 г. состоялось заседание Санкт-Петербургской Городской Думы, на котором был поставлен на закрытую баллотировку вопрос «угодно ли Городской Думе возбудить дело об ответственности В.О. Губерта по признакам преступления, излож. в ст. 362 Ул. о нак., с возмещением причиненных городской кассе убытков». Большинством голосов (77 против 5) заседание Городской Думы постановило дело возбудить [7, л. 61], после чего материалы были переданы в Санкт-Петербургский Окружной суд.

На протяжении последних месяцев 1912–1913 гг. Санкт-Петербургский Окружной суд запрашивал в Санкт-Петербургском Общественном Правлении, Городской управе и других учреждениях сведения о том, какие должности и в какое время В.О. Губерт занимал, подлинные книги по Оспопрививальному институту и подлинные отчеты Губерта как заведующего учреждениями, образцы почерка врача за период с 1901 по 1911 гг., ежегодные суммы, получаемые им по всем должностям, и другие материалы [7, л. 67–79]. В марте 1913 г. судебный следователь по важнейшим делам Санкт-Петербургского суда Александров представил Государственной Думе результаты расследования, в которых отмечалось, что подложные счета представлялись Губертом с первого года службы по городскому учреждению, злоупотребления производились систематически в течение продолжительного времени, количество подложных счетов превышало 450 шт., подложность документов была «очевидна как по внешнему виду, так как большинство из них обращает на себя внимание сходством с почерком Губерта, так и по внутреннему своему содержанию, ибо показанное в счетах количество, даже при самой поверхностной проверке, совершенно не соответствует действительному положению вещей». Кроме того, у следователя вызвал вопрос, почему эти документы, а также счета с непогашенными марками и даже неоплаченным гербовым сбором беспрепятственно принимались Санитарной комиссией. В связи с этим, помимо дополнительных сведений о деятельности В.О. Губерта (например, были ли случаи, когда врач не получал жалования в течение нескольких месяцев или лет), были запрошены еще и материалы о работе Санитарной комиссии, о ее составе, назначении и деятельности [7, л. 84–84 об.]. Сведения доставлялись с большим опозданием. Александров неоднократно обращался в городские учреждения с просьбой прислать необходимую информацию в указанные им сроки, в противном случае рассмотрение дела могло быть приостановлено, в то время как, по словам следователя, Губерт «содержится в тюрьме более года» [7, л. 133].

Лишь 25 апреля 1914 г. Городская Дума утвердила иск к В.О. Губерту в размере 77 898 р. 82 коп. [7, л. 140]. В феврале 1915 г. было принято решение «уголовное преследование по обвинению в учинении подлогов в период времени до 12 сентября 1904 г. за истечением давности в составлении от имени Еремеева двух подложных счетов от 13 сентября и 28 декабря 1906 г. за недоказанностью события преступления, дальнейшим производством прекратить» [7, л. 141].

После завершения судебного разбирательства В.О. Губерту не удалось восстановить свое влияние и положение не только в обществе, но и в медицинских кругах.

Сведений о дальнейшей его судьбе на данный момент имеется немного. Его имя упоминается в дневнике В.П. Кравкова в связи со слухами о назначении в составе санитарной части Юго-Западного фронта в 1915 г. и размышлениями автора о назначении на должности людей, замешанных в мошенничествах и злоупотреблениях разного рода [2, с. 109]. Также имя В.О. Губерта можно обнаружить в справочнике «Наука и научные работники СССР. Научные работники Ленинграда» 1934 г.: он упоминается как профессор факультета звукового кино Института киноинженеров и преподаватель Политехникума путей сообщений [3, с. 102]. К практической медицинской деятельности, в том числе педиатрии, где он когда-то добился признания и успеха, В.О. Губерт по-видимому больше в своей жизни не возвращался.

Список литературы

1. Губерт В.О. Капля молока (Goutte de lait), как благотворительно-гигиеническая организация и участие в ней городских аптек. СПб., 1904.
2. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014.
3. Наука и научные работники СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда: с приложением перечня научных учреждений Ленинграда. Л., 1934.
4. Петров Ю.Н. В.О. Губерт – забытый деятель здравоохранения дореволюционного Петербурга // История Петербурга. 2006. № 4 (32).
5. Свод законов Российской империи. Т. 15. [Ч].1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. Пг., 1916.
6. Центральный государственный исторический архив г.Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 8. Оп. 3. Д. 785.
7. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 18. Д. 116.

А.Н. Егоров

Ученый в условиях общественно-политического кризиса: А.В. Карташев в Гражданской войне

В статье показана политическая деятельность выдающегося богослова А.В. Карташева в годы Гражданской войны. Член ЦК кадетской партии, активный участник Всероссийского национально центра, он сыграл огромную роль в организации Белого движения

на Северо-Западе России. Рассматривается его деятельность в Политическом совещании при генерале Н.Н. Юдениче, раскрывается его роль в вопросах признания независимости Финляндии. Отстаивая принцип военной диктатуры, А.В. Карташев в годы Гражданской войны прошел эволюцию от христиански окрашенного либерализма к православно-консервативным убеждениям.

The article shows the political activity of the outstanding theologian A.V. Kartashev during the Civil war. A member of the Central Committee of the cadet party, an active participant in the all-Russian national center, he played a huge role in organizing the White movement in northwestern Russia. The article examines his activities in the Political conference under General N. N. Yudenich, and reveals his role in the recognition of Finland's independence. Defending the principle of military dictatorship, A.V. Kartashev during the Civil war evolved from Christian-colored liberalism to Orthodox-conservative beliefs.

Ключевые слова: А.В. Карташев, Гражданская война, кадетская партия, Белое движение, интервенция, Финляндия.

Key words: A.V. Kartashev, Civil war, cadet party, White movement, intervention, Finland.

Великая российская революция и Гражданская война кардинально изменили все стороны жизни российских ученых. Политика стала неотъемлемой частью их повседневной жизни. Многие представители ученого мира посчитали невозможным для себя остаться в стороне от общественно-политической деятельности и ринулись в нее. Одним из них стал Антон Владимирович Карташев – выдающийся богослов, историк русской церкви. В марте 1917 г. ему, как известному специалисту по церковным вопросам, предложили должность товарища обер-прокурора Святейшего Синода. По словам своего друга Д.В. Философова, Карташев отнесся к этому предложению «просто и трезво. Как на политическую помощь революционному правительству, как на “всеобщую воинскую повинность”» [10, с. 148]. В июне 1917 г. Карташев вступил в кадетскую партию, стал членом ее ЦК, кандидатом от партии в Учредительное собрание. В июле 1917 г. он стал последним обер-прокурором Святейшего Синода, а затем министром исповеданий Временного правительства.

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. А.В. Карташева арестовали в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного правительства и отправили в Петропавловскую крепость. После освобождения из заключения он оказался перед выбором – вернуться к своей научной деятельности или включиться в борьбу с большевиками. Карташев выбрал второй путь – он переехал в Москву, перешел на нелегальное положение, стал одним из организаторов антисоветского подполья. Об этом периоде своей жизни Антон Владимирович писал впоследствии: «я погрузился в рискованную жизнь без прописки, с переменными ночлегами у друзей» [1, с. 474]. Весной 1918 г. Карташев вошел во Всероссийский Национальный центр, ставший как бы боевым штабом кадетской партии в годы Гражданской войны.

О политических взглядах А.В. Карташева того времени говорит подписанное им вместе с другими руководителями Всероссийского Национального центра письмо генералу М.В. Алексееву. Авторы письма полагали, что «историческая Россия должна для своего воссоздания и воссоединения иметь монарха. Но из этого мы не строим себе кумира. Мы полагаем, что для переходного времени нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была приемлема для беспокойно и подозрительно настроенных масс». Диктатура должна «очистить территорию, установить порядок, подготовить население и дать ему новое основание для выборов в народное собрание, которое и должно установить окончательно форму правления» [Цит. по: 4, с. 513].

В ночь на новый, 1919 г., А.В. Карташев переправился в Финляндию, чтобы оттуда через Прибалтику перебраться на Юг, к А.И. Деникину. Однако в Финляндии, как он писал впоследствии, неожиданно «для всех нас оказалась значительная русская организация и заманчивые перспективы» [7, с. 142]. В 1918 г. в Финляндии насчитывалось около 20 тыс. русских (из них по разным подсчетам от 2 до 5 тыс. офицеров), большая часть которых компактно проживала в Выборгской губернии. В ноябре здесь оказался бывший главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал Н.Н. Юденич. Поэтому после встреч и бесед с местными политическими деятелями и своим другом П.Б. Струве, Карташев изменил свое решение и включился в активную работу по объединению русских антибольшевистских сил в Финляндии для организации похода на Петроград.

14 января 1919 г. по инициативе П.Б. Струве и А.В. Карташева в Выборге прошел съезд русских торгово-промышленных деятелей, на котором присутствовало около 200 чел. Формально речь шла об избрании общерусского комитета, который финское правительство должно было наделить представительскими правами и консульскими функциями. В реальности же инициаторы и участники съезда «имели в виду образование чисто политического органа для осуществления предстоящих общерусских задач» [3, с. 39]. На съезде был создан Русский политический комитет (известен также как Национальный русский комитет) во главе с А.В. Карташевым, получившим официальный пост «главноуполномоченного северо-западной границы России».

Избрание А.В. Карташева нельзя назвать случайным – в том момент он оказался самой значительной политической фигурой в Финляндии приемлемой как для правых, так и левых кругов антибольшевистской общественности. Бывший министр Временного правительства, член ЦК кадетской партии, он должен был символизировать, по словам самого Карташева, «нестарорегимный курс» [2]. После его избрания видные русские промышленники и финансисты согласились участвовать в работе Особого комитета и субсидировать его. Как иронизировал по этому поводу журналист Г.Л. Кирдецов, «торгово-промышленной группе просто приятно было иметь своим главой профессора, ученого и министра Временного правительства», да и других «людей с именем под рукой не было» [3, с. 43].

Особо важными делами комитета ведал генерал Н.Н. Юденич, организовавший военно-политический центр во главе с А.В. Карташевым, в который вошли правые кадеты, представители промышленных кругов и военные. Карташев с помощью своих единомышленников в Париже и Сибири активно поддерживал кандидатуру Юденича на пост главнокомандующего Северо-Западной армией. В письме В.Н. Пепеляеву он писал: «Струве и я создали Юденичу репутацию приемлемого для Парижа и Лондона “генерала”», ориентировавшегося на Антанту и признававшего политическую платформу А.В. Колчака. Самого Юденича Карташев оценивал как «по существу правого», но «благоразумного и умеренного», отмежевывавшегося от «крайних правых» [7, с. 143]. Карташев призывал оказать Юденичу материальную поддержку и признать его юридически.

Поход на Петроград с территории Финляндии требовал кардинального решения вопроса о будущем государственном статусе недавно образованной страны. В Белом движении существовали различные мнения по поводу независимости Финляндии. Если оказавшиеся в этой стране российские политические деятели, видя реальную расстановку сил, признавали полностью или с оговорками государственное самоопределение Финляндии, то находившиеся в Сибири и Париже лидеры Белого дела (А.В. Колчак, С.Д. Сазонов, П.Н. Милюков и др.) не были готовы пойти на «расчленение России». Позиция А.В. Карташева по этому вопросу была неоднозначна. Формально и он, и Особый комитет, и Н.Н. Юденич признавали независимость Финляндии, но шли на это, как на большую и несправедливую жертву. Карташев писал В.Н. Пепеляеву, что купить помощь Финляндии «можно будет лишь ценой невероятно тяжелых уступок, мучительных для национального сознания и нашей совести. И в этом для нас заключается необычайный драматизм нашего положения. С одной стороны, избавление Петрограда и Севера, с другой – ужас согласия на дневной грабеж самых коренных прав России» [7, с. 146]. 1 мая 1919 г. Карташев опубликовал в прессе декларацию Особого комитета, в которой говорилось, что «как Комитет, так и отдельные его члены неизменно стояли на принципе признания государственной самостоятельности и независимости Финляндии и невмешательства во внутренние финляндские дела» [8]. Однако Карташев считал, что независимость Финляндии будет нуждаться в санкции Всероссийского Учредительного собрания [3, с. 82]. При таком подходе его позиция выглядела лишь как тактический ход, необходимый для получения помощи от Финляндии.

24 мая 1919 г. Н.Н. Юденич утвердил положение о «Политическом совещании при старшем русском военном начальнике Северо-Западного фронта». В состав совещания вошел А.В. Карташев с полномочиями возглавить сношения с иностранными и антибольшевистскими правительствами и с Русским политическим совещанием в Париже. Он занимался также вопросами религии и благотворительности. Впоследствии его избрали заместителем председателя Совещания, а с 3 июля 1919 г. в его ведение перешли печать, информация и агитация [9, с. 225].

Деятельность А.В. Карташева в Политическом совещании вызывала неоднозначную реакцию современников. Государственный контролер Северо-Западного правительства В.Л. Горн полагал, что «по общеполитическим вопросам Карташев вел какую-то двойную линию, и часто чрезвычайно было трудно разглядеть его подлинное политическое лицо» [11, с. 60]. Насколько справедливым было это утверждение? Меншевик (плехановец) Горн представлял левое, демократическое крыло Белого движения на Северо-Западе России. Для него Карташев казался слишком правым, слишком «реакционным». А для консервативного крыла Белого движения, представленного, прежде всего, Н.Н. Юденичем и его генералами, он казался слишком левым, слишком «либеральным». В такой ситуации фигура Карташева представляла собой политический компромисс между различными антибольшевистскими группировками, и вынуждала Антона Владимировича проводить соответствующую компромиссную политику, которая со стороны действительно могла восприниматься как «двойная линия». Однако это не означает, что у Карташева не было четкой политической позиции. Она заключалась в конструировании Белой власти в лице Политического совещания на исключении «партийно-коалиционного представительства (а, следовательно, и зависимости от партий) и на принятии военной диктатуры» [2].

Естественно, что поддержка А.В. Карташевым принципа военной диктатуры отталкивала от него демократическое крыло антибольшевистского движения, а его стремление прописать в программных документах Политического совещания идеи народовластия вызывало неприятие офицерских кругов. В этом смысле показательна судьба составленной А.В. Карташевым в начале августа 1919 г. декларации «К населению русской территории Северо-Западного фронта». В ней провозглашался «решительный отказ от возврата к старому режиму», предлагался после разгрома большевиков созыв Всероссийского Учредительного собрания «на началах всеобщего избирательного права», давалась гарантия равенства всех перед законом и соблюдение общегражданских свобод. Внутренне управление страной должно было опираться на органы земского и городского самоуправления, земля передавалась «трудящемуся землевладельческому населению для закрепления в собственность», интересы рабочего класса защищались специальными законами. Единство России должно было сочетаться с утверждением «за всеми народностями, обитающими на ее исторической территории права развивать свою национально-культурную жизнь» в формах самостоятельности, соответствующих их вкладу в борьбу с большевизмом [6, с. 45–46]. Консервативно настроенный Н.Н. Юденич отказался подписать эту декларацию, предлагая ограничиться заявлением о поддержке им программы А.В. Колчака [5, с. 186].

В частных разговорах с соратниками А.В. Карташев не раз высказывался о негативном влиянии правых кругов на политический курс Белого движения. Но публично он воздерживался от какой-либо критики в адрес белых генералов. Позднее, в эмиграции Карташев так охарактеризовал свою позицию:

«Я сам, будучи политическим сотрудником ген. Юденича, при разности моего политического воспитания и политической идеологии, был своего рода оппозицией ген. Юденичу. Но это была “оппозиция Его Величества”, оппозиция дружеская и спасающая, а не враждебная и низвергающая» [2].

В августе 1919 г. наступление Н.Н. Юденича на Петроград было остановлено. Тогда англичане потребовали замены слишком откровенной диктатуры Юденича новым демократическим правительством. 10 августа 1919 г. большинство членов Политического совещания были вызваны в Ревель в английскую военную миссию, где их ждали представители Антанты. Английский бригадный генерал Ф.Г. Марш произнес короткую речь, в которой указывал на катастрофическое положение на фронте, выход из которого он видел в поддержке со стороны эстонских войск, для чего требовалось признание независимости Эстонии, которое должно было исходить от нового русского правительства. «Русские – говорил он – сами ни на чем между собой сговориться не могут. Русские только говорят и спорят. Довольно слов – нужно дело». Марш вручил приглашенным составленный заранее список будущего кабинета и дал им срок – 40 минут – на то, чтобы, не выходя из комнаты, сформировать правительство. В противном случае, заявил он, «мы вас будем бросать». Оценив подобные действия как «незаслуженный удар по национальному самолюбию и по национальному достоинству», и не соглашаясь с признанием независимости Эстонии, А.В. Карташев отказался войти в состав сформированного англичанами кабинета [6, с. 10].

Новое Северо-Западное правительство создавалось как коалиционное – с участием эсеров и меньшевиков. А.В. Карташев, который своими руками создавал диктатуру Н.Н. Юденича, считал, что организовывать власть на основах партийной коалиции в период Гражданской войны недопустимо и поэтому выступал категорически против Северо-Западного правительства. В 1920 г. после поражения Северо-Западной армии Карташев перебрался в Париж и активно включился в политическую деятельность по консолидации различных антибольшевистских сил.

Связав свою судьбу с Белым движением, А.В. Карташев закрыл глаза на многие его жестокости и «реставраторские» тенденции, так объяснив свою позицию: «Другой армии, других военных, кроме старорежимных, в природе вещей не было. Нужно было брать их в их реальном существе, или малодушно, из боязни реакции, отказываться от белой борьбы, к чему последовательно и пришли наши социалисты и “учредилловцы”... Или надо отринуть вообще принцип вооруженной фронтовой борьбы, или принять ее со всеми ее грубыми и диктаторскими неудобствами и последствиями, лишь бы достичь главной цели» [2]. Подобная позиция вполне естественно сделала Карташева в эмиграции одним из идеологов принципа «непримиримости» по отношению к советскому строю.

Список литературы

1. Карташев А.В. Лев Платонович Карсавин (1882–1952) // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994. С. 471–477.
2. Карташев А.В. Северо-Западный фронт ген. Юденича // Россия и славянство. Париж. 1931. 22 авг.
3. Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919–1920). М., 2016. 352 с.
4. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. 752 с.
5. Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Т. 2. 327 с.
6. Образование Северо-Западного правительства. Объяснения членов Политического совещания при главнокомандующем Северо-Западного фронта В.Д. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова. Гельсингфорс, 1919. 48 с.
7. Письмо Карташева мин. вн. д. прав. Колчака Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 136–146.
8. Русская жизнь. Гельсингфорс, 1919. 1 мая.
9. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. 439 с.
10. Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 147–166.
11. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров / под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1927. 256 с.

С.В. Любичанковский

«Вулкан остается дышащим»: отражение конфликта в Нагорном Карабахе в мироощущении советского интеллигента (1988–1990)

В статье реконструировано мироощущение советского интеллигента Леонида Наумовича Большакова в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе (1988–1990). Поднимаются темы интернационализма, эффективности власти, честности прессы. Исследование основано на его дневнике из семейного архива.

The article reconstructs the attitude of the Soviet intellectual Leonid Naumovich Bolshakov in connection with the conflict in Nagorno-Karabakh (1988-1990). The topics of internationalism, the effectiveness of power, the honesty of the press are raised. The research is based on his diary from the family archive.

Ключевые слова: интеллигенция, Л.Н. Большаков, повседневность, Нагорный Карабах, межнациональные конфликты, интернационализм.

Key words: the intelligentsia, L.N. Bolshakov, everyday life, Nagorno-Karabakh, interethnic conflicts, internationalism.

«Бурные события в Нагорном Карабахе и, как отзвук, в Ереване», «бушуют Армения и Азербайджан», «материалы из Баку и Еревана – как сводки с поля боя...», «буза в Нагорном Карабахе», «пришлось вводить войска, особое положение и комендантский час...» – это строки не о дне сегодняшнем – приведенные записи из дневника Л.Н. Большакова [3] сделаны в 1988–1990 гг. Тогда армяно-азербайджанский конфликт стал одним из первых политических вызовов начатой М.С. Горбачевым «перестройки» [6].

Л.Н. Большаков был убежденным интернационалистом [4], поэтому особенно остро переживал разгорающиеся межнациональные конфликты, тем более, что в Армении у него было много друзей: еще в середине 1960-х гг. он нашел в Оренбурге дом, в котором прошли последние дни классика армянской литературы Ваана Терьяна, написал книгу о его последней командировке [2] и о людях, живущих в его родной Богдановке [1]; организовал единственный за пределами Армении музей и общество друзей Терьяна в оренбургской школе, приглашал в город дочь и внуков поэта, известных армянских писателей и др.

Записи в дневнике Л.Н. Большакова [5] свидетельствуют, что еще в самом начале «перестроечного периода» его многое тревожило. Прочитируем несколько записей: «Одинаково противны и национальная ограниченность, и национальная спесь... Явно неблагополучно со всем этим сейчас... Отсюда новые перекосы... (13 августа 1987 г.)»; размышляя на страницах дневника о прочитанном в интервью: «Перестройка национальной политики – лозунг правильный, однако в основе мыслей Попова – не интернациональное сплочение, а национальное разобщение («землячества» и т.п.). Тем временем в открытую распоясывается шовинизм. (9 января 1988 г.)». «Нуднейше бьем себя в грудь, крича о кризисе доверия. И усугубляем этот самый кризис всем: от неумения накормить людей и дать им (нам...) элементарное до неумения учитывать психологию и соответственно строить идеологическое перевооружение. Принцип: все было нельзя – все теперь можно должен иметь под собой фундамент, а именно психологическую подготовку. Без этого – сумятица в головах и... ухудшение работы. (6 апреля 1988 г.)»

Читая сегодня дневниковые записи более чем тридцатилетней давности, можно не только увидеть хронику событий, но почувствовать желание автора разобраться в происходящем и одновременно недовольство тем, как освещают события газеты и телевидение.

- Бурные события в Нагорном Карабахе и, как отзвук, в Ереване. Отклики нашей печати на все это официозные, не более того. Замалчивание фактов ведет к слухам и рождает всякого рода догадки. Вспоминается Леонид Гурунц [армянский писатель, родившийся и много лет живший в Азербайджане. Одним из первых поднял вопрос о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией], который сжег себя болью Нагорного Карабаха. Трудно понять, почему в отношении этого вулкана не принимаются меры радикальные. Братские республики вполне могли бы решить вопрос по-братски, не доводя до крупнейших эксцессов вроде этого. Представляю себе, что в Армении. И что в Богдановке [Богдановка – родина армянского поэта В. Терьяна, о котором Л.Н. Большаков написал несколько книг. В 1983 г. Богдановка стала городом, а Большаков – его почетным гражданином] (26 февраля 1988 г.)

- С тревогой прислушиваешься к сообщениям из Азербайджана и Армении. В Сумгаите убили, по официальным источникам, 31 человека «разных национальностей» (и это тоже «интернационализм»?). Отголоски националистических гнусностей доносятся из каждой республики в той или иной форме. ...На лозунги сил хватает, на дела их нет (7 марта 1988).

- Неладное творится в Армении. Серьезнейшие – политические – волнения в Ереване. Призывы объявить его «мертвым городом», а Армению – «беспартийной советской республикой». Отказ в доверии ЦК КПСС и России, апелляция к Международному суду (против Азербайджана) и т.д. В «Известиях» критикуют Зория Балаяна [Балаян Зорий Айкович – в 1989 г. был избран депутатом Национального Совета Народно-Карабахской автономной области, являлся народным депутатом СССР] – он, похоже, среди заводил. Приводят его слова: «Обратной дороги нет» Сильва [Капутикян Сильва Барунаковна – крупнейшая армянская поэтесса XX века, писатель и публицист, академик, заслуженный деятель культуры Армянской ССР, заслуженный работник культуры Грузинской ССР], напротив, «пытается образумить...» (22 марта 1988 г.).

- В «Правде» большая беседа с акад. Гарибджаняном [Гарибджанян Геворг Багратович – академик, член Президиума АН Армянской ССР, ученый-историк, директор Центра научной информации, член Союза писателей и Союза журналистов СССР]. Лучше бы с ним поговорить и его мнение не «со страниц» услышать (2 апреля 1988).

Зория Балояна Леонид Наумович знал как собкора «Литературной газеты», с известной всему СССР Сильвой Капутикян и академиком Гарибджаняном познакомился на праздниках, посвященных В. Терьяну. Подаренные ими книги с дарственными надписями стояли на его книжных полках [сейчас они находятся в отделе редких книг научной библиотеки Оренбургского университета]. И конечно, их отношение к событиям было ему интересно, тем более, что и у них, как видно, оно было различным.

Полтора часа шла «Позиция» с Генрихом Боровиком. Попытка правды. Но правда «обтекаемая, «согласованная», недоговоренная. Без истории, без анализа причин. Удовольствование якобы смелыми съемками митингов и пр. Главное – отсутствие собственной позиции в главном: где быть Карабаху? Это чушь, что передача его Армении противоречит идеалам социализма. Нельзя ограничиваться косметикой, когда назрела операция. И не упускать сроков Коренной перестройки пропаганды нет и не будет... (26 апреля 1988).

Как высокопрофессиональный газетчик-журналист, автор дневника не мог не возмущаться попытками замалчивать проблему:

«...ереванские газеты со статьями по истории Нагорного Карабаха и пр. Но поражают не статьи – все остальное. Первая полоса: «Обязательства выполнили», «Повышаются надои», «Не снижая темпов», «Плюсы хозрасчетов» и т.п. И вообще газета – орган ЦК – в позиции страуса. Будет ли уважение к ней? Заслуживает ли она уважение? (11 июля 1988).

И хотя Л.Н. Большаков не дает оценку происходящему противостоянию, уже по недоуменному вопросу «неужели откажут» можно понять, что Леонид Наумович был за то, чтобы «переезд» в Армянскую ССР был узаконен. В своем дневнике он цитирует строки из письма бакинской знакомой В. Арутюнян: «... В Баку худо и надежд на перемены не видно. Антиармянский

морально-физический террор, люди бегут, созрели для того, чтобы уехать, и они. Но многое останавливает. Тут работа, тут очаг... Страшное дело!». Кроме того автора дневника возмущали «ярлыки», которыми «награждали» армян, но не азербайджанцев.

- Только что передали сообщение, что сессия в Нагорном Карабахе вошла непосредственно в Верховный Совет СССР с просьбой о «переезде» в Армянскую ССР. Неужели возможен отказ? То будет поражением не армян – но системы (23 июня 1988).

- Обостренное положение в Нагорном Карабахе. Сессия там приняла решение о выходе из Азербайджана, газета (местная) этот пункт решения обошла, народ прекратил работу. Межнациональная политика у нас ведется неумно, отсюда такое, отсюда и многое, что может быть. И непременно будет, если не поставит это во главу угла всей жизни (25 июня 1988).

- «Время» [главная телевизионная информационная программа в СССР] молчит об Армении с Азербайджаном, о делах прибалтийских и прочем остром, должном стоять на первом плане... (25 ноября 1988 г.).

Конечно, история не имеет сослагательного наклонения. Но, возможно, тогда «переезд» в другую республику в границах СССР был бы не так болезнен и уж точно в него не были бы вовлечены другие государства. Кто знает?...

Сегодня, когда о происходящем в мире, все узнают моментально, трудно представить, что главным источником информации для граждан СССР были советские газеты, информация в которых мало чем различалась, поэтому люди стремились получить сведения из «радиоголосов».

«Вечером слушал из Парижа хронику последних армянских дней. Сдавать не собираются. Требования: НКАО, перенос суда из Сумгаита в Москву, снятие осад, вывод войск и пр.» (7 июля 1988).

Чем сильнее разгорался конфликт, тем большее неприятие вызывала у автора дневника национальная политика СССР в целом.

- Буза в Нагорном Карабахе и вокруг него продолжается. Все это не частный инцидент, но выступление совершенно серьезное. И – требующее именно серьезного подхода (30 марта 1988 г.).

-О, эти национальные вопросы! О, наша в них некомпетентность! (В том числе правительственная). Бушует Ереван – там почти сражения. Нельзя медлить с развязыванием этого мертвого узла. А наши руководители едут в Прагу и Варшаву – не в Ереван и Степанакерт... (5 июля 1988 г.).

- Встретился с А. Оганяном – консультантом СП СССР по армянской литературе. О совете не говорили – только о делах в Армении. Ох, уж эти дела! Ох, союзная позиция в них! Все заранее знают, что Президиум ВС СССР в понедельник не поддержит ни требования НКАО, ни позицию Армении. Почему? (15 июля 1988).

- ...Совершенно не принимаю того, как решается армянский вопрос. Как не решается... Уповают на силу окрика? На войска? (17 июля 1988).

- Худо в Армении: и по газетам судя, и по «их» радиоголосам, и по живой информации. Главное – подрыв, если не потеря, авторитета высших органов и генсека, которого упрекают в переходе к «консерватором». Все это и горько, и обидно, и несвоевременно. Печальный «внутренний Афганистан» в момент, когда едва-едва выкарабкиваемся из Афганистана «основного» (22 июля 1988).

И количество, и даты записей говорят о том, насколько велик был интерес автора дневника к разгоревшемуся конфликту, и как волновала и часто возмущала политика государства в межнациональных отношениях.

- Из Нагорного Карабаха все перекинулось снова в Армению (и Азербайджан) Забастовки, митинги, войска в действии – ярлыки по радио и телевидению. Предыдущие события не научили ни «их», ни «нас» ничему. Возникает сомнение: можно ли научить? (22 сентября 1988).

- Материалы из Баку и Еревана – как сводки с поля боя. Особенно – из Баку. Даже в «Правде» можно прочесть несдерживаемое: «Ситуация в огромном городе стала такой, что пришлось вводить войска, особое положение и комендантский час...». За одни сутки из Азербайджана убежало более 7 тысяч человек, а из Армении в Азербайджан – за 10 тысяч. Что же это делается? И что будет завтра? Войска... Неужто закончится вооруженным подавлением? (1 декабря 1988 г.).

В октябре 1988 г. пришло известие о том, что вторым секретарем ЦК Азербайджана назначен В.П. Поляничко [Поляничко Виктор Петрович – политический и государственный деятель, кандидат исторических наук, член Союза журналистов СССР, Почетный гражданин Оренбурга, Орска, Гая. В июне 1993 года назначен главой Временной администрации на территориях Северной Осетии и Ингушетии в ранге заместителя председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации. Погиб 1 августа 1993 г. в результате террористического акта], которого Леонид Наумович знал еще с 50-х годов прошлого века. Они встречались и в Оренбурге, и в Москве, даже в Афганистане, и вот теперь последовало новое назначение в Баку. «Взволновала перемена в судьбе В.П. – читаем в записи от 29 октября 1988 г., – прямо из Афганистана попал в... Азербайджан. Из одного мусульманства в другое. От одних душманов к другим, от одних танков и бэтээров к тем же, но на улицах Баку. Вторым секретарем ЦК. Вторым да куда?! Не хочется поздравлять, скорее, сочувствовать хочется. Огорчен очень! За что хорошему человеку такое?!».

Кстати, сохранившееся в дневнике письмо Виктора Петровича на бланке «Народный депутат СССР» представляет собой весьма любопытный документ. Вот строки из письма: «Есть просьба: в местной газете хочу ввести рубрику: «Межнациональное согласие: письма о примирении» или «Письма наших друзей». Под эту рубрику прошу организовать письма от В.М. Чердинцева, от Н.А. Бурлак (Борис Сергеевич писал о друге-азербайджанце), от В.Г. Альтова (о Мамедове – основателе Блявинского рудника, от Большакова – верного друга армянского народа.

Примерные варианты писем: сопереживания о событиях, происходящих в Азербайджане, в Баку. Пожелания народу в духе интернационализма и т.п.... Главная цель – утешить народ, показать ему, что ему не грозит национальное одиночество. ... Может быть, у Вас будут предложения по обогащению самой идеи, названию рубрики, а также, кого Вы бы порекомендовали в качестве будущих авторов. Жду и ждем как можно быстрее по мере готовности...».

Опыт, полученный Поляничко в Афганистане весьма пригодился ему в Баку, и, безусловно, миротворческая политика Виктора Петровича вызывала у Л.Н. Большакова сочувствие. Однако все усилия по примирению сторон, успеха не имели. Об этом говорят и дневниковые записи 1989–1991 гг. Обстановка только накалялась, и ассоциация с военным лихолетьем Великой Отечественной встречается в дневнике все чаще:

Горечь звучит в записи, сделанной 22 июня: «Сорок восемь лет со дня начала войны. Помню тот день... А новые поколения его и не вспоминают, будто ничего и не было. Индифферентна молодежь даже к межнациональной войне, которая сейчас разворачивается. Фергана. Новый Узень. Кавказ. Прибалтика. Будет ее география еще шире. Это великая беда, с которой власти явно не справляются. Идеология наша хваленая наскочила на айсберг и пускает пузыри в беспомощности предпринять нечто серьезное. Скверно на душе. Тревожно за детей-внуков. (22 июня 1989 г.)» И спустя два года о том же: «Механически смотрю телевизор. Настораживаюсь только при передаче новостей. А новости, новости! Из ноябрьских дней 1941–го звучат во мне тревожные слова: «Отечество в опасности!» И сейчас оно в опасности, да еще какой! Самое главное: развалилось это самое Отечество, каким оно воспринималось – и воспринимается – людьми моего поколения. Тогда было одно целое, был собранный кулак и было что защищать. Теперь же... Кулак разжат, все пальцы враспырку, один другого не видит и не чувствует. Сейчас еще не разрушенное продолжает валиться дальше и больше. Остановить этот процесс некому и – невозможно (10 ноября 1991 г.).

- В Карабахе снова буза. Против всего: и Азербайджана, и Особого управления, и... в общем всего решительно. Мира национального, мира человеческого при нерешенности принципиального нет и не будет (11 мая 1989).

- Был Афганистан – стал Азербайджан. В ночь с 13 на 14-е в Баку прокатились яростные погромы армян. Азербайджанцы начали бандитские, по стратегии и тактике своей вполне военные, действия по широкому фронту. В сообщениях появились слова: десант, орудия, а уж об автоматах и пулеметах говорить не приходится. В Ереване 300-тысячный митинг потребовал введения чрезвычайного положения для защиты армян в приграничной с Азербайджаном зоне, а уж на территории Карабаха и подавно. Азербайджанцы захватывают заложников, бьют офицеров и солдат. Война, столь же дикая, мусульмански-фанатичная, как и в «стране гор и легенд»¹. К чему это приведет? (15 января 1990).

¹ Имеется в виду Афганистан, где Л.Н. Большаков был в 1986 и 1987 гг.

- Нового дня ждешь с тревогой. Чего-чего, а оснований для этого предостаточно. Раннеутреннее сообщение: в Нагорном Карабахе и «некоторых других районах» объявлено чрезвычайное положение, в Баку проведен чрезвычайный пленум и т.д., и т.п. В чрезвычайном положении, хотя в этом не признаемся, находится вся страна. Вспоминаются газетные шапки первой военной зимы: «Отечество в опасности!» Полагаю, что сейчас опасность не меньше, чем тогда, но – мобилизованности не чувствуется... (как бы в подтверждение записи вклеено несколько коротких заметок с авторской пометкой: «Из газет дня» (16 января 1990 г.).

- В Баку самое настоящее восстание с антисоветскими лозунгами, захватом радио и телевидения, акциями против всех руководящих и т.р. Объявлено чрезвычайное положение, введены войска... Все однако делается на высшем уровне нерешительности. Мешает демократия, под коей подразумевается болтовня, и только. Ох, дойдем до переворотов, а это будет означать крах всего, за что страдали всю жизнь... Думаю об этом непрерывно. Саднит... (20 января 1990 г.).

- В Баку, в Азербайджане вообще не помогают и войска. Идет самая настоящая мусульманская война. Очень злая, беспощадная, коварная. Бегут уже русскоязычные, особенно семьи пограничников и других военных. За пару дней – две с половиной тысячи беженцев, коих вывозят самолетами, сверхспешно. Прекращено движение поездов в Армению через Грузию: разобрали пути. Произошло крушение известного нам пассажирского поезда Ереван – Ростов.... Что готовит день грядущий? Все чрезвычайно плохо (24 января 1990 г.).

- Очень тревожно за Армению, за Карабах. После гибели вертолета с 22 пассажирами может разразиться уже не «кровавый конфликт», но самая настоящая – неостановимая – война. Ситуация не контролируется = ССГ(?) (имеется в виду СНГ – С.Л.) во главе с неизбранным своим президентом беспомощны. Неладно в советском королевстве! (25 ноября 1991 г.)

И как бы в дополнение к последней записи – комментарий Л.Н. Большакова к полученному письму от В.П. Поляничко: «Наверное, впервые он сказал что-то против политики Центра, о его, Центра, вине за кровопролитие в Карабахе». В полученное письмо была вложена статья Виктора Петровича, строки из которой цитирует автор: «Полтора года проработав в Карабахе, я многое увидел и понял. Республиканский Оргкомитет превратили в помойную яму, куда сбрасывали политические нечистоты Лондон, Москва, Ереван, и не только они. Я заклинаю сегодня всех, кто в этом разъяренном мире остался мужчинами, – остановите агрессию в Карабахе!..». По нему, виноваты все, кроме Азербайджана и азербайджанцев. «Аллах все видит и знает! Бог все знает и видит!». Многое тут политическая игра. Ох, заигрываемся – и чем дальше, тем больше! (6 декабря 1991 г.).

И опять комментарий говорит о том, что автор дневника считал политику ЦК КПСС в оценке агрессивных действий Азербайджана ошибочной.

Как видим, записи в дневнике рассказали не только об армяно-азербайджанского конфликта, но и дали возможность ощутить чувства человека, болеющего за страну и с горечью наблюдающего, как происходит ее распад:

- Насколько лучше жилось еще совсем недавно – короткие годы тому назад... Главное – спокойно, дружески, с удовольствием ездил в Грузию и Прибалтику, в Армению и на Украину, в Гагры... и куда хотел, туда и ездил. Сейчас же всюду линии фронта и несть покоя на земле, несть его и в сердце.... Веселая, бодрая музыка по радио кажется противоестественной, как будто пришел траур. Я же всегда был оптимистом... Был... Оптимизма не утратили только полные дураки... (11 января 1990 г.).

- К радио и ТВ прислушиваешься будто в войну. Она и идет, объявлено-необъявленная война почище афганской. Обостряется междуусобица, усиливается разброд и развал. Каждый действует, не считаясь с другим. Слабость центральной власти во главе с Президентом сегодня не вызывает сомнения ни у кого... (9 апреля 1991 г.).

- Опять блокада Армении – и Азербайджаном, и частично Грузией. Гамсахурдия призвал к гражданскому неповиновению – разумеется, центру (для ускорения «полной независимости»). В Киеве возобновил работу ВС, идут шумнейшие митинги с экономическими требованиями. Забастовки, забастовки – несть им конца. Страна горит. Нужно уметь рисковать по-крупному, чтобы в такое время – непредсказуемое время – улететь в Японию (17 апреля 1991 г.).

И как же современно воспринимаются сегодня строки записи, сделанные в теперь уже далеком 1988 г.: В Нагорном Карабахе и «вокруг него», кажется собираются начинать работать. Движение зашло в тупик. Но в тупиковой ситуации и Москва. Выигрыша нет. Перемирие – не мир. Вулкан остается дышащим (24 июля 1988).

Список литературы

1. Большаков Л.Н. Первые: Страницы из жизни одного района. М.: Политиздат, 1985. 158 с.
2. Большаков Л.Н. 74 дня перед бессмертием, или Последняя командировка Ваана Терьяна. Ереван: Айястан, 1990. 127 с.
3. Личный дневник Л.Н. Большакова // Семейный архив Т.Л. Большаковой.
4. Любичанковский С.В., Большакова Т.Л. Леонид Большаков: Автопортрет на фоне эпохи. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. 460 с.
5. Любичанковский С.В. Дневник как исторический источник (на примере дневника Л.Н. Большакова) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 142–152.
6. Любичанковский С.В. Размышления о деятельности М.С. Горбачева на страницах дневника Л.Н. Большакова // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 3. С. 346–354.

Сведения об авторах

Абдрахманова Екатерина Николаевна, аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: eknikol@ya.ru

Ажигулова Альбина Исламовна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознание, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: azhigylova@mail.ru

Байрамов Руслан Сагифович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет; e-mail: rusikbarik@mail.ru

Белова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: lenairis@mail.ru

Бенда Владимир Николаевич, профессор кафедры истории, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Богдашина Ирина Владимировна, аспирант, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; e-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Богомягкова Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: e.bogomyagkova@spbu.ru

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: ida777@yandex.ru

Буюкли Дарья Андреевна, преподаватель, преподаватель-исследователь, выпускница кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; e-mail: darya.buyukli@mail.ru

Веремченко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru

Годовова Анастасия Сергеевна, студентка I курса магистратуры, Национальный исследовательский университет ИТМО; e-mail: godovova@mail.ru

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: godovova@mail.ru

Гуркина Нина Константиновна, доктор исторических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХ и ГС; e-mail: nina-gurkina@yandex.ru

Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: ldash54@mail.ru

Дьякова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Скороды; e-mail: elena_djakova@mail.ru

Егоров Андрей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии, Череповецкий государственный университет; e-mail: anegorov65@mail.ru

Ерохина Ольга Викторовна, доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры истории России, Московский педагогический государственный университет; e-mail: erohina1@mail.ru

Ершов Михаил Федорович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории и этнологии, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок; e-mail: mfershov@mail.ru

Ешпанов Владимир Сарсембаевич, доктор исторических наук, профессор, Казахский университет технологии и бизнеса; e-mail: WS-282@mail.ru

Жукова Анастасия Евгеньевна, младший научный сотрудник, НОЦ Исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: sstasja@ya.ru

Заболотная Лилия Павловна, доктор исторических наук, доцент, Национальный музей истории Молдовы, lilizab61@gmail.com

Зайцева Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: svlanaz@yandex.ru

Зинич Маргарита Стефановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук; e-mail: m-zinich@mail.ru

Калинина Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор, Институт физической культуры, спорта и туризма, Петрозаводский государственный университет; e-mail: Kalinka46@yandex.ru

Карпова Вероника Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: nika7676@mail.ru

Козлов Николай Дмитриевич, профессор кафедры истории России, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: koznik49@yandex.ru

Козлов Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Смоленский государственный университет; e-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

Колокольчикова Римма Станиславовна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных социально-экономических дисциплин, Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники (г. Череповец); e-mail: retinovka@mail.ru

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет; e-mail: vlavikor@yandex.ru

Кривошеева Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; e-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Куренкова Юлия Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: KРbICKA@yandex.ru

Лавренчук Светлана Юрьевна, кандидат психологических наук, независимый исследователь; e-mail: svet.lavrenchuk@yandex.ru

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Ломанов Владислав Андреевич, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: vladislav.lomanov@ya.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: svlubich@yandex.ru

Мартынова Елена Петровна, профессор, доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: ep_martynova@mail.ru

Миничкин Павел Дмитриевич, кандидат культурологии, хранитель фондов, Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941–1945 гг., Республика Мордовия; e-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

Митлина Юлия Витальевна, магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: jmitlina@gmail.com

Мицюк Наталья Александровна, доктор исторических наук, доцент кафедры философии и истории медицины, Смоленский государственный медицинский университет; e-mail: ochlokratia@yandex.ru

Мутиева Оксана Саидовна, доктор исторических наук, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, доцент Дагестанский государственный университет народного хозяйства; e-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru

Пивнева Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии РАН; e-mail: pivnel@mail.ru

Пирогова Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет; e-mail: eppirogova@yandex.ru

Пономарев Евгений Витальевич, учитель истории, гимназия № 524, Санкт-Петербург; e-mail: evgeniy.ponomarev1997@mail.ru

Поправко Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва; e-mail: elena_popravko@mail.ru

Приходько Сергей Александрович, научный сотрудник, Новозыбковский краеведческий музей

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; e-mail: pushkarev@mail.ru

Самарина Любовь Андреевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ravel-poletika@mail.ru

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственных учреждений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России; e-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com

Сидоренкова Кристина Александровна, аспирант кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет; e-mail: miss-chrisie@rambler.ru

Сидненко Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор Центра образовательных технологий, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: sidnenko@list.ru

Сидорова Оксана Викторовна, магистрант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: osidorova2910@mail.ru

Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: s-irina@ya.ru

Сиражудинова Саида Валерьевна, кандидат политических наук, президент Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие»; доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства; e-mail: saida_kant@mail.ru

Сиренко Олег Ростиславович, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: olgerduman@mail.ru

Сорокина Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН; e-mail: 119019@mail.ru

Суворова Мария Сергеевна, магистрант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: maschasuorova@yandex.ru

Тарханова Екатерина Игоревна, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: katya.redkova.1997@mail.ru

Тихонова Анастасия Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, доцент, Смоленский государственный университет; e-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

Трегубова Марина Сергеевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: marina_tregubova@mail.ru

Фот Алёна Гергардовна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Оренбург; e-mail: fotalena@mail.ru

Хисамутдинов Динар Рамилович, магистрант, исторический факультет, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: LexDH@mail.ru

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: s-w-n@mail.ru

Шестова Татьяна Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики управления, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы; e-mail: shestova-t@mail.ru

Щербич Людмила Ивановна, кандидат философских наук, доцент, редактор, Военно-медицинский журнал; директор, Многопрофильный научный просветительско-консультативный центр «Прагматика»; e-mail: LSch-19@yandex.ru

Яковлева Елена Людвиговна, профессор, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова; e-mail: mifoigra@mail.ru

Яхно Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: mrsyakhno@mail.ru

About Authors

Abdrakhmanova Ekaterina Nikolaevna, Postgraduate of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: eknikol@ya.ru

Azhigulova Albina Islamovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: azhigylova@mail.ru

Bayramov Ruslan Sagifovich, Postgraduate of the Department of Constitutional Law, Southwest State University; e-mail: rusikbarik@mail.ru

Belova Elena Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: lenairis@mail.ru

Benda Vladimir Nikolaevich, Professor of the Department of History, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Bogdashina Irina Vladimirovna, Postgraduate, RAS Institute of Ethnology and Anthropology (IEA); e-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Bogomyagkova Elena Sergeevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University; e-mail: e.bogomyagkova@spbu.ru

Brezhneva Svetlana Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Pushkin Leningrad State University; e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: ida777@yandex.ru

Buyukli Daria Andreevna, Lecturer, Teacher-Researcher, Graduate of the Department of Modern Russian History of the Faculty of History, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov; e-mail: darya.buyukli@mail.ru

Veremenko Valentina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru

Godovova Anastasia Sergeevna, 1st year Master's student, National Research University ITMO; e-mail: godovova@mail.ru

Godovova Elena Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: godovova@mail.ru

Gurkina Nina Konstantinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: nina-gurkina@yandex.ru

Dashkevich Lyudmila Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences; e-mail: ldash54@mail.ru

Dyakova Elena Vasil'evna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ukraine History, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University; e-mail: elena_djakova@mail.ru

Egorov Andrey Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University; e-mail: anegorov65@mail.ru

Erokhina Olga Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Moscow State Pedagogical University; e-mail: erohinal@mail.ru

Ershov Mikhail Fedorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Scientific and Research Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development; e-mail: mfershov@mail.ru

Eshpanov Vladimir Sarsembayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakh University of Technology and Business; e-mail: WS-282@mail.ru

Zhukova Anastasia Evgen'evna, Junior Researcher, Research and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: sstasja@ya.ru

Zabolotnaya Lilia Pavlovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, National Museum of History of Moldova, lilizab61@gmail.com

Zaitseva Svetlana Valentinovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: svlanaz@yandex.ru

Zinich Margarita Stefanovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; e-mail: m-zinich@mail.ru

Kalinina Elena Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Petrozavodsk State University; e-mail: Kalinka46@yandex.ru

Karpova Veronika Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: nika7676@mail.ru

Kozlov Nikolay Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: koznik49@yandex.ru

Kozlov Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Smolensk State University; e-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

Kolokolchikova Rimma Stanislavovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian Socio-Economic Disciplines, Order of Zhukov Military University of Radio Electronics (Cherepovets); e-mail: retinovka@mail.ru

Korovin Vladimir Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University; e-mail: vlavikor@yandex.ru

Krivosheeva Julia Aleksandrovna, Senior Lecturer of the Department of Advertising and Public Relations, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov; e-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Kurenkova Yulia Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: KPbICKA@yandex.ru

Lavrenchuk Svetlana Yur'evna, Candidate of Psychological Sciences, independent researcher; e-mail: svet.lavrenchuk@yandex.ru

Levashko Vadim Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Lomanov Vladislav Andreevich, Postgraduate of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: vladislav.lomanov@ya.ru

Lyubichankovsky Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: svlubich@yandex.ru

Martynova Elena Petrovna, Professor, Doctor of Historical Sciences, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University; e-mail: ep_martynova@mail.ru

Minichkin Pavel Dmitrievich, Candidate of Cultural Studies, Funds Keeper, Memorial Museum of Military and Labor Feat of 1941–1945, Republic of Mordovia; e-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

Mitlina Julia Vitalyevna, 2nd year Master Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: jmitlina@gmail.com

Mitsyuk Natalya Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Medicine, Smolensk State Medical University; e-mail: ochlokratia@yandex.ru

Mutieva Oksana Saidovna, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Humanities, Associate Professor, Dagestan State University of National Economy; e-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru

Pivneva Elena Anatol'evna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of the North and Siberia, RAS Institute of Ethnology and Anthropology; e-mail: pivnel@mail.ru

Pirogova Elena Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State Professional Pedagogical University; e-mail: epirogova@yandex.ru

Ponomarev Evgeny Vital'evich, History Teacher, Gymnasium № 524, St. Petersburg; e-mail: evgeniy.ponomarev1997@mail.ru

Popravko Elena Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Military Academy of Material and Technical Support named after General of the Army A.V. Khrulev; e-mail: elena_popravko@mail.ru

Prikhodko Sergey Aleksandrovich, Researcher, Novozybkov Museum of Local Lore; e-mail:

Pushkareva Natalya L'vovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies, RAS Institute of Ethnology and Anthropology; e-mail: pushkarev@mail.ru

Samarina Lubov Andreevna, Postgraduate of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: ravel-poletika@mail.ru

Safronova Alevtina Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Documentation, Archival Science and the History of State Institutions, Ural Federal University named after the first President of Russia; e-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com

Sidorenkova Kristina Aleksandrovna, Postgraduate of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University; e-mail: miss-chrisie@rambler.ru

Sidnenko Tatyana Ivanovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Director of the Center for Educational Technologies, Pushkin Leningrad State University; e-mail: sidnenko@list.ru

Sidorova Oksana Viktorovna, Master student, Pushkin Leningrad State University; e-mail: osidorova2910@mail.ru

Sinova Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, St. Petersburg State Economical University; e-mail: s-irina@ya.ru

Sirazhudinova Saida Valer'evna, Candidate of Political Science, President of the Center for Research on Global Issues of Modernity and Regional Problems "Caucasus. Peace. Development"; Associate Professor, Dagestan State University of National Economy; e-mail: saida_kant@mail.ru

Sirenko Oleg Rostislavovich, Postgraduate, Pushkin Leningrad State University; e-mail: olgerduman@mail.ru

Sorokina Elena Anatol'evna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, RAS Institute of Ethnology and Anthropology; e-mail: 119019@mail.ru

Suvorova Maria Sergeevna, Master student, Pushkin Leningrad State University; e-mail: maschasuvorova@yandex.ru

Tarkhanova Ekaterina Igorevna, Master student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: katya.redkova.1997@mail.ru

Tikhonova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Associate Professor, Smolensk State University; e-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

Tregubova Marina Sergeevna, Postgraduate of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: marina_tregubova@mail.ru

Fot Alyona Gergardovna, Candidate of Historical Sciences, Independent researcher, Orenburg; e-mail: fotalena@mail.ru

Hisamutdinov Dinar Ramilevich, Master student, Faculty of History, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: LexDH@mail.ru

Hisamutdinova Ravilya Rakhimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Methodics of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Shaidurov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: s-w-n@mail.ru

Shestova Tatyana Yur'evna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Management, Perm Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: shestova-t@mail.ru

Shcherbich Lyudmila Ivanovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Editor, Military Medical Journal; Director, Multidisciplinary Scientific Educational and Consulting Center "Pragmatics"; e-mail: LSch-19@yandex.ru

Yakovleva Elena Ludvigovna, Professor, Doctor of Philosophy, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov; e-mail: mifoigra@mail.ru

Yakhno Olga Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: mrsyakhno@mail.ru

Научное издание

**«ВЫЗОВ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ТОМ 2

**Материалы международной научной конференции,
1–3 апреля 2021 г.**

Оригинал-макет Н. П. Никитиной

Подписано в печать 11.03.2021. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1689

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10